ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

И. П. ГАЛИЦКИЙ

ДОРОГУ ОТКРЫВАЛИ САПЕРЫ

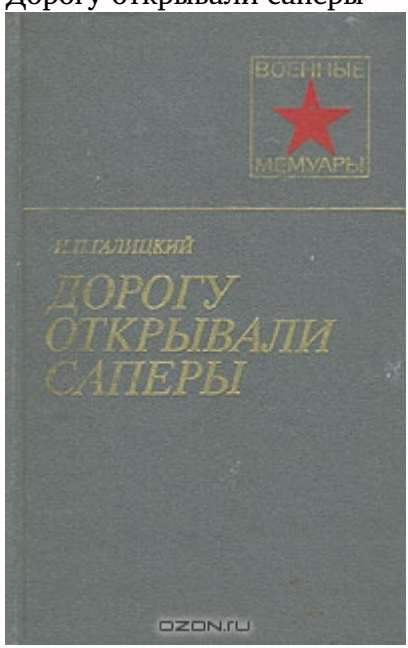
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор воспоминаний, Герой Советского Союза генерал-лейтенант инженерных войск И. П. Галицкий, участвовал в битве под Москвой, в обороне Севастополя. Был заместителем командующего войсками и начальником инженерных войск Западного, позднее 1-го Украинского Фронта успешно осуществившего крупнейшие наступательные операции Великой Отечественной войны. В книге раскрывается многогранная деятельность воинов-саперов, их героические ратные дела, рассказывает о встречах с видными советскими военачальниками Г. К. Жуковым, И. С. Коневым, В. Д. Соколовским, И. Е. Петровым.

•

Галицкий, Иван Павлович
Дорогу открывали саперы



[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

{1} Так помечены ссылки на примечания.

Галицкий И. П. **Дорогу открывали саперы**. — М.: Воениздат, 1983. — 288 с. — (Военные мемуары). Тираж 65 000 экз. / Литературная запись *И. Д. Носкова*.

Аннотация издательства: Автор воспоминаний, Герой

Советского Союза генерал-лейтенант инженерных войск И. П. Галицкий, участвовал в битве под Москвой, в обороне Севастополя. Был заместителем командующего войсками и начальником инженерных войск Западного, позднее 1-го Украинского Фронта успешно осуществившего крупнейшие наступательные операции Великой Отечественной войны. В книге раскрывается многогранная деятельность воинов-саперов, их героические ратные дела, рассказывает о встречах с видными советскими военачальниками Г. К. Жуковым, И. С. Коневым, В. Д. Соколовским, И. Е. Петровым.

Содержание

Тяжелое испытание [3]
На дальних подступах [16]
Не отдали Москвы [31]
Со специальным заданием в Крым [45]
Щит столицы [83]
Оперативная пауза [106]
Смоленские ворота [129]
В междуречье Днестра и Прута [161]
Впереди Висла [181]
Сандомирский плацдарм [210]
От Вислы до Одера [226]
Весна Победы [257]
Примечания

Тяжелое испытание

Придя на службу как обычно, я перевернул листок настольного календаря, на секунду задержал на нем свой взгляд. «21 июня, суббота». Еще одна неделя осталась позади! Как же быстро летело время, за массой дел не замечали, как проходили дни. А дел у нас в Главном военно-инженерном управлении Красной Армии (ГВИУ КА), как, впрочем, и во всех центральных управлениях Наркомата обороны, было невпроворот. Аппарат ГВИУ делал все возможное, чтобы ускорить строительство укрепленных районов на новой западной границе, формировал инженерные части, оснащал их, а также и соединения родов войск инженерной техникой и имуществом, расширял базы производства средств инженерного вооружения, потребность в которых неуклонно возрастала.

Едва успел открыть лежавшую на столе папку, как в дверь постучались, и в кабинет вошли начальники управлений ГВИУ полковник М. А. Нагорный и генерал И. А. Петров. Они принесли на утверждение план обеспечения вновь сформированных инженерных и других частей средствами инженерного вооружения. Детально знакомлюсь с ним. Потребность вновь

формируемых частей и соединений по табелям военного времени удовлетворялась полностью.

— Хуже обстоит дело с противотанковыми и противопехотными минами, — сказал Петров. — Не сумеем доставить их в срок.

Выясняю, в чем причина. Оказалось, что имеющихся запасов этих мин недостаточно. Мы заранее не предусмотрели возросшие потребности войск. Необходимо было в срочном порядке резко увеличить их производство. Но для этого нужны материалы и базы. До сего времени промышленность давала нам металлические корпуса мин. Совершенно неожиданно ГВИУ получило отказ в лимите на листовую сталь.

После обмена мнениями решили корпуса мин делать деревянными. Правда, такие мины хранить долго нельзя. Но в обстановке, приближающейся войны другого выхода [4] не было. Изготовление их проще и дешевле, а главное — быстрее. Производство корпусов и снаряжение мин приблизить к районам дислокации наших войск. Изготовление опытного образца деревянных корпусов и их испытание поручалось нашему Научно-исследовательскому военно-инженерному институту. Начальник института военинженер 1 ранга В. И. Железных, генерал Петров и полковник Нагорный в двухдневный срок должны были подготовить предложения по организации производства противотанковых и противопехотных мин в деревянных корпусах в районе Москвы и в других местностях.

В тот день пришлось решать множество самых разнообразных вопросов. Не заметил даже, как наступил вечер. Однако в управлении еще многие работали. Нерешенных дел было столько, что начальники отделов попеременно с заместителями нередко оставались ночевать здесь. В кабинетах были поставлены койки. На них и спали. Я же решил в тот вечер поехать за город к семье.

В пути мои мысли вернулись к июлю 1940 года, когда приказом Наркома обороны меня назначили заместителем начальника ГВИУ. Ответственность большая. Теперь уже предстояло решать более сложные вопросы, и не в масштабе Московского военного округа, где я возглавлял отдел инженерных войск, а всей Красной Армии. На пост начальника ГВИУ в то время пришел генерал-майор инженерных войск А. Ф. Хренов, отличившийся при прорыве линии Маннергейма, за что и был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Таким образом, и начальник, и его заместитель были на этих должностях новичками, что, естественно, усложняло работу. Требовалось обоим без промедлений освоить порученное большое дело, чтобы умело выполнять его.

Генерал Хренов возложил на меня руководство боевой подготовкой инженерных войск. Когда я детально вник в вопросы их организации, боевой подготовки, передо мной открылась такая картина. Инженерные войска состояли из саперных, понтонных, инженерных и маскировочных батальонов. В стрелковых корпусах и дивизиях имелись саперные батальоны, в полках — саперные роты. В округах и армиях по штату были положены инженерно-саперные и понтонные батальоны. К моменту моего прихода ГВИУ по решению А. Ф. Хренова готовило предложение Генштабу о формировании 18 инженерно-саперных и 16 понтонных полков численностью до тысячи человек каждый. Это было очень важное мероприятие. Оно было необходимо в целях [5] улучшения боевой подготовки и создания базы для развертывания инженерных частей на случай войны.

За короткий срок пребывания на должности начальника ГВИУ Аркадий Федорович Хренов успел осуществить ряд важных мероприятий по организации инженерных войск, строительству укрепленных районов вдоль западных границ. С целью более быстрого развития научной мысли и более широкого применения научных достижений на практике он предложил учредить при начальнике Главного военно-инженерного управления технический совет, в состав которого вошли крупные военно-инженерные руководители-специалисты.

В марте 1941 года начальником ГВИУ был назначен генерал-майор инженерных войск Л. З. Котляр — начальник инженерного отдела Киевского Особого военного округа. Там он большую часть времени занимался строительством УРов. Дел было очень много, и Котляр не мог сразу оставить их. Прошло уже три месяца с момента его назначения, а он все еще не прибыл в Москву. Все заботы ГВИУ легли на мои плечи. Хорошо, что люди в управлении подобрались толковые, старательные, знавшие свое дело. На них положиться можно. Иначе трудно было бы решить уйму всяческих вопросов.

... Остаток вечера 21 июня 1941 года я провел в кругу семьи. На следующий день намеревались пойти на речку, погулять по лесу. Рано утром 22 июня из ГВИУ пришла машина. Шофер вручил мне срочный пакет. Вскрываю и читаю: «Явиться в ГВИУ незамедлительно». Неужели война? Быстро собрался, простился с женой, не сказав ей ничего о причине столь раннего и внезапного вызова. Впрочем, она уже привыкла к моим срочным отъездам.

По почти пустынному шоссе быстро доехал до Москвы.

Сразу позвонил заместителю начальника Генерального штаба генерал-лейтенанту Н. Ф. Ватутину, доложил о прибытии. Он коротко проинформировал о нападении на нашу страну

фашистской Германии и в конце добавил:

— Немедленно приступайте к полному развертыванию работ по мобилизационному плану. Выясните инженерную обстановку на границе, и в частности в зоне строительства УРов. Действуйте без промедления!

— Все ясно, — ответил я.

Приказал дежурному срочно вызвать на службу начальников управлений и отделов по соответствующему списку. Вскоре все были на месте. Полковникам Нагорному и Кевину было поручено срочно связаться с пограничными округами [6] и выяснить, где и что делают инженерные части, занимавшиеся строительством УРов, в каком состоянии их инженерное имущество и техника; дать округам телеграфное распоряжение об отводе в тыл строительных частей и об использовании их на сооружении тыловых оборонительных рубежей фронтов. Получили конкретные задания, предусмотренные планом мобилизации, и другие товарищи.

При очередном докладе полковник Ковин напомнил мне, что военно-строительные части и войска не имеют утвержденной инструкции по укреплению полевых оборонительных рубежей. На основании решения Главного военного совета Красной Армии в декабре 1940 года такая инструкция была разработана Военно-инженерной академией совместно с Военной академией имени М. В. Фрунзе и Артиллерийской академией. Ее затем рассмотрели на нашем техническом совете, одобрили и даже отпечатали в Военно-инженерной академии типографским способом. А вот утвердить и разослать еще не успели. Войска же нуждались в такой инструкции. Она содержала ценнейшую информацию о том, как тактически грамотно возводить оборонительные рубежи, и по целому ряду других вопросов. Посоветовавшись с помощниками, я подписал инструкцию и приказал разослать ее начальникам инженерных войск фронтов. Разрешение Генерального штаба на это имелось.

Мы и не заметили, как пролетел первый день войны. В последующие дни перед ГВИУ вставали все новые и новые задачи. Беспрерывно поступали заявки на инженерное имущество. Требовались техника и все необходимое для обеспечения формируемых войсковых соединений и инженерных частей, строительных организаций.

В первые дни войны, как известно, события на фронте развивались не в нашу пользу. Крупные танковые и моторизованные соединения врага рвались вперед. Красная Армия героически оборонялась, но под натиском превосходящих сил гитлеровцев вынуждена была отходить. Советское

командование делало все, чтобы замедлить темп продвижения фашистов, а затем остановить их — это был главный вопрос.

Наши сухопутные войска стойко обороняли наиболее важные рубежи и объекты, наносили контрудары по врагу. Противник старался танковыми и моторизованными группировками глубоко обойти, охватить советские дивизии, используя более высокую моторизацию и преимущества в подвижности, действуя по шоссейным и улучшенным дорогам, перехватить их пути отхода. Необходимо было лишить [7] врага этих дорог, разрушить их. Сделать это путем массового применения минновзрывных средств. Уже первый опыт применения на фронте минновзрывных заграждений показал их высокую эффективность.

Мы решили для прикрытия московского стратегического направления создать четыре специальных моторизованных отряда заграждения. Подготовили соответствующее предложение в Генеральный штаб, доложили его. В тот же день получили приказ Наркома обороны Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко немедленно использовать в войсках для борьбы с танками в самых широких масштабах минновзрывные заграждения. Полковник Нагорный немедленно приступил к формированию первых четырех моторизованных отрядов, которые по своей подвижности и маневроспособности не уступали бы фашистским танкам и мотопехоте. Только это позволит вести успешную борьбу с ними. По нашим предварительным расчетам, каждый отряд в составе 2–3 саперных батальонов, отправляясь на фронт, должен иметь 6000 противотанковых мин и 25 т взрывчатых веществ. В дальнейшем снабжать их всем необходимым предполагалось автотранспортом. И тут опять ребром встал вопрос: где брать автомашины? В ГВИУ не было ни одного автомобиля. Пришлось обратиться за помощью к главному интенданту Красной Армии генералу А. В. Хрулеву.

Лично я хорошо знал Андрея Васильевича Хрулева. С 1936 по 1938 год, будучи начальником строительного отдела Московского военного округа, подчинялся ему как начальнику Главного военно-строительного управления Красной Армии. По делам службы мне довольно часто приходилось бывать у него, решать различные вопросы. Помнится, был такой случай. В марте 1938 года мы должны были завершить строительство четырех ангаров для самолетов новейшей конструкции, которым предстояло участвовать в первомайском воздушном параде над Красной площадью. А ферм для перекрытия ангаров в установленный по графику срок мы не получили. Их поставляла одна из крупных строительных баз, подчиненная Хрулеву. Вместе с главным инженером отдела Ф. Я. Зайцевым мы отправились к нему.

— Ну, что у вас там произошло? — встретил нас вопросом Андрей Васильевич.

Мы доложили суть дела. Он тут же дал указание в недельный срок поставить фермы Московскому военному округу. И действительно, в установленное время мы получили [8] их. Вот так быстро и оперативно, без всякой проволочки, решал он служебные вопросы.

И на этот раз, теперь уже в условиях начавшейся войны, генерал Хрулев выручил нас, выделив 120 автомобилей с водительским составом. На большее мы и рассчитывать не могли.

Теперь оставалось подобрать начальников формируемых отрядов. На это ушло немного времени. Начальниками отрядов назначались полковники И. Г. Старинов, П. К. Случевский, А. С. Овчинников и военный инженер 2 ранга В. Н. Ястребов. Все они отлично знали свое дело, были инициативными, энергичными, и мы надеялись, что они успешно справятся с возложенными на них задачами.

26 июня меня вместе с начальниками отрядов вызвал к себе Нарком обороны маршал С. К. Тимошенко. Войдя в его кабинет, я быстро окинул взглядом Семена Константиновича. Он выглядел усталым и озабоченным, на лице заметны следы бессонных ночей и большого напряжения. Я представил Наркому обороны каждого начальника отряда, доложил, сколько отрядов мы организуем и чем их обеспечиваем, что еще имеем в наличии.

— Не густо у вас с запасами, — сказал Тимошенко, — не густо. А войскам нужны мины, причем в больших количествах. Поэтому действуйте, не ждите указаний сверху, проявляйте инициативу, нажимайте на промышленность, ищите каналы для увеличения запасов противотанковых мин. — Маршал немного помолчал, потом, обращаясь к начальникам отрядов, продолжал: — Ваша главная задача — помочь нашим войскам во что бы то ни стало сдержать наступление немецких танков. Минируйте и разрушайте дороги и мосты, но согласуйте свои действия со штабами армий. Вас мы наделяем большими полномочиями. Держите связь с ГВИУ и доносите обо всем. Выступить из Москвы послезавтра в 18 часов. Указания о маршрутах, подлежащих разрушению, о дислокации соответствующих штабов армий, действующих на этих направлениях, получите от начальника Оперативного управления Генштаба генерал-майора Маландина. Вы свободны.

Через несколько минут мы уже были у Г. К. Маландина. Стены просторного кабинета были завешены картами с нанесенной на них цветными карандашами обстановкой, посередине стоял широкий и длинный стол, также застланный

картами. В кабинете находилась группа офицеров с тетрадями и карандашами в руках. Они что-то докладывали. Г. К. Маландин сосредоточенно смотрел на карту, делая [9] на ней свои пометки. Он не обратил внимания на наше появление. Улучив момент, я доложил, что мы прибыли от Наркома обороны за получением указаний. Нам нужно знать, по каким маршрутам Западного и Северо-Западного фронтов действовать отрядам заграждения для производства массовых разрушений.

Маландкн пригласил нас к картам и показал направления, на которых наиболее активно действовали танки врага. Это Ржев, Великие Луки; Смоленск, Орша, Минск; Спас-Деменск, Жлобин, Бобруйск; Брянск, Гомель, Мозырь.

Я тут же распределил начальников отрядов по направлениям. На первое назначался военный инженер 2 ранга В. Н. Ястребов, на второе — полковник А. С. Овчинииков, на третье — полковник И. Г. Старинов, на четвертое — полковник П. К. Случевский.

Маландин сообщил каждому начальнику отряда дислокацию штабов армий, с которыми им надо связаться, и предупредил:

— Эти данные являются совершенно секретными.

Все вопросы, связанные с практическими действиями отрядов, были уточнены в ГВИУ. Мы обратили внимание начальников на то, что подготовку к разрушению и минированию шоссе нужно вести сразу на глубину 15–20 км, предварительно разбив его на участки. На головных объектах участков, подготовленных к разрушению, обязательно держать подразделения охраны, что позволит в случае получения приказа быстро привести в действие заграждения. Не опаздывать со взрывом мостов, но и не взрывать преждевременно, так как на противоположном берегу могут остаться наши войска.

Едва начальники отрядов покинули мой кабинет, как позвонил генерал Н. Ф. Ватутин. Он поинтересовался, выступили ли на фронт отряды заграждения, обеспечены ли они в достаточном количестве противотанковыми минами. Я доложил, что отряды всем необходимым обеспечены, а вот с минами для войск дело обстоит неважно. Металлических корпусов нет. Поэтому ГВИУ решило перейти на изготовление деревянных корпусов. Готовимся делать их прямо в Москве, а снаряжать под Москвой. Сейчас главное — заполучить 12–14 московских мебельных фабрик и 2–3 кирпичных завода, на которых организовать снаряжение мин. На этих заводах есть печи, в которых можно плавить взрывчатое вещество и заливать в корпуса мин. Кирпичные заводы находятся за городом на удалении от населенных пунктов, что позволяет работать с ВВ. [10]

— Что для этого требуется? — спросил Ватутин.

— Необходимо решение Моссовета, я бы очень просил помочь нам.

— Ну что ж, подъезжайте ко мне в Генштаб, и мы вместе отправимся в Моссовет.

Через 20 минут мы с генералом Ватутиным уже были у председателя Моссовета В. П. Пронина, изложили ему свою просьбу.

— Сегодня же в 19 часов обсудим этот вопрос на заседании Моссовета. Мебельные фабрики вам предоставим, — сказал Пронин. — Пришлите своего командира для получения решения.

Председатель Моссовета сдержал свое слово. В тот же вечер мы получили нужное нам решение.

Теперь производство противотанковых мин пойдет полным ходом. Тем более что два образца деревянных корпусов институтом уже изготовлены. Внешне это были обыкновенные ящики с крышкой. Мина взрывалась от нажатия гусеницей танка на крышку, которая, прогибаясь, приводила в действие взрыватель. Наши опытные подрывники инженеры Б. А. Эпов и П. Г. Радкевич провели несколько испытаний разработанных образцов. Надо было знать, как будет срабатывать мина, не будет ли отказов.

На следующий день Эпов докладывал нам, что крышка мины не всегда прогибается и давит на взрыватель, который в этом случае не срабатывает. Причина — слишком большая толщина крышки. В таком виде мина непригодна. Стали искать выход из создавшегося положения и нашли. Идея оказалась простой: на обоих концах внутренней стороны крышки сделать поперечные неглубокие пропилы, это несколько снизит прочность крышки, и она безотказно будет выполнять свою функцию. Изготовили такие крышки, испытали вторично. Результат оказался хорошим.

В короткий срок наладили и снаряжение мин на двух кирпичных заводах. Один из них находился на Подольском шоссе, другой — на Минском. Руководили работами командиры Управления инженерного вооружения, заказов и снабжения майоры Александр Георгиевич Веренчиков и Алексей Константинович Семин. Они оказались великолепными организаторами. Через неделю мы начали выпуск противотанковых и противопехотных мин, которые прямо с завода автомобильным транспортом отправлялись на Западный и Брянский фронты.

В целом производство мин значительно расширилось, и [11] во втором полугодии 1941 года было выпущено противопехотных мин 4 841 тыс., противотанковых — 1 250 тыс.{1}.

В первых числах июля в Москву наконец-то прибыл начальник ГВИУ КА генерал-майор Л. З. Котляр. Он так распределил обязанности: на себя взял вопросы инженерного обеспечения оборонительного боя, инженерное вооружение, подготовку офицерских кадров; на меня возложил управление боевой подготовкой, формирование инженерных частей, вопросы инженерных заграждений и производство противотанковых мин.

Тем временем с фронтов продолжали поступать нерадостные сообщения. Под напором фашистских полчищ наши войска отходили, но, отходя, оказывали ожесточенное сопротивление, систематически переходили в яростные контратаки. В ходе контратак были случаи, когда советские танки подрывались на вражеских противотанковых минах. Встал вопрос о ведении тщательной разведки минных полей. Мы твердо верили, что придет время и Красная Армия погонит врага на запад. Тогда потребуются в большом количестве миноискатели, а у нас, кроме щупов, ничего не имелось.

Во время советско-финской войны враг применял противотанковые мины в больших количествах. Тогда в срочном порядке был сконструирован миноискатель, питаемый аккумуляторной батареей. Несколько партий отправили на фронт. Отзыв получили положительный: разведка велась очень быстро и качественно. В 1940 году ГВИУ КА сделало срочный заказ одному из наркоматов на изготовление миноискателей. К началу войны было изготовлено более 100 миноискателей, но из-за перегрузки предприятий наркомата большего сделать не удалось.

Мы решили поехать к руководству наркомата. Так и поступили. Отправились к нему с генералом Петровым, изложили свою просьбу. Нарком сразу понял, что вопрос очень серьезный, что с переходом наших войск в наступление фронту будут нужны миноискатели позарез.

— Вот что, — сказал он. — Я вызываю директоров московских заводов на 19 часов. К этому времени должен прибыть сюда ваш представитель, связанный с производством миноискателей. Мы решим этот вопрос. Миноискатели будут!

И действительно, в тот же день директора нескольких предприятий получили указание — увеличить выпуск миноискателей, [12] которые вскоре сотнями, а затем тысячами стали поступать на базы ГВИУ КА.

Вскоре в ГВИУ КА поступили первые донесения от полковников И. Г. Старинова, П. К. Случевского, А. С. Овчинникова и военного инженера 2 ранга В. Н. Ястребова о действиях отрядов заграждения. Прикрывая отход наших войск,

они интенсивно применяли минновзрывные заграждения на основных танкоопасных направлениях и производили подрыв мостов, дорог и других важных объектов на путях движения танков врага. Более широко стали применяться в войсках мины. Гитлеровцы попадали на минные поля и, встреченные огнем всех имеющихся средств, несли большие потери в живой силе и технике. Они вынуждены были замедлять темпы наступления. Так было при подходе к рубежу рек Западная Двина и Днепр.

Наконец стала поступать информация о наших военных строителях, участвовавших в сооружении УРов. Отдельными группами они выходили из тыла врага к нашим войскам. Здесь их приводили в порядок и пополняли всем необходимым. По решению военных советов фронтов их затем направили на строительство тыловых оборонительных рубежей.

С первых же дней наступления противника развернулось гигантское ожесточенное сражение, известное под названием Смоленского. Войска Западного фронта оказывали врагу в полосе более 600 км шириной и свыше 200 км глубиной упорное сопротивление, переходили в контратаки, наносили контрудары. И все же ценой больших потерь в живой силе и технике гитлеровские войска овладели Смоленском. С падением этого города возросла угроза прорыва к Москве.

Учитывая создавшуюся обстановку, ГКО принял решение значительно усилить оборону на дальних подступах к столице.

18 июля ГВИУ КА получило приказ Ставки Верховного Главнокомандования о строительстве оперативно-стратегических оборонительных рубежей.

Создавалась Ржевско-Вяземская линия обороны — в 250–300 км от Москвы, Можайская линия обороны — в 100–120 км.

Забегая вперед, скажу, что по решению ГКО СССР от 12 октября 1941 года на ближних подступах к столице возводились рубежи Московской зоны обороны.

Общее руководство строительством оборонительных рубежей возлагалось: Ржевско-Вяземского — на начальника инженерных [13] войск Западного фронта генерала М. П. Воробьева и на начальника инженерных войск Брянского фронта полковника А. Я. Калягина; Можайского — на начальника инженерных войск Резервного фронта генерала П. М. Подосека.

Эшелонирование в глубину сооружаемых оборонительных рубежей и полос имело главное назначение — обеспечить надежную оборону Москвы. Сдерживая войска противника на оборонительных рубежах, нанося ему мощные контрудары, советское командование рассчитывало обескровить противника, перемолоть его живую силу, боевую технику и остановить его. В

дальнейшем события на фронте развивались именно так.

Полученный 18 июля ГВИУ КА приказ о строительстве оборонительных рубежей на дальних подступах к Москве был тщательно изучен. 19 июля утром в кабинете генерала Л. З. Котляра (он по совместительству занимал должность начальника Управления оборонительного строительства) состоялось совещание начальников управления и начальников отделов ГВИУ.

После обмена мнениями по вопросам строительства оборонительных рубежей были приняты планы мероприятий, установлен жесткий срок их окончания, назначены начальники управлений военно-полевых строительств (УВПС), намечены передислокация военно-строительных частей, мобилизация местного населения, предусмотрено материально-техническое обеспечение строительства. Были назначены также группы рекогносцировок рубежей, которые выезжали на места в ночь на 20 июля. Решили мы вопрос по укомплектованию строительных частей командным составом. На полковников Молчанова и Ковина возлагалась задача в кратчайшие сроки обеспечить строительство технической документацией. Генералу Петрову и полковнику Марьину поручалось обеспечение строительства инженерным имуществом.

На этом совещание закончилось. Придя к себе в кабинет, я невольно задумался над вопросом, какую роль призваны сыграть оборонительные рубежи в войне, почему на новой и старой границах УРы не выполнили своих функций. Укрепленные районы на новой границе находились в стадии строительства, когда началась война. Мы физически не могли завершить строительство, к которому приступили лишь в начале 1940 года, а планировалось оно не менее чем на два-три года. Нарком обороны и Генштаб неоднократно давали указания округам об ускорении строительства, приведении [14] сооружений в боевую готовность, Там, где не хватало специального вооружения для УРов, временно устанавливались обычные станковые пулеметы и орудия. Когда началась война, образцы героизма к стойкости проявили защитники Рава-Русского и Перемышльского УРов, которые отошли только по приказу командования.

Что касается старых УРов, то они не были ликвидированы и полностью разоружены. Для их использования в качестве рубежа оперативной обороны планировалось привести УРы в боевую готовность на десятый день после начала войны. Однако противник преодолел многие рубежи УРов гораздо раньше, еще до того, как они были приведены в полную боевую готовность — уже 26 июля передовые отряды 2-й и 3-й немецких групп прорвались на подступы к Минску. Так что времени для того,

чтобы заблаговременно занять оборону в УРах, не оказалось. Хорошо известно, что без войск любой подготовленный, самый совершенный оборонительный рубеж не имеет практической ценности. Это не больше чем местность, изрытая окопами, противотанковыми рвами, с разбросанными на большом пространстве оборонительными сооружениями. Лишь с занятием его войсками он превращается в грозную преграду для врага.

Те же УРы на старой границе, которые были заблаговременно заняты нашими войсками, дали сокрушительный отпор фашистам. Так, 5-я армия, оборонявшаяся на правом фланге Юго-Западного фронта, около полутора месяцев сражалась на позициях Коростеньского УРа, сковав до 10 дивизий врага. Киевский УР, непосредственно прикрывавший столицу Украины, 71 день упорно оборонялся. И только окружение четырех армий Юго-Западного фронта вынудило Ставку отдать приказ 19 сентября оставить столицу Украины. Остальные УРы стойко держались в течение 5–6 дней. И только нащупав фланги и незанятые промежутки обороны, фашисты прорывались в глубину. Это вынуждало наше командование отводить гарнизоны в тыл.

Карельский УР был занят нашими войсками еще до начала войны. Забегая вперед, скажем, что он с 1 сентября 1941 года надежно прикрывал Ленинград с северо-запада, а в последующем был использован как исходный плацдарм для перехода в наступление наших войск на выборгском направлении.

Дней через десять после получения приказа Ставки о строительстве оборонительного рубежа генерал Котляр пригласил [15] меня к себе в кабинет и сообщил, что институтом изготовлены опытные железобетонные фортсооружения, сборный пушечный полукапонир и колпак для пулеметов и что этим делом заинтересовался заместитель Наркома обороны генерал армии К. А. Мерецков.

— Я попрошу вас, поезжайте с ним в институт и посмотрите, что там получилось, — сказал Котляр.

В тот же день вместе с К. А. Мерецковым мы отправились в институт. Нас встретил его начальник В. И. Железных. Он сразу повел нас на площадку фортсооружений. Мерецков сначала очень тщательно осмотрел железобетонный колпак с внешней стороны, потом зашел вовнутрь, облокотился на пулеметный стол и прикинул, удобно ли будет целиться и вести огонь из пулемета. Я пояснил ему, что эти железобетонные колпаки можно очень быстро установить в окопах и тем самым в пять — семь раз ускорить сооружение пулеметных гнезд. В начавшейся высокоманевренной войне это очень важно. Я доложил, что

колпаки будут изготовляться централизованно на полевых базах строительства. На позициях остается только отрыть котлованы, установить и замаскировать их.

— Неплохо придумано, — одобрил Кирилл Афанасьевич.

Потом мы осмотрели пушечный полукапонир из железобетонных сборных элементов. Он также понравился ему.

— Обо всем, что я здесь увидел, доложу Наркому обороны. Только побыстрее налаживайте производство. Войскам очень нужны эти средства.

Мы и сами понимали огромное значение сборных фортсооружений. Поэтому генерал-майор Котляр незамедлительно дал указания о широком их применении при строительстве оборонительных рубежей. [16]

На дальних подступах

В середине сентября на московском направлении наступило затишье. Советское командование понимало, что это временное явление, что враг готовится к новому крупному наступлению. Для его успешного отражения совершенствовалась и развивалась организация обороны дальних и ближних подступов к Москве. 10 сентября Ставка направила директиву Западному фронту: перейти к обороне, прочно закопаться в землю. Такие указания содержались в ней. Заканчивался сентябрь, заканчивалось и затишье. Враг был готов к новому броску на столицу.

27 сентября Советское Верховное Главнокомандование вновь потребовало от войск Западного и Брянского фронтов перейти к жесткой и упорной обороне. Ставился вопрос и о подготовке в срочном порядке оборонительных рубежей для отражения нового наступления вражеской группы армий «Центр», которая имела цель овладеть столицей нашей Родины — Москвой.

Тяжелая обстановка создалась на Брянском фронте в результате только что неудачно закончившегося наступления. Его командование еще не успело создать оборонительной группировки. Словом, надо было спешить с выполнением приказа Ставки. «Главной задачей тех дней... — писал в книге «Беспримерный подвиг» Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, — был выигрыш времени для создания непреодолимой линии обороны»{2}.

Да, в той сложной ситуации это было главной задачей. Это время было необходимо для возведения сильных оборонительных рубежей, хорошо оборудованных в инженерном отношении, подтягивания резервов и своевременного занятия этих рубежей нашими войсками. Напрягая все силы, военные строители круглые сутки вели работы по созданию крупных оборонительных рубежей Ржевско-Вяземской и Можайской линий обороны, на

которых необходимо было остановить надвигавшиеся гитлеровские полчища. [17]

30 сентября враг крупными силами перешел в наступление в полосе Брянского фронта, 2 октября двинулся в наступление против Западного и Резервного. Ему удалось прорвать Вяземскую линию обороны, которую еще не закончили строители. Обстановка на этом участке фронта сложилась тяжелая. Но гитлеровские войска, окружившие наши четыре армии — 19-ю, 20-ю Западного, 24-ю и 32-ю Резервного фронтов, — вынуждены были на 8–10 дней задержаться на этом рубеже, вести здесь тяжелые бои. Часть сил нашей окруженной группировки в середине октября прорвалась из окружения и вышла на Можайскую линию обороны. Армии Резервного фронта были включены в состав Западного фронта. Для прикрытия столицы с севера Ставка 17 октября на базе 22, 29, 30 и 31-й армий правого крыла Западного фронта создала Калининский фронт. Этим мероприятием значительно упрочилось положение Западного фронта, опиравшегося на Можайский оборонительный рубеж.

Развивая наступление, гитлеровские войска двинулись к Можайской линии обороны, готовность которой составляла 40 процентов, а противотанковых препятствий — 80 процентов. К тому же из-за нехватки сил она не была полностью занята нашими войсками. Бои разгорелись в 80–100 км от Москвы. В городе и прилегающих к нему районах с 20 октября было введено осадное положение. Для укрепления ближних подступов к Москве, как я уже рассказывал, ГКО 12 октября принял решение о строительстве непосредственно в районе столицы Московской зоны обороны. Она включала полосу обеспечения и два рубежа: основной, проходивший по линии Хлебникове, Сходня, Звенигород, Кубинка, Наро-Фоминск и далее по левому берегу Пахры до ее впадения в Москву-реку, и городской, состоявший из трех полос, опоясывающий окраины столицы. К обороне был подготовлен и сам город, к северу и югу от Москвы оборудовались позиции флангового обеспечения.

В конце октября гитлеровцы ценой больших потерь потеснили Западный фронт с Можайской линии обороны. Войска Калининского и Западного фронтов остановили врага на рубеже Семижарово, Калинин, Волоколамск, Наро-Фоминск, реки Нара и Ока до Алексина, Тулы, Новосиля. Наступила оперативная пауза. Как долго она продлится, мы тогда не знали. Но ясно было то, что октябрьское наступление немецко-фашистских войск провалилось.

Ставка Верховного Главнокомандования всемерно использовала наступившую паузу для укрепления обороны [18]

Москвы. Продолжалось оборудование противотанковых районов и создание опорных пунктов, устанавливались различные инженерные заграждения.

В октябре — ноябре 1941 года ГВИУ интенсивно вело работы по формированию новых саперных и инженерно-саперных батальонов для усиления Западного, Калининского и Брянского фронтов, создавало также штатные саперные батальоны формируемых войсковых соединений. В места формирования направлялись кадры командного состава инженерных войск, инженерное имущество и техника.

Неустанно проводились оборонительные работы по созданию тыловых оперативных и стратегических оборонительных рубежей на московском направлении. Общая глубина оборонительных рубежей достигала здесь 300 км. Был установлен жесткий ежедневный контроль за ходом оборонительного строительства и его материально-техническим обеспечением. Всемерно увеличивался выпуск мин.

Отделы и управления ГВИУ ежедневно составляли справку о ходе укомплектования и снабжения частей и соединений всем положенным, о перевозках железнодорожным транспортом инженерного имущества и инженерных средств. Это позволяло своевременно вскрыть недочеты, ошибки и принять нужные меры.

В первой половине ноября 1941 года я на несколько дней ездил в командировку в Горький, где участились случаи несвоевременной поставки инженерного имущества, изготовляемого местной промышленностью. Это ставило под угрозу обеспечение формируемых на востоке от столицы войсковых соединений. Местные руководители сделали все возможное, чтобы исправить положение, и через пару дней я возвратился обратно. Генерал Котляр проинформировал меня: под Москвой сложилась тяжелая обстановка. 15–16 ноября фашисты возобновили наступление на Москву, стремясь обойти столицу с севера через Клин, Рогачево и с (...)эга через Тулу и Каширу. 3-я и 4-я танковые группы, форсировав реку Ламу, движутся на Клин, Рогачево, Волоколамск, Солнечногорск, Яхрому; 2-я танковая армия генерала Гудериана наступает на Тулу, Каширу. Цель — взять столицу в гигантские клещи. 4-я армия врага начала фронтальное наступление, сковывая главные силы Западного фронта, с последующим уничтожением их западнее Москвы.

В полосе 30-й армии противник во второй половине 16 ноября форсировал Ламу на участке Дорино, Гришино. [19]

17 ноября он вышел на западную окраину Новозавидовского и устремился вдоль Ленинградского шоссе на Клин с северо-

запада. В полосе 16-й армии, обороняющейся южнее 30-й армии, от Клина до Солнечногорска враг продвигался вдоль Волоколамского шоссе на Истру.

Командующий 30-й армией просил Военный совет Западного фронта помочь ему прикрыть фланги объединения со стороны Волжского водохранилища, которое уже было сковано льдом. Генерал Воробьев обратился за содействием в ГВИУ КА. 17 ноября генерал Котляр направил в штаб 30-й армии начальника военно-инженерной кафедры Военной академии имени М. В. Фрунзе полковника Е. В. Леошеню для огранизации устройства заграждений. К этому времени в его подчинение поступил только что прибывший в Ямугу (5 км севернее Клина) отряд мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) войск НКВД под командованием майора М. Н. Шперова. В составе отряда были два мотострелковых батальона, саперная рота и два отдельных саперных взвода. Ему была поставлена задача по устройству заграждений с целью воспретить выход противника на восточный и юго-восточный берега Волжского водохранилища и на левый берег Волги на участке Видогощ, Горки, взорвать лед вдоль берега, мосты на шоссе севернее Безбородово и железнодорожный мост у Селиверстове. Распоряжением ГВИУ КА 18 ноября в Ямугу было доставлено: взрывчатых веществ — 30, 5 т, противотанковых мин (ЯМ-5) — 10 тыс. штук и противопехотных мин (ПМД-6) — 6 тыс. штук. Одновременно с выполнением первой задачи отряд Шперова начал минирование Ленинградского шоссе на участке Завидово, Ямуга.

Далее генерал Котляр сообщил, что по решению Ставки Верховного Главнокомандования от 17 ноября начальник ГВИУ КА должен создать три оперативно-инженерные группы (ОИГ) для устройства на пути наступающего врага сильных инженерных заграждений, чтобы задержать его продвижение. Заграждения должны быть поставлены на ближних северо-западных и западных подступах к Москве. Начальником ОИГ-2 назначили меня, а начальником ОИГ-3 — генерал-майора инженерных войск В. Ф. Зотова. Группы непосредственно подчинялись генералу Котляру, а в оперативном отношении ОИГ-2 — начальнику инженерных войск Западного фронта. Вторая группа должна была действовать на правом крыле Западного фронта, а третья — на стыке Западного и Юго-Западного фронтов. В состав ОИГ-2 входило шесть инженерных и саперных батальонов, [20] две саперные роты и два мотострелковых батальона, а в состав ОИГ-3 входило девять саперных батальонов. ОИГ-2 была поставлена задача создать противотанковые и противопехотные заграждения в полосе южный берег Волжского водохранилища, Ленинградское

шоссе, Завидово, Клин, Солнечногорск, Черная Грязь. Основными направлениями действия группы являлись Теряева Слобода, Клин, Рогачево, Дмитров и Истра, Солнечногорск, Яхрома. Группе генерала В. Ф. Зотова отводилось направление Тула, Кашира, Воскресенск, Ряжск, Рязань. ОИГ-1 была предназначена для Северо-Западного направления, но ее так и не создали.

— Вот, собственно, все, что я хотел вам сообщить, — заключил Котляр.

— Леонтий Захарович, можно ли оставить полковника Леошеню моим заместителем? Ведь он уже в курсе всех этих дел.

— Я не возражаю. Так будет лучше.

После разговора с генералом Котляром я побеседовал с начальниками отделов управления, которые проинформировали о событиях, происшедших за последнее время, ознакомили со строительством оборонительных рубежей Московской зоны обороны, непосредственно прикрывающих Москву. Городской рубеж включал три позиции: по окружной железной дороге, Садовому и Бульварному кольцу. В зоне Москвы строительство оборонительных рубежей началось 15 и 16 октября. Оборудование городского оборонительного рубежа велось со 2 октября. Городской рубеж был разбит на пять секторов. Их оборона возложена на военные академии, дислоцированные в столице. Работы выполнялись местным населением под руководством военно-полевых строительств и преподавательского состава Военной академии имени М. В. Фрунзе и Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева. Координировали оборонительные работы по секторам штабы секторов, а работы секторов — комендант города генерал-майор В. А. Ревякин.

Узнал я хорошую новость. Решением ГКО началось формирование десяти саперных армий. Армия состоит из 3–5 инженерно-саперных бригад, по 19 батальонов в каждой. Численность бригады до 10 тыс, человек, а саперной армии — до 50 тыс. Комплектуются армии военнообязанными запаса из числа негодных к строевой службе по состоянию здоровья, преимущественно имеющих строительную специальность. В задачу саперных армий входит заблаговременное строительство государственных оборонительных рубежей в глубине страны и оборудование стратегических [21] плацдармов, устройство массовых заграждений, строительство дорог, мостов и т. п.

Полным ходом шло формирование новых стрелковых дивизий, артиллерийских и танковых частей, для которых комплектовались штатные саперные части и подразделения. В связи с этим возникли некоторые затруднения с обеспечением инженерным имуществом и техникой. Но на помощь уже пришли

предприятия Московской, Калининской, Горьковской областей. Дело поправлялось.

Утром в ГВИУ я узнал, что наши моторизованные отряды заграждения прекратили свое существование, так как Западный фронт перебросил саперные батальоны на устройство минновзрывных заграждений перед фронтом обороны войск. Бывшие командиры трех этих отрядов полковники Старинов, Случевский, Овчинников находились в управлении. Мне очень захотелось встретиться с ними и побеседовать. Было известно, например, что отряд полковника А. С. Овчинникова только с 2 по 8 июля взорвал 51 мост на шоссе, а 15 железнодорожных мостов подготовил к взрыву. Естественно, им было о чем рассказать. Я разыскал полковника Овчинникова и попросил его поделиться впечатлениями о действиях отряда заграждения. Для меня это было полезным и необходимым, поскольку я сам должен был возглавить подобный отряд, только побольше.

Овчинников нарисовал яркую, но не очень отрадную картину. Отряду пришлось действовать в тяжелых условиях. Обстановка сложная, запутанная. Войска отходили. Дислокация штабов дивизий, корпусов часто менялась. Техническая связь в основном отсутствовала. Она поддерживалась, как правило, через офицеров связи. Нередко приходилось действовать на свой страх и риск. Самым трудным вопросом был взрыв мостов. Преждевременно взорвешь его — на противоположном берегу могут остаться свои войска. Не взорвешь мост — может получиться еще хуже, Фашисты воспользуются им после переправы, будут преследовать наши отходившие войска. Как быть? Ведь мост должен быть взорван, но при непременном условии: когда по нему пройдет последний наш танк, пушка или пехотинец. А кто может подтвердить, что они прошли? Очевидно, общевойсковой командир, наделенный высшим командованием правом приказать взорвать мост. А у него других хлопот хоть отбавляй. В суматохе может и забыть. Вот тут и поступай как хочешь.

— Как же вы находили выход из этого сложного положения? — спросил я. [22]

— В основном находили, — ответил Овчинников.

Он рассказал, что обычно они поступали так: посылали инженерную разведку в передовые части. Командир разведгруппы связывался с командиром батальона или полка, и саперы вместе с подразделениями отходили к мосту. Командиры подразделений пропускали весь личный состав и технику и давали согласие на взрыв моста.

Очень часто взрывали мосты с появлением немецких танков. Для этой цели оставляли обычно 2–3 красноармейцев во главе с

сержантом. На больших мостах численность команды достигала до 12 человек, и возглавлялась она командирами взвода или роты. Как правило, взрыв производился под огнем врага. Представьте себе положение саперов: по ту сторону — фашистские танки и мотопехота, а с этой стороны — они, горстка людей. Какими надо обладать нервами, волей, чтобы выдержать до нужного момента!

Овчинников рассказал о таком эпизоде. Сержант Киселев имел задачу взорвать мост под Витебском через реку, впадающую в Двину. Были они вдвоем с красноармейцем Павловым, не знали, что делается впереди, что сзади, где наши, где противник. Слышат лишь отдаленную артиллерийскую стрельбу. Высоко в небе кружат фашистские самолеты. Связи ни с кем нет. Саперы отрыли себе окопчик, чтобы было где укрыться от огня противника. Днем им хоть видно, что там, за мостом, делается. А ночью совсем плохо. Если подойдут к мосту, не разберешь, кто — враг или свой. Всю ночь глаз не сомкнули — до сна ли тут? Сидят, напряженно всматриваются в ту сторону. Проходят автомобили, мелкие подразделения.

Наконец наступило утро, на душе стало полегче. Вдруг неподалеку стали рваться одиночные снаряды. Киселев и Павлов укрылись в окопчике. Сидят, наблюдают за мостом. Рука на подрывной машинке. Треск автоматов и пулеметов все усиливается и приближается. Отходят подразделения пехоты, идут раненые. Киселев выскочил к дороге, видит — лейтенант. Он к нему: «Скажите, кто из наших там еще остался?» «Не знаю, сержант, но кто-то еще есть, — говорит он. — Слышишь, ведут бой».

Вскоре через мост пронеслась наша артиллерия. За ней прошли на большой скорости несколько груженых автомобилей. Вдали появились танки. Чьи? Трудно различить. Вокруг роем жужжат пули врага, густо ложатся снаряды. Что делать? Нервы у саперов напряжены до предела. Киселев понял: приказа ждать не от кого, только сам он может [23] решить, когда нужно взорвать мост. Пробежала рота пехотинцев, а за ней буквально по пятам шли фашистские танки. Ну, решает Киселев, пора действовать. Павлов подключил провод к подрывной машинке. Сержант быстро крутнул ручку, раздался взрыв. Мост вместе с двумя фашистскими танками рухнул в воду. Саперы благополучно ушли к своим. Такое случалось нередко.

Овчинников из своей практики сделал вывод, что минновзрывные заграждения — высоко эффективное боевое инженерное средство в борьбе с вражескими танками. Для нас, инженерных и войсковых начальников, это явилось в некоторой

степени неожиданностью. Потому что мы перед войной не до конца продумали вопрос тесного оперативного и тактического взаимодействия инженерных частей с основными родами войск: (пехотой, артиллерией и танками) по применению минновзрывных заграждений. Теперь этот недостаток надо было устранять.

Забегая несколько вперед, замечу, что в последующем мы добились крупных успехов в применении минновзрывных заграждений. Они стали составным элементом боевых действий войск при проведении любого боя и операции, как и инженерное обеспечение в целом.

В тот же день я прочитал в управлении сводку о действиях саперов на других фронтах. На Западном фронте, например, эффективно действовали саперы 16-й армии. В боях за Истру 145-й саперный батальон под прикрытием противотанковой артиллерии установил 8 минных полей, на которых подорвались 19 танков, бронетранспортеров и автомобилей противника. Там же 461-й саперный батальон установил 5600 противотанковых и 2900 противопехотных мин, на которых подорвались 21 танк, 8 автомобилей и 2 тягача. В полосе обороны 316-й стрелковой дивизии генерал-майора И. В. Панфилова, оборонявшейся в районе Спас-Рюховской, что в 12 км южнее Волоколамска, 579-й отдельный саперный батальон и рота 42-го отдельного моторизованного инженерного батальона помогли 289-му противотанковому артиллерийскому полку успешно отразить массированную атаку врага. Они устанавливали минные поля на направлениях движения фашистских танков. В результате четких совместных действий артиллеристы и саперы уничтожили 59 танков противника.

Отличились саперы и на реке Истре. В полосе отхода они заминировали берега, взорвали все мосты и водоспуск Истринского водохранилища. Хлынувший мощный поток [24] образовал зону водных заграждений, которая преградила путь гитлеровским танкам и пехоте.

Наступила пора отъезда на фронт. Генерал Котляр вручил мне и В. Ф. Зотову карты Генерального штаба с нанесением зон заграждений в полосе действий каждой группы и приказал к 20 часам ежедневно присылать ему боевые донесения. Уточнив кое-какие вопросы, мы вышли из его кабинета.

На улицах города было уже темно. Москва погрузилась во мрак. Светомаскировка соблюдалась жестко. Морозило.

— Давай по Ленинградскому шоссе в Клин, — приказал я своему водителю красноармейцу Пивоварову, сев в автомобиль.

Машина пробиралась по улицам Москвы. В городе нас

дважды останавливали, проверяли документы. Дальше до Солнечногорска задержек не было. Ехали спокойно. Я задумался над тем, что же на первых порах предстоит сделать на месте. Предпочтение, естественно, надо отдавать минновзрывным заграждениям, как наиболее эффективным и быстро устанавливаемым. Элемент времени играет сейчас решающую роль. Конечно, я отчетливо сознавал всю важность назначения оперативно-инженерной группы, полноту ответственности за правильное и эффективное ее использование. Но дело не только во мне самом, а больше в тех, кто будет ставить эти заграждения — красноармейцы, сержанты и командиры. А в достаточной ли степени владеют они техникой устройства и тактического их применения на местности? Вот в чем вопрос. Ведь все инженерные части сформированы из запасников с небольшим количеством кадрового состава. Если запасники и имели какие-то знания и навыки, то и те, наверное, растеряли. А правильно установить мину, фугас не так-то просто. Тут требуется высокое мастерство. В минновзрывных делах ошибка сапера — это смерть или очень тяжелое увечье. Недаром общеизвестна пословица: «Сапер ошибается раз в жизни». И все же в практике ошибки эти хотя и редко, но бывают. Поэтому надо в каждом саперном батальоне выявить хороших подрывников и, опираясь на них, в перерывах или в ходе выполнения боевых задач учить личный состав подрывному делу.

В Клин приехали поздно ночью. У коменданта города я узнал, что полковник Е. В. Леошеня находится на восточной окраине города на шоссе, ведущем в Рогачево. Поехали туда, отыскали Евгения Варфоломеевича. Он работал, [25] сидел за столом над развернутой картой с цветным карандашом в руках. Мы тепло поздоровались. Я сообщил ему, что он назначен моим заместителем и начальником штаба оперативно-инженерной группы № 2 по устройству оперативных инженерных заграждений согласно приказу Ставки Верховного Главнокомандования.

— У вас есть какая-нибудь рабочая группа командиров, ну что-то вроде такого небольшого штаба? — спросил я.

— Как же не быть. Без штаба просто невозможно вести такую работу: распоряжения, донесения, обобщение данных, материальное обеспечение и многое другое. Одному не управиться. И времени никакого не хватит, — ответил Леошеня, Он назвал работников своего штаба. Его помощниками были подполковник Е. П. Анисимов, старший техник-лаборант И. К, Калабин. Был чертежник, писарь и один посыльный. От каждого отряда заграждения имелись связные.

Леошеня ввел меня в курс дела, показал на карте линию

фронта. Она проходила по рубежу Волжское водохранилище, Ново-Завидовский, Третьяково, Петровское, Щекино, Истра. 30-я армия оборонялась на фронте Завидово, Масюгино, 16-я армия — Макеевка, Щекино, искл. Истра. Он сообщил, что в состав оперативной инженерной группы № 2 вошло два мотострелковых батальона ОМСБОН войск НКВД и шесть отдельных батальонов, 122-й легкий инженерный, 127, 214, 244, 268, 382-й саперные батальоны и две отдельные саперные роты. Кроме того, фронт дал на усиление ОИГ спецвзвод техники особой важности под командованием лейтенанта С. Н. Батурина и отдельный отряд управляемых минновзрывных заграждений под командованием военного инженера 1 ранга Я. М. Рабиновича. Оперативная инженерная группа состояла из трех отрядов заграждения. Отряд № 1 подполковника И. Д. Мельникова имел 122-й легкий инженерный батальон, 214-й саперный батальон и роту понтонеров. Задача отряда — подготовить к разрушению дороги вдоль шоссе Клин — Рогачево — Дмитров. Отряд заграждения № 2 (командир майор М. Н. Шперов), действуя в составе отряда особого назначения войск НКВД, готовит к разрушению Ленинградское шоссе на участке Ямуга, Клин, Солнечногорск, Черная Грязь и дорогу Каменка — Икша. Отряду заграждения № 3 (командир майор П. Н. Вакуловский) в составе 244-го саперного батальона и саперной роты отряда особого назначения НКВД поставлена задача заминировать и подготовить к разрушению шоссе Рогачево — Федоровна — Каменка и Федоровка — Яхрома. Батурин работает по особому плану, а Рабинович устанавливает управляемые [26] минновзрывные заграждения у деревни Ямуга на Ленинградском шоссе и по реке Сестре, прикрывая имеющиеся переходы через эту реку и ближайшие населенные пункты. Каждый отряд действует в назначенной ему полосе. На шлюзе канала Москва — Волга находится отдельная группа подрывников во главе с майором Шамшуровым. Ей поставлена задача взорвать шлюз, если противник захватит Яхрому.

Я внимательно следил по карте. Поразмыслив, вывод сделал такой: данный участок местности благоприятствовал устройству минновзрывных заграждений, которые в сложившейся ситуации являлись единственным активным инженерным средством борьбы с танками противника. Здесь имелось много лесных массивов, особенно в центральной и южной полосе местности, различные мелкие препятствия, овраги, река Сестра, протекающая параллельно Ленинградскому шоссе, а в 12 км еще какая-то речушка, впадающая в Сестру. Неподалеку от канала Москва — Волга, западнее и параллельно ему, протекает река Яхрома, также впадающая в Сестру. В совокупности эти реки, имея крутые

берега, представляют собой комплекс естественных противотанковых препятствий. Потребуется лишь заминировать отдельные места, доступные для танков. Нужно, однако, добиться, чтобы препятствия оборонялись нашими частями, о чем придется просить командующих 16-й и 30-й армиями генералов К. К. Рокоссовского и Д. Д. Лелюшенко. С тыла зона заграждений опирается на сильную водную преграду — канал Москва — Волга, которую враг не должен переступить. На канале есть два металлических моста — у Дмитрова и Яхромы. В случае продвижения противника восточнее Ленинградского шоссе их, естественно, необходимо подготовить к взрыву.

Интересуюсь, что успели сделать наши отряды. Оказалось, что они лишь накануне приступили к выполнению своих задач. Правда, отряд Шперова начал действовать несколько раньше. Как только фашисты развернули наступление, он взорвал Ленинградское шоссе от Завидова до Ямуги и мост через Волжское водохранилище у Селиверстово. Теперь этот отряд ведет минирование и подготовку к разрушению Ленинградского шоссе на участке Ямуга, Клин, Солнечногорск.

Подготовка шоссе к сплошному разрушению производилась установкой через каждые 200 м мощных парных фугасов, а на насыпях гораздо чаще — через 30–50 м. Минировались обходы мостов, тактически выгодные высотки и населенные [27] пункты, расположенные на шоссе или поблизости. Они могли быть использованы как опорные пункты пехотой и артиллерией. При непосредственной угрозе выхода противника на объекты минирования шоссе и мосты немедленно разрушались. На Ленинградском шоссе подрывались одновременно все участки, а на других дорогах, идущих на восток, взрывы осуществлялись по методу переката в глубину. Заграждения других видов не применялись, за исключением минирования завалов.

Леошеня доложил мне, что только что прибыли вновь сформированные батальоны. Это, безусловно, отрадно. Но беда в том, что часть из них не имела зимнего обмундирования, вооружения, очень мало было транспортных средств. Знание саперами взрывного дела и минирования тоже слабое. Практически они еще не действовали. Он предложил эти батальоны поставить подальше, в глубине зоны минирования. Приведение в боевое состояние фугасов и мин поручить специально отобранным саперам, сержантам и среднему командному составу.

Я согласился с этим предложением. Тут же поручил полковнику Леошене дать указание начальникам отрядов о подготовке минеров. Карту заграждений в полосе 30-й и 16-й

армий, начиная от переднего края и до канала Москва — Волга, договорились составить вместе, тем более что такую карту Леошеня с Анисимовым уже составляли. Осталось немного доделать ее.

Обсудив все вопросы, мы решили поехать в отряды, ознакомиться на месте с делами. Технических средств связи в штабе не было. Управление отрядами осуществлялось через связных и непосредственно выездом в них. Хорошо, что у нас имелись две легковые машины. Поэтому завели такой порядок: по утрам Леошеня будет выезжать в одну группу, я — в другую. А вечером собираемся в штабе для обмена информацией и для выработки боевых распоряжений.

Стало светать. Наскоро позавтракав, выехали в отряды. Я — к подполковнику Мельникову, Леошеня — к майору Шперову. Оба они действовали на главных направлениях.

На Клинском шоссе было оживленно. В ту и другую стороны двигались автомобили и конный транспорт. Все же мы без особого труда добрались до деревни Зубово. Разыскали домик подполковника Мельникова, но его там не оказалось. Уехал в части. Находившийся здесь сержант предложил проводить к месту работ. Мы тут же отправились дальше. Буквально через километр встретили первых саперов. Они отрывали на шоссе шурфы для установки фугасов. [28]

Возле одной из групп остановились посмотреть, как ведется подготовка моста к взрыву. Одни вязали заряды, другие подносили, а третьи ловко крепили их к прогонам, насадкам и сваям. Тут же два сапера протягивали провода от зарядов к минной станция, расположенной в 100 м от моста в укрытии. Для дублирования взрыва укладывался бикфордов (огнепроводный) шнур, на случай если электросеть откажет. Делалось все быстро и организованно.

Мы поехали дальше на розыски подполковника Мельникова. Вскоре шоссе пошло по высокой насыпи. Около роты саперов отрывали на обочинах шурфы для фугасов на сближенных расстояниях и тут же заряжали их. Мы остановились. Я вышел из автомобиля и увидел невдалеке подполковника Мельникова. Он поспешил навстречу. С Мельниковым мы встречались уже не раз в ГВИУ, в отделе боевой подготовки, где он работал. Это очень хороший специалист, скромный, вдумчивый и инициативный офицер. Он четко доложил, чем занимается его отряд. Два саперных батальона минируют шоссе от Клина до Рогачева. Особенно хорошо работает головной батальон, уже обстрелянный и имеющий боевой опыт.

Я посоветовал Мельникову создать в каждой роте группу

подрывников из сержантов и подготовленных красноармейцев под руководством командиров. Это очень важно. Они будут выполнять последнюю операцию по приведению мин и фугасов в боевое положение. В эту группу для обучения включить расторопных и грамотных саперов, прибывших из запаса. Таким образом можно увеличить число квалифицированных минеров.

Возвратившись в Покровское, где размещался наш штаб, я застал там Леошеню. Он успел побывать в отряде Шперова. Мы обменялись впечатлениями. Пока все задания выполнялись нормально.

После обеда мы сели за составление карты и плана заграждений. Работа шла «по конвейеру». Мы с Леошеней делали набросок пунктов и участков заграждений, выражая, так сказать, тактический замысел, а окончательно доводили карту и план заграждений подполковник Е. П. Анисимов и техник-лаборант И. К. Калабин. Трудились упорно, даже не выходя из-за стола. Карту составили в двух экземплярах: на каждую армию по одной. Работу закончили далеко за полночь. Но уже рано утром разъехались: я — к генералу Рокоссовскому, Леошеня — к генералу Лелюшенко.

Командный пункт 16-й армии размещался недалеко от Истринского водохранилища, в совхозе севернее Щекино. [29]

Туда я и направился. День обещал быть хорошим. Небо ясное, безоблачное. Мы ехали по открытой местности, лишь изредка попадались населенные пункты да небольшие рощицы. Было как-то пустынно: в этой полосе мало бойких дорог, идущих к фронту. Машины нам почти не попадались. На западе слышались очень отдаленные звуки артиллерийской канонады, которая то ослабевала, то усиливалась, а то и совсем наступала тишина.

Вот и командный пункт 16-й армии. Традиционный шлагбаум преградил нам путь. Я предъявил часовому документы, и он пропустил нас. Мы въехали на территорию КП. Перед нами раскинулась просторная площадь, окруженная строениями. Слева увидели большую горизонтальную маску, а под ней легковые машины. Туда мы и поставили свою машину. Я отыскал начальника инженерных войск армии полковника Ф. М. Савелова, ознакомил его с картой заграждений, которые устраивали отряды в полосе обороны 16-й армии от переднего края до канала включительно.

В свою очередь Федор Михайлович рассказал мне главным образом о том, как они применяют минновзрывные заграждения в борьбе с танками противника. Пока инженерным частям еще никак не удается достичь четкого взаимодействия с пехотой, танками и артиллерией. Уж очень часто меняется обстановка,

нередко и забывают про саперов. Но они делают все добросовестно, действуют смело и самоотверженно.

Так, 18 ноября отличились в бою одиннадцать саперов из 1077-го стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии, которой командовал генерал И. В. Панфилов. Батальон пехоты противника с двадцатью танками прорвался к деревне Строково, что в 7, 5 км северо-восточнее Волоколамска. Там находился штаб полка, В распоряжении командира в этот момент был всего взвод саперов, которому он и поставил задачу занять оборону на окраине деревни, окопаться и не пропустить фашистские танки. Взвод под командованием младшего лейтенанта П. И. Фирстова и политрука саперной роты А. М. Павлова занял удобную позицию и стойко встретил танки врага. Когда они подошли на близкое расстояние, воины забросали их бутылками с горючей смесью, гранатами и уничтожили несколько машин. Пехоту расстреливали из автоматов. Противник был задержан на короткое время, но и этого штабу полка хватило для того, чтобы отойти в другой район. В этой схватке восемь саперов пали смертью храбрых, а младший лейтенант П. И. Фирстов и два солдата [30] получили тяжелые ранения. Они остались на поле боя и попали в руки фашистов, которые зверски замучили их. Впоследствии все одиннадцать героев-саперов посмертно были награждены орденом Ленина. Это П. П. Гениевский, Е. А. Довжук, А. Н. Зубков, П. Г. Колюжный, В. И. Матюшин, Д. К. Матеркин, А. М. Павлов, В. И. Семенов, П. И. Синеговский, Г. В. Ульченко и П. И. Фирстов. На том месте, где герои совершили свой подвиг, установлен памятник.

После короткой беседы мы с полковником Савеловым пошли к командующему 16-й армией генералу К. К. Рокоссовскому. Я доложил о цели своего приезда и, разложив на столе карту, проинформировал его о плане устройства инженерных заграждений в полосе 16-й армии. Константин Константинович очень внимательно рассмотрел ее, а потом спросил, как мы поступим с дорогами, идущими в тыл, и когда они будут разрушаться?

Я показал на карте, какие дороги разрушаются и минируются уже сейчас, а какие остаются для обеспечения движения, но и они минируются. Разрушать их будут в случае отхода частей. Чтобы взорвать в нужный момент мосты и исключить преждевременное их разрушение, я попросил командарма на головных участках минируемых дорог иметь постоянных представителей от штабов частей, действующих на этих направлениях. Они бы в критическую минуту и отдали приказ на разрушение дорог и мостов. Пункты этих встреч мы согласуем с полковником

Савеловым.

— Хорошо, — просто сказал Рокоссовский. — А вы, товарищ Савелов, уже знакомы с картой заграждений?

Получив утвердительный ответ, командующий подписал ее.

День клонился к вечеру. Константин Константинович пригласил меня к себе на обед. Я был голоден и охотно согласился. Стол был накрыт по-фронтовому. И обед прошел быстро, по-военному. Рассиживаться у нас не было времени, да и обстановка не позволяла. На фронте 16-й армии шли тяжелые бои. Каждого ждали неотложные дела. Мы распрощались, и я отправился обратно в Покровское. [31]

Не отдали Москвы

В свой штаб я вернулся через час. Полковник Леошеня уже ждал меня. Он подписал карту у генерала Лелюшенко без каких-либо изменений. Теперь оставалось главное — претворить наш план в жизнь. Выписки из плана и карты заграждений мы в тот же день разослали начальникам отрядов.

21 ноября фашисты захватили станции Завидово и Решетниково. К этому времени отряд подполковника Мельникова подготовил к разрушению и минировал шоссе от Рогачево до Клина. На следующий день я выехал в Клин, а оттуда — в Ямугу, чтобы посмотреть, насколько сильно разрушен участок Ленинградского шоссе севернее этого населенного пункта. Работу выполнял отряд Шперова.

День был ясный, солнечный, на фронте наступило какое-то зловещее затишье. Но тишина эта, как я и думал, была обманчива. В Ямуге в штабе 17-й кавдивизии я узнал, что гитлеровцы наступают от Новозавидовского и находятся уже недалеко, километрах в 6–7. Значит, медлить нельзя. Не терпелось увидеть, все ли сделали саперы и добротно ли. Поехали на северо-запад от Ямуги. Машина быстро катила по ровной дороге. И вдруг нашему взору предстала картина мощного разрушения Ленинградского шоссе. Машина остановилась, мы прошли вперед. От взрывов фугасов образовались огромные воронки, вокруг громоздились большие глыбы асфальта и бетона. Теперь здесь вряд ли пройдут танки врага. Хорошо поработали саперы.

Постояв у воронок, не спеша пошли к машине. Не прошли и полпути, как слева из лесу, раздались автоматные очереди. Стрельба с каждой секундой усиливалась. А вскоре показались цепи вражеской пехоты: гитлеровцы наступали на Ямугу. Бегом бросились к автомобилю, мигом уселись, я крикнул шоферу: «Жми!» Он рванул с места, и мы на большой скорости помчались назад. Кругом нас начали рваться мины, но машина каким-то

чудом увертывалась от разрывов, которые, казалось, вот-вот накроют нас. Вскоре разрывы остались позади. По врагу открыли ответный огонь наши батареи. [32]

— Ну, вроде бы пронесло. Давай поворачивай в Покровское.

Мне хотелось поскорее приехать к себе в штаб, чтобы лучше оценить обстановку и своевременно отдать приказ на взрыв Ленинградского и Рогачевского шоссе. Примерно через час мы уже были в Покровском, где меня ожидало донесение Шперова. Он докладывал, что его отряд, действуя на участке Ямуга, Клин, начал взрывать шоссе. Это явилось полной неожиданностью для наступающего противника. Гитлеровцы несколько замедлили продвижение, свернули с шоссе. Лишь к вечеру им удалось овладеть Ямугой. Отряд взорвал шоссе от Ямуги до Клина. Теперь он готовится к разрушению Ленинградского шоссе от Клина до Солнечногорска.

Вскоре поступили донесения из других отрядов. Они также действовали активно, согласно намеченному плану.

Вошел подполковник Анисимов, доложил, что в Покровское пришла на мое имя телеграмма из штаба Западного фронта за подписью генерала В. Д. Соколовского. Это был приказ прибыть на КП с докладом командующему войсками о действиях ОИГ-2. Быстро собрался в дорогу. Полковнику Леошене напомнил, что необходимо строго следить за обстановкой на фронте, чтобы не упустить момента для взрыва Ленинградского и Рогачевского шоссе.

Вдруг в комнату, запыхавшись, вбежал офицер связи от генерала Рокоссовского и вручил мне срочный пакет. Я вскрыл его. Рокоссовский предлагал немедленно взорвать Ленинградское шоссе на участке Клин, Солнечногорск. Леошеня без промедления написал боевое распоряжение. Мы вместе подписали его и тут же со связным на мотоцикле отправили к Шперову.

Поскольку судьба Клина была предрешена, пришлось передислоцировать наш штаб в Дмитров. Мы считали, что наступил момент подготовки к взрыву мостов через канал Москва — Волга в Яхроме и Дмитрове. Поэтому послали боевое распоряжение подполковнику Мельникову, чтобы он немедленно отправил туда по одному взводу с необходимым количеством взрывчатых веществ. Готовность к взрыву мостов — 8 часов 24 ноября. Взрыв по особому приказу.

В штаб Западного фронта можно было ехать только через Москву. Рано утром, забрав с собой карту заграждений и необходимый справочный материал, я отправился туда. По пути заглянул в ГВИУ, доложил генералу Котляру о боевых делах ОИГ-2, обо всем, что мы успели сделать за пять дней. [33]

— Все это очень правильно, — одобрил Котляр. — Очевидно, надо быть готовыми к развитию заграждений вдоль канала и в ближайшей глубине.

— Мы это имеем в виду. Но время, по-моему, еще не пришло. Видимо, при встрече генерал Жуков даст на этот счет какие-то указания.

— А у нас, Иван Павлович, большая новость: получен приказ Ставки о проведении крупной реорганизации инженерных войск Красной Армии, которая, я думаю, значительно повысит их боевое значение и роль в армии.

Начальник ГВИУ подробно изложил содержание приказа. Отныне устанавливались основные принципы применения инженерных войск. Воспрещалось использование их не по назначению, а этим, кстати, на фронте сильно грешили. Обычно о саперах вспоминали тогда, когда надо было сдержать атаки танков врага. Они геройски выполняли эту задачу. Надо сказать, что интенсивное применение минновзрывных заграждений в борьбе с танками противника весьма подняло авторитет и боевую значимость инженерных войск. Согласно новому приказу, намного были расширены права начальников инженерных войск армий, фронтов. Они стали заместителями командующих. Должность теперь стала называться так: заместитель командующего — начальник инженерных войск армии, фронта. Командующие обязаны были привлекать их к разработке планов операций.

Значение приказа было исключительно велико. Он позволял правильно и в полной мере использовать инженерные войска в бою, своевременно осуществлять инженерное обеспечение в тесном взаимодействии с основными родами войск, что, безусловно, положительно скажется на эффективности проводимых операций. Теперь, естественно, улучшится деловой контакт инженерных начальников с войсковыми командирами. А это также очень важно для дела. Во фронтах и армиях создавались штабы инженерных войск, в последующем сыгравшие большую роль в организации, подготовке и управлении при проведении инженерного обеспечения боя и операции.

На основании приказа реорганизовывалось и наше Главное военно-инженерное управление. Вместо начальника ГВИУ вводилась должность начальника инженерных войск Советской Армии и должность его заместителя по политической части. Начальником назначался генерал Л. З. Котляр, а его заместителем по политчасти генерал А. А. Спассков. При начальнике инженерных войск создавалось управление начальника инженерных войск Красной Армии, в состав которого

[34] входил штаб инженерных войск. Начальником штаба назначался автор этих строк.

— Приятные новости! — воскликнул я. — Но, очевидно, пока ОИГ до конца не выполнит своей задачи, поставленной Ставкой, я не смогу приступить к исполнению новой должности.

— К сожалению, так, — сказал Котляр. — Хотя вы мне здесь очень нужны. Работы много. Но надо считаться с создавшейся ситуацией. Ваши обязанности временно будет исполнять полковник Захар Иосифович Колесников.

Время пролетело незаметно, мне уже пора было ехать в штаб Западного фронта. Уточнив, где он находится, простился с генералом Котляром и тронулся в путь.

Ехали по Можайскому шоссе, по живописным местам Подмосковья. К вечеру я был у начальника инженерных войск Западного фронта М. П. Воробьева. Михаила Петровича знал с 1930 года. Познакомились мы на академических курсах технического совершенствования в Военно-технической академий имени Ф. Э. Дзержинского. Это очень образованный и эрудированный военный инженер, как говорится, с божьей искоркой. Внешне — ничего особенного: среднего роста, сутуловат, скуластое лицо с рыжими бровями. Тогда он был адъюнктом, а затем преподавателем и начальником фортификационного факультета. Занимался вопросами тактического применения инженерных заграждений. Им вскоре была издана хорошая книжка на эту тему{3}. Позже Воробьев был начальником Ленинградского военно-инженерного училища имени А. А. Жданова. С июля 1940 года — генерал-инспектор инженерных войск РККА. С июля 1941 года — начальник инженерных войск Западного фронта. В декабре 1941 года его назначили командовать 1-й саперной армией по совместительству. По службе мы с Михаилом Петровичем неоднократно встречались. Одно время он был моим начальником. Так что представляться друг другу не требовалось. Мы сразу перешли к делу. Я кратко доложил ему карту инженерных заграждений, согласованную с К. К. Рокоссовским и Д. Д. Лелюшенко, сказал, что нами уже сделано, в частности о подготовке к взрыву мостов через канал Москва — Волга в городах Дмитров и Яхрома.

Михаил Петрович позвонил начальнику штаба генерал-лейтенанту Соколовскому. Доложил о моем приезде. Тот тут же пригласил нас к себе. [35]

Всегда серьезный; немного замкнутый, Соколовский встретил нас на этот раз с улыбкой. Я знал его с апреля 1938 года по февраль 1941 года, когда Василий Данилович был начальником

штаба Московского военного округа. Мне, как начальнику отдела инженерных войск, часто приходилось иметь с ним дело. Василий Данилович, придя в штаб МВО, сразу же оживил и улучшил его работу по всем направлениям, и особенно по полевой выучке войск и по командирской и штабной подготовке командного состава.

Все мы, ближайшие помощники Соколовского, дивились его трудолюбию, настойчивости в достижении поставленной цели. В ходе войны Василий Данилович показал себя талантливым военачальником.

— Ну, что вы там натворили на Ленинградском шоссе? — спросил Соколовский, протягивая руку. — Вы же порвали мне все линии связи. Сегодня нужно было связаться с Рокоссовским и Лелюшенко, но не сумел, только к утру дали связь. Вот уж я вас ругал.

— Василий Данилович, разрушение Ленинградского шоссе было согласовано с Рокоссовским. Взрыв сделан по его приказанию, когда противник вышел на шоссе. А что линию связи порвали, то это закономерно. Как говорится, лес рубят — щепки летят. Столбы-то стоят тут же, на шоссе. Да и оставлять врагу связь тоже нельзя. Он без промедлений воспользуется ею.

— Ладно, все это уже позади, а времени у меня в обрез, чтобы дискутировать по этому поводу. Сейчас позвоню командующему, узнаю, когда он примет вас.

Соколовский снял телефонную трубку и переговорил с Жуковым. Тот сказал, что примет меня завтра, 24 ноября, в 7 часов утра.

Возвратясь от генерала Соколовского, мы с Воробьевым продолжили нашу беседу. Обсудили ряд вопросов, в частности о дальнейших действиях нашей ОИГ. Воробьев предложил направить главные усилия на разрушение дорог и минирование зоны между Ленинградским шоссе и каналом. Кроме того, поставить заграждения перед каналом, чтобы остановить вражескую пехоту. Не допустить ее на правый берег. А танки по льду не пройдут.

Михаил Петрович сообщил мне о том, что он дал указание начинжу 16-й армии полковнику Савелову о подготовке искусственного наводнения в зоне канала. Осуществить его намечалось следующим образом. Канал Москва — Волга на участке Дмитров, Яхрома идет параллельно речке Яхроме, чуть южнее города Яхромы он пересекает ее. Из канала [36] возможен водоспуск в Яхрому. Если фашисты приблизятся вплотную к каналу, саперы спустят эту воду. Она зальет пространство перед его западным берегом и образует серьезное водное препятствие.

Внезапное искусственное наводнение может привести врага в замешательство и расстроит его планы наступления. Воробьев предупредил меня, чтобы наша группа имела в виду это обстоятельство при устройстве заграждений.

Рано утром следующего дня меня принял командующий Западным фронтом генерал армии Г. К. Жуков. Он был очень сосредоточен, даже суров. Мне показалось, что он сейчас начнет отчитывать меня за порыв линии связи, как это сделал Соколовский, но только гораздо строже. Однако вместо этого командующий приказал коротко доложить о действиях ОИГ-2.

Я развернул и положил на стол карту и по ней доложил о границах установленных зон заграждений, о размещении отрядов заграждения в этой зоне, когда ОИГ приступила к выполнению поставленной задачи и что на сегодня нами сделано. В частности, взорвано Ленинградское шоссе от Клина до Солнечногорска.

— Вы вашими взрывами наделали переполох. В частях испугались, подумали, что враг зашел к ним в тыл.

— Товарищ командующий, мы, к сожалению, еще не научились бесшумно производить взрывы. Но плох тот красноармеец и командир, который пугается взрывов, хотя бы и за его спиной.

Командующий чуть заметно улыбнулся.

— Правильно говорите. У хорошего бойца везде фронт. А разрушения-то основательно делаете? — поинтересовался Георгий Константинович.

Я ответил, что взрываем все мосты и трубы, а само полотно — через каждые 100–200 м. Образуются глубокие и широкие воронки да еще нагромождения огромных кусков асфальтобетона, наподобие мощных торосов, которые для танков непреодолимы. К тому же все возможные обходы разрушенных мостов, насыпей и некоторых воронок мы минируем.

Продолжая рассматривать карту заграждений, генерал Жуков вдруг указал на перекресток дорог неподалеку от Теряевой Слободы.

— Тут вы мины ставили? — спросил он. На карте действительно было обозначено цветным карандашом противотанковое минное поле.

— Так точно, ставили, — подтвердил я. [37]

— Ну вот, тут-то как раз и прошли фашистские танки. Вот и цена вашим заграждениям. — Командующий нахмурился, густые брови сошлись у переносицы.

— Такой случай мог быть, товарищ командующий, если минное поле не прикрывалось противотанковыми пушками или пехотой с противотанковыми средствами. Противник мог без

всякой помехи проделать проходы.

Разъяснение мое, видимо, удовлетворило генерала. Он стал спокойно говорить, что нам надо сделать в первую очередь. Главное — усилить минирование восточнее Ленинградского шоссе, на дмитровском и яхромском направлениях, чтобы не пропустить фашистов через канал. Жуков обвел красным карандашом этот район.

Я доложил, что нами уже минированы мосты через канал в Дмитрове и Яхроме. Три саперных батальона высвобождаются, и они будут перемещены на канал с задачей минирования восточного берега как рубежа обороны и ближайшей его глубины.

— Действуйте энергично и смело, инженерными заграждениями помогайте Рокоссовскому и Лелюшенко остановить врага, — сказал командующий, закапчивая разговор.

На обратном пути в Дмитров я снова побывал у начальника инженерных войск генерала Л. З. Котляра. Информировал его о результатах поездки к генералу армии Г. К. Жукову, полученных от него указаниях. Леонтий Захарович сообщил мне, что в районе Дмитров, Яхрома, Загорск началось сосредоточение 1-й ударной армии, со штабом которой он приказал установить связь. Эта армия находилась в распоряжении Ставки.

Словом, генерал Котляр порадовал меня очередной новостью. Целая свежая армия на небольшом участке — это же сила! Такая новость вдохновляла. Не задерживаясь, тронулись в путь. К исходу дня приехали в Дмитров. Полковника Леошеню застал в штабе. Он только что возвратился с фронта от Мельникова, побывал и у Шперова. Я информировал его о полученных указаниях от Жукова и Воробьева, сразу же дал ему задание подготовить распоряжения Мельникову и Шперову для выполнения задач, поставленных командующим Западным фронтом. Освобождающиеся батальоны в отрядах приказал перебросить в район Дмитрова и Яхромы и поставить на канал для устройства минновзрывных заграждений. Все действия согласовать с командованием 30-й, 16-й, а также и 1-й ударной армий.

В свою очередь Леошеня проинформировал меня о проделанных в мое отсутствие работах. Полным ходом шла [38] подготовка к разрушению шоссе и дорог в зонах, примыкающих непосредственно к западному берегу канала Москва — Волга. Головные участки дорог от Ленинградского шоссе саперы разрушают по мере отхода наших частей, помогая тем самым сдерживать наступление врага. Фашисты несут тяжелые потери и в среднем продвигаются на 1–2 км в сутки. Так что противник уже не наступал стремительно, а полз по-черепашьи. Это огромный

успех!

Мы поехали с Евгением Варфоломеевичем в штаб 1-й ударной армии, который только что обосновался в Дмитрове в здании райисполкома. В кабинете командующего генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова находились начальник штаба генерал-майор Н. Д. Захватаев и член Военного совета бригадный комиссар Д. Е. Колесников. Мы представились. После короткой беседы я проинформировал командование армии об оперативно-инженерной обстановке на их участке и попросил прикрыть надежными средствами дмитровский и яхромский мосты через канал, чтобы исключить внезапный захват их противником.

— Сегодня, 27 ноября, заканчивает сосредоточение головная 29-я стрелковая бригада. Она силами двух батальонов займет оборону предмостной позиции и по каналу Москва — Волга на участке Дмитров, Яхрома, таким образом, прикроет мосты. Третий батальон расположится во втором эшелоне, в районе Дмитрова. К утру завтра прибудет 50-я стрелковая бригада, которая сосредоточится в районе Яхромы, — сказал генерал Кузнецов. — Так что сделаем все возможное.

Мы уехали ободренные, на душе стало легче, но поздно вечером подполковник Е. П. Анисимов, побывавший в оперативном отделе штаба 1-й ударной армии для получения оперативной сводки, узнал, что в направлении на Яхрому наступает фашистская пехота с танками. Я немедленно приказал полковнику Леошене поехать вместе с Калабиным в Яхрому к коменданту моста, чтобы выяснить обстановку и проверить готовность команды подрывников к взрыву моста. Перед рассветом Евгений Варфоломеевич вернулся обратно. В комнату не вошел, а вбежал, встревоженный, побледневший.

— Что случилось? — спросил я.

— В Яхроме мост захвачен фашистами. Они с танками переправились на восточный берег.

В первую минуту я лишился дара речи. Так был ошеломлен этим известием. Потом, придя в себя, крикнул: [39]

— Ну что же мы стоим! Надо немедленно проверить дмитровский мост, чтобы там подобного не случилось.

Леошеня выбежал из кабинета, и через минуту подполковник Анисимов выехал к дмитровскому мосту. Он вскоре вернулся и доложил, что там все в порядке: команда бдительно охраняет мост, комендант имеет прямую телефонную связь с командиром первого батальона 29-й стрелковой бригады, которая заняла предмостную позицию в 1,5–2 км западнее моста.

Позже нам стало известно, как развивались события в ночь на 28 ноября. До батальона пехоты противника с 15–20 танками

нанесли удар по левому флангу подразделения 29-й стрелковой бригады, оборонявшего Яхрому. Не обстрелянное еще подразделение дрогнуло и откатилось за канал. Гитлеровцы уничтожили подрывную команду, захватили мост, переправились на восточный берег канала и овладели небольшим плацдармом у деревни Перемилово. Командир 29-й стрелковой бригады спешно выдвинул третий батальон, находившийся во втором эшелоне. Он занял оборону и остановил наступление врага.

И все же создалась критическая обстановка. Противник уже на восточном берегу канала Москва — Волга. Нависла реальная угроза захвата Дмитрова ударом с юга и запада. Это позволило бы фашистам накопить на восточном берегу канала необходимые силы и развить затем наступление на Москву, охватывая ее с северо-востока и востока. Надо было, не теряя времени, отбросить гитлеровцев за канал.

Атака частей 29-й стрелковой бригады у Яхромы днем 28 ноября не удалась. Значит, мы не гарантированы от удара гитлеровцев на Дмитров и захвата ими моста.

Обменявшись по этому вопросу мнениями с полковником Леошеней, мы пришли к единодушному мнению — мост у Дмитрова необходимо взорвать немедленно. Это упрочит наше положение на дмитровском направлении и развяжет руки для решительных действий под Яхромой.

Немедля отправились к командующему 1-й ударной армией генералу В. И. Кузнецову. У него в кабинете было много командиров и генералов: велись приготовления к наступлению на Яхрому. Я поинтересовался планами на 29 ноября, с тем чтобы предпринять соответствующие меры по устройству заграждений.

— Мне только что звонил Михайлов (псевдоним И. В. Сталина) и приказал в кратчайший срок отбросить гитлеровцев за канал, а мост через канал у Яхромы взорвать. [40] Ваша задача — обеспечить этот взрыв, — сказал Кузнецов.

— Задачу выполним, Василий Иванович. Но сейчас нас волнует другой вопрос, который возник в связи с захватом гитлеровцами яхромского моста и активизацией их действий на дмитровском направлении. Не пора ли взорвать мост через канал у Дмитрова?

Присутствующий здесь же командующий 30-й армией генерал-лейтенант Д. Д. Лелюшенко сразу же возразил:

— А как же потом мы будем наступать без этого моста?

— Мы пока не наступаем, а обороняемся, — ответил я. — Когда же потребуется, саперы быстро построят мосты.

— Вполне согласен с Галицким, — сказал Кузнецов, — Тем более что у этого моста создалась опасность обхода первого

батальона с флангов.

Я предложил взорвать мост 28 ноября в 23 часа, предварительно отведя на восточный берег 1-й стрелковый батальон. Для предотвращения внезапного захвата моста мы просили генерала Лелюшенко дать нам для его прикрытия два танка КВ. Их поставят с двух сторон, чтобы они прикрыли мост не только огнем своих пушек, но и своей массой, как баррикада.

— Как вы на это смотрите? — обратился Кузнецов к Лелюшенко.

— Через два часа поставлю два танка по обе стороны моста, — ответил он.

— Когда планируете атаку перемиловского плацдарма? — поинтересовался я у Кузнецова.

— 29 ноября в 6 часов утра, — ответил он.

— Ясно. К этому времени я подтяну к третьему батальону команду подрывников со всем необходимым для взрыва моста.

Так был решен важный вопрос о взрыве дмитровского моста, который в назначенное время был осуществлен.

Приехав в штаб ОИГ, находившийся на пристани Дмитрова, я приказал полковнику Леошене немедленно отдать боевое распоряжение начальнику отряда заграждения Мельникову подготовить две команды подрывников (по 15 человек каждая) с необходимым количеством тола и принадлежностей для взрыва яхромского моста. Вторая команда выделялась в качестве дублера. Саперам сосредоточиться к 5 часам утра 29 ноября у кирпичного завода, что восточнее Перемилово.

В назначенный час перед рассветом 29-я и 50-я стрелковые бригады контратаковали противника, Их передовые подразделения [41] под покровом темноты без выстрела выдвинулись к Перемилово на 150–200 м и внезапным ударом овладели этим населенным пунктом. Наши артиллеристы и минометчики тут же открыли сильный огонь, поддерживая действия бригад. Противник начал беспорядочно отходить, оставив на поле боя большую часть своих танков. Гитлеровцы были отброшены на западный берег канала.

За ходом боя я наблюдал с НП командира 3-го стрелкового батальона, который располагался на высоте у кирпичного завода. Отсюда хорошо просматривалась местность: канал и вся Яхрома были видны как на ладони. В городе горели фабрика и еще какие-то дома. Вскоре ко мне подошел начальник инженерных войск 1-й ударной армии полковник М. М. Позин. Его только что назначили на эту должность. Он доложил, что прибыл с одной подрывной командой. У кирпичного завода были сосредоточены еще две наши команды, которые я передал в распоряжение Позина.

Через несколько минут мост через канал был захвачен. Позин немедленно двинул туда одну команду для его подрыва, а вторую (в качестве резерва) расположил за высокой насыпью шоссе, примерно в полукилометре от моста.

Первую команду подрывников возглавил старшина П. Мосин. Каждый сапер нес за плечами вещевой мешок, до отказа набитый взрывчатым веществом. Саперы горели желанием отлично выполнить поставленную им боевую задачу. Укрываясь от огня противника в складках местности и за насыпью, идущей к мосту, они решительно двинулись вперед. Открытый 500-метровый участок преодолели ползком, по-пластунски, затем короткими

перебежками достигли моста и скрылись за высоким бетонным устоем. Мы с полковником Позиным внимательно наблюдали за ними. Через четверть часа послышался первый взрыв. Но мост еще стоял. Вскоре последовал второй взрыв, затем третий, а мост по-прежнему оставался целым. Мы не на шутку заволновались, не понимая, в чем дело. Прочность моста, как выяснилось несколько позже, объяснялась просто: отдельные его узлы взрывались огневым способом последовательно. Наконец раздался четвертый взрыв, и мост рухнул в канал, а противоположный конец его высоко поднялся вверх. Фашисты открыли бешеный огонь, однако саперы, прикрываясь высокой насыпью, благополучно отошли в ближайшее укрытие, за изгиб шоссе. Задача была выполнена. Да еще как! Днем, на глазах у врага, под сильным огнем подрывники взорвали мост! [42]

В это время наша инженерная разведка донесла: из канала пущена вода в реку Яхрому. Вскоре мы и сами увидели, как она начала разливаться, образуя сильное естественное препятствие. Путь гитлеровцам на восток теперь был надежно прегражден этим «наводнением» и каналом Москва — Волга, который надежно оборонялся войсками 1-й ударной, 30-й и 16-й армий.

Однако на этом нельзя было успокоиться. Следовало и дальше развивать на восточном берегу канала Москва — Волга систему инженерных заграждений. Мы обсудили этот вопрос в штабе, наметили рубежи минирования с учетом особенностей обороны 30-й и 16-й армий вдоль канала и составили схему устройства заграждений. Отряды без промедления приступили к постановке на указанных им участках минновзрывных заграждений, которые были согласованы с командирами обороняющихся частей. Работы шли успешно, и через три дня передний край по каналу Москва — Волга был прикрыт противотанковыми минными полями, а на льду поставлены противопехотные мины.

6 декабря 1941 года войска Западного и Юго-Западного фронтов перешли в контрнаступление (Калининский фронт начал наступать 5 декабря).

Дни были радостными, но жаркими для всех, в том числе и для саперов. Начальник инженерных войск Западного фронта генерал М. П. Воробьев приказал направить отряды ОИГ на разграждение немецких и наших минных полей. Мы прикинули с Евгением Варфоломеевичем, как лучше это сделать. Перед нами стояли две задачи, которые следовало решать как одну. Первая — преодоление минных полей врага в боевых порядках наступающих частей. Вторая — снятие минных полей, установленных нами самими, чтобы обезопасить собственные

тылы.

Мы решили поступить так: послать наши отряды за наступающими армиями в тех же полосах, в которых они устанавливали заграждения. Это облегчало им выполнение поставленной задачи. Проделывать проходы на участке наступления должны были саперы дивизий, а наши головные подразделения ОИГ распределили по основным направлениям как резерв. Большую часть батальонов ОИГ решили поставить на снятие своих минновзрывных заграждений. Этот план мы твердо проводили в жизнь.

Наступление успешно продолжалось. Уже в первые дни войска Калининского, Западного и Юго-Западного фронтов нанесли врагу ряд сильных ударов, вынудив его оставить [43] несколько крупных населенных пунктов. Советские воины стремительно продвигались на запад.

Нам очень хотелось посмотреть, как сработали наши заграждения, чтобы учесть положительное и отрицательное в этом важном вопросе и сделать вывод на будущее. Мы с Леошеней совершили объезд освобожденных районов. С радостью увидели, что минновзрывные заграждения сработали неплохо: то тут, то там стояли вражеские танки с развороченной броней, опрокинутые в воронки, на дорогах торчали подорванные машины и бронетранспортеры.

Закончив объезд, мы вернулись в штаб, который размещался теперь в Костино, что в 10 км юго-восточнее Дмитрова. Сюда уже поступило распоряжение генерала Котляра: ОИГ-2 расформировать, батальоны передать в подчинение начальника инженерных войск Западного фронта, а нам с Леошеней вернуться к исполнению своих штатных обязанностей. Прежде чем отправиться в Москву, нами было подготовлено донесение генералу Котляру о результатах действий ОИГ-2. Картина получилась неплохая: разрушено 183 км шоссе и дорог, взорвано и сожжено 310 мостов, протяженностью 4800 м, взорвано 640 фугасов, установлено 52 600 противотанковых мин, израсходовано 102 т взрывчатых веществ, на заграждениях уничтожено 43 вражеских танка, 408 автомобилей и бронетранспортеров{4}. И сделано все это было за двенадцать дней. Большой труд! Но к этим итогам необходимо еще добавить: выигрыш оперативного времени для сосредоточения стратегических резервов путем резкого снижения темпов наступления врага до 1–2 км в сутки. Конечно, основная заслуга тут пехоты, танков, артиллерии, но и роль инженерных заграждений немалая.

Да, саперы на полях Подмосковья поработали на славу.

Оценивая значение применения инженерных заграждений под Москвой, командующий войсками Западного фронта генерал армии Г. К. Жуков в своем донесении Председателю Государственного Комитета Обороны 8 декабря 1941 года писал: «Применение противотанковых мин дает большой эффект. Если за ноябрь месяц с. г., по неполным данным, было подорвано на минах 29 танков и 1 бронемашина, то в период с 1 по 4. 12. 41 г. только в двух армиях, 5-й и 33-й, подорвалось 17 танков и 2 бронемашины. Это объясняется прежде всего тем, что в последних боях значительно улучшилось [44] взаимодействие с саперными частями на поле боя. Подразделения саперов-истребителей с противотанковыми минами выдвигались на направление движения танков и устанавливали быстро мины, иногда в непосредственной близости от танков противника. В бою у деревни Акулово заградительным огнем артиллерии танки были загнаны на минные поля, где и понесли большие потери. Приняты меры к распространению этого опыта взаимодействия во всех армиях фронта»{5}.

У деревни Акулово минные поля были установлены воинами 2-й понтонной роты 62-го отдельного понтонного батальона под командованием лейтенанта Ивана Матвеевича Жижеля. За этот подвиг командир Иван Матвеевич Жижель был награжден орденом Красной Звезды, который я и вручил ему.

Высоко оценил действия саперов начальник инженерных войск Западного фронта генерал М. П. Воробьев. 5 декабря 1941 года он доносил начальнику инженерных войск Красной Армии: «Заграждение и минирование, проведенные инженерными войсками, в значительной мере содействовали изматыванию и уничтожению живой силы и материальной части противника на подступах к Москве».

Уезжая в Москву, я тепло распрощался с коллективом нашего небольшого штаба — Анисимовым, Калабиным и другими товарищами, поблагодарил их за огромную помощь в руководстве действиями оперативной группы инженерного заграждения, за четко организованную работу. Вместе с полковником Леошеней мы отправились в Москву: я — в ГВИУ, а он — в штаб Московской зоны обороны на должность заместителя начальника инженерных войск зоны. [45]

Со специальным заданием в Крым

Вернувшись в Москву, я сразу же приступил к исполнению новых обязанностей — начальника штаба инженерных войск Красной Армии. За время пребывания на фронте дел по самым разным вопросам накопилось очень много. Мой заместитель — начальник управления военно-инженерной подготовки полковник

И. З. Колесников, буквально утопал в бумагах: формирование инженерных частей, саперных армий, обеспечение инженерным имуществом формируемых стрелковых, танковых, артиллерийских соединений и частей...

Колесников доложил ряд документов и справку Генеральному штабу о проделанной инженерными войсками работе в битве под Москвой. Отпустив его, я стал внимательно читать справку.

Ставка поставила перед инженерными войсками ответственнейшие задачи: массированным применением минно-взрывных и других инженерных заграждений, возведением серии оборонительных сооружений, эшелонированных в оперативную глубину, они должны были помочь другим родам войск сдержать врага, замедлить темпы наступления и остановить его.

В ходе оборонительных боев на дальних и ближних подступах к Москве Ставка непрерывно наращивала силы, выдвигая из глубины все новые и новые соединения. Постепенно росли силы и инженерных войск. Уже к Смоленскому сражению их стало значительно больше. И если до этого армия усиливалась не более чем 1–2 саперными батальонами, то в Смоленской операции ей придавались 2–3 батальона. В битве под Москвой на Западном фронте действовал 41 процент всех инженерных войск, имевшихся на советско-германском фронте. Усиление армии достигало 7–8 саперных батальонов.

С 17 июля директивой Военного совета Западного фронта в каждой стрелковой дивизии начали создаваться отряды заграждения, которые, действуя в боевых порядках войск, успешно вели борьбу с танками врага.

На последнем этапе битвы под Москвой решением Ставки, как говорилось выше, использовались ОИГ-2, 3 для [46] борьбы с танковыми группами врага. Между оперативно-инженерными группами действовало 10 отрядов заграждения (по 50 человек каждый). Командовал ими заместитель начальника инженерных войск Московской зоны обороны (МЗО) полковник А. С. Овчинников. Перед отрядами стояла задача — разрушение всех дорог, ведущих к Москве.

В целом на Западном фронте по устройству заграждений действовало свыше 50 саперных батальонов.

По приблизительным подсчетам, отрядами заграждения было разрушено 1775 км шоссейных дорог и мостов на них. Железных дорог — 1425 км. Они израсходовали около полумиллиона противотанковых и противопехотных мин и тысячи тонн взрывчатых веществ.

Саперные части тесно взаимодействовали с пехотой, артиллерией и танками, проявляя высокое мастерство, мужество,

храбрость. Они помогали нашим войскам сдерживать бешеный натиск фашистов, день ото дня все более замедлять темпы их наступления.

Огромную работу выполнили инженерные войска и строители, воины Резервного фронта по сооружению трех линий — трехполосной обороны: Ржевско-Вяземской, Можайской и Московской, раскинувшихся по фронту на 400–500 км и на сотни километров в глубину, В этих работах участвовало до 500 тыс. местного населения. По внешнему поясу Московской зоны обороны был создан рубеж электризуемых заграждений общим протяжением 150 км на рубеже Хлебникове, Нахабино, Красная Пахра, Подольск, Домодедово. Работы осуществлялись под руководствам группы специалистов Военно-инженерной академии во главе с военными инженерами В. И. Железных и М. Ф. Иоффе. Под руководством специалистов ВИА генерал-майора инженерных войск И. П. Кусакина, военных инженеров В. И. Дворяшина и А. И. Севко и других с августа велись работы по созданию водных заграждений. Было сооружено 13 плотин в верхнем течении Днепра, на реках Волга, Протва, Гжать, Угра.

Для прикрытия Москвы с фронта и флангов сооружался почти сплошной лесной завал шириной 50–500 м и общим протяжением 1500 км. Пояс проходил через Ярославскую, Ивановскую, Московскую и Рязанскую области. На оборонительных рубежах было отрыто до 600 км противотанковых рвов и эскарпов. Установлено 24 135 металлических противотанковых ежей, сооружено 1000 казематированных железобетонных фортсооружений, 1428 артиллерийских и пулеметных [47] дотов и дзотов, 209 км проволочных заграждений, 9, 1 км баррикад, тысячи пулеметных площадок, окопов.

Ставка и командование фронтов высоко оценили действия инженерных войск в битве под Москвой. 11 саперным батальонам и другим специальным инженерным частям было присвоено звание гвардейских, тысячи воинов-саперов были награждены правительственными наградами.

Прочитав справку, я подписал ее у генерала Котляра, отправил в Генштаб и занялся другими делами.

Шло формирование новых инженерных частей и отправка их на фронт. За всем этим ГВИУ должно было следить, направлять деятельность инженерных войск, контролировать, помогать, словом, работать приходилось не покладая рук. Почти все время командиры и генералы проводили в управлении, урывая несколько часов для сна.

Прошло около двух недель после моего возвращения в штаб инженерных войск. И вот 20 декабря вечером раздался звонок из

Генштаба. Было приказано отправиться в Севастополь. Обстановка там очень напряженная. Необходимо в трехдневный срок создать оперативную инженерную группу и отбыть на помощь Приморской армии. Заказать эшелон и ехать до Новороссийска поездом, а дальше — морем.

О полученном задании я тотчас доложил генералу Котляру. Приказ есть приказ, и генерал Котляр предложил, не теряя времени, составить заявку на получение инженерного имущества и средств минновзрывных заграждений. Он разрешил взять с собой полковника Е. В. Леошеню в качестве заместителя и начальника штаба ОИГ. Через полчаса полковник Леошеня был у меня в кабинете. Мы посоветовались с ним относительно укомплектования группы. Решили подобрать 50 курсантов выпускного курса Московского военно-инженерного училища и 10 слушателей курсов усовершенствования командного состава инженерных войск, по возможности участников битвы под Москвой. В штаб группы включили майора Л. А. Давида, воентехника 2 ранга И. К. Калабина, лейтенанта В. И. Кириллова, воентехника П. С. Деминова. Из минновзрывных средств брали: 20 тыс, противотанковых, 25 тыс. противопехотных мин, 200 т взрывчатых веществ и 500 пакетов малозаметных препятствий (МЗП), два вагона ломов, киркомотыг, кувалд, саперных лопат, топоров (для работы в скальных грунтах).

24 декабря утром наш загруженный всем необходимым «огненный эшелон», как в шутку мы его называли, отправился к месту назначения. Личному составу мы объявили, куда и зачем едем. Задание все восприняли с энтузиазмом. [48]

Группа горела желанием всеми силами помочь героям-севастопольцам.

Наш эшелон шел со скоростью экспресса, что было вызвано двумя факторами: первое — срочность нашего прибытия в Новороссийск и далее морем в Севастополь, установленная Генштабом, и второе — мы везли с собой до 500 т разных взрывчатых веществ, включая мины. Железнодорожники хорошо понимали, что наш эшелон является мощной сухопутной торпедой на колесах. Поэтому они с особым усердием гнали его вперед, почти не задерживая на станциях, которые в те дни подвергались ударам вражеской авиации. А наш эшелон шел по железной дороге неподалеку от линии фронта, в основном параллельно ей.

Мы с Е. В. Леошеней разместились в одном купе. Поскольку времени свободного было много, я предложил по карте изучить характер местности, прилегающей к Севастополю. Это облегчит и ускорит начало работ по минированию, как только мы прибудем

туда. Одновременно майору Давиду было поручено организовать с личным составом занятия по технике и тактике минирования в горных условиях местности и по изучению материальной части.

Развернув на столе карту крупного масштаба, мы склонились над ней. Местность под Севастополем сильно пересеченная. С севера город прикрывается Мекензиевыми горами и Северной бухтой Черного моря. Они представляют собой мощную естественную преграду для наступающего врага, безусловно, при надежной их обороне. На востоке от Севастополя, начиная с Северной бухты и до Балаклавы, в южном направлении идет широкая Инкерманская долина. С запада эта долина прикрывается крутыми скатами Сапун-горы, а с востока грядой гор: Сахарная Головка, Итальянское кладбище, Балаклава.

Напрашивался вывод, что наиболее танкоопасное направление — от Мекензиевых гор к Северной бухте и Инкерманской долине. Именно со стороны этих гор фашисты и штурмуют Севастополь. В случае захвата высот гитлеровцы выходят вплотную к Северной бухте, а отсюда как на ладони хорошо видны вся северная часть города и Южная бухта с выходом из нее в Черное море, стоянка боевых кораблей, просматривается и Инкерманская долина. Вражеские войска могут форсировать Северную бухту и одновременно ударом через Инкерманскую долину в обход с юго-востока овладеть Севастополем.

В целом условия местности в районе города благоприятствуют обороне и эффективному применению минно-взрывных [49] заграждений, Но окончательное решение, где и как минировать, надо принимать на месте с учетом реально сложившейся обстановки. Предварительное наше мнение было таково: главное направление применения минновзрывных заграждений — северная сторона Мекензиевых гор.

Когда мы освободились, я поручил полковнику Леошене провести беседу с личным составом группы, ознакомить его с районом Севастополя и окружающей его местностью, районом, где предстояло нам действовать. Евгений Варфоломеевич пошел выполнять поручение. Глядя ему вслед, подумал: повезло мне в том, что судьба свела меня с хорошим во всех отношениях человеком и отличным специалистом. Вся жизнь Евгения Варфоломеевича связана с Красной Армией, в которую он вступил добровольцем. Леошеня. храбро сражался на фронтах гражданской войны. В 1931 году с должности командира понтонного батальона поступил в Военную академию имени М. В. Фрунзе и остался на преподавательской работе на военно-инженерной кафедре. Эту кафедру возглавлял тогда Д. М.

Карбышев. В Леошене он увидел способного, трудолюбивого и хорошо знающего инженерное дело человека. Всемерно помогая ему в творческом росте, опирался на него в своей работе. Леошеня был правой рукой Карбышева, и, когда Дмитрий Михайлович уходил в Академию Генерального штаба, он своим преемником на кафедру рекомендовал Леошеню, который полностью оправдал его доверие и надежды.

Евгения Варфоломеевича я знал еще до войны. Но по-настоящему тесный контакт установил с ним в ходе совместной работы во время битвы под Москвой. И вот теперь снова едем вместе на важное задание в Севастополь. Забегая вперед, скажу, что после поездки в Крым полковник Леошеня отправился в Ташкент, где в эвакуации находилась Военная академия имени М. В. Фрунзе. Затем снова вернулся в действующую армию на 1-й Белорусский фронт в качестве начальника штаба инженерных войск фронта. Позже в той же должности он воевал на Забайкальском фронте. Участвовал в разгроме японской Квантунской армии.

Без особых приключений мы продолжали наш путь на юг и 28 декабря были уже в Новороссийске. Наш эшелон подали в морской порт для перегрузки имущества на корабль. Чтобы узнать, когда нас отправят в Севастополь, мы с полковником Леошеней пошли к командиру военно-морской базы капитану 1 ранга Георгию Никитовичу Холостякову. [50]

— Сейчас я ничего определенного сказать вам не могу, — ответил он. — Запрошу командующего Черноморским флотом адмирала Октябрьского. А пока подождите. Дадут корабль — не задержу.

Нас с Евгением Варфоломеевичем разместили на время в гостинице, а команду — в казарме порта. В Новороссийске я узнал от начинжа 44-й армии полковника Н. В. Смолянинова, что на днях началась Керченско-Феодосийская десантная операция. Это известие приятно удивило нас, ведь главной задачей наступления, очевидно, в конечном счете будет освобождение Севастополя и полное изгнание фашистов из Крыма. А в данный момент операция отвлечет от Севастополя к Керченскому полуострову вражеские силы, и противник вынужден будет ослабить свой нажим на город и прекратить его штурм. Перспектива обнадеживающая!

В Новороссийске мы оставались три дня. 31 декабря из Севастополя прибыл корабль — крейсер «Молотов». Он принял нашу группу и груз на борт и в ночь под Новый год взял курс на Севастополь. Море было спокойно, как говорят моряки, полный штиль. Так что плавание прошло без приключений. Мы с

интересом ознакомились с крейсером. Командовал им капитан 1 ранга Т. И. Зиновьев. Несмотря на свою полноту и возраст, он был весьма подвижным, энергичным. Зиновьев любезно предложил нам с Леошеней свою довольно просторную и комфортабельно обставленную каюту.

— Располагайтесь как дома, — сказал он, приглашая нас к себе. — Вот здесь моя библиотека, можете посмотреть ее. Вот ванна. Если пожелаете, можете помыться. К 23 часам я приду к вам, и мы встретим Новый год. А сейчас меня ждут дела.

В 23 часа Зиновьев, как и обещал, пришел в каюту. Сняв фуражку, вытерев платком вспотевший лоб и лицо, он устало произнес:

— Ну вот, дорогие гости, — слава Нептуну! — самое опасное место для корабля, минную зону, мы благополучно миновали. Идем полным ходом, на рассвете будем в Севастополе.

— Скажите, пожалуйста, где мы сейчас находимся?

— В данный момент на траверзе турецкого порта Трапезунд.

— Зачем же такой крюк делаем?

— В этом крюке наше спасение. По данному маршруту в Севастополь идут все наши корабли. Тут они вне досягаемости вражеской авиации. К городу же подходим ночью, [51] когда фашистские самолеты уже не могут обнаружить нас. Да они и не летают в это время.

В 23. 30 Зиновьев пригласил нас с Леошеней в кают-компанию крейсера, где в кругу командиров-моряков мы и встретили новый, 1942 год.

До утра удалось немножко отдохнуть. Разбудил нас звон корабельного колокола. Я быстро оделся и вышел на палубу. Близился рассвет. Корабль пришвартовался к причалу в Северной бухте. Справа от нас темнела чудом уцелевшая Графская пристань. Подошел Леошеня. Мы поздравили друг друга с благополучным прибытием в Севастополь.

Издали доносился приглушенный звук артиллерийской канонады. Отсюда, с корабля, можно было определить, где находится линия фронта. Она была четко очерчена огненной дугой ярких вспышек орудийных залпов и разноцветных ракет, лучами прожекторов, шарящих по земле и в небе в поисках врага, и блеском стремительно взлетающих вверх, искрящихся огоньками трассирующих пуль и снарядов. Эта огненная дуга охватывала город, который на суше был полностью окружен немецко-фашистскими и румынскими войсками. Доступ к нему возможен только со стороны Черного моря. Это ворота города, да и то не безопасные. Они простреливались артиллерией и подвергались бомбежке с воздуха.

Отдав все необходимые распоряжения по разгрузке имущества и отправке его по назначению, позаботившись о размещении команды, мы с полковником отправились в сопровождении командира штаба Приморской армии, который встретил нас на крейсере, в отведенное нам помещение. Ехали под звуки отдаленной артиллерийской канонады по совершенно пустынным улицам города, погруженного во мрак. Лишь местами попадались комендантские патрули.

Наконец наша машина остановилась около какого-то дома. Это было общежитие для генералов и командиров штаба Приморской армии. Здесь разместили и нас.

Мы спустились по лестнице в тускло освещенное подвальное помещение, приспособленное для жилья. Оно было относительно безопасно при обстреле города. Командир ввел нас в комнату, где стояли две застеленные койки. Они были предназначены для нас.

Наскоро позавтракав, мы тут же направились в штаб Приморской армии. В это время к нам подошел генерал. В глаза бросились его плотная, крепко сбитая, коренастая фигура, черные стриженые усы, красивое пенсне на прямом носу. Это был командующий Приморской армией генерал-лейтенант [52] И. Е. Петров. Широким жестом русского человека он пригласил нас войти в кабинет. Я представился командующему и представил ему полковника Е. В. Леошеню.

С генералом Иваном Ефимовичем Петровым мы не были знакомы и никогда не встречались с ним ранее. Однако о нем и его боевых делах слышали много. Активный участник гражданской войны, он успешно командовал взводом, был членом военного трибунала особого отряда, военкомом полка. После гражданской войны служил в Среднеазиатском военном округе, активно вел борьбу с басмачеством в Узбекистане, потом был начальником и военкомом объединенной Среднеазиатской военной школы, командиром дивизии и мехкорпуса.

В начале Великой Отечественной войны в оборонительных боях под Одессой Петров командовал 25-й стрелковой дивизией. Вскоре его назначили командующим Приморской армией, которой и выпала честь защищать черноморскую твердыню — Севастополь. За короткое время армия, которой он командовал, героически отбила следовавшие один за другим два сильных штурма противника.

Незаметно я оглядел кабинет командующего. Это был, что называется, боевой кабинет — небольшая и очень скромно обставленная подземная комната с низким потолком, так что высокому человеку здесь в полный рост и не встать. Около стены, справа, стоял большой деревянный стол, на котором лежали

карты. Сбоку, на небольшом столике, громоздилась целая батарея полевых телефонов. Слева, в углу, приютилась железная койка, покрытая серым солдатским байковым одеялом, а сверху подушка с белой наволочкой. Рядом, на прикроватном столике, телефон дальней связи с Москвой. Предельная скромность и скудость обстановки кабинета характеризовали, как мы потом убедились, простоту и непритязательность его хозяина. Ничего лишнего, ничто не должно отвлекать от работы. Все подчинялось фронтовой обстановке. Позже мне стало известно, что генерал Петров в дни вражеских штурмов города работал сутками, проводя бессонные ночи за столом над оперативной картой, то и дело выезжал в войска, когда создавалась тяжелая и опасная обстановка. Он на месте принимал энергичные меры, помогал командирам восстанавливать положение.

Мы сели за стол. Я кратко доложил командарму о цели нашего приезда, сообщил, что мы с собой привезли для выполнения боевой задачи, и попросил ввести в курс дела.

Генерал Петров пригласил в кабинет начальника штаба армии полковника Н. И. Крылова, впоследствии Маршала [53] Советского Союза, дважды Героя Советского Союза, и члена Военного совета бригадного комиссара М. Г. Кузнецова.

Затем генерал Петров поднял телефонную трубку и вызвал начальника инженерных войск армии полковника Г. П. Кедринского.

— Ну вот, все в сборе. Николай Иванович, — обратился Петров к Крылову, — доложите нам обстановку.

Начальник штаба подошел к оперативной карте и стал неторопливо рассказывать.

Приморская армия занимала оборону общим протяжением 46 км, прикрывая северо-восточное и восточное направления. На восточном направлении создано два сектора обороны. 1-й — на фронте Балаклава, иск. Камры — прикрывал балаклавское направление. Его обороняла 109-я стрелковая дивизия генерал-майора П. Г. Новикова. 2-й сектор (на фронте 10 км) — Камры, Сахарная Головка — прикрывал ялтинское направление. Его обороняла 172-я стрелковая дивизия полковника И. А. Ласкина и 3-й полк 25-й Чапаевской дивизии.

На северо-восточном направлении имелось также два сектора, 3-й сектор (на фронте 12 км) — Сахарная Головка — Арт. «Серп и Молот» — прикрывал мекензиевское направление. Его обороняли части 25-й Чапаевской дивизии (без одного полка) генерал-майора Т. К. Коломийца и 7-й бригады, а также 3-й полк морской пехоты.

4-й сектор обороняла 95-я стрелковая дивизия генерал-

майора В. Ф. Воробьева.

Командир дивизии, обороняющей сектор, являлся его комендантом. 3-й и 4-й секторы — самые активные. На этом направлении гитлеровцы дважды штурмовали Севастополь.

Н. И. Крылов подчеркнул, что минувшей ночью, очевидно, закончился штурм города, начавшийся 17 декабря. Боевые действия носили ожесточенный характер. Наши войска сдержали натиск врага у Мекензиевых гор. Ему удалось лишь немного продвинуться вперед. Был, правда, кризисный момент, когда отдельные мелкие подразделения противника просочились в Сухарную балку. Но туда вовремя подоспела 79-я отдельная стрелковая бригада подполковника А. С. Потапова, только что прибывшая из Новороссийска. Она нанесла сильный удар вдоль Симферопольского шоссе и 22 декабря отбросила фашистов. Положение в 4-м секторе было восстановлено. 22–24 декабря на транспортах и боевых кораблях из Поти и Туапсе прибыли 345-я стрелковая дивизия и танковый батальон, а 28 декабря — 386-я стрелковая дивизия. Н. И. Крылов отметил, что в связи с этим, а также с [54] начавшейся Керченско-Феодосийской десантной операцией наших войск напряжение на фронте 3-го и 4-го секторов несколько ослабло. Однако это направление по-прежнему должно быть в центре внимания. Требуется прикрыть его инженерными заграждениями.

Я доложил генералу Петрову, что еще по пути на Москвы мы с Леошеней изучили по карте крупного масштаба местность в районе Севастополя. Теперь, прослушав информацию полковника Крылова, мы убедились, что в первую очередь следует прикрыть минными полями оборону 3-го и 4-го секторов. Я попросил разрешения начать минирование сегодня же, и прежде всего на танкоопасных направлениях. К 15 часам мы подготовим и доложим план минирования 3-го и 4-го секторов. Основной план инженерных заграждений будет подготовлен через два дня. Я попросил командующего дать соответствующие указания начальнику инженерных войск и командирам дивизий секторов обороны. Он пообещал это сделать.

— Что ж, действуйте, — сказал Петров. — А вы, товарищ Кедринский, окажите группе генерала Галицкого самое максимальное содействие. Задача-то у нас общая.

После этого короткого разговора у командующего Е. В. Леошеня, Кедринский и я отправились в штаб начальника инженерных войск Приморской армий, который располагался неподалеку от штаба армий в подземных помещениях. Выйдя от Петрова, уже в неофициальной обстановку мы тепло обнялись с полковником Г. П. Кедринским, как старые сослуживцы по

Военно-инженерной академии. Он мало изменился с последней нашей встречи, все такой же подтянутый, аккуратный. Гавриил Павлович всегда отличался строевой выправкой, на нем ладно сидела военная форма. Кедринский — эрудированный и хорошо подготовленный в инженерном отношении командир, незаурядный организатор, изобретатель и рационализатор, волевой и энергичный человек.

Гавриил Павлович сражался под Одессой в должности начальника инженерного отдела Отдельной Приморской армии. Он осуществлял инженерное обеспечение эвакуации войск на Крымский полуостров, лично руководил установкой мощных радиоуправляемых фугасов в фешенебельной одесской гостинице на Мерзлиевской. Когда румыны заняли Одессу и от нашего разведчика 22 октября поступила информация, что в гостинице находится много высших вражеских офицеров и генералов, этот фугас по радио был [55] взорван. Оккупанты взлетели на воздух. В стане врагов это вызвало большой переполох.

Словом, полковник Кедринский в боях за Одессу оставил у фашистов по себе хорошую память. Теперь здесь, под Севастополем, руководимые им. инженерные части и подразделения наносили большой урон противнику.

Полковник Кедринский представил нам своего начальника штаба майора К. Я. Грабарчука и военного комиссара батальонного комиссара П. Т. Климчука. Оба они произвели на нас хорошее впечатление. Особенно мне понравился Грабарчук. Человек энергичный, дисциплинированный, подвижный и, видать, цепкий в дедах. Как показало дальнейшее знакомство, он был именно таким.

Чтобы не затягивать время, мы попросили Кедринского проинформировать нас о состоянии инженерного оборудования обороны Севастополя. Он начал с рубежа на Мекензиевых горах. Оборудован этот рубеж, по его словам, очень примитивно. Как после декабрьского штурма фашистов наша пехота отошла на него, кое-как окопалась, отрыв одиночные ячейки, в таком виде все и осталось. Передний край минными полями не прикрыт.

Неважно обстояло дело с установкой железобетонных колпаков для станковых пулеметов и сборных казематированных фортсооружений для противотанковых пушек. Причиной тому были трудности по отрывке котлованов в скальном грунте. Оборудование позиций средствами полевой фортификации также желало лучшего.

Основу обороны армии составляли мощные долговременные железобетонные огневые сооружения артиллерии береговой обороны, которые предназначались для отражения морского

десанта противника. Они были построены еще до войны. Возведение же сухопутного долговременного оборонительного рубежа тогда, в мирное время, из-за отсутствия средств не предусматривалось. Кедринский добавил, что войска, оборонявшие Севастополь, сейчас не проявляют особого рвения к инженерному оборудованию позиций, хотя и страдают из-за этого: нещадно мерзнут и мокнут, несут излишние потери даже теперь, когда бои стихают. Как ни странно, на защитников Севастополя своеобразно подействовала высадка десанта на Керченском полуострове. Многие в Приморской армии теперь считают, что скоро и им последует приказ на наступление. Отсюда вывод: зачем оборудовать позиции, коль придется идти вперед?

Естественно, это было нездоровое явление. С ним следовало бороться всеми силами. [56]

Гавриил Павлович ознакомил нас с секторами обороны Севастополя. Как уже говорилось выше, каждый сектор возглавлялся комендантом, командиром одной из дивизий, обороняющих сектор, а войсковым инженером являлся дивизионный инженер этого же соединения. Коменданты секторов нам были уже известны. Кедринский назвал фамилии инженеров: 1-го сектора — майор Я. С. Молоткин, 2-го — майор Н. Д. Колесецкий, 3-го — майор П. И. Бочаров, 4-го — майор Я. К. Чураков.

Так как наша беседа затягивалась, к тому же нам предстояло утвердить план минирования первой очереди, я попросил Кедринского отдать все необходимые распоряжения о минировании в ночь на завтра. Необходимо было провести дотемна совещание дивизионных инженеров секторов и командиров саперных батальонов, которые будут минировать передний край. На этом же совещании распределить инструкторов-минеров по секторам. Гавриил Павлович предложил сделать небольшой перерыв, чтобы он смог отдать нужные распоряжения.

Вскоре мы продолжили работу. По предварительным расчетам, которые мы произвели, для проведения минирования в оперативную инженерную группу заграждения следовало включить не менее четырех саперных батальонов — по одному на сектор. Однако на третий сектор, как на наиболее активный и опасный, надо было послать два саперных батальона. Стали думать, где взять еще один батальон. Кедринский пояснил, что армия располагает двумя армейскими инженерными батальонами — 81-м и 138-м Севастопольским инженерным батальоном береговой обороны. Решили взять 81-й инженерный

батальон.

В Приморской армии имелось еще семь строительных батальонов. Но для нашего дела годились только инженерные батальоны, строительные не имели должной квалификации по минновзрывным заграждениям. Они к тому же занимались изготовлением железобетонных конструкций и блоков для пулеметных гнезд, а также сборных фортификационных сооружений для противотанковых пушек, устанавливаемых на позициях. Тоже очень важное дело, и отрывать их от него не следовало.

Леошеня поинтересовался, в какой степени армия обеспечена противотанковыми и противопехотными минами.

— С минами тут целая история. Долго рассказывать, — ответил Кедринский.

— Ничего, послушаем. [57]

Дело, оказывается, обстояло так. Когда Приморская армия перешла к обороне Севастополя, перед инженерными частями со всей остротой встал вопрос о минировании перед передним краем. Но мин не оказалось, и неоткуда было их получить в большом количестве: город окружен фашистами с суши, в тылу — Черное море. Доставлять же морем сложно. А минировать надо было во что бы то ни стало. Саперы начали вести поиски взрывчатых веществ и совершенно случайно обнаружили на морской базе Севастополя много списанных морских мин, снаряженных толом. Это была для них ценнейшая находка. Попросили и генерала Петрова обратиться к командующему Черноморским флотом адмиралу Октябрьскому с просьбой передать старые морские мины Приморской армии. Когда они были переданы, незамедлительно организовали изготовление и снаряжение собственными силами противотанковых и противопехотных мин.

В мастерских флота делали из консервных банок корпуса мин и упрощенные взрыватели. Тол выплавляли в одном из глубоких оврагов недалеко от города. Потом заливали его в корпуса мин. Вот и вся технология. Конечно, примитивно, по кустарному. Но выручала саперная смекалка. Всего саперы изготовили и установили 20 тыс. противопехотных и 5 тыс. противотанковых мин. Правда, для прикрытия переднего края минными полями этого количества мин было недостаточно. Но и что сделано, уже совсем неплохо! Что и говорить, живы традиции русских саперов. Еще во время обороны Порт-Артура в 1904–1905 годах саперы изобрели и изготовили из пироксилиновых шашек что-то вроде ручной гранаты и с большим успехом применяли свое изобретение при отражении штурма японцев.

Уточнив у Кедринского передний край обороны в секторах, мы с Леошеней отправились в гостиницу, где расположился штаб нашей группы, для составления схемы и плана заграждений. Теперь мы располагали достаточными сведениями, чтобы определить, где устанавливать их в первую очередь, а где — во вторую. Разложив на столе карту, начали составлять схему заграждений; я — для 3-го сектора, Леошеня — для 4-го. Затем объединили их. Работа шла дружно. Мы произвели расчеты потребности мин. В это время к нам приехал генерал-майор инженерных войск А. Ф. Хренов. Он был начальником инженерных войск Севастопольского оборонительного района и заместителем командующего этим районом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского, которому подчинялись Черноморский флот и Приморская армия. [58]

Великую Отечественную войну Аркадий Федорович начал начальником инженерных войск Юго-Западного направления. С этой должности он прибыл вначале в Одессу, а затем сюда, в Севастополь.

Леошеня ознакомил генерала Хренова и полковника Кедринского по карте крупного масштаба со схемой минно-взрывных заграждений и планом их устройства. Они внимательно его выслушали. Хренов поинтересовался, сколько потребуется мин на выполнение этого плана. Леошеня ответил, что нужно не менее 17 тыс. противотанковых и 13 тыс. противопехотных мин.

С планом минирования согласились все и поставили свои подписи на карте заграждений. Мы отправились к генералу Петрову. У него находились бригадный комиссар Кузнецов и полковник Крылов. Я вкратце ознакомил их с планом и со схемой заграждений, обосновал наши предложения, сказал о материальном обеспечении, сроках намеченных работ и какие батальоны их будут выполнять. Генерал Петров внимательно выслушал мой доклад, одобрил план минирования и подписал его. Ниже поставили подписи бригадный комиссар Кузнецов и полковник Крылов.

— Чем сейчас намерены заняться? — спросил меня Петров.

Я доложил, что вместе с Кедринским сию же минуту отправимся в деревню Кадыковка на инструктаж собранных там дивизионных инженеров секторов и командиров саперных батальонов. Командарм пожелал нам успеха, и мы вчетвером — Леошеня, Кедринский, Грабарчук и я — поехали в Кадыковку. Уже стемнело, когда мы прибыли туда. Нас проводили в какое-то большое подземное помещение, видимо, бывшее хранилище. Оно скудно освещалось керосиновыми самодельными светильниками из стреляных гильз 45-миллиметровых артснарядов. Сильно

пахло копотью. Командиры были уже в сборе. При тусклом освещении трудно было различить их лица. Они растворялись в полумраке. Не теряя времени, я объяснил командирам предстоящую задачу. Она сводилась к одному: пользуясь наступившей после штурма гитлеровцев передышкой, надежно укрепить занимаемые нашими войсками позиции, особенно в 3-м и 4-м секторах. Напомнил собравшимся и о технике безопасности, о необходимости соблюдать строжайшую дисциплину, маскировку. Затем полковник Леошеня прочитал только что подписанный генералом Петровым приказ по армии о производстве минирования переднего края обороны, назвал фамилий [59] наших инструкторов-минеров, прикрепленных к определенным секторам.

Получив указания, все разъехались по своим местам. Мы с Кедринским направились в 3-й и 4-й секторы, Леошеня с Грабарчуком — в 1-й и 2-й. Встречу в Севастополе назначали завтра утром.

Наш путь пролегал по гряде высот Сапун-гары, идущей на север. Без особых приключений через час мы: спустились в Инкерманекую долину и по дамбе проехали на противоположную сторону Северней бухты. Кедринский предложил сначала заглянуть в 1-й сектор к дивизионному инженеру майору Я; С. Молоткину, который находился в казармах Севастопольского инженерно-саперного батальона.

За разговором мы не заметили, как подъехали к расположению саперного батальона. Вышли из машины. Темень — ничего не видно. Однако Гавриил Павлович уверенно зашагал по знакомой ему тропе к неподалеку стоящей казарме. Я пошел за ним. В помещении нас встретил майор Молоткин. Он доложил, что минирование уже началось. Действия саперов прикрывают две минометные батареи и четыре станковых пулемета. Сегодня ночью работа проводится на участке между железной дорогой и Симферопольским шоссе. Туда сейчас он собирается поехать, чтобы лично проверить ход минирования.

Майора Молоткина мы отпустили а сами остались в батальоне. Старшина предложил поужинать. Мы не отказались, так как чертовски были голодны: день очень напряженный, с утра во рту ничего не было.

Утром поднялись рано. Майор Молоткин доложил о результатах минирования первой ночи. Норму саперы не выполнили. Много времени ушло на подготовку и организацию непосредственно на переднем крае. В ходе работы минеры неоднократно подвергались обстрелу, три человека ранено.

— Ничего, следующая ночь будет более удачной, — уверенно

произнес Молоткин, — Днем хорошенько все обдумаем, уточним отдельные элементы организации минирования, в тылу потренируемся, и дело пойдет.

— Правильное решение, — одобрил я и, обращаясь к Кедринскому, сказал: — Без промедлений надо составить краткие указания по организации минирования в ночное время перед передним краем обороны, Эту работу беру на себя.

В Севастополе нас уже ожидал Леошеня, который побывал в 1-м и 2-м секторах. Положение там было примерно такое же, как и в 3-м и 4-м. [60]

Посоветовались, решили первую половину текущего дня посвятить составлению основного плана заграждений и фортификационного укрепления обороны, а во вторую выехать на Федюкины высоты, Сапун-гору и в район западнее Итальянского кладбища для ознакомления с фортификационным оборудованием позиций, занимаемых нашими частями. Кедринский поехал к себе в штаб, где у него было много текущих дел. А мы с Леошеней поудобнее уселись за стол и принялись за план. Евгений Варфоломеевич начал составлять основной план заграждений, я — указания по организации минирования на переднем крае и в ближайшей глубине обороны. Через несколько часов документы вчерне были готовы. Требовалось лишь оформить их в штабе инженерных войск армии.

Уже смеркалось, когда Леошеня, Кедринский и я выехали по намеченному маршруту. На фронте 1-го и 2-го секторов было сравнительно тихо. Быстро добрались до Сапун-горы, остановились. Отсюда хорошо просматривалась близлежащая местность, внизу темнели Федюкины высоты и примыкающая к ним с севера Инкерманская долина. Восточнее, где Ялтинское шоссе поднималось круто в гору, было заметно еще Итальянское кладбище. От кладбища гряда высот шла к Балаклаве и заканчивалась высотой, у подножия которой приютился этот известный городок с небольшой, хорошо защищенной с моря бухточкой. На северном краю гряды возвышалась Сахарная Головка. Все эти высоты сейчас были заняты немцами и румынами. Недалеко от Балаклавы у самой вершины гитлеровцы установили дальнобойную артиллерию, которая имела хорошее наблюдение и обстреливала шоссе, идущее от Севастополя на Ялту, и Симферопольское шоссе, идущее вдоль Инкерманской долины по гребню Сапун-горы.

Спустившись к Федюниным высотам, мы тщательно обследовали их. Они, безусловно, являлись естественным бастионом, прикрывавшим Инкерманскую долину с юга и с востока и Ялтинское шоссе, спускавшееся с Итальянского

кладбища. Эти высоты прикрывали также участок между Балаклавой и Сапун-горой, которая здесь плавно спускалась к дороге, ведущей на плато южнее Севастополя и к Херсонесу. Из того, что мы видели, напрашивался вывод: необходимо оборудовать противотанковый район на западных скатах высоты, примыкающей к Балаклавской бухте, и оседлать Федюкины высоты. Эти районы, связанные с сильным и плотным огнем противотанковой артиллерии, закрывали доступ фашистам к плато южнее Севастополя. Названные [61] высоты не были заняты нашими частями, а следовательно, и не оборудованы в инженерном отношении. Недоступная для танков Сапун-гора вставала мощной естественной преградой по западному берегу Инкерманской долины.

— К сожалению, у нас не было времени построить здесь оборону, — вздохнул Кедринский, — ведь более месяца наша армия отбивала атаки противника, наступавшего к Севастополю с севера. Все наши силы были брошены туда.

— Ну, теперь-то этим надо заняться вплотную, — посоветовал я. — Обстановка благоприятствует, бои затихли, строительные батальоны у вас есть.

К нашей группе подошли дивизионный инженер 2-го сектора майор Н. Д. Колесецкий и два бойца с автоматами. Уже стало темнеть. Майор предложил пойти в одну из частей, занимавших неподалеку оборону. Узкая тропинка вывела на позиции стрелкового подразделения. Перед нами были три неглубоких окопчика, в которых сидело по одному стрелку, рядом — окоп на три человека, а дальше уже ничего не было видно. Стемнело.

— Пулеметные гнезда в бетонных колпаках у вас где-нибудь имеются? — спросил я Колесецкого.

— Нет, таких еще не наделали, — ответил он.

— Скоро будут делать, — вмешался Кедринский. — Изготовление железобетонных колпаков для пулеметных гнезд и сборных железобетонных полукапониров для противотанковых пушек нами ведется централизованно. В ближайшие два дня начнем доставку колпаков и установку их на позициях.

Я поинтересовался, почему войска не совершенствуют оборону.

— Грунт у нас тяжелый, — попытался объяснить Колесецкий.

— Это не оправдание. Копать-то можно. Взять киркомотыги, ломы и работать ночами, тем более что на вашем секторе было относительно спокойно даже во время штурма.

Майор молчал, возразить ему было нечего.

В последующие сутки мы ознакомились с состоянием позиций на Мекензиевых горах, в районах Симферопольского

шоссе и совхоза имени Софьи Перовской, с долговременными сооружениями береговой артиллерии. Это, по существу, был миниатюр-форт. Отсюда мы с Кедринским изучали передний край и ближайшую глубину нашей обороны. Было заметно, что инженерное оборудование ее улучшается. Вскоре Кедринский ознакомил нас с данными инженерной разведки. [62] Фашисты усиленно оборудовали занимаемый рубеж, устанавливали минные поля, строили проволочные заграждения, сооружали доты из сборного железобетона. Это свидетельствовало о том, что в ближайшее время гитлеровцы активных боевых действий вести не собираются. Причиной тому была начавшаяся Керченско-Феодосийская десантная операция. Что касается нашей обороны, она непрерывно совершенствовалась во всех секторах, полным ходом шло минирование.

Собрав необходимые данные о состоянии обороны, мы с Леошеней доложили генералу Петрову свои предложения по укреплению Федюкиных высот, Сапун-горы, созданию опорного пункта на высоте у Балаклавской бухты, который будет иметь огневую связь с Федюкиными высотами. На позициях всех секторов, по нашему мнению, следовало установить железобетонные колпаки для фланкирующих пулеметов из расчета как минимум по одному на километр, а на танкоопасных направлениях — по два колпака на километр фронта. Неплохо было бы также установить вторую линию фланкирующих пулеметов, а на остальных участках — малозаметные препятствия. Помимо установки заграждений на переднем крае мы предлагали сделать дополнительно заграждения и в глубине. Танкодоступный участок Сапун-горы прикрыть плотными минными полями, преграждая пути танкам на Севастополь по Ялтинскому и Балаклавскому шоссе. Федюкины высоты прикрыть минными полями с фронта и флангов. В 3-м и 4-м секторах установить вторую полосу минных полей, которые пересекут Симферопольское шоссе в километре от переднего края и прикроют совхоз имени Софьи Перовской. Третью полосу минных полей установить на северной стороне, на спуске шоссе в Инкерманскую долину, а затем заминировать фугасами единственную дамбу, перекрывавшую заболоченную долину. Мы назвали сроки выполнения работ.

Командарм и начальник штаба очень внимательно выслушали наш доклад.

— Ваши предложения по укреплению обороны вполне реальны и обоснованны, — согласился Петров и, повернувшись к Кедринскому, спросил: — Какими средствами мы располагаем?

Начинж доложил, что строительные батальоны сейчас

усиленно занимаются изготовлением железобетонных колпаков для пулеметов и деталей для сборных фортсооружений. Ночами эти изделия будут доставляться в места их установки и сборки, к переднему краю придется их подтаскивать вручную. [63]

— И сколько у нас батальонов работает?

— Семь, — ответил Кедринский. — Но и этого маловато. Попрошу вашего разрешения выделить от каждого стрелкового батальона, находящегося в обороне, по одному взводу красноармейцев для подноски деталей на передний край.

Командарм дал указание Крылову подготовить такое приказание. Он полностью принял и утвердил наше предложение по укреплению позиций и развитию заграждений в глубине обороны, распорядился подготовить проект приказа и сегодня же дать ему на подпись.

Вечером приказ уже был подписан командармом и разослан в войска для исполнения.

Работы по усилению и развитию укрепления Севастопольского района во время затишья развернулись во всю ширь. Интенсивно прикрывался минновзрывными заграждениями передний край, устанавливались железобетонные колпаки для пулеметов, полукапониры для противотанковых пушек.

8 января начальник штаба армии полковник Н. И. Крылов выехал на позиции в районе Мекензиевых гор для уточнения ряда вопросов в частях. Неожиданно он попал под обстрел и был ранен. Временно его заменил генерал-майор В. Ф. Воробьев, которого Леошеня и я знали еще по работе в Москве. Василий Федорович был вдумчивым, эрудированным и инициативным военным, хорошим товарищем. Он неплохо разбирался в вопросах инженерного обеспечения боя. Солидный боевой опыт в этом отношении Воробьев приобрел здесь, в Севастополе, где командовал 95-й стрелковой дивизией на северном фасе обороны.

Как-то вместе с Кедринским мы возвращались с передовых позиций по Инкерманской долине. Мое внимание привлекли нависшие известняковые стены, заинтересовало это явление природы. Но Гавриил Павлович объяснил, что это вовсе не явление природы, а творение рук человеческих: бывшие подземные склады шампанских вин. Раньше они были заполнены до отказа.

— Не желаете взглянуть на это сооружение? — спросил Кедринский.

— С удовольствием.

Машина свернула к складам. Мы вошли в огромное подземное помещение, высеченное в известняке. Высота его достигала 5–6 м, не меньше. Здесь теперь был госпиталь, пахло

аптекой.

Мы прошли дальше и увидели палату с ранеными бойцами. В помещении было опрятно и чисто, дневной свет падал [64] в большие боковые окна в стене. Воздух вентилировался с помощью специального устройства. Госпиталь — что надо. Расположен у самого шоссе, замаскирован хорошо, да и защита от артобстрела неплохая.

— Крылов тоже здесь лечится? — спросил я Кедринского.

— Нет, он лежит в филиале госпиталя на южной окраине Севастополя.

— Давайте сегодня же навестим его.

Не откладывая дела в долгий ящик, поехали в госпиталь. Вскоре мы были в небольшой комнате, где лежал Николай Иванович Крылов. При виде нас он как-то оживился, улыбнулся. В госпитале всегда радуешься приходу товарищей, друзей и просто знакомых. Чувствовал себя Николай Иванович пока неважно. Рана сильно болела. Температура держалась высокая. Осколок мины пробил лопатку и прошел вниз, вызвав большое нагноение. Врачи сделали операцию и извлекли этот стальной кусочек размером в квадратный сантиметр, но в рану попали куски сукна и ваты от бекеши, что и вызвало абсцесс. Крылов поинтересовался, как идут дела у нас. Мы рассказали. Боясь утомить раненого, посидели еще несколько минут и ушли, пожелав Николаю Ивановичу скорейшего выздоровления и возвращения в строй.

С утра 5 января я занялся разработкой методов минирования в тактической глубине. Вопрос этот был тогда новый и очень сложный. Минное поле в собственном тылу одинаково опасно для противника и для своих войск. Наше преимущество заключалось в том, что мы знали, где установлено минное поле. Однако во время контратак можно и забыть о нем. Поэтому следовало тщательно продумать меры безопасности, обозначить минные поля, устроить в них охраняемые проходы, которые в нужный момент караул быстро перекрыл бы минными шлагбаумами. Одним словом, требовалось установить жесткую службу охраны и движения в зоне минных полей. Над этим я и работал. В последующие годы войны эта служба получила большое развитие.

Часа через два зашел Кедринский и пригласил поехать на Мекензиевы горы.

— С удовольствием поехал бы, но сегодня должен закончить запланированную мной методику, она очень нужна саперам, — отказался я. — А почему вы решили поехать туда днем? Мы же договорились отправиться вечером?

— Срочное дело, — ответил он.

— Тогда счастливого пути. [65]

Однако путь его оказался несчастливым, и хуже того — последним. Вскоре нам сообщили, что Гавриил Павлович смертельно ранен на Мекензиевых горах. В это известие не хотелось верить. Ведь только что разговаривал с человеком. Как позже стало известно, Кедринский поехал по просьбе командира 25-й Чапаевской дивизии решить какой-то инженерный вопрос. Соединение занимало оборону на правом фланге 3-го сектора фронтом на восток. В тылу у него была Цыганская балка. Доехав до балки, Кедринский оставил машину и в сопровождении красноармейца пошел на КП. Они поднялись на гору и не успели сделать и двадцати шагов, как попали под минометный обстрел. Взрывом одной из мин красноармеец был убит, а Кедринский смертельно ранен. Его отвезли в Инкерманский госпиталь, где он через несколько часов умер.

Для Приморской армии это была тяжелая утрата. Кедринский был талантливым инженерным начальником, храбрым воином, настоящим коммунистом. Он пользовался большим уважением и авторитетом среди генералов и командиров. Похоронили Гавриила Павловича Кедринского на Малаховом кургане у памятника адмиралу Корнилову, погибшему здесь же во время обороны Севастополя в 1855 году.

В должность начальника инженерных войск армии вступил заместитель Г. П. Кедринского майор К. Я. Грабарчук.

Работы по устройству заграждений шли к завершению. В результате героических усилий армейских и дивизионных саперов, помощи войсковых командиров установка заграждений наружного обвода и в глубине была закончена в ночь на 20 января 1942 года. Так что все сделано в кратчайший срок. А ведь минировать-то приходилось под огнем врага!

В этой трудной и опасной работе огромную помощь оказали наши инструкторы, которые научили саперов-севастопольцев минировать в сложнейших условиях: ночью, перед передним краем обороны, под огнем врага. Действовали они смело, отважно, показывая личный пример мастерства и мужества. Особенно отличились командиры Л. А. Давид, В. И. Кириллов, И. К. Калабин, М. И. Агеев и многие другие.

Итак, утвержденный план заграждений был выполнен. Общими усилиями удалось создать почти сплошную полосу противотанковых и противопехотных заграждений на всем протяжении фронта. Однако надо было продолжать совершенствование обороны. Мы составили план полного развития инженерных заграждений и фортификационного оборудования в глубине обороны, который согласовали с генералами [66] Петровым, Хреновым и вместе с ними доложили

Военному совету Черноморского флота. План был утвержден 20 января и передан Приморской армии для реализации. Выполнялся он успешно.

За время пребывания оперативной инженерной группы заграждений в Севастополе в январе 1942 года было установлено 26 км противотанковых и 47 км противопехотный минных полей. В общей сложности на это ушло 21 127 противотанковых и 49 542 противопехотных мин, а всего 70669.

21 января генерал В. Ф. Воробьев сообщил нам, что в ночь на 21 января на Мекензиевых горах на наших минных полях подорвалась немецкая разведка в количестве 35 человек. Это было возмездием за смерть Г. П. Кедринского именно на участке той же 25-й стрелковой дивизии.

26 января 1942 года была получена телеграмма из штаба Крымского фронта, согласно которой оперативная группа инженерных заграждений направлялась в Керчь. Выезд туда мы наметили в две очереди. В первую очередь с 6 инструкторами выезжал я, затем — полковник Леошеня и все остальные. Они оставались для сдачи минных полей по каждому сектору.

Военный совет Приморской армии высоко оценил работу нашей ОИГ. Специальным приказом инструкторам-курсантам выпускного курса Московского военного училища было присвоено звание лейтенантов. Многие из них награждены боевыми орденами и медалями.

Военный совет вручил нам также благодарственное письмо в адрес начальника инженерных войск Красной Армии генерала Л. З. Котляра.

Вечером 26 января мы отправились из Севастополя в Новороссийск на тральщике. Следом шел теплоход «Абхазия», на котором эвакуировались больные и раненые военнослужащие, а также дети и престарелые жители города. Вышли в море с наступлением темноты, чтобы не подвергнуться ударам гитлеровской авиации, базирующейся совсем рядом с Севастополем.

На следующий день в 16 часов пришвартовались к пристани Новороссийского порта. Я тут же направился к уже знакомому мне капитану 1 ранга Г. Н. Холостякову, чтобы договориться о поездке в Керчь. Вопрос был решен сразу. Нам предложили идти на том же тральщике, на котором прибыли сюда из Севастополя. [67]

Немедленно вернулись на свое испытанное суденышко и вскоре отплыли по назначению. В 12 часов следующего дня были уже в Камыш-Буруне, откуда нас доставили в штаб Крымского фронта. Я сразу же явился к представителю Ставки Верховного

Главнокомандования армейскому комиссару 1 ранга Л. З. Мехлису, доложил ему о прибытии и о том, что сделала наша группа в Севастополе.

— Ваша группа вся приехала? — спросил Мехлис.

— Нет, со мной только шесть инструкторов, остальные под руководством начальника штаба полковника Леошени производят передачу минных полей дивизиям. Через шесть дней они все прибудут сюда, в Керчь, а мы тем временем подготовим им фронт работ.

— Здесь, на Керченском полуострове, надо хорошо укрепить Ак-Монайские позиции и прикрыть их минными полями. Поэтому прошу вас приступить к минированию без промедлений.

От Мехлиса пошел к командующему фронтом генерал-лейтенанту Д. Т. Козлову. Кратко рассказал ему о проделанной работе в Севастополе, доложил свои соображения о дальнейших планах. Вместе с начальником инженерных войск фронта полковником А. И. Смирновъш-Несвицким необходимо побывать в армиях, на месте ознакомиться с положением дел, составить план инженерного оборудования и минирования Ак-Монайских позиций и после этого приступить к работе.

— Ну что же, согласен с вами.

На этом закончилась встреча с генералом Козловым. В приемной меня ожидал полковник Смирнов-Несвицкий. Встретил я его впервые, но уже немало слышал о нем как о неплохом организаторе и знатоке инженерного дела. Смирнов-Несвицкий — один из тех людей, которые запоминаются сразу, и прежде всего своей внешностью. Он среднего роста, коренаст, подтянут, чуть-чуть прищуренные глаза, прикрытые пенсне, густая шевелюра светлых волос.

Не теряя времени, мы поехали в штаб инженерных войск фронта, занимавший несколько домиков у подножия высокой пирогообразной горы Митридат. По моей просьбе Александр Иванович проинформировал меня о состоянии обороны армий Крымского фронта в инженерном отношении. Перед нами лежала карта с нанесенной обстановкой. На ней было четко видно, что Ак-Монайские позиции пересекают Керченский полуостров в самой узкой его части, упираясь флангами в Арабатский и Феодосийский заливы. Эта позиция прикрывала важнейшее стратегическое направление — [68] Таманский полуостров, Северный Кавказ. Она делилась пополам пресноводным озером Парпач. Общая длина позиции 48 км. Строилась она, как сказал Смирнов-Несвицкий, еще в августе — ноябре 1941 года. Но полностью не была закончена. Перед передним краем обороны на всем протяжении отрыт противотанковый ров и установлено

проволочное заграждение. Однако местами ров уже обрушился и теперь проходим для танков. Имелись деревоземляные огневые сооружения для пулеметов из расчета на 1 км фронта один дзот, а также несколько пушечных дзотов. К настоящему времени войска уже окопались. Но оборона не развита в глубину. Армейского рубежа нет. Сооружается пока фронтовой оборонительный рубеж по Турецкому валу и Керченскому обводу.

Слаба на фронте дорожная сеть с твердым покрытием. Есть лишь единственное шоссе Керчь — Феодосия — Джанкой. Грунтовых дорог много, но в период весенней распутицы я больших осадков летом они для транспорта труднопроходимы, а порой и вовсе непроходимы.

Плохо с пресной водой. В большинстве озер вода соленая, для питья непригодна. Войска пользуются отдельными запрудами для сбора талых вод и осадков. Но вода мутная и к тому же имеет слабый привкус соли. Водоочистительных средств мало, гидророта обеспечивает водой только госпитали.

Ак-Монайские позиции обороняли две армии. От озера Парпач и севернее, до Арабатской Стрелки, оборону занимала 51-я армия генерал-лейтенанта В. Н. Львова, южнее, до Феодосийского залива, — 44-я армия генерал-лейтенанта С. И. Черняка. Во втором эшелоне фронта находилась 47 я армия генерал-майора К. С. Колганова.

Крымскому фронту противостоял 42-й армейский корпус врага: 18-я пехотная дивизия перед 51-й армией и 46-я пехотная дивизия перед 44-й армией. Фашисты создали мощную оборону. Сильно укрепленные опорные пункты Джантора и Тулумчак прикрыты минными полями. Оба они в полосе 51-й армии. Феодосийское направление в полосе 44-й армии прикрывает опорный пункт Дальние Камышлы.

В своем подчинении фронт имел три инженерных и шесть строительных батальонов. Из них три батальона были приданы для усиления 51-й армии и два батальона — 44-й армии. Два батальона находились на фронтовом оборонительном рубеже и два батальона на Керченском обводе.

Средств заграждения фронт не имел. На подходе из Новороссийска было 35 тыс. противотанковых и 30 тыс. противопехотных [69] мин, 1000 пакетов МЗП и 150 т колючей проволоки.

— Сил у вас немало, а подойдут средства заграждения — дело поправится, — сказал я Смирнову-Несвицкому.

На следующий день утром мы со Смирновым-Несвицким выехали в Киет, в штаб 51-й армии. Наш путь проходил по единственной артерии фронта — шоссе Керчь — Феодосия.

Неподалеку и параллельно ему шла железная дорога на Владиславовку и далее на Джанкой. По обе стороны дороги голая, серая, слегка всхолмленная степь, кое-где возвышались небольшие горы. Населенные пункты встречались редко, почти все они расположены в стороне от шоссе, деревушки небольшие, с типичными для Крыма каменными домами, покрытыми черепицей. Каждый домик вместе с садом окружен каменной оградой. Невольно возникала мысль: эти населенные пункты очень легко можно приспособить к упорной обороне, сделав амбразуры в стенах домов и заборов. Надо на всякий случай иметь это в виду.

Проехали Турецкий вал. Он идет по гребням высоток от Азовского до Черного моря. Этот вал — наследие далекой старины, времен борьбы турок с крымскими татарами. По шоссе двигались автомобили вперемежку с конным транспортом. Вскоре мы были в штабе 51-й армии. Киет был разрушен. Штаб разместился частью в сохранившихся домах, а частью в землянках, сделанных саперами.

Начальник инженерных войск армии полковник В. П. Шурыгин занимал тесную полутемную землянку с низким потолком. Она слабо освещалась электрическим светом. В уголке стоял столик, сколоченный из каких-то старых досок и ножек «козелком», как говорят саперы, из подручных материалов. Но дерево здесь на вес золота. В другом углу коптила железная окопная печка «буржуйка», а к самой стене был втиснут топчан, застланный солдатским одеялом. Пол земляной, немного раскисший от влаги. В землянке сильно пахло сыростью. Скажем прямо, удобства, даже с фронтовой точки зрения, более чем скромные.

Мы поздоровались с Шурыгиным. Не раз я встречал его в Москве. Во время испанских событий он продолжительное время находился в этой стране. Отличился в боях и был награжден орденом Красного Знамени. Со времени последней нашей встречи мало что изменилось в нем. Все те же темные волосы, все те же густые черные брови, все та же неторопливость в движениях. [70]

Владимир Петрович без лишних предисловий информировал нас, что делается в армии по инженерному оборудованию позиций, занимаемых войсками. Перед передним краем обороны отрыт противотанковый ров, вдоль которого установлено проволочное заграждение. Но почти на 30 процентов ров и проволочные заграждения разрушены. Минных полей пока нет. В подразделениях отрыты отдельные стрелковые ячейки, и кое-где сделаны землянки. Но вся беда в том, что нет строительных материалов, особенно леса, поэтому стенки досками или жердями

не обшиты. Хорошо, что грунт устойчивый, а то бы окопы и землянки давно обрушились. Землянки бойцы прикрывают плащ-палатками. Но это перекрытие защищает только от ветра. Когда же идет дождь, на палатке накапливается вода. Она проникает в землянку. Одежда и обувь промокают, а обсушиться негде.

Когда Шурыгин закончил информацию, я подумал, что глубина Ак-Монайских позиций в полосе армий мала, их легко может прорвать враг. В этой обстановке необходимо оборудовать тыловой армейский рубеж. По этому вопросу следует поговорить с командармом генерал-лейтенантом В. Н. Львовым. Когда мы зашли к нему, я изложил свои соображения.

— Мы уже думали над вопросом о создании армейского оборонительного рубежа, — сказал Львов. — Однако руки пока не доходят. Давайте посмотрим на карту, я уже давно наметил его. Линия этого рубежа должна пойти через следующие пункты: Рыбный промысел, 2 км северо-западнее Насыр, высота 11,3, 3 км западнее Киета, гора Кайман. Далее к Феодосийскому заливу пойдут рубежи соседа.

Я согласился с тем, что рубеж намечен удачно.

Выйдя от командарма, я решил поехать в одну из дивизий, чтобы посмотреть на ее оборонительные позиции. Шурыгин порекомендовал посетить 390-ю стрелковую дивизию.

Втроем мы отправились к линии фронта. Через час были уже на месте, в Семисотке, на КП командира дивизии. Здесь было тихо. С командного пункта вместе с комдивом двинулись на передовую. Шли по глубокому оврагу вплоть до позиций стрелкового взвода. Временами раздавались короткие автоматные очереди, позади с грохотом взорвались одна за другой две мины. Потом все смолкло. Соблюдая меры маскировки, подошли к стрелковой ячейке. В ней сидели два красноармейца. Их винтовки лежали на бруствере стволами к противнику.

— Что же это вы так тесно разместились? — спросил я бойцов. [71]

— Это ко мне пришел в гости сосед. Его окопчик вот тут рядом. Одному скучновато, а вдвоем веселей: поговорим, покурим, пока светло, да и теплее.

— А где же вы отдыхаете?

— Тут же, а часть взвода отдыхает в землянке.

— Вы давно сидите в этих окопчиках?

— Да уж порядочно.

— Чего же не соединили их? Ведь вместе, всем отделением, лучше держать оборону.

— Само собой, товарищ генерал. Но нет приказа, а без него как же?

— Думаю, что дадут приказ, непременно дадут.

Отсюда мы направились по овражку к дзоту. Шли то пригнувшись, то во весь рост. У дзота нас встретил сержант и представился. Он предупредил, что вперед выходить нельзя: могут обстрелять.

Зашли внутрь дзота. Здесь все было как полагается: посередине на деревянном столе стоял пулемет со вставленной лентой, ствол направлен в амбразуру. Вдоль стенок установлены скамеечки, на которых сидели бойцы.

— Вроде неплохо устроились, — сказал Смирнов-Несвицкий, оглядывая огневую точку.

— По сравнению со стрелками у нас рай, — ответил сержант. — Мы защищены от ружейно-пулеметного и минометного огня. У нас тепло: ни снег, ни дождь нипочем. Вот только фашистские снайперы за нами охотятся. Неделю тому назад одного пулеметчика через амбразуру убили, попали в голову.

— А вы замаскируйте голову, — посоветовал я. — Соберите сухой травы и с внешней стороны прикройте. Только реденько, чтобы самим был виден сектор обстрела. Но снайпер амбразуру уже не разглядит.

Обратно мы шли веселее: дорога знакомая. На землю спускались сумерки. Однако в Семисотку прибыли засветло. Отсюда поехали в Ленино, на КП фронта.

На следующий день со Смирновым-Несвицким мы были у начальника инженерных войск 44-й армии полковника Н. В. Смолянинова в местечке Кашая. Это небольшой, частично разрушенный поселок. Землянка полковника Смолянинова по своему устройству ничем не отличалась от той, в которой мы были у Шурыгина. Конечно, из землянки трудно сделать дворец, но оборудовать ее более уютно можно. Ведь в период затишья большая часть времени личного состава проходит в землянке, кроме службы наблюдения и охранения. Но здесь не думали об этом. Свыклись, что ли? [72]

С инженерным оборудованием позиций, занимаемых войсками 44-й армии, было не лучше, чем в 51-й армии. И что особенно тревожно, как информировал Смолянинов, командиры частей и подразделений считают, что не надо окапываться, поскольку скоро предстоит идти в наступление.

С генералом Черняком я не встречался раньше, но знал, что во время советско-финляндской войны он командовал стрелковой дивизией на Карельском перешейке. За успешные действия по прорыву линии Маннергейма был удостоен звания Героя Советского Союза. Теперь он командарм. Я высказал ему наши

соображения по инженерному оборудованию обороны. Однако он сначала не согласился с ними.

— Делать это незачем. Мы готовимся в ближайшее время наступать.

Черняк молчал. Молчали и другие. Тишину нарушил Смирнов-Несвицкий.

— Товарищ генерал, каково ваше мнение относительно строительства армейского оборонительного рубежа? — спросил он.

— Судя по тому, как задан вопрос, — сказал Черняк, — очевидно, фронт считает, что такой рубеж необходим.

— Мы только что были у генерала Львова. Он наметил передний край своего армейского оборонительного рубежа от Азовского моря до горы Кайман.

Черняк посмотрел на карту.

— Положение переднего края армейского рубежа вполне приемлемо. На участке нашей армии он, видимо, может пройти прямо на юг и примкнуть к Феодосийскому заливу у Сейтджеута. Но меня интересует вопрос: а кто этот рубеж будет строить? Своих сил у нас нет.

— Поможем силами фронта, кое-что возьмем и у вас, — ответил Смирнов-Несвицкий.

— Поживем — увидим, — ответил Черняк.

Из 44-й армии мы поехали в Керчь. К вечеру были на месте. Я отправился на отведенную мне квартиру. Хотелось, оставшись одному, поразмыслить над результатами поездки. Картина вырисовывалась далеко не отрадная. Оборона войск имела существенные недостатки. Отсутствовало пока эшелонирование в глубину. Армейский тыловой рубеж еще и не думали строить. Ак-Монайские позиции представляли собой разрушенную на 30 процентов тонкую линию из противотанкового рва и проволочных заграждений с небольшим количеством дзотов. Передний край противотанковыми и противопехотными минами не прикрыт. [73]

Волновало состояние стрелковых позиций. Бойцы сидят в одиночных окопчиках, причем уже почти 20 дней. А в окопчиках ой как нелегко обороняться и переносить тяготы войны! Необходимо решительно улучшить инженерное оборудование позиций, быт солдат.

Пользуясь затишьем, следует создать положенную глубину обороны Ак-Монайских позиций, приняв за основу утвержденный ГВИУ батальонный район обороны. Разрозненные окопчики объединить или заново отрыть на взвод или как минимум отделение. Отрыть ходы сообщения до ближайших укрытий. Сделать по одной землянке на взвод, улучшив их перекрытие. Это

значительно поднимет моральный дух личного состава.

Без промедления нужно минировать передний край обороны и в глубине по отдельным направлениям, чтобы создать сильные препятствия для вражеских танков. Тщательно продумать организацию системы противотанкового и противопехотного огня. Создать тыловой армейский оборонительный рубеж, а также фронтовой рубеж по Турецкому валу и Керченскому обводу. К работе в тылу по возможности привлечь местное население.

Размышляя о вопросах организации обороны, я наносил на карту крупного масштаба позиции, минные заграждения с соответствующими пояснениями и цифровыми данными. Так получился набросок конкретного плана, с которым можно было выступить перед командованием фронта.

Утром я передал зашедшему ко мне Смирнову-Несвицкому набросок плана и просил детально изучить его, где надо, уточнить и как полагается оформить, подготовить карту оборонительных рубежей Ак-Монайских позиций в крупном масштабе. Сделать это желательно к 17 часам завтрашнего дня для доклада Военному совету фронта.

— Думаю, что докладывать надо вам, как начальнику инженерных войск фронта, а я дополню по инженерным заграждениям, а если потребуется, то и по другим вопросам, — предложил я.

Смирнов-Несвицкий собирался уже уходить, как вдруг открылась дверь и вошёл полковник Леошеня. Мы были рады его прибытию, тем более что вместе с ним прибыл отряд инструкторов-минеров, которых здесь так ждали. Я попросил Александра Ивановича помочь разместить людей, поставить на довольствие. Он заверил, что все будет сделано как надо, и отправился в штаб.

— Ну, Евгений Варфоломеевич, а теперь рассказывай, как расстались с Севастополем, что успели там сделать. [74]

— Потрудиться пришлось много, установили минные поля, сдали их дивизиям, претензий никаких не было. Генерал Петров объявил всей нашей группе благодарность за помощь, оказанную Приморской армии.

Итак, для Севастополя мы сделали все, что могли. Теперь на повестке дня Керчь и Керченский перешеек. Я ознакомил Леошеню с обстановкой на этом участке фронта, рассказал, какая предстоит работа в ближайшие дни.

По нашему плану, согласованному с начинжем фронта, для 51-й армии создавался отряд из 19-го саперного батальона и роты 61-го моторизованного инженерного батальона (командир майор Л. А. Давид).

В 44-ю армию выделялись 132-й моторизованный инженерный и 205-й саперный батальоны. Командиром отряда назначался также представитель группы майор Т. Т. Павленко.

Я распорядился вызвать майоров Давида и Павленко, чтобы ознакомить их с планом, порядком и сроками минирования, снабдить картами крупного масштаба для привязки минных полей.

Через несколько часов Давид и Павленко прибыли в штаб. Оба командира прошли школу войны под Москвой, Севастополем. Они имели хороший опыт по устройству минновзрывных заграждений в обороне. Теперь перед ними стояла задача минировать Ак-Монайские позиции, в течение 5–6 дней полностью закрыть передний край на всем его протяжении. Затем произвести минирование в глубине обороны опорных пунктов на танкоопасных направлениях. Ставя задачу Давиду и Павленко, напомнил, что надо действовать осторожно, соблюдать маскировку. Предупредил, что очень важно сохранить в тайне нашу работу. Дневное время следует использовать для отдыха и тренировок по технике минирования. Работать только по ночам. Связь с нами держать через штаб армии.

Утром следующего дня состоялось заседание Военного совета. На нем присутствовали командующий фронтом генерал-лейтенант Д. Т. Козлов, армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис, член Военного совета дивизионный комиссар Ф. А. Шаманин, начальник штаба фронта генерал-майор Ф. И. Толбухин и другие генералы и командиры. Карты минирования и оборудования Ак-Монайских позиций были вывешены на стене. Доклад сделал полковник Смирнов-Несвицкий. Он кратко охарактеризовал состояние обороны, высказал и наши предложения по инженерному оборудованию позиций и минированию с указанием очередности и сроков их выполнения. [75]

После обмена мнениями и уточнения некоторых деталей Военный совет одобрил и утвердил план инженерных мероприятий. Был подписан приказ о выделении необходимых сил и средств для его реализации.

С заседания Военного совета мы вышли ободренные. Наши усилия не пропали даром. Командование фронта поддержало инженеров.

Лед, как говорится, тронулся. Теперь начнется настоящая работа. Я попросил Евгения Варфоломеевича взять под личный контроль подготовку отрядов заграждение обеспеченность их минновзрывными средствами. Завтра ночью отряды должны приступить к минированию. Мы договорились, что в первый день

я выеду в 51-ю армию, а Леошеня — в 44-ю. По утрам будем встречаться на КП фронта в Ленино для обмена информацией.

Началась деятельная подготовка. Я поехал к полковнику Шурыгину в 51-ю армию, чтобы проверить готовность отряда к минированию на Ак-Монайских позициях. Прибыл туда вечером. Ко мне присоединился В. П. Шурыгин, и мы отправились в Ак-Монай. По поселку прошлись пешком. Он был сильно разрушен, сохранились лишь опустевшие винные погреба, в которых и разместились отряды минирования. Разыскали майора Давида. Он коротко доложил о полной готовности групп к минированию. По моей просьбе Давид пригласил командиров рот, взводов и наших инструкторов, идущих на минирование.

Среди пришедших я видел товарищей, знакомых по боевым делам в битве под Москвой, в Севастополе. Тут был энергичный, смелей, смекалистый лейтенант Агеев. Он отлично выполнял боевые задания в Севастополе. Агеев родом из Тулы, невысокий, щупленький, а в работе и богатырь за ним не угонится. Под стать ему лейтенанты Барсуков, Таякин, Козлов и другие. Я смотрел на них и думал: «Крепко же достается вам, ребятки, а вы не жалуетесь, бодры, даже шутить не разучились».

С передовой доносились стук автоматных очередей, тявканье крупнокалиберных пулеметов. Им, как контрабас в оркестре, подыгрывали звуки рвущихся минометных и артиллерийских снарядов. Но никто на это не обращал внимания. Эта музыка уже стала обычной. Без нее вроде бы чего-то не хватало.

— В Севастополе вы получили хорошую боевую практику по минированию перед передним краем обороны в ночное время, — обратился я к инструкторам. — Теперь этот [76] опыт используйте и как можно скорее передайте его местным саперам.

Вновь напомнил о строгом соблюдении мер предосторожности и маскировки. Надо во что бы то ни стало скрыть минирование от врага. Категорически запретил курение.

Командиры отправились в свои подразделения. Опускались сумерки и постепенно плотной пеленой опутали землю. Перед передним краем врага начали почти непрерывно взвиваться ракеты. Ночь вступала в свои права. Кто-то сейчас будет спать, а саперы станут трудиться всю ночь напролет. Беспокойная и очень тяжелая у них служба. В войсках говорят: сапер — должность трудная. Всегда впереди, всегда на самых ответственных участках. Недаром их потом назвали тружениками войны.

На следующее утро я, полковник Смирнов-Несвицкий и дивизионный инженер капитан П. П. Смирнов вновь приехали в Ак-Монай.

К нам подошел майор Давид.

— Ну, как прошло минирование? — поинтересовался я.

— В целом неплохо. До нормы немножко не дотянули: сказывается у некоторых отсутствие необходимых навыков. Потом ракеты мешают. Но дальше дело пойдет лучше. Освоимся. Жаль, два человека ранены, один из них — тяжело. Саперы еще плохо ориентируются в темноте, сбиваются с направления, нарушают маскировку. Думаю после отдыха еще потренировать их приемам ночного минирования.

— Хорошая мысль, непременно потренируйте, — согласился я.

Вскоре мы получили данные из 44-й армии. Сравнительно нормально прошло минирование и там. Только у Феодосийского залива саперы подверглись минометно-артиллерийскому обстрелу. Есть потери. Но разве на войне обойдешься без них? Плохо, когда жертвы не оправданы ничем. А тут мы делали большое, очень нужное дело. Минирование продолжалось еще несколько ночей.

Уже шла вторая половина февраля 1942 года. Погода стояла отвратительная: то дождь, то вдруг мороз, то туман — что называется, гнилая крымская зима. На фронте было относительно спокойно. По имеющимся у нас сведениям, и в Севастополе была такая же обстановка. Активных действий не велось ни тут, ни там. Отчасти из-за плохой погоды. Но главным образом из-за того, что обе стороны готовились к активным действиям.

Оборонительные работы на Ак-Монайских позициях велись с

некоторыми перерывами. От периодических потеплений [77] грунт раскисал и делался очень вязким. Копать его было просто невозможно. Земля буквально прилипала к лопате. Крепко доставалось саперам, производившим минирование, ночами они ползали по размокшему грунту с минами в руках и настолько прилипали к клейкой крымской земле, что иногда без помощи товарищей не в силах были оторваться от нее. При заморозках минирование шло легче. Затруднялась только отрывка лунок для мин. Несмотря на тяжелые погодные условия, к 20 февраля нашей группе удалось полностью заминировать передний край Ак-Монайских позиций. Это, безусловно, был немалый успех.

В те дни Крымский фронт силами 51-й и 44-й армий готовился к наступлению в общем направлении Старый Крым, Феодосия. В войска непрерывно доставлялись боеприпасы, прибывали танки, артиллерия и другая боевая техника. Пришло пополнение.

Оставалось всего три дня до начала наступления. Оборонительные работы на Ак-Монайских позициях были приостановлены. Бойцам дали отдых. Теперь саперы должны были сделать проходы в своих минных полях, а накануне дня атаки — в минных полях врага. Задача трудная и весьма ответственная. На каждую роту пехоты и поддерживающие ее танки НПП проделывалось по два прохода шириной до 8 м. Для этого выделялась группа саперов не менее отделения, оснащенная щупами-миноискателями, саперными ножами и комплектами красных и белых флажков.

И вот настал день наступления — 27 февраля 1942 года. Утро было пасмурное, небо заволокли густые облака. Мы с полковником Смирновым-Несвицким и полковником Леошеней рано утром прибыли на наблюдательный пункт генерала Львова — его армия наносила главный удар. Там же находился и полковник Шурыгин. До начала артиллерийской подготовки оставались считанные минуты. Ровно в 7 часов воздух потрясли мощные раскаты артиллерийской канонады. И сразу на переднем крае противника и в ближайшей глубине заплясали разрывы снарядов. Вверх летели комья земли, обломки деревьев. Густой дым расстилался по полю, затрудняя наблюдение. Шурыгин доложил мне: получено донесение, все проходы в минных полях проделаны. Стена артиллерийских разрывов начала перемещаться в глубину обороны противника. Прижимаясь поближе к ней, вперед пошли танки с пехотой, сопровождаемые саперами. Фашисты открыли сильный огонь. Загремели выстрелы уцелевших орудий, застрочили пулеметы и автоматы врага. Однако наши части упорно продвигались к опорному пункту

Джантора и [78] вскоре овладели им. Вслед за передовыми частями двинулись вторые эшелоны, длинной лентой потянулись конный транспорт и автомашины, подавая войскам боеприпасы.

На второй день наступления с НП 51-й армии мы наблюдали бой за деревню Тулумчак, находящуюся в 6–7 км юго-западнее Джанторы. После жаркой схватки наши части овладели этим населенным пунктом. Саперы 132-го моторизованного инженерного батальона немедленно прикрыли Тулумчак минными полями с юга и запада. Как показал дальнейший ход событий, мера оказалась своевременной. К вечеру в районе Тулумчака снова разгорелся бой. На деревню двинулась большая группа вражеских танков. Но едва первые машины подошли к ее южной окраине, как 8 танков подорвались на только что установленных минах, а 4 танка запутались в МЗП.

Итак, на поле боя остались 10 танков. По уцелевшим открыла мощный огонь артиллерия, заставив повернуть их обратно. Наши саперы одержали первую победу.

Наступление развивалось очень медленно. Непрерывно шел дождь, в результате чего грунт настолько размок, что танки по целине двигаться не смогли. Сделались непроходимыми дороги для артиллерии и автотранспорта. Войскам фронта прорвать оборону противника не удалось. 51-я армия за три дня боев сумела овладеть лишь Джанторой и Тулумчаком, 44-я армия успеха не имела. Командование фронта приняло решение приостановить наступление.

Настроение у всех после этих боев было нерадостное. Сколько готовились, а результата почти никакого. Было над чем задуматься, поразмыслить, что делать дальше.

Мне стало известно, что в Керчь прибыл заместитель генерального инспектора Главного автобронетанкового управления Красной Армии генерал-майор Василий Тимофеевич Вольский. С ним я познакомился еще в Москве. В 1940 году мы вместе проводили инженерно-танковое учение по преодолению противотанковых заграждений в зимних условиях. Вольский — генерал большой эрудиции, хороший товарищ и отзывчивый, сердечный человек. И внешностью он взял: высокого роста, хорошо сложен, белокурый, с красивым русским лицом. В прошлом Вольский кавалерист, а теперь видный танковый начальник.

В тот же день я встретился с Вольским. Мы тепло и сердечно поздоровались, оба были рады увидеть друг друга, особенно я. Ведь прибыл знакомый с Большой земли, да еще из Москвы. Это же целая куча самых свежих новостей. Я предложил ему разместиться в нашей землянке. Вольский [79] прибыл на

Крымский фронт по заданию Ставки. С собой «притащил» целый эшелон танков КВ.

Мы распрощались. Я отправился к Мехлису с очередной информацией. Кратко доложил ему, что Ак-Монайские позиции прикрыты минными полями. Восстановлено проволочное препятствие. Пехота окопалась, Отрыты окопы на стрелковое отделение и взводы, что, безусловно, повысило устойчивость обороны и в некоторой степени улучшило бытовые условия бойцов в окопной жизни. Настроение их поднялось.

— Это хорошо, — сказал Мехлис, — что колесо завертелось. Значит, дело будет. Сообщаю для вашего сведения: в ближайшее время мы планируем новое наступление в целях деблокирования Севастополя с последующим изгнанием фашистов из Крыма.

Военный совет окончательно установил дату нового наступления 13 марта в 10 часов утра.

Накануне мы со Смирновым-Несвицким отправились в 44-ю армию проверить готовность инженерных частей к обеспечению боевых действий пехоты, танков и артиллерии. Выполнив все намеченное, ночью поехали в 51-ю армию на КП генерала Львова. Уже стало светать, когда выбрались на Феодосийское шоссе. Я задремал. Проснувшись от толчка, заметил на ветровом стекле капельки воды. Вскоре начался дождик. Февральская история повторялась. «Неужто командование фронта не отменит атаку? Ведь завязнем в грязи по самые уши», — невольно высказал я мысль.

Смирнов-Несвицкий промолчал. За него ответил гром начавшейся артиллерийской подготовки.

С большим трудом мы пробивались через пробки, образованные на единственном шоссе транспортом. На НП командующего 51-й армией генерала Львова прибыли тогда, когда наступление уже началось. Пехота для облегчения передвижения была одета в ватные куртки. Но продвигалась она очень медленно. Бойцы, попав под сильный пулеметный огонь, падали на сильно размокшую землю. Вскоре одежда намокла и покрылась толстым слоем липкой грязи. Она стала очень тяжелой и сильно сковывала действия.

Танки все больше замедляли ход и наконец совсем отстали от пехоты. Это было хорошо видно с НП. Вот несколько КВ спустились в небольшую лощину, медленно пересекли ее и лишь только начали подниматься на возвышенность, как тут же остановились.

— В чем дело? — спросил Шурыгина генерал Львов. — Срочно проверьте, что там произошло. [80]

Полковник Шурыгин быстро послал небольшую команду

инженерной разведки. Вскоре она донесла, что танки КВ своими гусеницами увязли во внезапно размокшем грунте по самое днище и остановились. Они не могут двинуться ни вперед, ни назад. Встал вопрос: чем же можно помочь танкистам? Ведь у нас нет тягачей, да и они сейчас не пройдут. Словом, эвакуировать КВ сейчас невозможно.

В течение первого дня 51-я армия продвинулась вперед на 5–6 км. 44-я армия снова не имела успеха. Военный совет фронта отдал приказ войскам прекратить наступление и закрепиться на достигнутом рубеже.

Через пару дней, как нарочно, подморозило, небо немножко прояснилось. Вот бы когда наступать! Но теперь уже было не до этого. Военный совет провел совещание по итогам мартовского наступления, проанализировал причины его неудачи, рассмотрел вопросы организации и управления войсками, материально-технического обеспечения. Обсуждался также вопрос о том, как же вызволить восемь танков КВ, застрявших в грязи неподалеку от переднего края обороны. Машины эти полностью боеспособны, не повреждены. Мехлис спросил генерала Вольского о том, как вызволить машины. Он ответил, что эвакуировать танки можно лишь с помощью артиллерийских тягачей, причем применять их нужно спаренно, так как у одного не хватит мощности. Танки не только увязли по самое днище, но и вмерзли в грунт.

— А как вы считаете, товарищ Галицкий, — обратился ко мне Мехлис, — есть какая-нибудь возможность освободить гусеницы танков, вмерзшие в грунт?

— Попробуем взрывами мелких зарядов подорвать землю около танков. Это сделают наши саперы. Полагаю, что гусеницы должны освободиться, — ответил я.

— Раз так, поручим эвакуацию КВ генералам Галицкому и Вольскому, — подытожил Мехлис, глядя на Козлова. Тот согласился.

После заседания Военного совета мы с Вольским обсудили план дальнейших действий, прикинули, что следует взять у танкистов, артиллеристов и инженеров. Составили заявку и передали ее штабу фронта для исполнения начальникам артиллерии, бронетанковых и инженерных войск. Работу решили начать этой же ночью.

Свою штаб-квартиру наметили расположить в поселке Парпач, недалеко от озера того же названия. Поселились в одной из уцелевших саклей. Но и она была сильно побита: без окон, полуразрушенная печь. [81]

Раздался стук в дверь. В домик вошел командир инженерного подразделения. К сожалению, не запомнил его фамилии. Он

доложил, что саперы уже приступили к подрыву мерзлого грунта под танками. Работа идет нормально. Трудновато забираться под днище машин, но саперная изобретательность выручает.

— А фашисты не стреляют? — спросил Вольский.

— Изредка. Зато все время бросают осветительные ракеты.

— Подсвечивают, значит. Фашисты сами того не подозревают, что помогают вам работать, — засмеялся я. — Это хорошо! Утром зайдите сюда же и доложите, что успели сделать за ночь.

Командир ушел. Мы с Вольским остались одни. На фронте полное затишье, лишь изредка раздавались то короткая очередь пулемета, то одиночные выстрелы из винтовки. В целом первая ночь прошла без особых приключений.

Рано утром явился командир саперного подразделения и сообщил, что команда подготовила для эвакуации четыре танка.

— Доброе начало, как стемнеет, будем их эвакуировать, — оживился немного Вольский. — Вечером прибудут тягачи с нужной оснасткой. Познакомим вас с командирами — артиллеристами и танкистами. Работать будете вместе.

Утро на этот раз выдалось хорошее, солнечное и безветренное. Василий Тимофеевич что-то заносил в записную книжку. Чтобы не мешать ему, я решил посмотреть на наши спасаемые танки КВ. Отсюда они были видны неплохо. Но мне хотелось поближе взглянуть, что и как там делается по подготовке к эвакуации, помочь советом.

Подошли вплотную к машинам. Вокруг них в отвале лежали раздробленные мелкими взрывами комья мерзлого грунта, вынутого из-под днищ. Гусеницы были полностью очищены от земли. Но я обнаружил, что в самом торце под танком оставалась отвесная стенка мерзлого грунта глубиной до полуметра.

— Вот что, сапер, надо сделать аппарели по ширине гусениц, иначе машина не выйдет из котлована. У тягачей не хватит мощности вытащить ее, — посоветовал я.

— Так и сделаем.

Посвистывание пуль около танка участилось. Очевидно, снайпер обнаружил нас. Надо было убираться. Мое присутствие здесь больше и не требовалось...

К вечеру к нам пришли два командира — танкист и артиллерист. Они доложили Вольскому, что прибыли с двумя [82] тягачами и тросами в его распоряжение для эвакуации танков КВ.

— Скоро сюда прибудет командир-сапер. Вы с ним и отправитесь туда пешком, — сказал Вольский. — Возьмите с собой водителя головного тягача и разведайте пути подъезда. Для

ориентировки движения у подготовленного к эвакуации танка будет поставлен сапер с фонариком. Он-то и будет давать вам световые мигающие сигналы.

Наступила ночь. Мы с Василием Тимофеевичем сидели в своей сакле и переживали: удастся или нет наш эксперимент? А вдруг фашисты откроют артиллерийский огонь и сорвут эвакуацию. Прошло два часа. Явился командир-танкист и доложил, что первый танк эвакуирован на восточную окраину Парпача.

— Передайте всем благодарность, продолжайте работу, — пожал руку командиру Вольский.

— Эвакуация идет успешно. Ну, что вы на это скажете, Василий Тимофеевич? Вот что значит боевое содружество саперов с танкистами! — не без гордости сказал я.

К концу второй ночи все восемь КВ были эвакуированы. На этом и завершилась наша операция.

С легким сердцем мы с Вольским возвратились в Керчь и доложили представителю Ставки о выполнении задания. Выслушав нас, он сказал:

— По приказанию Ставки вы, товарищ Галицкий, с вашей группой инструкторов-минеров отправляетесь в Москву, в свое управление.

Сборы были недолги. Уже через день мы уехали в Москву. [83]

Щит столицы

Первым, кого я встретил в штабе управления начальника инженерных войск Красной Армии, был полковник З. И. Колесников. Мы вошли с ним в кабинет, и я попросил его познакомить с последними событиями на фронтах, особенно на западном направлении. Колесников взял карту, аккуратно развернул ее и с гордостью сказал:

— С тех пор как вы уехали, обстановка здорово изменилась. Вот взгляните.

Я с интересом рассматривал карту.

Да, перемены произошли большие и в нашу пользу. Но хотя враг потерпел под Москвой сокрушительное поражение, он пока находился от нее не так уж далеко, всего в 200–300 км. Гитлер, видимо, не расстался с планами попытаться вновь овладеть столицей. Значит, нам предстоит приложить максимум усилий, чтобы эффективно оборудовать в инженерном отношении оборонительные рубежи на дальних подступах, обеспечить войска необходимыми инженерными силами и средствами и таким образом создать на московском направлении непреодолимую оборону.

Зазвонил телефон. Генерал Котляр приглашал к себе в кабинет.

— Наконец-то возвратился, путешественник, — улыбнулся он, пожимая мне руку. — Впечатлений привезли, наверное, уйму? Ну, что там практика выявила нового в наших инженерных делах?

Я доложил о проделанной работе в Крыму, отметил, что поездка была полезной. Подготовили неплохих минеров, и сами многому научились, набрались опыта. Сейчас становится ясно, что до войны в подготовке инженерных войск по тактике и приемам инженерного обеспечения в деталях кое-чего не предусмотрели. Это касается главным образом массированного применения инженерных заграждений в условиях маневренной обороны, установки фронтальных минных полей в глубине, применения подвижных отрядов заграждения.

Не имея в этих вопросах необходимого опыта, мы оказались недостаточно подготовленными и к широкому применению минновзрывных заграждений в оперативно-тактическом [84] плане. Из-за отсутствия тралов очень остро стоял вопрос проделывания проходов в минных полях противника в наступлении. Разминировали вручную, щупом и руками, а это сильно замедляло действия саперов.

— Что же вы предпринимали? — спросил генерал Котляр.

— Разработали инструкции и указания для войск и инженерно-саперных частей. Конечно, они не исчерпали всех вопросов. Но важно было добиться понимания командованием армий и дивизий важности и необходимости умелого применения заграждений, инженерного оборудования рубежей. Безусловно, все это требует срочного решения в масштабах всей Красной Армии.

Я коротко рассказал и о той помощи, которую нам оказывали начальники инженерных войск армий и фронта. Особо отметил в Приморской армии полковника Г. П. Кедринского, который проявил себя с самой лучшей стороны.

— Знаю, что его уже нет в живых. Гибель Кедринского меня очень огорчила. Ведь я хорошо знал его, — сказал генерал Котляр.

Котляр предложил в порядке обмена опытом подготовить указания начальникам инженерных войск фронтов по затронутым в моем докладе вопросам. Этим я сразу и занялся, но прежде ознакомился с последними руководящими директивами Ставки и Генштаба, чтобы учесть их в работе. Одновременно пришлось решать множество вопросов и по линии нашего штаба.

Но не прошло и недели, как последовал звонок из Ставки.

— Как вы смотрите, — сказали мне, — если вам предложат

занять должность заместителя командующего войсками и начальника инженерных войск Западного фронта?

Я не ожидал подобного предложения.

Взвесив все «за» и «против», пришел к выводу: от штабных дел я основательно отстал в связи с постоянными командировками на фронт. А дела фронтовые как-то стали ближе, и, откровенно говоря, считал я их более важными. К тому же Западный фронт — один из ответственнейших фронтов. Назначение почетное.

Подумав так, дал свое согласие на предложенную должность.

— Хорошо, — сказали мне, — завтра утром вы получите выписку из постановления ГКО о назначении.

Какое-то время сидел я в раздумье, осмысливая происшедшее. Решил, в конце концов, что поступил правильно. [85]

И мысленно уже перенесся на Западный фронт, представил себя в роли начальника, Видимо, человек так устроен, что его всегда интересует больше то, что будет впереди, в ближайшем будущем, а не то, что есть сейчас.

В тот же день мне стало известно о предстоящей реорганизации Управления начальника инженерных войск Красной Армии. Начальником инженерных войск Красной Армии и одновременно заместителем Наркома обороны назначался генерал-майор М. П. Воробьев. На его место начальником инженерных войск Западного фронта шел я. Генерал Котляр ложился в госпиталь: у него резко обострилась каменно-почечная болезнь. После выздоровления он был назначен на один из фронтов южного направления. Начальником Главного военно-инженерного управления назначался генерал-майор А. Я. Калягин, бывший начинж Брянского фронта. Генерал-майор И. А. Петров убыл на должность начальника инженерных войск одного из фронтов. Начальником штаба инженерных войск Красной Армии стал генерал-майор К. С. Назаров.

Вечером того же дня я начал готовиться к отъезду на фронт.

14 апреля, получив постановление ГКО о новом назначении, я без промедлений отправился в штаб Западного фронта, который со времени битвы за Москву все еще оставался на старом месте, в районе Перхушково. Ехали на машине. Наш путь лежал по знакомым местам Подмосковья. Буквально на каждом шагу встречались всевозможные инженерные препятствия: металлические ежи, бетонные тетраэдры, завалы, противотанковые рвы и отдельные окопы, через которые по ширине шоссе были проделаны проходы и переходы. В придорожной полосе вкопаны в землю железобетонные колпаки

для станковых пулеметов. Все виденное поражало своими масштабами. Поистине, какие титанические усилия потребовались, чтобы в исключительно сжатые сроки произвести инженерное оборудование подмосковных оборонительных рубежей! Сколько умения, организованности и сил нужно было, чтобы массированно и быстро применять такое количество самых разнообразных заграждений и препятствий. Тысячи москвичей и жителей Подмосковья самоотверженно трудились над выполнением весьма тяжелых, непривычных, очень важных для государства работ. За этими сооружениями я мысленно представлял нашу пехоту, артиллеристов, танкистов и саперов, которые общими героическими усилиями сдержали бешеный натиск гитлеровских полчищ, а затем отбросили их от Москвы. [86]

В период оборонительных боев за столицу я со своим шофером Жоржем Иочем, так его звали, изъездил все Подмосковье, и теперь мы вместе следовали по этим же местам на фронт. Я был доволен, что он остался у меня шофером. Ростом Иоч невелик, ниже среднего. Но, как говорится, мал золотник, да дорог. Водитель исключительно надежный, в самых трудных ситуациях не терялся. И собеседник был хороший, не лишенный чувства юмора.

После непродолжительного пути мы въехали в небольшой живописный дачный поселок, опоясанный лесным массивом. Здесь находился штаб инженерных войск Западного фронта, куда я и держал путь. Меня встретил полковник П. В. Афанасьев, начальник этого штаба. Он представил находящегося здесь же замполита начальника инженерных войск фронта полкового комиссара Ивана Васильевича Журавлева.

Обменялись рукопожатиями, я сообщил им о цели приезда, но они уже знали о моем назначении.

После короткого знакомства с командирами штаба инженерных войск отправился представиться командующему Западным фронтом. Его штаб находился километрах в 15 отсюда и располагался в небольшом поселке, в густом сосновом бору, который наилучшим образом обеспечивал маскировку от авиации врага. Открытые места и отдельные постройки были тщательно замаскированы большими натянутыми горизонтальными масками.

В штабе Западного фронта хорошо помнился печальный случай, который произошел в 1941 году в боях под Смоленском. Там штаб фронта, находясь в Касне, пренебрег маскировкой и был обнаружен немецкой воздушной разведкой. В результате подвергся жестокой бомбардировке фашистской авиации и понес

тяжелые потери. В Перхушкове он располагался уже более полугода, но ни разу вражеские самолеты не бомбили его, даже тогда, когда фашисты были совсем рядом.

Вначале зашел к начальнику штаба фронта генерал-лейтенанту В. Д. Соколовскому. У него был его заместитель генерал-майор А. П. Покровский.

— Ну вот, опять будем вместе работать, — протягивая мне руку, сказал Соколовский.

— Я рад, что судьба снова свела нас.

Василий Данилович поинтересовался нашей поездкой в Крым. Как можно короче, чтобы не занимать время, я рассказал о самом существенном. Соколовский посмотрел на часы и сказал: [87]

— Сейчас самый подходящий момент пойти к командующему представиться.

В приемной я сообщил адъютанту о цели моего прихода. Он тотчас доложил командующему и, приоткрыв дверь его кабинета, жестом пригласил меня пройти туда.

Г. К. Жуков был один, сидел за столом, погрузившись в чтение. С минуту он не поднимал головы, видимо, изучал какой-то важный документ. Я окинул взглядом его кабинет. Хороший письменный стол, украшенный красивой настольной лампой, рядом с ним, слева, небольшой столик с целой батареей разных по расцветке и назначению телефонов. К письменному столу вплотную примыкал второй длинный стол, за которым проводились служебные совещания и заседания. Вокруг него стояли мягкие кресла. Чуть поодаль сейф для бумаг. На стене висела большая оперативная карта, затянутая матерчатой шторой защитного цвета. Окна прикрывали плотные, тяжелые светомаскировочные шторы. На полу лежал ковер. Все было довольно просто и в то же время уютно.

Командующий оторвался от бумаг. Я тут же представился ему.

Георгий Константинович коротко ввел меня в курс дела.

— Войска нашего фронта перешли к жесткой обороне, — сказал он. — Надо помочь им по инженерному оборудованию занимаемых рубежей. Уделите особое внимание инженерным заграждениям, которые нам здорово помогли в битве под Москвой. Возможности для создания крепкой обороны у нас есть. Необходимо сделать так, чтобы эта оборона была надежным щитом Москвы. Срочно принимайте дела от генерала Воробьева и немедленно приступайте к исполнению своих обязанностей.

— После ознакомления с делами штаба инженерных войск разрешите мне выехать в армии, чтобы посмотреть, как войска

организуют и оборудуют оборону, и подготовить свои соображения для доклада вам.

— Правильно решили, с этого и надо начинать, — одобрил Жуков.

На этом беседа с командующим Западным фронтом и закончилась.

Возвратившись в штаб инженерных войск, я собрал подчиненных и объявил им о своем вступлении в должность. Коротко изложил свои требования.

На этом совещании полковник Афанасьев представил мне начальников отделов штаба: оперативного — подполковника Н. А. Касимова и его помощника майора Б. И. Ульянченко, [88] технического — подполковника В. Н. Ястребова, его старшего помощника по заграждениям подполковника И. В. Волкова и начальника отдела инженерного снабжения майора С. Н. Кукушкина. Все это были люди молодые, полные сил и энергии, инициативные и знающие дело. Они обладали солидным военным опытом. Некоторых из них я уже знал. Касимов и Волков служили со мной в Научно-исследовательском инженерно-техническом полигоне Красной Армии еще в 1933–1935 годах, когда я был его начальником. Тогда они зарекомендовали себя с самой лучшей стороны как специалисты и изобретатели. Приятное впечатление произвел на меня подполковник Ястребов своей собранностью, рассудительностью и знанием дела.

С полковником Афанасьевым довелось работать еще до войны. Окончив Военно-инженерную академию, он несколько лет служил в ГВИУ в отделе боевой подготовки. Начал войну на Северо-Западном фронте в должности заместителя начальника инженерных войск фронта генерал-майора В. Ф. Зотова. Афанасьев — знающий инженерное дело командир, неплохой организатор. Природа наделила его недюжинной физической силой, которая делала его буквально неутомимым в работе.

Отпустив подчиненных, я заслушал доклад Афанасьева о положении дел. Он разложил на столе оперативно-инженерную карту и вкратце доложил общую обстановку. Оборонительная линия Западного фронта начиналась у Волги и шла восточнее Зубцова и Гжатска на Юхнов. У Юхнова фронт делал поворот к станции Барятинская, затем шел дальше на юг к Кирову, а от Кирова тянулся на протяжении 160 км на восток и заканчивался южнее Белева.

Общая протяженность фронта обороны составляла свыше 500 км. Эта цифра говорила сама за себя. Хотя в состав фронта входило 10 армий, все же держать такой фронт было нелегко. К тому же на левом крыле фронта у врага создались благоприятные

условия для нанесения глубокого удара нам во фланг и тыл. Правда, в районе Юхнов, Барятинская наши войска занимали такое же положение в отношении противника, также угрожали ему глубоким охватом на Вязьму, Сычевку.

Я высказал озабоченность в отношении левого крыла фронта, которое требовало особого к себе внимания и усиления. Афанасьев пояснил, что штаб учел это. Организована оперативная группа, которая находится сейчас в Калуге. Возглавляет ее подполковник А. Д. Цырлин. В распоряжении группы находится резерв в составе трех моторизованных [89] инженерных батальонов, а также около 20 000 противотанковых и около 10 000 противопехотных мин.

Затем он доложил о наличии инженерных частей соединений, действующих под руководством штаба инженерных войск фронта. Их было немало: 1-я саперная армия в составе 10 саперных бригад восьмибатальонного состава, отряда механизации и транспортного батальона{6}, фронтовые инженерные части, 12 понтонных батальонов, 10 моторизованных, 6 миннозаградительных и других. Всего 33 батальона без саперной армии. В каждой общевойсковой армии имелось 12 штатных инженерно-саперных батальонов. Большинство этих батальонов были направлены на борьбу с весенней распутицей, чтобы поддержать дороги в проезжем состоянии и защитить мосты от ледохода. Несколько подразделений оборудовали опорные пункты, приспосабливали города к обороне. Часть батальонов занималась устройством минно-взрывных заграждений и минированием перед передним краем обороны.

О ходе оборонительных работ и устройстве инженерных заграждений доложили мне подполковники В. Н. Ястребов и И. В. Волков. Из их доклада следовало, что части и подразделения занимаются в основном оборудованием войскового оборонительного рубежа. А в ближайшее время намечено создание промежуточных и тыловых армейских рубежей на общую глубину до 25 км.

В оперативной глубине фронта расположен Можайский оборонительный рубеж, входящий в состав Московской зоны обороны (МЗО). Линия его идет строго по меридиану — от Волжского водохранилища чуть западнее Можайска на Калугу и далее по реке Оке. Оборудование рубежа средствами долговременной фортификации (монолитные и сборные железобетонные фортсооружения) ведется ускоренными темпами. На его строительство в подчинение МЗО переданы четыре саперные бригады 1-й саперной армии. Кроме того, здесь действуют строительные организации МЗО.

В настоящее время инженерные войска приступили к строительству фронтового оборонительного рубежа для прикрытия Юхново-Кировского участка фронта. Рубеж берет начало из района Мещевска и, спрямляя фронт, идет на восток через Сухиничи, Козельск. Левым флангом он упирается в реку Жиздру.

Что касается минирования, то оно ведется перед передним краем обороны, занимаемым войсками, и на отдельных [90] участках носит, так сказать, случайный характер. Большая часть линии фронта пока еще не прикрыта заграждениями.

Я приказал подполковникам Ястребову и Волкову собрать необходимую документацию и подготовиться к выезду вместе со мной в армии. На месте предстояло детально разобраться со всеми недоделками и подготовить соответствующие предложения командующим армиями и командованию фронта. А полковнику Афанасьеву предложил на завтра к 10 часам утра пригласить в штаб командование 1-й саперной армий. Нужно было послушать, чем они занимаются, какие у них планы на будущее.

Вскоре из Москвы позвонил генерал Воробьев. Он поинтересовался, когда можно будет доложить командующему фронтом о приеме и сдаче дел.

— Готов, жду вашего приезда.

— Тогда завтра к 14 часам буду у вас, командующему фронтом позвоню предварительно сам, — сказал он.

Отпустив подчиненных, мысленно начал подытоживать то, что увидел и что узнал с момента прибытия к новому месту службы. Хозяйство солидное. И войск инженерных на фронте много, и участок он занимает огромный, рубеж его обороны тянется на сотни километров по самой различной местности: леса, болота, овраги, большие и малые речки, как правило, с заболоченной долиной. Хороших шоссейных дорог мало. Грунтовых, правда, хоть отбавляй. Однако их надо постоянно поддерживать в проезжем состоянии, усиливать, улучшать, нужно строить новые дороги и мосты, причем много. Задача трудная и ответственная. К тому же следовало учесть, что Западный фронт имел исключительно важное стратегическое значение, прикрывал столицу нашей Родины.

Оборонительные работы только разворачиваются, так же обстоит дело и с минированием. Вывод один: нужно ускорять инженерное оборудование позиций, но этому здорово мешают весенняя распутица, непролазная грязь, мокрота, стужа.

Затем мысли мои перенеслись на моих непосредственных помощников. Работники штаба инженерных войск фронта произвели на меня хорошее впечатление. Командиры, как видно,

подобрались толковые, знающие. Неплохо осведомлены о положении дел на местах. Чувствуется сплоченность и сработанность отделов и штаба в целом. Это очень радовало. Ведь штаб — рабочий орган начинжа, помощник во всех начинаниях.

На следующий день я встретился с командующим 1-й саперной армией полковником В. В. Косаревым и членом Военного [91] совета бригадным комиссаром С. Н. Лахтиным. Косарева раньше видеть не приходилось. Как мне было известно, Василий Васильевич — кадровый командир. Еще будучи курсантом Ленинградской военно-инженерной школы, он в 1921 году участвовал в подавлении кронштадтского контрреволюционного мятежа. Отличился там и был награжден орденом Красного Знамени. Позже окончил Военно-инженерную академию и несколько лет служил в управлении берегового оборонительного строительства Черноморского флота. А теперь командовал саперной армией. И, по данным штаба, командовал хорошо. Забегая вперед, скажу, войну он закончил в звании генерал-лейтенанта инженерных войск.

Доклад полковник Косарев сделал четкий, конкретный. Он уточнил некоторые данные по составу соединений и частей армии, их распределения, рассказал, как они используются. Ремонтируют и прокладывают новые дороги, оборудуют опорные пункты на важнейших направлениях, занимаются разминированием местности, освобожденной от фашистов. Задача очень трудная. Легче установить свое минное поле, чем снять вражеское. Сапера тут ожидают самые различные сюрпризы. Угадай, что приготовил враг!

Как сообщил Косарев, армия полностью не обеспечена средствами механизации, нет землеройных машин, мало тракторов, не хватает автотранспорта. Некоторые части не укомплектованы полностью личным составом, особенно рядовым.

Я сразу же попросил Косарева составить заявки на доукомплектование армии людьми и техникой, что он и сделал немедленно.

Вскоре Косарев и Лахтин уехали в свой штаб. В дальнейшем нам часто приходилось встречаться по службе, работали мы дружно и быстро находили общий язык.

Ровно в 14 часов, как и обещал, приехал генерал Воробьев. Мы сразу же отправились с ним к командующему. Генерал армии Г. К. Жуков принял нас немедленно. Я доложил ему о приеме, Воробьев — о сдаче должности.

— У вас претензий нет? — спросил меня Жуков.

— Нет.

— Коль так, теперь вся полнота власти и ответственности

ложится на вас, товарищ Галицкий. Да, вы, кажется, собираетесь завтра ехать в войска?

— Так точно. Сначала думаю побывать в 20-й армии, а потом в других.

— Хорошо, поезжайте. Но в штабе должны знать о вашем местонахождении. [92]

На прощание командующий просил Воробьева не забывать Западный фронт и помогать ему всем, чем можно.

Рано утром 22 апреля мы втроем — Ястребов, Волков и я — отправились в 20-ю армию. Она оборонялась на волоколамском направлении. Ехали по Волоколамскому шоссе, путь наш лежал по местам недавних ожесточенных боев с гитлеровцами. Вот разъезд Дубосеково, где совершили подвиг 28 панфиловцев, вступивших в смертельный бой с фашистскими танками. А немного дальше — деревня Строково. Здесь совершили подвиг 11 саперов, которые до конца выполнили свой воинский долг. Каждый метр волоколамской земли мог рассказать о беспримерном мужестве и стойкости бойцов и командиров в битве за Москву.

Вскоре мы были в штабе 20-й армии. Нас встретил начальник инженерных войск полковник Генрих Григорьевич Цвангер. До войны он служил в коннице, командовал саперным эскадроном. Качества кавалерийского командира — расторопность, организованность, напористость — сохранились у него и теперь.

Генрих Григорьевич кратко информировал меня о состоянии оборонительных рубежей и заграждений. Основное усилие в армии направляется сейчас на оборудование войскового рубежа. Дело идет неплохо. Но очень сильно мешает весенняя распутица: непролазная грязь, вода тут же заливает отрытые окопы. В таких условиях нужны опытные организаторы. Войсковые командиры недостаточно подготовлены по вопросам организации инженерного оборудования занимаемых позиций.

Я порекомендовал построить инженерный городок, провести краткосрочные сборы и научить на них общевойсковых командиров приемам инженерного оборудования позиций. Цвангер просил помочь ему инженерными средствами: поставить противотанковые и противопехотные мины, колючую проволоку, шанцевый инструмент и маскировочное имущество. Ястребов и Волков выяснили реальную потребность в инженерных средствах для составления заявки.

В ходе беседы Цвангер подчеркнул интересную деталь: противостоящий враг по-прежнему сильно тяготеет к населенным пунктам, занимает их и приспосабливает к обороне.

— Пожалуй, у фашистов эта привычка осталась с зимних

боев, когда они жались поближе к печке. Зимнего-то обмундирования у них не было, и они жестоко мерзли, — сказал я.

Обстоятельная беседа состоялась у нас с командующим 20-й армией генерал-лейтенантом М. А. Рейтером. После [93] обмена мнениями о состоянии оборонительных работ договорились о приведении тактической схемы обороны в соответствие с указаниями Генерального штаба о развитии инженерных заграждений. Мы заверили командарма в отношении помощи армии инженерными средствами.

Побывав в других армиях, я понял, что существует полная идентичность состояния оборонительных работ и устройства инженерных заграждений с тем, что мы видели в 20-й армии. Картина прояснилась. Оборона войск фронта находилась в стадии становления. Однако самые главные вопросы — организации обороны переднего края и системы артиллерийско-пулеметного и минометного огня — должны быть решены без промедления. С этого и надо, не теряя времени, начинать. Обстановка пока благоприятствует созданию прочной обороны и оборудованию ее в инженерном отношении. Раньше такого не было. В 1941 году мы в основном вели маневренную оборону, вынуждены были под давлением превосходящих сил противника отходить. Оборудование позиций дальше самоокапывания не шло, не хватало времени. Теперь оно есть. Враг с большими потерями отброшен от Москвы. В ближайшее время он, очевидно, не в состоянии предпринять крупное наступление на центральном направлении. Пользуясь наступившей оперативной паузой, мы должны в срочном порядке создать мощную и непреодолимую оборону с сильным развитием инженерных заграждений по фронту и в глубину, увязав их с противотанковой артиллерийской обороной.

С этими мыслями я возвратился в штаб фронта. В тот же день доложил генералу армии Г. К. Жукову о результатах своей поездки и предварительное предложение по организации обороны и ускорению оборонительных работ. Он очень внимательно выслушал меня, а потом сказал:

— Да, уж очень медленно раскачиваются в армиях, да и ваши инженеры тоже не торопятся. Надо активизировать их.

— С вашей помощью, товарищ командующий, мы этого добьемся, — заверил я. — В первую очередь мы считаем необходимым создать стокилометровую зону заграждений.

— Поддерживаю ваше предложение. Когда доложите план?

— Через три дня.

— Хорошо, действуйте. А по вопросам обороны подготовьте

совместно со штабом фронта директиву и дайте мне на подпись сегодня же, — приказал Жуков.

Эта директива в тот же день была подготовлена и подписана. Вечером она ушла в войска. [94]

Возвратись в штаб инженерных войск, я вызвал Афанасьева, Ястребова, Волкова и Кукушкина, проинформировал их о полученном указании генерала армии Жукова по подготовке плана заграждений стокилометровой зоны. Распределили, кому и что делать.

В течение двух суток без сна и отдыха весь штаб работал над составлением плана заграждений. Надо сказать, что такой план с учетом опыта войны в Красной Армии составлялся впервые. Поэтому было над чем подумать. Мы подготавливали карты инженерных заграждений, делали расчеты, распределяли инженерные части и материальные ресурсы, определяли общую организацию осуществления этого крупнейшего мероприятия. Мы стремились к тому, чтобы устройством минных заграждений перед передним краем обороны и в глубине на танкоопасных направлениях создать мощную преграду танкам и пехоте врага. А против танковых клиньев фашистов, которые обычно после прорыва обороны стремительно движутся колоннами по дорогам, намечали разрушение этих дорог и мостов, минирование объездов. В данном случае танки противника, неся большие потери на минных полях и от огня артиллерии, теряя время на преодоление заграждений, будут продвигаться гораздо медленнее. В конце концов они понесут тяжелые потери и будут остановлены.

Каждая армия для устройства заграждений располагала 6 инженерно-саперными батальонами, из них половина — фронтовые части. Всего в армейском звене имелось 45 инженерных батальонов. Во фронтовой зоне на каждом направлении действовало до 4 инженерно-минных батальонов. Всего насчитывалось во фронтовом звене 12 батальонов, 8 в резерве, плюс 33-я моторизованная инженерная бригада специального назначения. Силы весьма внушительные.

Вечером 3 мая наш план докладывался генералу Соколовскому. Он сделал некоторые незначительные замечания и подписал его. 4 мая план инженерных заграждений рассматривался Военным советом. Шел я на заседание, как на экзамен, волновался. Выступать по такому серьезному вопросу в первые дни своей службы здесь — вещь не простая. В кабинете Жукова собрались член Военного совета Н. А. Булганин, начальник штаба генерал-лейтенант В. Д. Соколовский, член Военного совета И. С. Хохлов, заместитель начальника штаба

генерал-лейтенант А. П. Покровский, начальник артиллерии фронта генерал-лейтенант И. П. Камера. На стене висела карта заграждений. Все заняли места за столом. [95]

— Докладывайте, — сказал Г. К. Жуков, обращаясь ко мне.

Я начал с рассказа о положении дел с заграждениями в войсках, отметил, в чем состоят основы и цель оперативных заграждений, затем остановился на сути наших предложений: более тесная увязка заграждений с противотанковой артиллерийской обороной соединений, армий и фронта, очередность и сроки выполнения плана и требуемое количество материальных средств.

— Сколько же вам потребуется мин и чем мы располагаем? — спросил Г. К. Жуков.

— Нам потребуется 445 тысяч противопехотных и 483 тысячи противотанковых мин, 767 тонн взрывчатого вещества, 973 тонны колючей проволоки. У нас имеется всего лишь 25 процентов этого количества. 50 процентов отпускает ГВИУ. Недостает, таким образом, одной четверти, — доложил я, — Мною составлена телеграмма генералу Воробьеву с просьбой поставить эту четверть. Прошу вас, товарищ командующий, подписать ее.

— Расскажите еще раз о сути применения инженерных заграждений, — попросил генерал Соколовский.

— Массированное, глубоко эшелонированное применение минновзрывных заграждений в тесном взаимодействии с артиллерийской противотанковой обороной не позволит фашистским танкам прорваться в глубь обороны. Более того, на заграждениях они понесут огромные потери.

— Как это будет достигнуто? — поинтересовался И; А. Булганин.

— Атаке танков врага мы противодействуем фронтальным минированием перед передним краем, а вклиниванию танков по направлениям — сплошным разрушением дорог. Во всех случаях минные поля и заграждения находятся под действительным массированным огнем противотанковых пушек и артиллерийских групп, расположенных эшелонированно в глубину.

— Чем вы закрываете разрывы заграждений в глубине обороны? — спросил генерал Покровский.

— Применением маневра минными полями с помощью подвижных отрядов заграждения. Численность их — от роты до инженерно-минной бригады. Взаимодействовать они будут с противотанковым артиллерийским резервом.

— Галицкий упустил один элемент обороны в глубине: это противотанковые опорные пункты по основным направлениям, которые противодействуют врагу в преодолении разрушений и

заграждений. Они уже оборудуются, — добавил Г. К. Жуков. [96]

— Так точно, товарищ командующий. Кроме того, опорные пункты обязательно прикрываются минными полями, — доложил я.

— План оперативных заграждений хорошо продуман, — сказал в заключение командующий. — Его следует утвердить и без промедлений претворить в жизнь{7}.

Я, как на крыльях, понесся в наш штаб с радостным известием. Утверждение плана, а главное — глубокое понимание командованием фронта значения важнейшего инженерного мероприятия по укреплению рубежа западного стратегического направления было для нас дороже всех наград. Теперь начнем приводить в движение всю махину войск и техники для оборудования заграждений.

И снова, как в 1941 году, началась минная страда, только в новых условиях, более организованно и методично. На всем протяжении огромного фронта нашей обороны саперы устанавливали минновзрывные заграждения перед передним краем. Все это делалось ползком, по-пластунски, под пулеметным и минометным огнем врага. Почти всегда были раненые и убитые. Началась самая настоящая саперная война. И наши воины-герои выходили из нее победителями, настойчиво и смело выполняли важную боевую задачу.

А на стокилометровую глубину по основным направлениям инженерные батальоны и батальоны минеров подготавливали дороги к разрушению. Свыше 120 инженерно-саперных батальонов создавали массированные заграждения.

Весь фронт пришел в движение. Тысячи, десятки тысяч кубометров земли переворачивали лопатой бойцы стрелковых, танковых и артиллерийских подразделений. Тысячи мин и фугасов устанавливали саперы, они же ремонтировали и строили новые дороги и мосты.

В работе встретились, конечно, трудности, и немалые. В ночных условиях ориентироваться очень сложно, да еще под обстрелом. Поэтому было нелегко добиться четкой схемы и надежной плотности минного поля. А оно устанавливается в три параллельных ряда, между рядами 10–15 м. Саперы распределяются по группам на каждый ряд. Один разбивает места установки мин, второй отрывает лунки, третий подносит и раскладывает около них мины, четвертый устанавливает мину в боевое положение и маскирует ее.

Саперы искали и находили более рациональные способы установки мин. Подполковник Соколов как-то рассказал [97] мне, что у него в бригаде саперы предложили вести минирование в

ночное время перед передним краем с помощью шнура. Шнур изготовлен из шпагата длиной 25–30 м. На нем крепятся бирки, отмечающие расстояние между каждой миной. Берется один шнур на каждый ряд минного поля. Группа натягивает его и крепит металлической шпилькой или деревянным колышком. Это очень облегчает работу минера. С применением шнура установка минных полей стала проходить значительно быстрее, причем точно соблюдались схемы и плотность минных полей и безопасность. В последующем этот шнур в различных вариантах применялся во всех инженерных войсках Красной Армии.

Надо сказать, что минирование местности ночью — привычное дело для сапера. Ночью саперы и понтонеры переправляют войска через реки, строят мосты под самым носом у противника. Но навести переправу еще недостаточно. Ее надо содержать в рабочем состоянии, устранять немедленно повреждения и разрушения. Ночь в этом случае — самое подходящее время. Она скрывает действия саперов от глаз противника. Ночью работают там, где днем это просто невозможно. Вот мы и использовали еще темные весенние ночи для оборудования оборонительного рубежа и минирования на переднем крае и в ближайшей глубине обороны...

В июне 1942 года обстановка на фронтах Юго-Западного направления резко обострилась. Враг развернул здесь широкое наступление. Ставка Верховного Главнокомандования поставила задачу — не дать возможности гитлеровцам снимать свои войска, стоящие перед нашим Западным фронтом, и перебрасывать их на южное направление. Больше того, мы должны были прощупать прочность немецкой обороны. С этой целью командующий фронтом генерал армии Г. К. Жуков по указанию Ставки подготовил наступательную операцию на брянском направлении силами 10, 16 и 61-й армий.

С 5 по 12 июля боевые действия развернулись на участке между Жиздрой и Болоховом против 2-й танковой армии врага.

Подготовка к операции проводилась самая серьезная. С начальниками инженерных войск 10, 16 и 61-й армий генералом А. Н. Варваркиным, полковниками Ф. М. Савеловым и М. Н. Затонским мы разработали план инженерного обеспечения: кто и когда будет проделывать проходы для [98] пехоты и танков, прокладывать пути. Все как будто выходило нормально, но что получится на деле — этого сказать никто не мог. Ведь организацией инженерного обеспечения прорыва обороны врага по-настоящему мы занялись только теперь. Данных, проверенных разведкой, имели маловато. Потому и волновались за результат.

Утром 5 июля после короткой артподготовки началось

наступление. Хотя вражескую оборону полностью прорвать не удалось, противник был вынужден перебросить в этот район из оперативного резерва три дивизии. Это ослабило его группировку в районе Ржева, готовившуюся нанести удар силами 9-й армии на Осташков с юга. Операция носила название «Дерфлингер».

Кроме того, июльское наступление трех армий Западного фронта сорвало намерение командования немецкой группы армий «Центр» организовать силами трех армий операцию «Оркан» («Ураган») с задачей ликвидировать глубоко вклинившиеся советские войска в треугольнике Юхнов, Киров, Белев и выйти на линию рек Ока, Шанья.

На второй день наступления мы с начинжем 16-й армии полковником Ф. М. Савеловым отправились на захваченный нашими войсками передний край немецкой обороны и своими глазами увидели инженерное оборудование позиций противника. Здесь были сплошные траншеи, которые я встречал еще в первую мировую и гражданскую войны. На позициях — открытые пулеметные и стрелковые площадки, позволяющие осуществлять широкий маневр огневыми средствами. Тут же, рядом с траншеями, имелись землянки для размещения солдат. Они обеспечивали минимальные боевые и бытовые условия.

— Непонятно, почему немцы так привержены к траншеям? — вслух размышлял Савелов.

— А чего тут непонятного? Они в наступлении применяют боевой порядок линий цепей. В обороне этому соответствует не отдельный окопчик, а траншея, то есть непрерывный окоп на целую часть.

— Траншея, возможно, и хорошая штука. Но попробуй отрыть ее. Сколько труда надо вложить!

— Без труда, Федор Михайлович, ничего не дается. Игра стоит свеч. Траншеи и нам нужны. Наши войска применяют при атаке боевой порядок «стрелковая цепь», интервалы между бойцами составляют 6–8 шагов. Уже сейчас многие командиры поняли выгодность траншей во всех отношениях. [99]

Смолкли пушки, и снова наступила оперативная пауза, хотя для многих соединений фронта она и не нарушалась. Войска продолжали совершенствовать свои позиции, а саперы занимались устройством минновзрывных заграждений в стокилометровой зоне, проверяли боеспособность минных полей, особенно управляемых, дополнительно минировали те участки, где мины требовали замены, ремонтировали мосты и дороги, вели маскировочные работы. Одновременно в частях и подразделениях шла боевая подготовка с учетом накопленного боевого опыта.

Войска Западного и Калининского фронтов 30 июля — 23 августа проводили совместную Ржевско-Сычевскую наступательную операцию. Замысел операции заключался в том, чтобы ударами 30-й и 29-й армий левого крыла Калининского фронта на ржевском и 31-й и 20-й армий правого крыла Западного фронта на сычевском направлениях разгромить главные силы 9-й армии группы армий «Центр» и ликвидировать ржевский выступ. В ходе ее предстояло форсировать реки Держу, Вазузу и Гжать. Сами по себе реки небольшие, но бродов имели мало, необходимо было строить переправы. С этой целью наступающие армии — 31-я и 20-я — усиливались инженерными частями и понтонно-переправочными средствами. В их полосе действовала 33-я инженерная бригада специального назначения.

Перед началом операции хлынули дожди. Дороги развезло, речки вспухли, стали непроходимыми имеющиеся броды. Условия значительно осложнились. В грязи застревали движущийся к переднему краю транспорт и боевая техника. В подобное положение попал 6-й моторизованный инженерный батальон, которым командовал майор В. В. Пантелеев.

Батальон имел на вооружении трофейный понтонный парк. Он обеспечивал наступление кавалерийского корпуса, который вводился в прорыв и должен был форсировать реку Гжать. В день наступления я выехал в кавкорпус, по пути у самой дороги увидел застрявшую в грязи колонну понтонного парка и рядом с ней грязных с головы до ног майора Пантелеева и его саперов. Остановил машину.

— Засели прочно? — спросил я.

— Прочно, товарищ генерал, — доложил расстроенный Пантелеев.

— Вот что, оставьте с понтонным парком один-два взвода, пусть вытаскивают его из грязи, а сами с батальоном немедленно выдвигайтесь на Держу и помогайте кавкорпусу переправиться. Найдите там лодки, разберите несколько [100] сараев и свяжите плоты для переправы пушек, конница преодолеет реку вплавь. Поняли?

— Понял.

— Действуйте.

Пантелеев, облегченно вздохнув, бросился выполнять приказание. К реке батальон подоспел вовремя, когда передовые части кавкорпуса подходили к Держе. Саперы Пантелеева взяли организацию переправы в свои руки. И дело пошло на лад. Когда потребовалось переправить легкую артиллерию, саперы роты П. И. Дытина начали делать плот из сухих бревен полуразрушенного сарая. Трудились они споро, хотя работать пришлось под

вражеским огнем. За 30 минут паром был сооружен. Переправили одну, потом вторую пушку, но она застряла на противоположном берегу. Артиллерийский расчет не в силах был ее вытащить. Пантелеев приказал переправить взвод саперов в помощь артиллеристам. Пушку мигом выкатили на пригорок и установили на огневую позицию. Тут новая задача: некому подавать боеприпасы от речки. Снова пришлось выделить два отделения саперов. Они стали цепочкой, и пошли снаряды к орудиям. Артиллеристы открыли огонь, и очень своевременно: на конников ринулись танки противника. Атаку их отбили. Вскоре к реке подошел и наш понтонный парк. Быстро был наведен мост, и боевая техника кавкорпуса переправилась по нему на противоположный берег.

За четкие и умелые действия майор В. В. Пантелеев был награжден орденом Отечественной войны I степени. Получили награды особо отличившиеся командиры и бойцы.

В ходе операции к исходу 5 августа войска Западного фронта расширили прорыв вражеской обороны до 30 км по фронту и 25 км в глубину, противник понес большие потери. Чтобы остановить наши соединения в районе Погорелое Городище, Сычевка, гитлеровское командование перебросило сюда 3 танковые и 2 пехотные дивизии. Развернулось крупное встречное сражение, в котором с обеих сторон участвовало до 1500 танков. В этих боях особенно отличились саперы 33-й инженерной бригады специального назначения. К 23 августа бои стихли.

В это время противник проявил активность в районе Сухиничи, Козельск, Белев, то есть на нашем левом фланге. Командующий приказал перебросить туда 6 инженерных батальонов из района Погорелое Городище и 4 батальона из района Калуги. Они получили боевую задачу — прикрыть [101] управляемыми минновзрывными заграждениями нашу оборону на рубеже Думиничи, Дретова, Косьянова. В кратчайший срок была создана сильная полоса заграждений, состоящая из 190 управляемых противопехотных минных полей, 152 управляемых противотанковых минных полей, 23 200 неуправляемых минных полей и 28, 5 км электризуемых препятствий. Кроме того, было построено 168 блиндажей и дзотов. Сделано 2100 м лесных завалов.

27 августа 1942 года генерал армии Г. К. Жуков был отозван в Москву. В командование фронтом вступил генерал-полковник И. С. Конев, до этого возглавлявший Калининский фронт.

Проведенные операции лишний раз убедили меня в необходимости более широкого применения траншейной системы обороны. В самом деле, какие принципиальные недостатки имела

наша оборона? Очень существенные. Окопы и огневые точки разбросаны, локтевая связь отсутствует, сообщение с соседом и тылом открытое, маневр огневыми средствами и подразделениями сильно затруднен, а днем вообще невозможен. Любой передвигающийся боец, командир или группа немедленно подвергается сильному обстрелу. Подразделения несут потери.

При очередном докладе начинж 10-й армии генерал-майор А. П. Варваркин рассказал, что командиры дивизий жалуются: имеются потери из-за отсутствия траншей и ходов сообщения. А они ведь обеспечивают скрытное передвижение, надежную маскировку боевого порядка, маневр подразделений и огневых средств по фронту и в тыл, постоянную защиту обороняющихся от огня противника, широкую возможность подготовки запасных площадок для стрельбы из всех видов стрелкового оружия. В то же время траншея вынуждает врага рассредоточивать огонь по всей ее длине, в результате чего резко снижается плотность и эффективность огня.

С мыслями о необходимости незамедлительного перехода обороны войск фронта на траншейную систему я поспешил к новому командующему. Откровенно говоря, не совсем был уверен в одобрении своего предложения. С генералом Коневым встречался впервые. Как-то он отнесется к этому?

Ивана Степановича Конева застал в кабинете одного. Кратко доложил о состоянии наших инженерных дел. В заключение высказал ему свои соображения о необходимости перехода войск фронта на траншейную систему обороны. [102]

— Чем вам не нравится существующая система? — спросил командующий.

— Изжила она себя. — И я начал горячо доказывать преимущества траншей.

К большой моей радости, наши мнения совпали. Оказалось, что командующий и сам был сторонником траншей. Но мало направить приказ войскам, надо дать им и еще что-то.

— Мы сейчас же, товарищ командующий, начнем готовить, инструкции по применению траншей. В основу обороны ляжет батальонный узел обороны, предписанный нам директивой Генерального штаба.

— Правильно. Только надо быстрее написать и разослать эту инструкцию.

Возвращаясь в наш штаб, я размышлял о том, что написать-то инструкцию можно, но ее надо серьезно аргументировать, надо проверить предлагаемое на практике. А что, если срочно оборудовать взводный район обороны на основе траншейной системы? Показать его Военному совету, выслушать мнение его

членов и тогда действовать. С этой мыслью и пришел в штаб. Пригласил полковников Журавлева, Афанасьева и подполковника Ястребова, объявил им о приказе генерал-полковника Конева о переходе войск фронта на траншейную систему обороны и добавил, что от нас требуется написать по этому вопросу инструкцию с твердыми обоснованиями и практическими данными. А уж потом ее разослать в войска и контролировать. Я попросил Журавлева, чтобы он нацелил партийный и комсомольский актив на разъяснение в частях сути траншейной обороны.

— Нацелим, не сомневайтесь, — заверил он.

— Так вот, сейчас нам необходимо создать опытный взводный район обороны с системой траншей, как элемент батальонного узла обороны. Оборудовать его полностью в боевом, хозяйственном и санитарном отношении. И это будет нашим эталоном. Потом отразим все в инструкции и альбоме чертежей фортификационных построек.

Взводный район обороны решили оборудовать неподалеку от Белкино. Здесь участок местности в тактическом и инженерном отношении подходящий. Поручили Ястребову составить проект этого района обороны.

На следующий день, рассмотрев проект и подписав его, я вызвал в штаб командира 11-й инженерно-минной бригады полковника Г. Т. Соколова. Ознакомил его с заданием, назначил срок готовности. [103]

— Учтите, — предупредил я, — район обороны будет показан Военному совету. На нем будем учить начальников инженерных войск армий, командиров частей.

— Не подведем, товарищ генерал, — заверил Соколов.

Непосредственно строительством взводного района занялся опытнейший командир батальона майор А. И. Волошин. Он быстро разобрался в тактической схеме и чертежах.

В тот же день мы с Ястребовым и Соколовым поехали на выбранный участок, где уже полным ходом шла разбивка фортификационных построек. Обошли весь район, внимательно осмотрели разбивку фортсооружений, проволочных препятствий и минных полей перед передним краем обороны. Уточнили положение траншей, ходов сообщения и места огневых точек. Мнение было единодушным: участок удовлетворяет всем инженерным и тактическим требованиям. На полковника Соколова я твердо надеялся. Он был очень исполнительным и добросовестным командиром, хорошим организатором. Соколова знал еще по службе в Московском военном округе. В боях 1941 года, командуя 41-м саперным батальоном на Западном фронте,

он показал себя мужественным, смелым, распорядительным командиром-сапером. За храбрость и высокое боевое мастерство был награжден орденом Красного Знамени.

В назначенный срок взводный район обороны был готов. Осматривая его вместе с Афанасьевым и Соколовым, я спросил последнего:

— А знаете ли, чего не хватает в оборудовании траншей?

Соколов недоуменно посмотрел на меня и с удивлением сказал:

— Все как будто сделано по проекту.

— Проект выдержан полностью. Но вдоль бруствера траншей, мне кажется, надо поставить невысокую вертикальную масочку из хвороста, назовем ее маскгазоном.

— А что, маска в самом деле очень нужная вещь, — согласился Соколов.

— Конечно, нужная. Маскировка необходима не только в период затишья в обороне, но еще больше в ходе боя, чтобы ввести противника в заблуждение в отношении местоположения огневых точек. Маскгазон здесь незаменим.

К исходу шестого дня инженерных работ я доложил генералу И. С, Коневу о готовности взводного района обороны в траншейном исполнении.

— Когда это вы успели? — удивился он. [104]

— Успели, товарищ командующий, дело-то важное и срочное. Нам нужно как можно скорее дать войскам инструкцию по системе траншейной обороны, а без показательного взводного района обороны инструкцию рассылать нельзя, — разъяснил я.

— Что будете делать дальше?

— Прошу вас и членов Военного совета фронта посмотреть этот район обороны и дать оценку.

— Посмотрим обязательно. Завтра в 11 часов. Приезжайте к этому времени сюда, и мы вместе поедем смотреть ваше творение.

На следующий день мы приехали на участок. Объяснения давал подполковник Ястребов сначала в целом, а затем по элементам обороны. Члены Военного совета с пристальным вниманием рассматривали позицию. Особенно Конев. Он вникал в каждую деталь и допытывался, для чего это, то... Конев, Соколовский, Булганин заходили в стрелковые ячейки, прикладывались к пулеметам, поставленным на площадке. Вначале недоверчиво посмотрели на маскгазон, не будет ли он мешать стрельбе и наблюдению. Но, когда каждый приблизился к маске и, слегка раздвинув прутья, удостоверился, что видно хорошо, а стрелка со стороны противника заметить трудно,

одобрили маскировку.

— А где люди будут отдыхать? — поинтересовался Соколовский.

— В землянке, расположенной в тылу, — доложил Ястребов.

Все мы двинулись к землянке. Осмотрели. Просторная, оборудована двухэтажными нарами, освещается от аккумуляторной батареи. В углу топилась окопная печь. Тут же стоял бачок с водой и небольшой обеденный столик. Можно и письмо на нем написать.

— Землянка оборудована что надо. В таких условиях обороняться можно, — с удовлетворением произнес генерал Конев.

Свыше часа длился обход взводного района обороны. Наконец, остановившись, командующий сказал:

— Тактическое применение и инженерное оборудование траншейной обороны следует одобрить и рекомендовать войскам для практического руководства. — И, обращаясь ко мне, добавил: — Давайте скорее инструкцию. А бойцам и командирам, которые оборудовали этот район обороны, от моего имени объявить благодарность, а наиболее отличившихся представить к награде. [105]

Через неделю инструкция с приложением альбома фортсооружений была готова, подписана, отпечатана типографским способом и направлена в войска с указанием сроков готовности траншейной обороны по рубежам на глубину 25 км{8}. [106]

Оперативная пауза

В середине сентября 1942 года разгорелись упорные бои на улицах Сталинграда. Наши бойцы и командиры с невиданным мужеством и стойкостью отстаивали каждый квартал, каждый дом, каждый этаж. День ото дня сопротивление защитников города крепло. Это вселяло в сознание советских людей уверенность, что фашисты в Сталинграде будут разгромлены и отброшены от берегов Волги.

А у нас, на Западном фронте, стояло относительное затишье, наступила оперативная пауза. Войска продолжали усиленно оборудовать занимаемые рубежи в инженерном отношении с использованием траншейной системы. Как и во всяком новом деле, тут встретилось немало трудностей. Из-за недостатка опыта многие командиры стрелковых частей и подразделений не умели как следует привязать траншеи к местности, так чтобы они обеспечивали хорошее наблюдение и обстрел впереди лежащих участков, не могли правильно использовать естественные препятствия для усиления противотанковой обороны. Не все

гладко было с расположением и привязкой к местности основных огневых точек, не ладилось с маскировкой. Выход из создавшегося положения был один: немедля в ходе оборонительных работ учить командный состав, а затем и бойцов оборудованию траншейной обороны. С этой целью в каждой дивизии саперы построили показательные районы обороны роты и взвода, и на них проводились краткосрочные сборы командиров стрелковых и артиллерийских частей и подразделений. Это дало положительные результаты. Строительство оборонительных рубежей пошло более успешно и качественно, но тут выявилась одна очень существенная деталь.

Как-то я приехал в 10-ю армию, чтобы на месте ознакомиться с ходом инженерного оборудования оборонительных позиций. Вместе с начинжем генералом А. Н. Варваркиным по отрытым траншеям и ходам сообщения мы вышли на передний край обороны. Неподалеку от нас возвышался дзот, открыв широкие амбразуры в сторону противника. Решили взглянуть, как солдаты несут службу. Входим в дзот, а там пусто. Никого нет. Даже пулемет кто-то унес. [107]

— Что же это делается, Александр Николаевич? Перед носом врага огневая точка разоружена и брошена. Чьих это рук дело?

Варваркин даже в лице изменился от гнева.

— Не знаю, что и сказать, Иван Павлович. Сейчас выясним.

Он вышел из дзота и тут же позвал меня.

— Вот он, расчет, — показал Варваркин.

Действительно, недалеко от дзота в траншее сидела группа бойцов. Подходим к ним. При нашем приближении красноармейцы встали. Командир расчета сержант Демин доложил, чем занимаются его подчиненные.

— Почему вы покинули дзот, товарищ сержант? — спрашиваю Демина.

— Товарищ генерал, замучили фашисты, без конца стреляют по амбразурам, сидеть внутри дзота нет никакой мочи.

— Потери есть?

— Так точно, есть убитые и раненые. А здесь, в траншее, надежнее, нас труднее найти.

— Почему же вы так плохо замаскировали дзот, что немцы сразу обнаружили вас?

Впрочем, подумал я, сколько не маскируй, все равно его хорошо видно со стороны противника. Такую громадину не скрыть. Он же вон, как гора, выделяется на местности! Особенно сильно демаскируют дзот амбразуры.

Мы с Варваркиным еще раз внимательно поглядели на дзот. Да, сержант был прав: сложно упрятать дзот от врага на таком близком от него расстоянии. Вот ведь к чему приводят трафаретные решения — оборудование дзотов на самом переднем крае обороны. Даже бойцы из него бегут; И винить их нельзя — зачем же понапрасну гибнуть? Но дзот с успехом может быть применен в ближайшей тактической глубине, конечно, и там его надо тщательно маскировать и поглубже в землю зарывать, а не выпячивать всем на обозрение. На переднем же крае следует устраивать пулеметные гнезда с легким покрытием и низкой посадкой. Это обеспечит защиту расчета.

Свои соображения я высказал Варваркину. Он согласился со мной.

Вообще-то в 10-й армии хорошо шли оборонительные работы. 330-я стрелковая дивизия, оборонявшая город Киров, полностью оборудовала свой позиции траншеями и ходами сообщения. [108]

— На мой взгляд, Александр Николаевич, эти позиции стоит показать командующему фронтом.

— Было бы неплохо. Но об этом надо доложить командующему армией.

— Тоже верно. Сегодня же поговорю с ним.

Командующего 10-й армией генерал-лейтенанта Василия Степановича Попова я знал хорошо. Это грамотный,

высокоэрудированный военачальник, преподаватель Военной академии имени М. В. Фрунзе, командир стрелкового корпуса в советско-финляндской войне. Он неплохо разбирался в инженерном деле, с охотой принимал все новое, ценное. Варваркин быстро нашел с Поповым общий язык. Как я и предполагал, Василий Степанович одобрил мое предложение пригласить И. С. Конева в 330-ю стрелковую дивизию.

Возвратясь в штаб фронта, я доложил Ивану Степановичу Коневу о ходе инженерного оборудования в 10-й армии, похвалил 330-ю стрелковую дивизию. Будучи горячим сторонником траншейной системы обороны, командующий постоянно интересовался, как она претворяется в жизнь. Поэтому он очень внимательно выслушал мою информацию.

— Я всегда считал, что Попов понимает важность этого вопроса, — с удовлетворением отметил Конев, — видите, и теперь его армия на высоте положения.

— Товарищ командующий, не нашли бы вы возможность посмотреть оборону в 330-й стрелковой дивизии?

— Найду, обязательно найду. Кстати, мне только что звонил Попов и приглашал к себе. Послезавтра в 9 часов утра поедем.

В назначенный день мы отправились в 10-ю армию и часов в 13 были на месте. Здесь уже поджидало нас командование армии. Не теряя времени, все вместе поехали в район города Кирова. Дорога была хорошая, саперы потрудились на славу, привели ее в порядок, расставили указатели и знаки. Машины катили быстро. Мимо мелькали разрушенные деревни, обгоревшие деревья. Следы преступлений гитлеровцев виднелись повсюду. Городу Кирову тоже досталось крепко. Лишь немногие здания уцелели. Красивые пруды, построенные еще во времена Петра I, были спущены.

Вскоре головная автомашина, а за ней и все остальные остановились на опушке небольшой рощи. Все вышли и направились к оборонительным позициям 330-й стрелковой дивизии. На фронте стояла тишина, лишь изредка раздавались одиночные, будто случайные, выстрелы. Генерал Попов объяснил, что такая тишина установилась недавно, [109] когда войска укрыли в траншеи. Люди не ходят открыто, как раньше, вот у противника и нет повода для стрельбы.

Прибывшие подошли к позиции одного из полков второго эшелона. Тут была подготовлена замаскированная площадка в виде расширенной траншеи. Остановились. Командующий армией коротко ввел в обстановку, показал, где проходит передний край врага и что мы еще наблюдаем.

По ходу сообщения все двинулись на передний край обороны.

Кое-где пришлось, конечно, пригибаться. Но до первой траншеи добрались без осложнений, не замеченные врагом. Отсюда до него рукой подать — не более 300 м. Допусти мы малейшую неосторожность, он бы легко мог обнаружить нас. Однако бруствер траншеи с установленным на нем маскгазоном надежно скрывал нас от глаз наблюдателя. Через маску хорошо просматривалась первая траншея немцев, а перед ней — проволочные препятствия. На ничейной земле (между нашей первой траншеей и противником), или, как ее еще называли в войну, нейтральной полосе, не было никаких признаков жизни. Но все присутствующие прекрасно понимали, что это опасная зона.

Здесь каждый метр, каждый клочок пристрелян из орудий, минометов, пулеметов, винтовок, автоматов. Стоит ступить на эту ничейную землю, как на тебя обрушится лавина смертоносного огня, от которого трудно спастись. Сколько мужества, воли, мастерства надо, чтобы преодолеть нейтральную полосу!

Командующий фронтом очень тщательно осматривал траншеи, маскировку, останавливался у каждой стрелковой ячейки, пулеметной площадки, прикидывал, удобно ли вести наблюдение, стрельбу. Все было сделано на совесть, отвечало требованиям тактики ближнего оборонительного боя. В момент нашего осмотра в траншеях находились только наблюдатели и дежурные пулеметчики, в присутствии всего личного состава необходимости не было, он отдыхал. Подходим к дежурному автоматчику.

— Ну как, где лучше — в окопе или в траншее? спрашивает генерал Конев бойца.

— В траншее, товарищ командующий. Немец не видит нас и не стреляет. А раньше и на минуту показаться нельзя было: сразу же полоснет очередью из автомата или пулемета. Теперь значительно меньше потерь стало. И отдохнуть, и обогреться есть где.

Командующего интересовало все. Ведь он сам был младшим унтер-офицером в старой армии, знал, что такое солдатская жизнь, на своих плечах испытал ее тяготы, проявлял [110] особую заботу о рядовых бойцах, как мог, стремился облегчить их трудную долю. Вот и сейчас, поговорив с автоматчиком, командующий направился к землянке, где отдыхал свободный от службы личный состав отделения. Вначале метров 50 мы шли по траншее, затем повернули в ход сообщения. Везде на нашем пути встречались таблички с указанием номера участка, траншеи, хода сообщения и землянки. Так что легко было ориентироваться и не составляло труда отыскать нужное тебе место.

Вот и землянка № 23. Входим в нее, осматриваемся. Уютное для фронтовых условий жилье. Слева стоит небольшой столик со светильником, а справа — пышущая жаром железная печь. Вдоль противоположной стены двухэтажные нары. В землянке тепло, приятно пахнет сосной. Как говорится, жить можно. Находившиеся в землянке бойцы наперебой хвалили свое жилище.

— Теперь не только поспать по-человечески можно, но и письмо домой написать есть где, — сказал командир отделения, старший землянки.

— Газеты получаете? — спросил командующий.

— Получаем каждый день. Часто устраиваем коллективные читки наиболее интересных статей.

— Значит, неплохо устроились?

— Не жалуемся, товарищ командующий.

По ходу сообщения наша группа благополучно возвратилась в тыл. Генерал Конев дал высокую оценку оборудованной позиции, поблагодарил генералов Попова и Варваркина за проделанную работу по укреплению обороны. Командующий вручил ордена и медали бойцам и сержантам, отличившимся при строительстве оборонительных рубежей. Этим командующий как бы подчеркнул значение и важность инженерных работ в системе обороны.

Следует заметить, что И. С. Конев всегда горячо поддерживал инициативу, ценные начинания штаба инженерных войск фронта, помогал претворять намеченные мероприятия в жизнь.

Так было и на сей раз. Когда мы возвращались в штаб фронта, Конев сказал мне:

— Иван Павлович, теперь наша задача — поставить инженерное оборудование обороны на такую же высоту во всех армиях.

Забегая вперед, скажу, что вскоре все соединения фронта перешли на траншейную систему обороны. Стойкость ее значительно возросла.

Вернувшись к себе в штаб, я узнал, что есть распоряжение [111] штаба инженерных войск Красной Армии о перестановке всех минных полей с расчетом на зиму. Работа большая. Предстояло переставить более миллиона мин. А времени в обрез. Стояла суровая осень. До морозов оставались считанные дни. Нужно было торопиться. Я поручил Афанасьеву, Ястребову и Волкову немедля подготовить указания начинжам армий о перестановке минных полей до 1 ноября. Они тут же приступили к делу. Я занялся решением других вопросов, но из головы не выходила эта перестановка мин. Как усложняет нам работу сезонность службы минных полей! Ведь что получается: мы летом

устанавливали мины в грунт. Теперь же с наступлением морозов они смерзнутся с ним и под давлением танка не сработают. А это значит, что весь передний край обороны может стать на всем протяжении фронта доступным для танков противника. Допустить подобное, конечно, нельзя. Вот и переставляем. Работа эта кропотливая и опасная. Мину извлекают из лунки, проверяют ее состояние, ставят рядом на открытую поверхность земли и маскируют сухой травой, а затем ее покроет снег, и она станет невидимой. Вроде бы хорошо. Но придет весна, и мины придется снова переставлять в грунт. Опять огромный труд тысяч людей. И потом, работать с миной не так уж безопасно. Мины, пролежавшие больше шести месяцев во влажном грунте, деформируются, взрыватель коррозируется. Чуть тронешь — взорвется. Некоторые мины вообще уже невозможно будет извлечь. Тяжелая доля выпала саперу. А он, великий труженик войны, исправно делал свое дело.

Штаб постоянно контролировал ход перестановки минных полей, наши командиры выезжали на места, частенько заходили на узел связи фронта и получали от начальников инженерных войск армий информацию по телеграфу.

Для узла связи фронта саперы построили около 20 легких убежищ, соединенных между собой перекрытым ходом сообщения. И тем не менее связисты не совсем были довольны. Однажды начальник связи фронта генерал Н. Д. Псурцев, встретив меня, сказал:

— Может, зайдешь, Иван Павлович, посмотришь, как мы живем. — При этом он лукаво улыбнулся.

— Да я и так знаю, Николай Демьянович, что немножко тесно, чуть-чуть сыро и не особенно тепло. Но ведь мы на фронте.

— Это верно. А все же можно улучшить условия. Будь добрым, сделай что-нибудь. А то аппаратура у меня нежная, [112] не ровен час, и испортится. Откуда звонить будешь, вести переговоры с подчиненными в войсках?

— Раз так ставишь вопрос, придется что-то делать.

Еще до этой встречи, обходя район КП, я увидел неподалеку от узла связи большой и глубокий крутобережный овраг. У меня тогда мелькнула мысль: «Очень подходящее место для подземного узла связи». Теперь я высказал ее Псурцеву.

Николай Демьянович как-то недоверчиво взглянул на меня:

— Не шутишь?

— Нет, не шучу, говорю совершенно серьезно.

В самом деле, я не шутил, хорошо понимая, что такое узел связи. Его следовало всячески оберегать от ударов артиллерии и авиации врага, воздействия природных условий. Иначе

аппаратура выйдет из строя, а без нее ни туда ни сюда — потеря управления войсками. Я коротко изложил свой замысел начальнику связи. Он полностью согласился со мной.

— Буду вам очень благодарен, — сказал Николай Демьянович.

С генералом Псурцевым у нас сложились самые добрые отношения с первого дня службы на Западном фронте. Это был очень обаятельный, сердечный и отзывчивый человек, всегда спокойный и вежливый.

Псурцев — крупный специалист и хороший организатор. Способности его особенно раскрылись в период битвы под Москвой. В тяжелейших условиях он сумел обеспечить штабу фронта надежную и непрерывную связь с войсками. И, конечно, нам было очень жаль расставаться с ним, когда он был назначен в феврале 1944 года на должность первого заместителя начальника Главного управления связи Красной Армии. В 1948 году Псурцев был назначен министром связи СССР и на этом ответственном посту проработал до 1975 года.

При очередном докладе командующему я сказал, что мы намерены построить подземный узел связи. Он дал согласие. Строительство подземного узла связи мы поручили командиру 11-й инженерно-минной бригады полковнику Г. Т. Соколову. Он выделил для работы 845-й инженерно-саперный батальон, в составе которого было больше всего специалистов-строителей.

Узел связи мы соорудили в короткий срок — за 30 дней. Оп имел пять входов-штолен, соединенных общей галереей [113] длиной 239, 2 м, сечением 2Х2, 2 м и восемь камер 8Х2, 2 м для размещения аппаратуры. Толщина земли над узлом связи достигала 11–15 м, что защищало его от прямого попадания 250-килограммовой авиабомбы. Общий объем выполненных подземных работ составлял 376 пог. м галерей. Было вынуто 2183 кубометра грунта, установлено 1495 кубометров деревянных конструкций, в том числе бревенчатых рам 2Х2, 2 м 2100 штук и металлоконструкций 10 т. Саперы позаботились об отоплении, вентиляции, провели водопровод{9}.

О нашем подземном узле связи стало известно Генеральному штабу, штабам соседних фронтов. Началось паломничество представителей. Все хотели иметь у себя такой же, а может быть, и лучше.

Бесспорно, подземный узел связи не всегда сделаешь, строить его можно было в период длительных оперативных пауз, в обороне, при наличии качественного леса и средств малой механизации. Когда наши войска начали крупные наступательные операции, особенно в 1944–1945 годах, необходимость в них

отпала. Да и времени бы не хватило, если бы кто и пожелал построить подземный узел связи.

Коль уж речь зашла об оборудовании узла связи, расскажу вкратце о том, как вообще размещался в боевых условиях штаб фронта.

На мой взгляд, это небезынтересно знать читателю. Штаб фронта — это мозг действующих войск фронта. Он организует всю их жизнь и боевую деятельность: разработку и планирование операций, питание, обмундирование, размещение, быт, медицинское обслуживание, железнодорожное и воздушное обеспечение вооружением, снабжение боеприпасами, горючим, обучение, эвакуацию в тыл больных и раненых, техники, требующей ремонта и восстановления. Штаб фронта всегда тщательно укрывается от воздушной и агентурной разведки врага, надежно охраняется.

Командование и штаб фронта располагались на КП отдельно от управлений начальников родов войск и служб (на удалении 15–20 км) в специально оборудованном в инженерном отношении районе.

В описываемый нами период КП Западного фронта располагался вблизи станции Обнинская, восточнее Малоярославца, куда он передислоцировался еще в мае 1942 года из Перхушково. Для командующего, начальника штаба и членов Военного совета были оборудованы [114] отдельные домики с убежищами тяжелого типа. Вход в них делался прямо из кабинета, что позволяло в случае нападения авиации врага быстро укрыться в убежище. Но кстати замечу, что за мое двухлетнее пребывание на Западном фронте КП фронта ни разу не подвергался ударам с воздуха. Это свидетельствует о том, что он был искусно замаскирован. Саперы потрудились на совесть. Инженерное оборудование командного пункта возлагалось на начальника инженерных войск фронта.

Обычно кроме основного КП сооружался запасной, на тот случай, если основной подвергнется ударам авиации врага. Строился он и по соображениям оперативного порядка, чтобы можно было быстро сменить дислокацию КП и обеспечить непрерывное управление войсками.

Когда КП фронта размещался вне населенных пунктов, командующему и членам Военного совета ставились рубленые дома. Они состояли обычно из небольшой приемной, кабинета, маленькой столовой и спальни, санузла с ванной и кухоньки с подачей горячей и холодной воды. Для работников штаба фронта сооружались землянки размером 3Хб м с дневным светом через нишу, в которых они работали и жили. В них устанавливалась

небольшая печь для обогрева. Землянка защищала от осколков и пуль.

В последующем, в период наступательных операций, когда наши войска вышли в западные области Белоруссии и Украины, а затем в Польшу, Германию, КП фронта размещался в населенных пунктах. Он рассредоточивался как можно шире и хорошо маскировался.

Командный пункт армии по масштабам был значительно меньше фронтового, но основные элементы в нем были такие же.

А сколько фронтовых дорог проложили саперы? Трудно подсчитать.

От дорог на фронте зависело многое, недаром их называли артериями войны. По дорогам войска питались всем необходимым для жизни и боя. Главные маршруты фронта разветвлялись на армейские, корпусные и дивизионные дороги, полковые и батальонные колонные пути. Точно как у человека главная артерия разветвляется на более мелкие по всей периферии его сложного организма. Существовавшая сеть дорог, развитая в интересах народного хозяйства, не всегда совпадала с сетью военных. Поэтому требовалось дополнительно строить много новых дорог, и прежде всего с твердым покрытием. Дело это очень трудоемкое, [115] но и совершенно необходимое. Еще со времен татарского нашествия Батыя на Руси «гатили гиблые места» лесом.

В 1941 году строили и мы дороги с жердевым покрытием, благо лес находился под руками, Эти дороги солдаты называли «рояль» — под тяжестью машины каждая жердь с треском глубоко прогибалась, как клавиша рояля, и все вместе они вызывали нестерпимую тряску. Неоднократно мне самому, когда я проезжал по участкам жердевых дорог, приходилось ощущать эту очень чувствительную тряску. Жалоб на «жердевку» поступало множество. Особенно тяжело переносили ее раненые. И все же, при всех своих недостатках, «жердевки» нас очень выручали, а порой прямо-таки спасали. В условиях тяжелых грунтов, в распутицу без них мы бы и шагу не сделали. Техника остановилась бы, увязла в грязи. Тем не менее нужно было искать новые, лучшие варианты дорог с деревянным покрытием.

В одну из поездок в 49-ю армию, оборонявшуюся в районе Юхнова, я побывал у ее командующего генерал-лейтенанта Ивана Григорьевича Захаркина, сослуживца по Московскому военному округу. Тогда он занимал должность заместителя командующего войсками округа. Вместе с ним мы не раз выезжали в командировку в части округа для проверки боевой подготовки и проведения учений. Так что хорошо узнали друг друга. Мне

нравилось его умение доходчиво разъяснить самый сложный вопрос, подметить в маленьком деле ценное, рациональное. Свои способности генерал Захаркин проявил в боях под Москвой. 49-я армия под его командованием успешно наступала, о чем я неоднократно читал в газетах.

Встретились мы с Иваном Григорьевичем тепло, по-товарищески. Поговорили о разном, коснулись и дорог.

— А наши армейские саперы молодцы, Иван Павлович. Видел, какую они оригинальную дорогу соорудили? — спросил командарм.

— Нет еще, не видел. Чем же она оригинальна?

— Ты посмотри и сам оценишь. Деревянная железная дорога.

— Что-то про такую не слышал. Новинка какая-то.

— Именно, новинка. В общем, взгляни.

Вместе с начальником инженерных войск армии полковником Б. В. Благославовым мы поехали на окраину полностью разрушенного и сожженного врагом города Юхнова. И тут я увидел деревянную железную дорогу, как окрестили ее саперы. Она тянулась вдоль опушки леса. Это был опытный участок деревянной колейной дороги. Пластины [116] (бревна, распиленные вдоль надвое) на ней были уложены вдоль по ширине хода грузового автомобиля. По краям щитов установлены реборды из окантованных бревен, не позволяющие колесам машин сойти с колеи в сторону. Пространство между колеями было заполнено песком и плотно утрамбовано, что создавало твердую основу и устойчивость дороги.

— На вид дорога хорошая, — заметил я.

— Она в самом деле такая, — заверил Благославов.

— А это мы сейчас проверим.

Мы сели в автомобиль и поехали. Машина шла со скоростью 50–60 км, но — никакой тряски, словно по шоссе, пожалуй, даже мягче.

— Не дорога, а просто прелесть, — признался я, когда мы вернулись обратно.

— И мы такого мнения, товарищ генерал. Неплохо бы побольше таких дорог построить, легче будет преодолевать труднопроходимые места.

— Непременно будем строить, Борис Васильевич. Во всех армиях, по всему фронту. Я попрошу вас направить в наш штаб чертежи этой колейной дороги для доработки и размножения, чтобы разослать в войска. Да, кстати, у вас нет случайно с собой фотографии? Хочу показать командующему.

— Есть.

Благославов достал из полевой сумки фотографию и передал

мне.

Возвратясь из 49-й армии, я пошел с докладом к командующему фронтом, рассказал ему и о новинке — деревянной колейной дороге, показал фотографию. Она очень заинтересовала Ивана Степановича.

— Пожалуй, эта колейная дорога — то, что нам надо. Давайте указания инженерным войскам строить такие дороги, — приказал он.

Так был удачно решен вопрос строительства дорог с деревянным покрытием. И опять выручила нас смекалка саперов — людей инициативных, творческих. О творческой жилке саперов я буду говорить еще не раз, ибо она, на мой взгляд, очень характерна для воинов инженерных, дорожных и железнодорожных войск.

Решая вопрос о строительстве дорог, мы в штабе одновременно подумали о том, как помочь водителям лучше ориентироваться на них. Ведь прифронтовая полоса была основательно разрушена и опустошена. И найти какое-то место, обозначенное на карте, было нелегко. На карте населенные [117] пункты обозначены, а в действительности их нет, нет и населения, остались одни печные трубы, да и те зачастую разобраны для печек в землянках. Где ты находишься, куда едешь — неизвестно. Люди, транспорт часто блуждали по полям и лесам. А это во фронтовых условиях небезопасно.

После всестороннего обсуждения мы решили во всех населенных пунктах, независимо, цел он или сожжен, выставлять щитки с названием села или деревни. На основных маршрутах расставить опознавательные знаки, присвоенные данной дороге, например, треугольник, квадрат, круг, пучок веток или травы, причем ставить их от начала пути и до конца дороги, то есть до переднего края обороны. На всех ответвлениях от основного маршрута ставить указатель ближайшего населенного пункта, пусть уже несуществующего. Кроме того, в частях и соединениях были широко применены свои опознавательные знаки, прикрепляемые к борту машины. Это позволяло шоферам и личному составу отыскать свою часть, не обращаясь с расспросами к населению. Штабы частей и соединений были оповещены о системе знаков. Дорожные и бортовые знаки высоко ценились в войсках.

Наступило 23 ноября 1942 года. Рано утром я сел за составление программы сборов начальников инженерных войск армий и командиров инженерных соединений фронта. Надо было продумать, что и в каком виде показать им и какие вопросы инженерного обеспечения решить. И вдруг в кабинет пулей

влетел полковник Павел Васильевич Афанасьев.

— Иван Павлович, победа! — воскликнул он. — Наши войска под Сталинградом сомкнули кольцо окружения вокруг армии фельдмаршала Паулюса!

— Ну да? Ура-а-а-а!.. Мы ломим, гнутся фрицы! — закричал я в восторге.

На радостях мы обнялись. Сердце наполнилось чувством глубокой гордости за нашу славную Коммунистическую партию, могучую Красную Армию и советский народ. Вот оно, начало праздника на нашей улице!

Когда волнение улеглось, мы с Афанасьевым сели за стол. Я проинформировал его о сборах, которые были назначены на 15 декабря 1942 года, передал ему свой набросок плана и попросил детально подработать его с Ястребовым и Кукушкиным, а затем подготовить распоряжения командирам инженерных частей, которые будут проводить [118] показные занятия по элементам инженерного обеспечения наступления.

— Через два дня жду вас с этим планом, — сказал я в заключение Афанасьеву.

В установленный срок план был готов. Я доложил о предстоящих сборах начальнику штаба фронта В. Д. Соколовскому и командующему И. С. Коневу. Они одобрили план их проведения, выразили желание поприсутствовать на них, посмотреть на все своими глазами. На этих сборах мы намечали по опыту проведенных операций отработать вопросы инженерного обеспечения наступления, проделывание проходов в минных полях, действия ПОЗов (подвижных отрядов заграждения), скоростное строительство мостов и переправ, показать боевую технику 33-й инженерной бригады специального назначения.

Подписав план, я приказал разослать его в войска. Подготовка к сборам продолжалась. К этому времени саперы закончили перестановку около миллиона мин. Работу эту выполняли почти 70 инженерно-саперных батальонов.

Теперь все это позади и можно больше уделять внимания подготовке к наступлению. Штаб инженерных войск готовился к нему серьезно. И проведение показных учений на эту тему — мероприятие ответственное. Мы должны научить личный состав искусству инженерного обеспечения наступательных операций. А это нелегко. Командиры штаба почти ежедневно бывали в частях, которые готовили показные учения. Полковник Ястребов там находился постоянно. Возникающие в ходе подготовки вопросы разрешались на месте, оперативно.

15 декабря на сборы приехали все начальники инженерных войск армий, командиры инженерно-саперных бригад. Занятия

начались с показа действий группы разграждения по проделыванию проходов в минных полях врага. Занятия проводил подполковник В. В. Пантелеев. Несколько бойцов, вооруженных щупами, быстро отыскивали мины и обезвреживали их. Кое-кто высказал мнение, что при проделывании проходов мины лучше не извлекать, а подрывать, например артогнем, но после обязательно проверить проход на минирование и подчистить.

Большое впечатление произвело на присутствующих действие подвижного отряда заграждения в составе батальона под командованием полковника Г. Т. Соколова. Все воины ПОЗа были одеты в белые халаты, вооружены автоматами и саперными ножами. У каждого лыжи, а на волокушах по пять штук мин. По команде Соколова они [119] быстро развернулись поротно и выдвинулись на указанный рубеж. В течение 30 минут на фронте 3 км саперы установили минное поле, чем немало удивили участников сбора.

Показ поточно-скоростного строительства низководного моста на рамных опорах из готовых конструктивных элементов проводил 62-й понтонный батальон во главе с подполковником В. З. Воробьевым, его заместителем капитаном И. М. Жижелем и начальником штаба батальона капитаном А. С. Галицким. Работа шла поточным методом. Группы работали четко и организованно. Во всем чувствовалась опытная рука командира и его заместителей. Воробьев отлично знал понтонное дело, почти с первых дней войны воевал на Западном фронте. И 20-метровый низководный мост батальон построил за 3 часа.

Незаурядные способности продемонстрировал капитан Жижель, призванный из запаса инженер-строитель. Он работал спокойно, без суеты, но исключительно уверенно. Эта его уверенность передавалась подчиненным.

Забегая вперед, скажу, что в 1943 году он был откомандирован в Совнарком Белоруссии. Вскоре после войны его назначили наркомом промышленного строительства. На этом посту он проработал много лет.

Начальник штаба батальона капитан А. С. Галицкий умело координировал, подготавливал и направлял работу подразделений в интересах успешного выполнения ими полученных инженерных боевых задач по наводке понтонных и поточно-скоростному строительству низководных мостов.

В целом батальон представлял хорошо организованную, дисциплинированную, боевую инженерную часть.

С большим интересом знакомились участники сбора со средствами заграждения 33-й бригады специального назначения. Были представлены малозаметные электропрепятствия с сетками

П-5 и электростанция с напряжением 1000 В, управляемые осколочно-заградительные и противотанковые мины и фугасы. Все это было подготовлено под руководством командира бригады полковника П. Ф. Новикова.

Очень четко были показаны приемы разминирования оборонительных рубежей, оставленных противником, работа собак-миноискателей, которые оказывали огромную помощь нашим минерам.

В последний день сбора начальники инженерных войск армий были приняты командующим фронтом генерал-полковником И. С. Коневым, членами Военного совета. Я представил генералу Коневу каждого из присутствующих начинжей армий. Да он и сам уже знал многих. Состоялась [120] деловая, полезная беседа. Больше всего говорили о дальнейшем развитии обороны.

Вскоре начинжи армий были награждены орденами Красного Знамени. Получил и я орден Красного Знамени, это была моя первая награда, потому она запомнилась особенно.

Наступил новый, 1943 год. Встретили мы его радостно.

Еще бы! Из-под Сталинграда приходили хорошие вести — добивалась окруженная группировка врага. Мы верили, что в скором времени она будет разбита и пленена. Это же величайшая победа!

Для меня наступающий 1943 год памятен еще и тем, что в праздничную ночь из немецкого тыла на самолете, который поддерживал связь с партизанами, прилетел мой отец, 84-летний Павел Ефимович Галицкий, и наши соседи по поселку Бытошь Матвей Павлович и Евдокия Васильевна Марютины, родители летчика Героя Советского Союза Л. М. Марютина. Мать моя прилететь не могла, была больна. Она осталась в поселке с дочерью Марией и ее младшим сыном Анатолием. Я очень жалел об этом. Сели за праздничный стол.

Отец рассказал, что происходит на оккупированной территории. В районе действует партизанский отряд. В нем много людей из Бытоши. Командует отрядом директор стекольного завода Григорий Алексеев, начальник штаба Семен Малючков. В партизаны ушли мой родной брат Федор и двоюродный брат Петр. Отец в отряде был проводником. Он неплохой охотник, знает хорошо Брянские леса. Когда силы оставили его, стал работать в отряде оружейным мастером. Партизаны действуют активно, карают предателей. Недавно фашисты взяли в селе заложниками 20 советских людей, в том числе и моего дядю Семена Ефимовича Галицкого. Требовали выдать партизан, но они молчали. Гитлеровцы на озере у водокачки всех их

расстреляли. На глазах родственников и жителей Бытоши расстреляли и мою двоюродную сестру Софью Семеновну Галицкую.

Кровь стыла в жилах, когда мы слушали рассказ о чудовищных зверствах гитлеровцев. Меня волновало, что будет с матерью, если фашисты узнают, что ее сын — советский генерал.

— Будем надеяться на лучшее, — успокоил отец.

На следующий день за Марютиными пришла машина, и они уехали к своему сыну, который воевал на Калининском [121] фронте. Отца я устроил жить в Кондорове Смоленской области.

После Нового года я снова все чаще и чаще возвращался к мысли о проделывании проходов в минных полях перед передним краем обороны противника. Эта проблема по-прежнему оставалась острой и сложной. Как ее решить, что сделать, чтобы саперы меньше проливали крови и успешнее выполняли задачу? А нельзя ли над минным полем фашистов взорвать какой-нибудь мощный заряд? От взрывной волны сдетонируют взрыватели мин. Вот и проход в минном поле.

В один из январских дней мои размышления прервал приход командира 11-го гвардейского инженерного батальона минеров майора Е. А. Бондарева. Он прибыл на доклад. Выслушав его, поделился с ним своими мыслями, спросил, не могли бы его минеры что-нибудь придумать в этом направлении.

— Попробуем, товарищ генерал, — просто ответил майор. Примерно через месяц Бондарев явился ко мне и радостно доложил:

— Ваша идея, товарищ генерал, реализована в жизнь! Поедемте посмотрим.

Я с интересом принял приглашение. Вскоре мы были в расположении 11-го гвардейского инженерного батальона минеров. Подошли к большому снежному полю. На нем в наклонном положении стояло шесть больших снарядов в деревянных оболочках. Деревянная оболочка сделана по корпусу снаряда «катюши» М-13. Пустота между стенками и корпусом снаряда заполнена головыми шашками. Вместо взрывателя заложена буровая головая шашка, а в нее вставлен бикфордов шнур. Воспламенение происходило от пламени газов реактивного двигателя. Дальность полета до 1 км.

— Здорово вы оседлали М-13, от него, бедняжки, ничего своего не осталось.

— Поэтому мы и назвали этот снаряд «саперная торпеда».

— Ну что ж, продемонстрируйте, как она действует.

Укрывшись в щели, мы наблюдали, как торпеда взмыла вверх, затем по пологой траектории плавно полетела вдоль поля.

Взрыв произошел над самой землей. Всплеск красных языков пламени и густые клубы белого дыма указали на место взрыва торпеды. Снаряд пролетел около 500 м. [122]

— Надо было бы опробовать торпеду на ближайшем боевом участке, — порекомендовал я.

— Мы уже зондировали почву у командира корпуса. Он дал свое согласие нанести удар по минному полю опорного пункта гитлеровцев в районе деревни Зимница.

— Хорошо. А какова перспектива дальнейшего изготовления торпед?

— Самая обнадеживающая. Нужно иметь лишь снаряды М-13. Но нам их неохотно дают, — ответил Бондарев. — Это может застопорить дело.

— Ничего, этот вопрос я возьму на себя, попробую договориться с начальником артиллерии фронта генералом Иваном Павловичем Камерой. Он пойдет нам навстречу.

И действительно, вскоре разрешение генерала И. П. Камеры было получено. Снаряды М-13 нам выдали, и дело пошло. Через несколько дней Бондарев доложил об ударе саперной торпедой по минному полю опорного пункта врага. Подтащили ее к переднему краю метров на 300 и запустили. На фронте стояла полная тишина. И вдруг сильный взрыв над минным полем врага. Фашисты всполошились, открыли беспорядочную стрельбу, по-видимому, взрыв торпеды произвел на них впечатление, как гром среди ясного неба. В минном поле противника образовалась солидная брешь.

В своих воспоминаниях «Генеральный штаб в годы войны» генерал армии С. М. Штеменко пишет, что в ходе операции «Багратион» войска 2-го Белорусского фронта при прорыве немецкой обороны применили самодельные торпеды, которые «успешно дополнили мощь нашего огневого удара по обороне противника».

3 февраля 1943 года всю нашу страну, весь мир облетела радостная весть: под Сталинградом полностью закончена ликвидация окруженной группировки врага. Наши войска взяли в плен 91 тыс. гитлеровских солдат, офицеров и генералов во главе с фельдмаршалом Паулюсом.

Однако мы хорошо понимали, что до полной победы над врагом еще далеко. Красной Армии и всему советскому народу потребуется приложить еще немало усилий, чтобы окончательно разгромить фашистскую Германию.

Что касается Западного фронта, то для него тогда еще не пришла пора крупных наступательных действий. Время от времени мы наносили сильные удары на отдельных

направлениях, целью которых было держать врага в постоянном напряжений и воспрепятствовать ему в переброске с нашего фронта частей и соединений на юго-западное направление, [123] где гитлеровцы под напором советских войск откатывались на запад.

2–31 марта войска Западного и Калининского фронтов провели Ржевско-Вяземскую операцию с целью уничтожить группировку врага на ржевско-вяземском плацдарме.

Тщательно готовились к этой операции инженерные войска нашего фронта. В своем штабе, которым руководил теперь полковник А. Ш. Шифрин (полковник Афанасьев был отозван в Москву), мы детально обсудили мероприятия по инженерному обеспечению боевых действий. Основные усилия сосредоточивались вдоль Минского и Рославльского шоссе. На пути движения войск находились две реки — Днепр и Угра, которые надо было форсировать. Они были еще скованы льдом, но весна уже не за горами, поэтому могло случиться всякое. Значит, надо готовиться к худшему варианту — форсированию этих рек. Мы решили все действующие войска усилить инженерными частями. Четыре армии правофланговой группировки (30, 31, 20, 5-я) получили усиление — 21 фронтовой инженерный батальон{10}, в том числе 5 понтонных; две армии левофланговой группировки (33-я, 49-я) — 13 инженерных батальонов, из них 3 понтонных. 33-я инженерная бригада полковника Новикова предназначалась для разминирования тыловых рубежей, а 11-й инженерно-минной бригаде Соколова была поставлена задача частью сил построить новый КП, остальной личный состав придавался 49-й армии. 12-я инженерно-минная бригада полковника Д. Д. Зимина была разделена на две части: половина шла на усиление общевойсковой армии, другую половину посылали на разминирование оборонительных рубежей. Стык 49-й и 50-й армий прикрывался мощным заслоном управляемых и электризуемых заграждений, которые поставит 33-я инженерная бригада спецназначения. Левое крыло фронта — 16-ю армию усиливали четырьмя инженерно-минными батальонами для надежного прикрытия этого направления. 11-ю инженерную минную бригаду выделяли в резерв фронта, выдвинув ее в район Юхнова для использования в западном и южном направлениях. Все армии решено было обеспечить снегоочистительными средствами. Зима 19, 42/43 года была очень снежной, что сильно усложняло действия войск. Дороги так заносило снегом, что все Движение по ним останавливалось. В армиях были созданы импровизированные отряды по расчистке снега. В их

распоряжение выделили [124] по 8 тракторных и 16 конных снегоочистителей. Табельных средств инженерные войска в то время не имели, за исключением небольшого количества грейдеров. Поэтому саперы изготовили своими силами окованные железом бревенчатые треугольники, которыми и расчищали дороги.

Начальник штаба полковник Шифрин подготовил соответствующее распоряжение, которое было разослано инженерным частям и соединениям фронта. Надо сказать, новый начальник штаба быстро вошел в курс дела. Да и немудрено: полковник Шифрин был для этой должности хорошо подготовлен. Еще в 30-х годах закончил Военно-инженерную академию имени В. В. Куйбышева. Он был моим сослуживцем по Московскому военному округу, до войны трудился в инженерном отделе штаба округа помощником начальника. В начале войны Шифрин занимал должность начальника штаба инженерных войск Южного, а затем Сталинградского фронтов. Оттуда он прибыл к нам на Западный фронт. Вместе с ним мы, как говорится, засучив рукава, взялись за работу.

План мероприятий по инженерному обеспечению предстоящего наступления мы держали в строгом секрете. О нем знали только я и Шифрин. Все, что по плану намечалось, до начала операции было сделано.

Итак, наступление началось 2 марта. На следующий день я выехал в 20-ю армию, чтобы на месте проследить, как идет прорыв оборонительной полосы, форсирование Днепра и восстановление Минского шоссе. Со мной был начинж армии полковник Г. Г. Цвангер. Не доезжая до Днепра, мы увидели группу саперов с собаками-миноискателями. Остановили машину. Ко мне подбежал командир взвода лейтенант Н. И. Садовников и представился.

— Чем вы тут занимаетесь? — поинтересовался я.

— Разминируем шоссе.

— Ну-ка покажите свою работу.

Мы подошли к одному вожатому и понаблюдали за его действиями. Боец двигался впереди, удерживая собаку за поводок, а следом за ним, метрах в 20–25, шли два солдата со щупами. Вдруг собака остановилась и присела на землю, опустив перед собой лапы. Это означало, что она нашла мину и придерживает ее лапой. Вожатый сразу же у самых лап воткнул в снег небольшой красный флажок. Теперь саперам, идущим сзади, оставалось извлечь мину и обезвредить ее. Собаки оказались отличными разведчиками мин. Они почти безошибочно находили их. Лучших помощников саперам в этом деле трудно было

сыскать. Они [125] сослужили нам большую службу. Как стало известно после войны, на их счету свыше 15 тыс. кв. км обследованной заминированной территории, свыше 4 млн. обнаруженных мин.

Попрощавшись с лейтенантом Садовниковым, мы двинулись дальше. Еще издалека увидели взорванный мост через Днепр. Торчали кверху разрушенные железобетонные конструкции. Подъехав ближе, на несколько минут задержались у моста. Сплошная массивная плита проезжей части железобетонного моста была сброшена в воду. Другой ее конец поднялся ввысь. Но рядом с ним, чуть левее, саперы успели уже построить низководный, на свайных опорах. По нему двигался транспорт, шли танки.

Невдалеке от разрушенного моста мое внимание привлекла огромная воронка, в которой валялись исковерканные автомобили.

— Это работа немецких мин замедленного действия, — пояснил Цвангер. — Один из сюрпризов врага. Вначале фашисты взворвали мост, потом подорвали мощный фугас, заложенный в насыпи шоссе. Образовалась воронка. На дне ее они заложили второй фугас с миной замедленного действия и тщательно замаскировали его. В эту ловушку и попало несколько наших машин, укрывшихся от авиации врага.

— Ловко сработали, лиходеи! — не выдержал я. — Надо, чтобы о таких вещах знали в войсках, а в инженерных частях фронта приняли соответствующие меры.

— Мы уже оповестили об этом всех корпусных и дивизионных инженеров армии, — сообщил Цвангер.

Мы возвращались на КП армии вдоль разрушенного шоссе, к которому вплотную примыкал лес. Повсюду стояли израненные осколками и пулями деревья. Верилось, что деревья обязательно выживут, наберутся сил и будут, как и прежде, доставлять людям радость.

Генрих Григорьевич начал рассказывать о действиях батальонов 11-й инженерно-минной бригады. Я и раньше знал, что это хорошо подготовленные, крепко сколоченные и дисциплинированные части, на них вполне можно положиться. Рассказ Цвангера полностью подтвердил мое мнение. 146-й батальон производил на Минском шоссе оборудование корпусного маршрута для танков и автотранспорта. Впереди, в 200–300 м за передовыми частями, шел отряд обеспечения движения. В одном месте наши танки наткнулись на заминированный участок. Они попытались из своих пушек расстрелять противотанковые мины, которые [126] хорошо были

видны экипажам — лежали прямо на земле. Это зимняя установка. Гитлеровцы поняли, в чем дело, и открыли по танкам яростный артиллерийский огонь.

Неподалеку находились саперы-разведчики красноармейцы Козлов, Волков, Степанов, старшина Кирюшин и адъютант батальона капитан Басов. Они бросились на помощь танкам и, невзирая на ожесточенный вражеский обстрел, быстро проделали проход в минном поле. Боевые машины двинулись вперед. Взаимодействие саперов с танкистами решило дело в нашу пользу.

От Цвангера я отправился к начинжу Б. В. Благославову в, 49-ю армию. Саперам здесь пришлось здорово поработать. Уж очень сильно заминировали фашисты Рославльское шоссе. Мосты и трубы все взорвали. Оставшиеся мины снять трудно: они были установлены по-летнему и накрепко вмерзли в полотно дороги. Благославова я встретил на шоссе. Он руководил работой саперов, которые спешили привести шоссе в проезжее состояние на всем протяжении до Куземки. На разрушенных участках и взорванных мостах делали объезды. В основном гитлеровцы ставили мины очагами на обочинах, чтобы не препятствовать проезду своих машин. Те участки, которые не мешали движению, саперы огораживали и ставили таблички «Заминировано», чтобы предупредить водителей.

— Надолго вы собираетесь оставлять эти неразминированные участки? — спросил я. — Наступит оттепель, а она не за горами, и мины станут опасны.

— До оттепели обязательно разминируем, товарищ генерал, — заверил Благославов.

Затем мы вместе с ним проехали по разминированному шоссе. Оно уже было почти готово к движению. Объездов на нем сделано не так уж много. Их укрепили жердевым настилом. Правда, кое-где съезды были крутоватые. Я указал на это начальнику инженерных войск.

Знакомясь с результатами инженерного обеспечения боевых действий 49-й армии, я узнал много интересного о делах саперов в наступлении.

Рядовым Павлюченко и Меркулову из 148-го отдельного инженерно-минного батальона была поставлена задача по устройству прохода в заграждениях противника. Взяв все необходимое, они отправились на задание. Под покровом темноты бойцы скрытно подобрались к проволочному заграждению врага и приступили к работе. Фашисты беспрерывно освещали местность. При свете одной из ракет они заметили саперов и открыли сильный пулеметный огонь. [127]

Павлюченко был убит. Меркулову пули прошили шапку и валенок. Однако сапер продолжал свое дело. Он один установил заряд и взорвал его. В проволочном заграждении образовался широкий проход. Задание было выполнено. Под градом пуль и осколков рвущихся мин и снарядов Меркулов по-пластунски дополз до своей траншеи{11}.

Группа разграждения 147-го отдельного инженерно-минного батальона в составе минеров рядовых М. Н. Болотшна и А. К. Белоусова по приказанию полкового инженера П. С. Павлова также проделывала проход в минных полях противника. До проволочного заграждения гитлеровцев было 300–400 м. Расстояние небольшое, но местность совершенно открытая. Все видно как на ладони. Трудно остаться незамеченным при свете ракет врага. Зарываясь в снег, саперы по-пластунски поползли к проволочному заграждению. У обоих были удлиненные заряды и ножницы для резки проволоки. Ползти становилось все тяжелее, но бойцы упорно продвигались вперед. По пути они прощупывали местность саперными ножами, проверяя, не заминирована ли она. К счастью, мин не было.

Наконец саперы достигли проволочного заграждения. Минуты две полежали, прислушиваясь к окружающим звукам. Тишина. Кругом все спокойно. Можно начинать работать. Болонин достал ножницы и стал резать проволоку. Белоусов осторожно отводил отрезанные концы в сторону.

В небо взвились осветительные ракеты. Воины плотнее прижались к земле и замерли. Так повторялось несколько раз. И все же противник не обнаружил саперов. Белые халаты надежно маскировали их. Они выполнили задание — проделали проход.

Когда воины возвращались обратно, гитлеровцы открыли беспорядочный миномётно-пулеметный огонь и тяжело ранили Болонина. Белоусов не оставил товарища в беде. Он взвалил его себе на спину и доставил в свою траншею.

В том же батальоне исключительное мужество проявил при выполнении боевой задачи, красноармеец М. Д. Лакизов. Когда он проделывал проход в проволочном заграждении, противник заметил его и открыл огонь. Воин был ранен. Чтобы обмануть врага, он прикинулся мертвым и несколько минут лежал без движения. Гитлеровцы прекратили стрельбу. Лакизов тут же воспользовался этим. Он немедленно подсунул заряд под проволоку и взорвал её. [128]

Теряя сознание, сапер все же дополз до своего подразделения.

Да, на такое способны только сильные духом, мужественные воины, всегда готовые выполнить свой воинский долг до конца.

Такими и были наши саперы.

С расчисткой и разминированием дорог, прокладыванием колонных путей возникал ряд трудностей тактического и технического порядка. По моим наблюдениям, в 49-й армии этот вопрос решался неплохо. Однако расчистить дороги для двустороннего движения не удавалось. Как всегда, и тут помогла саперская смекалка. Воины начали прокладывать два параллельных пути — отдельно к фронту и в тыл. И дело пошло.

К 31 марта 1943 года наступление прекратилось. Началась весенняя распутица. Наши армии вышли на рубеж северо-восточнее Духовщины, Ярцева, Спас-Деменска, где противник заранее подготовил сильный рубеж обороны, Ржевско-вяземский выступ был ликвидирован. Это позволило нашему командованию вывести в резерв Ставки две общевойсковые армии и механизированный корпус. В ходе операции были скованы значительные силы группы армий «Центр». Их не удалось перебросить на южное крыло советско-германского фронта. Линия фронта отодвинулась от Москвы еще на 130–160 км.

Оставленный войсками нашего фронта рубеж теперь стал тыловым. Нужно было без промедления начинать укреплять новый, который шел от Кирова на северо-запад, пересекая Минское шоссе в 40–50 км северо-восточнее Ярцева, общей протяженностью до 350 км. Работа предстояла большая. [129]

Смоленские ворота

Шла весна 1943 года, вторая военная весна. Большие события произошли к этому времени на советско-германском фронте. Наши войска, разгромив гитлеровцев под Сталингрдцем, перешли в решительное наступление и за зиму отбросили врага на 600–700 км от Волги. К 15 марта был образован Курский выступ, которому в последующем суждено было стать ареной жесточайших сражений. Наш Западный фронт в это время уже отстоял от Москвы на 270–300 км. Словом, на душе было радостно, хотелось сделать как можно больше, чтобы приблизить час победы над фашистами. И все мы на новом оборонительном рубеже трудились не покладая рук. А сделать требовалось много: вновь создать стокилометровую зону минновзрывных заграждений, разминировать тыловые оборонительные рубежи, отрыть свыше 2 тыс. км траншей, ходов сообщения, восстановить дороги, мосты и т. д. Штаб инженерных войск фронта разработал план инженерных заграждений в стокилометровой зоне. Этот план был согласован нами с начальником штаба фронта генерал-лейтенантом А. П. Покровским и командующим артиллерией генерал-лейтенантом И. П. Камерой. Потом доложил его командующему фронтом генералу В. Д. Соколовскому{12},

который утвердил план без всяких изменений.

В войсках во всю ширь развернулись инженерные работы. Но шли они не так, как бы нам этого хотелось. Началась весенняя распутица, грунт сильно размок, стал липким, тяжелым. Такую землю копать саперной лопатой нелегко. Темпы строительства, естественно, были несколько ниже нормы. Даже в 10-й армии, где к инженерным работам относились с особым старанием, наблюдался некоторый сбой.

Но приказ командующего войсками фронта об ускорении оборонительных работ, постоянный контроль командиров на всех уровнях, героический труд наших людей сделали свое дело. График по инженерному оборудованию занимаемых [130] рубежей начал выполняться полностью, а кое-где и перевыполняться.

Одновременно с отрывкой траншей, ходов сообщения, сооружением огневых точек производилось минирование танкоопасных направлений в тактической глубине. На старом оборонительном рубеже приводилось в порядок наше минное хозяйство: ограждение, охрана. Немецкий оборонительный рубеж полностью разрушался. Минные поля снимались, дзоты, пулеметные гнезда, землянки, наблюдательные пункты взрывались снятыми немецкими минами.

На минском и рославльском направлениях силами инженерных частей фронта устанавливались оперативные заграждения. Саперы приводили в порядок дороги, постоянно поддерживали их в проезжем состоянии, ремонтировали и строили мосты. Много внимания уделялось маскировке войск и тыловых организаций. Работа по укреплению и совершенствованию обороны не прекращалась ни на один день.

А в перспективе уже вырисовывалась Смоленская наступательная операция большого масштаба. И, по сути дела, теперь, ранней весной, началась подготовка к ней. На совещании в штабе инженерных войск, состоявшемся в апреле 1943 года, было решено активизировать инженерную разведку обороны противника по всему фронту, и особенно на участках, где вероятнее всего будут наноситься основные удары. Для ведения разведки намечалось широко использовать новейшие длиннофокусные фотоаппараты, с их помощью делать фотосъемки позиций врага на глубину в несколько километров, организовать постоянную сеть наблюдательных пунктов.

Надо было наладить регулярный обмен данными инженерной разведки с пехотой, артиллерией и авиацией, что позволило бы установить более полную картину о рубежах обороны врага, расположении его оборонительных сооружений, организации

системы огня и инженерных заграждений. По вопросам ведения инженерной разведки штаб подготовил и разослал указания начальникам инженерных войск армий. Это мероприятие было одобрено генералом Соколовским. В моем подчинении имелся 11-й отдельный гвардейский инженерный батальон минеров, предназначенный для действии в тылу врага. В его задачу входило: разведка системы оборонительных рубежей в оперативной глубине противника; разрушение железных и шоссейных дорог, мостов; подрыв эшелонов с живой силой и боевой техникой, идущих к фронту и в тыл. [131]

Мы решили использовать наших гвардейцев-минеров в период подготовки и проведения намечаемой Смоленской наступательной операции. Батальон получил Конкретную задачу. Люди в нем были все как на подбор, политически грамотные, физически развитые, прошедшие специальный курс обучения. Каждый минер сделал по одному обязательному прыжку с парашютом. Выброс в тыл осуществлялся по решению штаба фронта, план составлялся мной и утверждался Военным советом фронта. Надо сказать, что при заброске в тыл врага минеры, как правило, базировались на партизанские отряды. В группу входило обычно 10 человек. Несколько групп объединялись в отряд, который оснащался соответствующим вооружением, взрывчатым веществом и взрывателями для мин замедленного действия.

Отряды снабжались продовольствием и боеприпасами через каждые 15 дней. Способы действий минеров в тылу врага были определены специальной инструкцией. В ней указывались правила перехода или перелета через линию фронта, порядок выполнения боевых заданий и т. д. Вступать в вооруженную борьбу с противником отрядам разрешалось в исключительных случаях, когда не было другого выхода, при неожиданной встрече с мелкими группами врага рекомендовалось решительно и смело уничтожать их преимущественно холодным оружием или огнем из винтовок с прибором, гасящим звук выстрела.

В середине марта 1943 года был произведен выброс четырех отрядов минеров в районы Брянска и Глусска (БССР). Им ставилась задача разрушить магистрали Минск — Борисов — Орша, Минск — Осиповичи — Бобруйск — Гомель, Новозыбков — Унеча — хутор Михайловский. Все отряды хорошо справились с заданием. Но особенно смело и искусно действовала группа под командованием гвардии старшего лейтенанта Виктора Александровича Бугрова. В состав группы входили гвардии старший сержант Михаил Иванович Мигушин, он же заместитель командира группы, гвардии старший сержант Григорий Семенович Холявко, гвардии младший сержант Александр

Маркович, Симонов, гвардии ефрейтор Александр Васильевич Арефьев, гвардии рядовые Набарцум Исаевич Вартаньян, Алексей Павлович Бебнев, Василий Матвеевич Зайцев, Анатолий Васильевич Куприянов, Александр Михайлович Сахаров, Василии Ильич Тарасов. Группа действовала в районе деревни Смелиж, Суземского района, Орловской области. По прибытии на партизанскую базу этого района старший лейтенант Бугров ознакомился с обстановкой, получил информацию об объектах, [132] организовал разведку. После этого группа приступила к осуществлению диверсий.

14 марта 1943 года под покровом темноты воины заминировали железную дорогу на участке разъездов Стяжное — Синезерки. Укрывшись в лесу, они стали ждать. В полночь, грохоча и сверкая огнями, появился вражеский воинский эшелон. Он шел на большой скорости. Все ближе и ближе стук его колес. Казалось, он промчится мимо. Но вот командир крутнул ручку взрывной машинки. В ночной тиши раздался мощный взрыв фугаса — под откос полетели 2 паровоза, 25 железнодорожных платформ, груженных танками и артиллерией. Послышался скрежет металла, дикий вопль фашистских вояк, и все было кончено, все затихло.

За первой удачной операцией последовала вторая, третья... Вот что об этом записал в боевом журнале старший лейтенант Бугров: «В ночь на 18 марта на перегоне ст, Брянск — переезд Стяжное взорвано 18 железнодорожных рельсов на пути и уничтожено 100 метров линии телеграфной связи.

Разведку вели Бугров, Симонов, Арефьев. Вартаньян и Зайцев подносили заряды, соединял их Холявко, взрыв производил Мигушин».

«28 марта в районе Синезерки, Стяжное группа под командованием Мигушина в составе Симонова, Вартаньяна, Холявко, Зайцева и Тарасова в 5 часов, утра пустила под откос воинский эшелон противника, груженный автомобилями. Уничтожено: паровоз, 13 ж.-д. платформ».

Группа старшего лейтенанта Бугрова находилась в тылу врага около трех месяцев. 21 мая она попала в окружение. 26 мая ей удалось вырваться из вражеского кольца. Но в неравном бою с гитлеровцами смертью храбрых пали Бугров, Симонов, Тарасов, Сахаров и Арефьев. Эти потери значительно ослабили группу. Однако она продолжала действовать уже под командованием старшего сержанта М. И. Мигушина и причинила немалый ущерб противнику. Выполнив задачу, группа вернулась в батальон.

Отряды 11-го гвардейского инженерного батальона минеров наносили ощутимые удары по коммуникациям врага, срывали

планы фашистов по доставке боевой техники и живой силы к фронту. Кроме того, они отвлекли большое количество гитлеровских войск на охрану железных и шоссейных дорог, мостов, трубопроводов и других сооружений. Действия гвардейцев-минеров получили высокую оценку Военного совета Западного фронта. [133]

Но вернемся к предстоящей операции. Подготовка к ней приобретала все больший размах. Нас, инженеров, волновал в значительной степени такой вопрос: сумеем ли мы в ходе наступления своевременно разминировать минные поля, дороги, населенные пункты. Партизаны и разведчики докладывали, что за последние месяцы гитлеровцы, перейдя к обороне, заминировали все, что могли, чего не делали раньше. Значит, потребуется множество специалистов, умеющих разминировать. А где их взять? Саперов одних явно недостаточно. В этом мы уже убедились во время проведения Ржевско-Сычевской и Ржевско-Вяземской наступательных операций. Так, например, начальник инженерных войск 33-й армии полковник Ф. П. Филатов докладывал, что пехотинцы и артиллеристы, наткнувшись на заминированные участки, не знали, что делать, кричали: «Дайте саперов». Одним посылаешь минеров, другим не хватает. Такое положение было и в других армиях. Это приводило к серьезным неувязкам и большим потерям времени.

Посоветовавшись в своем штабе, мы пришли к единому мнению: надо «осаперивать» пехоту, артиллерию, войска связи. При инженерных частях фронта и армий провести сборы по обучению стрелков, артиллеристов и связистов минновзрывному делу. Нормы предлагались такие: по одному человеку на отделение и расчет и по отделению и расчету на каждую роту и батарею. Составили проект указания по сборам и программу обучения. Согласовали его с генералами Камерой и Покровским. Узнал об этом командующий бронетанковыми войсками фронта и попросил подключить к этому делу и танкистов.

Командующий войсками фронта генерал-полковник В. Д. Соколовский одобрил предложение. И вскоре сборы состоялись. Прошли они хорошо. Участники получили минимум знаний и практических навыков по разминированию. Теперь уже пехотинцы, артиллеристы, танкисты и связисты при необходимости могли сами проделывать для себя проходы в минных полях. И еще одна деталь: артиллеристы научились ставить мины для прикрытия своих огневых позиций. С этой целью выдавался комплект противотанковых мин.

Штаб инженерных войск фронта направил в войска приказ о проведении боевой подготовки во всех инженерных частях армий

и фронта. Программа включала в себя: инженерную разведку минновзрывных заграждений, естественных препятствий, прокладку и разминирование путей, скоростную сборку мостов, действия подвижных отрядов [134] заграждения. Все это делалось в интересах будущего наступления. И оно наконец началось.

5 июля 1943 года на Курской дуге развернулось грандиозное сражение. Наши войска стойко отражали удары врага, нанося ему огромный урон в живой силе и технике. 8 июля командующий Западным фронтом генерал В. Д. Соколовский вызвал меня к себе и ознакомил с планом наступления войск левого крыла нашего фронта. Удар наносился в направлении на юго-запад в целях разгрома болховской группировки врага и выхода в район станции Хотынец, чтобы перехватить железную дорогу Брянск — Орел. Операцию намечено было проводить во взаимодействии с Брянским и Центральным фронтами. Удар наносила 11-я гвардейская армия под командованием генерала И. Х. Баграмяна. Она усиливалась 5-м и 25-м танковыми корпусами. Генерал Соколовский дал мне указание срочно подготовить план инженерного обеспечения операции.

Штаб инженерных войск немедленно приступил к работе. По нашему плану предусматривалось оборудование для армии трех маршрутов с учетом пропуска по ним двух танковых корпусов. Для этого выделялось шесть инженерных батальонов. Два батальона назначалось на постройку мостов и оборудование бродов через реку Жиздра. Проделывание проходов через минные поля осуществляли армейские инженерные части по плану начинжа армии.

Естественно, основное внимание мы уделяли 11-й гвардейской армии. Туда только что прибыл новый начальник инженерных войск полковник Николай Титович Держицкий. Я уже немного знал его. Перед самой войной он работал в отделе боевой подготовки ГВИУ, а позже в инженерной инспекции главным инспектором Народного комиссара обороны. Несколько лет назад Держицкий окончил командный факультет Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева. Так что это был хорошо подготовленный офицер. Но в деле мы его по-настоящему не видели. Однако не сомневались, что Держицкий о честью выдержит этот экзамен. Так оно и получилось. Я сообщил ему, какими инженерными средствами усиливается армия, предупредил, чтобы во время наступления он в любую минуту был готов прикрыть правый фланг армии ПОЗами, а при выходе войск на линию Ульяново — установить на правом фланге вдоль реки Жиздры электризуемые препятствия фронтом на запад. Для этой цели армия усиливалась 9-м электробатальоном. [135]

Наша беседа с Николаем Титовичем уже подходила к концу, когда в кабинет вошел Шифрин вместе с подполковником В. И. Макаревским, который прибыл в наше распоряжение. Он назначался на должность корпусного инженера 11-й гвардейской армии.

Мы представили его полковнику Держицкому. Макаревский рассказал немного о себе. Он прибыл к нам с Калининского фронта, где занимал должность дивизионного инженера. В битве под Москвой прошел хорошую боевую школу. Для гвардейской армии и корпуса самая подходящая кандидатура.

Вместе с Шифриным ознакомили Держицкого и Макаревского по карте с исходным районом для наступления 11-й гвардейской армии. Кроме того, снабдили их нашими руководящими инструкциями и указаниями по инженерному обеспечению наступления. И они отправились к себе в армию.

12 июля 11-я гвардейская армия прорвала оборону врага и в результате двухдневных боев продвинулась до 25 км, освободив крупный населенный пункт Ульяново. 50-я армия нашего фронта начала наступление на следующий день, обеспечивая 11-ю гвардейскую с запада. Вместе с пехотой, артиллерией, танками наступали саперы. Дивизионные саперы проделали проходы в минных полях противника для частей первого эшелона, которые успешно продвигались вперед. Саперы армейского и фронтового подчинения подготовили три маршрута для ввода в прорыв танковых корпусов, приданных армии. Они восстанавливали дороги и мосты, помогали войскам преодолевать препятствия; на флангах армии действовали ПОЗы, быстро устанавливая заграждения на направлениях контратак врага. Полковник Держицкий умело организовывал инженерное обеспечение.

Немецко-фашистское командование перебросило с орловского направления несколько дивизий против 11-й гвардейской армии. Сопротивление противника на этом участке значительно возросло. Но эта перегруппировка ослабила его силы на Центральном фронте.

Командующий фронтом В. Д. Соколовский 20 июля ввел в сражение только что прибывшую из резерва Ставки 11-ю армию, а 26 июля — 4-ю танковую, а также 2-й кавалерийский корпус. Этих сил гитлеровцы сдержать уже не могли. Наши войска стремительно двинулись вперед.

30 июля все армии Западного фронта, привлеченные к Орловской операции, были переданы в подчинение Брянского [136] фронта. Западный фронт полностью переключился на подготовку к Смоленской наступательной операции.

Перед Западным и Калининским фронтами летом 1943 года

оборонялись 4-я, часть сил 9-й армии и 3-я танковая армия противника. После мартовского отступления гитлеровцы на вновь занятых рубежах создали сильную оборону. Она составляла центральную часть Восточного вала и включала 5–6 оборонительных полос глубиной 100–130 км. В течение трех месяцев фашисты интенсивно укрепляли свои позиции, строили доты, дзоты, блиндажи различного типа. Все это было связано воедино системой траншей, ходами сообщения. Передний край враг прикрывал противотанковыми и противопехотными минными полями и проволочными заграждениями. Тактическая зона обороны была до предела насыщена огневыми средствами. Города Смоленск и Рославль подготавливались к круговой обороне, как крупные опорные пункты. Ко всему этому следует добавить, что местность, занимаемая противником, изобиловала лесами, особенно в центре, болотами, оврагами, по ней текло множество речушек, которые также представляли серьезное препятствие.

Все это мы должным образом учитывали при подготовке к операции. Когда мы с Шифриньм приступили к составлению плана инженерного обеспечения, то в целях сохранения тайны других офицеров штаба к этой работе не привлекали.

До начала операции командный пункт фронта из-под Юхнова передислоцировался в верховья реки Угры, к населенному пункту Всходы. Но часть долевого управления находилась еще на старом КП. Туда 3 августа прибыл Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин. Он встретился с командующим фронтом генералом В. Д. Соколовским.

Сталин интересовался вопросами боевой готовности войск, мерами оперативной маскировки и расстановкой руководящих кадров. Приезд Верховного Главнокомандующего произвел на всех сильное впечатление. Мы поняли, что Ставка придает большое значение Смоленской операции, значит, и ответственность на нас возлагается большая.

Изучая вновь и вновь передний край противника, мы определили важнейшие задачи инженерных войск на первом этапе наступления: проделывание проходов в минных полях противника для танков НПП и пехоты, преодоление противотанковых рвов в глубине обороны, а также преодоление сильно заболоченной речки Демина, протекающей параллельно переднему краю в 3–4 км от него. [137]

Очень серьезным препятствием для войск была господствующая высота 233,3, превращенная гитлеровцами в мощный опорный пункт. Здесь должна была наступать 10-я гвардейская армия. Мы решили усилить ее 1-й комсомольской

штурмовой инженерно-саперной бригадой. На Западный фронт это вновь сформированное (наряду с другими) соединение прибыло 16 июля. Оно было создано на базе 38-го комсомольского инженерного полка, получившего большой боевой опыт по минированию на юго-западном направлении. Бригада была укомплектована комсомольцами и красноармейцами комсомольского возраста. Она предназначалась для штурма сильно укрепленных позиций противника совместно с пехотой, при поддержке артиллерии и танков. Главная задача штурмовых подразделений — уничтожать в ходе боя дзоты и доты взрывами большой мощности и огнеметами. Личный состав штурмовой бригады вооружался автоматами, саперными ножами, стальными пуленепробиваемыми нагрудниками (панцири) и стальными касками. Солдаты и офицеры бригады были все как на подбор: волевые, смелые, полные боевого задора. Они имели хорошую инженерную подготовку и боевую закалку. Командовал штурмовой бригадой полковник Иван Григорьевич Петров. Его заместителем по политической части был подполковник Григорий Пименович Соловьев, начальником штаба — майор Владимир Филимонович Гусаров. Все офицеры энергичные, инициативные. Учитывая большие боевые возможности 1-й комсомольской штурмовой инженерно-саперной бригады, мы и придали ее 10-й гвардейской армии, действовавшей на главном направлении. К тому же ей предстояло прорвать сильно укрепленную оборону противника в тяжелых условиях местности.

Подготовка к наступательной операции шла полным ходом. Офицеры нашего штаба дневали и ночевали в войсках, проверяли боеготовность инженерных частей и обеспеченность их инженерными средствами, контролировали выполнение намеченных работ, помогали, советовали и требовали. Загружены все были, что называется, до предела: ведь впервые готовилась такая крупная операция.

В конце июля я отправился в армии, которым предстояло действовать на направлении главного удара. Вначале заехал в 10-ю гвардейскую, где начинжем был полковник Г. Г. Цвангер. Прежде всего меня интересовало, как здесь собираются проделывать проходы в минных полях противника. Цвангер намерен был сделать это в день атаки подрывным способом во время артиллерийской подготовки. [138]

В течение предыдущих пяти суток саперы армии каждую ночь вели тщательную разведку минных полей врага, понятными лишь им знаками обозначали их внешние контуры. Помогут саперы танкистам преодолеть и противотанковые рвы. Для каждой роты подрывным способом будут проделаны два прохода. Как только

танки НПП перейдут через противотанковый ров по проходам, саперы без промедлений из заранее заготовленных конструкций быстро соберут 30-тонные мосты (по два на танковую бригаду).

Тщательно продумали в армии инженерное обеспечение боевых действий 5-го механизированного и 6-го кавалерийского корпусов. Четыре саперных батальона прокладывали для каждого из них по два маршрута. К 5 августа они будут подведены на 1 км к переднему краю. С началом наступления саперы продолжат прокладку их до рубежа ввода корпусов в прорыв.

Побывал я в 5-й и 33-й армиях. Здесь дело примерно обстояло так же, как и в 10-й гвардейской. Все намеченные работы выполнялись в срок. Но меня по-прежнему волновал вопрос проделывания проходов в минных полях для танков непосредственной поддержки пехоты. Дело это очень трудное, оно требует тщательной отработки всех деталей до мелочей. Поэтому, беседуя с начальниками инженерных войск армий полковниками Г. Г. Цвангером, Ф. П. Филатовым и Д. Т. Фурсом, мы договорились, что они лично проверят отработку ряда вопросов. Прежде всего, чтобы все колонные пути с исходных позиций и до проходов в наших минных полях четко обозначались указателями, были бы назначены места встречи саперов-регулировщиков и представителей передовых танковых подразделений, организована комендантская служба. А самое главное, надо было накануне провести командиров танковых подразделений и командиров экипажей головных машин по своим маршрутам движения до переднего края. Одним словом, устроить занятие «пеший по-танковому». Начальники инженерных войск заверили, что возьмут эти вопросы под контроль, и, как доказали дальнейшие события, в точности исполнили их, а это дало хорошие результаты: подрыва танков на своих минах не было.

6 августа войска армий ударной группировки заняли исходное положение для наступления. Чтобы наблюдать за ходом боевых действий, я в этот же день выехал на передовой КП фронта, в район поселка Всходы, что на реке Угре.

7 августа в 6 часов 30 минут после мощной артиллерийской подготовки, длившейся 1 час 50 минут, и ударов авиации [139] 10-я гвардейская, 5-я и 33-я армии перешли в наступление. Бои сразу же приняли ожесточенный характер. Стремясь любой ценой задержать продвижение наших; войск, враг непрерывно переходил в контратаки, спешно подтягивал свежие силы. Особенно упорное сопротивление гитлеровцы оказали на линии опорных пунктов Гнездилово и Слузна, где ключевой позицией была высота 233,3. Она прикрывала две единственные дороги,

пересекающие заболоченную долину речки Демина. По этой долине могла пройти только пехота; автомашины, танки и пушки вне дорог двигаться здесь не могли. Поэтому противник любой ценой старался удержать названные опорные пункты. Попытки наших частей овладеть ими с ходу не увенчались успехом. Наступление застопорилось. В течение дня войска ударной группировки сумели продвинуться всего на 4 км.

Вечером 7 августа я отправился в 10-ю гвардейскую армию, в полосе которой находилась господствующая высота 233,3. В штабе армии я разыскал начинжа полковника Цвангера. Он кратко доложил о ходе боевых действий, о том, что саперы своевременно и полно проделывали проходы в минных полях противника для пропуска пехоты и танков, но во время атаки войска, в том числе и инженерные, понесли ощутимые потери от огня фашистов.

— Выходит, что огневой системы разведка полностью вскрыть не сумела? — спросил я.

— К сожалению, так. Немцы очень искусно укрыли и замаскировали свои пулеметные гнезда и противотанковые пушки. Мы их не обнаружили. В результате многие уцелели в ходе артподготовки и ударов авиации. И теперь подавить огневые средства врага не так просто. Повторная атака высоты не увенчалась успехом. Но командование решило во что бы то ни стало овладеть ею. Без этого нельзя развивать дальнейшее наступление...

От Цвангера я поехал в штаб 1-й комсомольской штурмовой инженерно-саперной бригады. Навстречу то и дело шли машины с ранеными, отправляемыми в госпитали. К фронту подтягивались танки и орудия, шли автомобили с боеприпасами. С переднего края доносились раскаты артиллерийской стрельбы. Высоко в небе гудели самолеты. Словом, боевые действия продолжались.

В штабе бригады я застал командира полковника И. Г. Петрова и его заместителя по политчасти подполковника Г. П. Соловьева. Петров кратко доложил обстановку. Саперы успешно проделали проходы в минных полях для [140] пропуска танков, проложили пути для ввода танковых бригад. Войска стремительно двинулись вперед. Казалось, никакая сила не остановит их. И — на тебе, такой огонь!

— Бьемся, как о каменную стену, — с горечью произнес Петров, — а с места — ни шагу.

— Как настроение ваших штурмовиков? — поинтересовался я.

— Самое боевое, — ответил Соловьев. — Тут недалеко одна группа мост строит. Не хотите взглянуть на их работу?

Мы втроем направились к саперам. Действительно, они были сравнительно недалеко, но на машине добраться до них было невозможно. Пошли пешком. То справа, то слева изредка рвались снаряды и мины.

— Ну, как дела идут, товарищи комсомольцы? — спросил я, здороваясь с красноармейцами.

— У нас идут хорошо, товарищ генерал, — ответил один из них. — Мы свои дела в основном уже сделали, а вот у пехоты и танкистов что-то идут неважно.

— Вот если бы нам разрешили помочь пехоте, мы бы дали фашистам прикурить, — добавил второй.

— В бою каждый имеет свою боевую задачу, — сказал я. — Вот этот мост, который вы строите, очень нужен. Нет моста — нет хода ни танку, ни пушке, нет подвоза боеприпасов, продовольствия. А без них как воевать?

— Это так, товарищ генерал!

— Впрочем, — продолжал я, — и вы должны быть всегда наготове. Всякое может случиться: может, придется отложить в сторону топор и лопату и взяться за автомат. Ведь сапер — тоже солдат.

— Мы всегда готовы к бою, товарищ генерал!

Беседа с бойцами штурмовой бригады оставила у меня самое хорошее впечатление. Но из головы не выходил разговор с полковником Цвангером о трудностях, возникших при прорыве обороны противника. Вот что значит плохая разведка системы огня, незнание того, что и где находится у врага. Получается атака вслепую. Этот случай и для командиров инженерных войск должен послужить пусть горьким, но уроком. И впредь надо требовать и требовать, чтобы самым тщательным образом велась инженерная разведка. С этими мыслями я и вернулся на КП фронта.

Утром следующего дня я пошел с докладом к командующему фронтом генералу В. Д. Соколовскому. Одновременно требовалось решить один важный вопрос и подписать документы. Василий Данилович был один. Перед ним на [141] столе лежала оперативная карта. Он с карандашом в руке пристально разглядывал ее, о чем-то думая. Я доложил о делах, протянул документ на подпись. Соколовский взял его, прочитал и положил на стол. Потом повернулся, в мою сторону и, как бы размышляя, вслух произнес:

— С наступлением у нас что-то не клеится. Вот уже второй день идет упорный бой, а результаты совсем мизерные. Наткнулись на высоту 233,3 и сели, как на пень. Снаряды расходуем, людей теряем, но успеха пока нет. — Василий Данилович немного помолчал и, уже обращаясь ко мне, сказал: — Не смогли бы вы с вашей штурмовой бригадой помочь пехоте овладеть этой высотой? Ведь она закрывает нам единственную дорогу через заболоченную долину. Ребята, как я знаю, в бригаде все молодые, боевые. Может, они сумеют столкнуть фашистов с этого рубежа?

Прямо из кабинета командующего я отправился в штаб 1-й штурмовой инженерной бригады. «Правильное ли я принял решение? — размышлял по дороге. — Мы — саперы, и, формально подходя, использовать нас как пехоту, не полагается. Но здесь формально подходить нельзя. Личный состав бригады — это особые саперы, штурмовики с пуленепробиваемыми жилетами, в стальных касках, все вооружены, автоматами. Они предназначены для боя совместно с пехотой и артиллерией. И в самом тесном взаимодействии с ними должны участвовать в прорыве обороны: в уничтожении дотов, дзотов, пулеметных гнезд и НП противника. А потом, можем ли мы быть бесстрастными наблюдателями, когда под угрозой срыва начавшееся наступление наших войск на этом участке? Да и просьба командующего — приказ».

В штаб бригады приехал около 12 часов дня. Командование соединения застал в избушке за столом у развернутой карты с обстановкой.

— Я только что от командующего фронтом. Вашей бригаде приказано овладеть высотой 233,3.

— Когда должна начаться атака? — спросил полковник Петров.

— Сегодня вечером. Время согласуем с командующим 10-й гвардейской армией генералом Трубниковым.

По предложению Петрова для атаки высоты выделили 1-й штурмовой инженерно-саперный батальон под командованием майора Федора Наумовича Белоконя, по словам комбрига, очень опытного, смелого и волевого офицера, заслуженно пользующегося любовью и уважением подчиненных. Бойцы, как принято говорить, за ним готовы в огонь и в воду. [142]

— Ну что ж, по всему видно, кандидатура подходящая, — согласился я. — Но одного батальона, пожалуй, будет маловато. А еще кого бы можно подключить?

— Бригадную школу сержантского состава, — предложил Петров. — Командует ею капитан Евтушенко.

Майор Ф. Н. Белоконь и капитан Д. Д. Евтушенко были вызваны в штаб. Мы тщательно отработали детали поставленной им боевой задачи. Командиром сводной группы назначили Белоконя.

Белоконь и Евтушенко ушли к себе готовить людей к атаке. Атакующие подразделения предстояло вывести поближе к переднему краю. Мы с Петровым и его заместителем по политической части подполковником Соловьевым поехали к генералу Трубникову. Сюда позже должен был прибыть и майор Белоконь. Командарм встретил нас суховато. Это и понятно: у него ведь не ладилось дело с наступлением. Узнав, по какому вопросу мы приехали, он мрачно произнес:

— Сомневаюсь, что такими силами удастся взять высоту.

— Важно не количество, а качество людей, — сказал я и подробно проинформировал Трубникова о личном составе бригады.

— Это другое дело, тогда вам и карты в руки, — повеселел Трубников.

— Вы поддержите нас танками и огнем артиллерии?

— Об этом и разговора не может быть. Поддержим.

Прибыл майор Белоконь. Мы представили его генералу Трубникову. Договорились начать атаку без единого выстрела. А как только враг откроет огонь, по сигналу «Красная ракета», который даст майор Белоконь, артиллерия ударит по передним скатам высоты. Поддерживать штурмовиков будут шесть артиллерийских полков. Группа Белоконя будет действовать на участке 22-й гвардейской стрелковой дивизии прямо в направлении высоты 233,3. Фланги группы прикроют подразделения дивизии.

К 21 часу личный состав группы сосредоточился в первой траншее. Майор Белоконь собрал командиров подразделений и довел до них свое решение на бой. Оно заключалось в следующем: пользуясь сумерками, стремительной и внезапной атакой занять высоту 233,3, закрепиться на ее обратном скате и удержать до смены стрелковыми подразделениями. Высоту саперы атакуют в лоб. Атаковыватъ безостановочно. В этом спасение. На правом фланге наступает учебная рота капитана Д. Д. Евтушенко, в центре — третья рота старшего лейтенанта И. М. Клушина, на левом фланге [143] — вторая рота старшего лейтенанта А. С. Блохина. Направление движения — отдельная группа деревьев на скате высоты. Первая рота старшего лейтенанта И. С. Бенецкого остается в резерве. Ручные пулеметы поставить на стыке взводов. С исходной позиции двигаться, не открывая огня. Сигнал атаки — зеленая ракета.

Ударила наша артиллерия. Сотни снарядов обрушились на высоту, обволакивая ее густым серым дымом. Огонь противника немного ослаб. Штурмующие увеличили темп атаки. По склонам высоты разнеслось мощное и грозное русское «ура».

Все ближе и ближе вражеская траншея. Фашисты лихорадочно ведут огонь из пулеметов и автоматов, Но, к их великому удивлению, атакующие цепи почти не редеют. Словно заговоренные, советские гвардейцы шли вперед, пули не брали их. Это оказало, по-видимому, сильное моральное воздействие на врага. Нервы гитлеровцев начали сдавать. Они бросали оружие и в панике бежали.

Не сбавляя темпа атаки, саперы ворвались в первую траншею противника, а в 22 часа 15 минут уже достигли вершины высоты. Здесь завязалась жестокая рукопашная схватка.

Многие воины совершили в этом бою подвиги. Храбро сражался с врагом командир взвода лейтенант А. С. Корнеев. Он был все время в первых рядах атакующих, личным примером увлекал за собой бойцов. В жаркой схватке получил ранение, однако не покинул поле боя, а продолжал командовать подразделением. При штурме высоты лейтенант уничтожил нескольких гитлеровцев, но на самой вершине пал смертью героя, до конца выполнив свой долг перед Родиной.

Командир учебной роты капитан Евтушенко с группой саперов штурмовал вражеский блиндаж. Кончились боеприпасы. Казалось бы, нечем достать фашистов, но офицер нашел выход из положения. Неподалеку, в нише, лежали дымовые гранаты противника. Ими и воспользовались саперы. Они начали кидать гранаты в блиндаж и выкурили оттуда гитлеровцев. Выбегавших вражеских солдат и офицеров советские воины уничтожали прикладами и ножами.

Рядовой Попов в числе первых ворвался в траншею врага. Выстрелом из пистолета гитлеровский офицер ранил его в плечо. Гвардеец очередью из автомата сразил фашиста. Тут Попов увидел, что неподалеку на ефрейтора Кияна набросился немецкий солдат. Завязалась схватка. Несмотря на [144] ранение, Попов поспешил на выручку товарищу и ударом ножа заколол врага. Киян продолжал сражаться с гитлеровцами. Продвигаясь вперед, он заметил вражеский пулемет, который вел огонь по нашим бойцам. Ефрейтор подобрался к пулемету, ловким ударом ножа заколол фашистского пулеметчика, завладел его оружием и повернул против контратакующих гитлеровцев. Отважный гвардеец уничтожил более 20 солдат противника.

Высокое боевое мастерство продемонстрировал в этом бою ефрейтор Иван Шкиперский. Ворвавшись в траншею врага, он

огнем и прикладом уничтожил двух гитлеровцев. Вдруг воин увидел, что один из танков непосредственной поддержки остановился у переднего края. Он понял, в чем дело: наткнулся на минное поле. Ефрейтор бросился на выручку и с помощью ножа стал нащупывать мины и проделывать проход. Танк двинулся вперед. Вслед за ним побежал бесстрашный сапер. В рукопашной схватке на гребне высоты Шкиперский уничтожил нескольких фашистов, но и сам был смертельно ранен.

Инициативу и смекалку проявил в бою младший сержант Александр Иванович Максимчук. Он действовал в составе группы разграждения. Под сильным минометным огнем противника воин снял 35 мин. Проделав проход в минном поле, Максимчук сел на танк и двинулся вперед, В ходе боя экипаж израсходовал все боеприпасы. Максимчук увидел, что слева, в нескольких десятках метров, стоит наш подбитый танк. Он посоветовал экипажу взять из него боеприпасы. Младший сержант помог танкистам перенести снаряды. Боевая машина вновь открыла огонь по врагу. Максимчук получил осколочное ранение, но идти в медсанбат отказался. Лишь когда закончился бой, он отправился на перевязочный пункт.

В 23 часа 50 минут высота была полностью взята. Не теряя времени, саперы начали закрепляться на ней. Всю ночь напролет трудились гвардейцы, приспосабливая вражеские траншеи к обороне. Майор Белоконь понимал, что гитлеровцы не смирятся с потерей важного опорного пункта, попытаются вернуть его. Так и произошло. Рано утром фашисты контратаковали высоту. Бой вспыхнул с новой силой. Враг шел напролом, не считаясь с потерями. На высоту обрушился шквал минометно-артиллерийского огня, позиции саперов поливали свинцом фашистские автоматчики. От разрывов снарядов и мин дрожала земля, клубы серого дыма, перемешанного с пылью, заволокли небо. Но саперы стояли как гранитная стена, не уступив противнику [145] ни пяди. Поддержанные мощным артиллерийским огнем, они отразили бешеный натиск врага.

Особенно отличился в этом бою заместитель командира 1-го штурмового батальона по политчасти майор В. А. Лебедев. Во время контратаки он находился в первой траншее. Увидев, что на позицию одного из взводов навалились два танка и самоходное орудие «фердинанд», он бросился на артиллерийскую батарею, подтянул ее и указал цель. Артиллеристы метким огнем подбили танки и самоходку противника.

Четырежды фашисты атаковали высоту и четырежды откатывались назад. Саперы-гвардейцы удержали важный рубеж. В боях за высоту 233,3 воины-саперы уничтожили свыше 300

гитлеровцев, взяли в плен 9 унтер-офицеров. Военный совет фронта наградил 71 гвардейца, в том числе майора Белоконя. Он получил только что учрежденный орден Александра Невского. В приказе инженерным войскам Западного фронта о захвате высоты 233,3 говорилось: «В этом бою саперы показали пример высокого героизма, преданность Родине, выразили всю ненависть и презрение к подлому и гнусному врагу.

Саперы показали, что они с успехом могут сменить мину на винтовку и жестоко разить врага штыком.

Подвиг саперов 1-го штурмового инженерно-сапёрного батальона войдет в историю инженерных войск Красной Армии... как пример беспредельного превосходства советского солдата над гнусными гитлеровцами»{13}.

Убедившись в бесплодности своих попыток вернуть высоту, гитлеровцы во второй половине дня начали отходить за реку Демина. Войска 10-й гвардейской армии двинулись вперед, в глубь обороны врага. Они быстро преодолели Демину, захватили дорогу через заболоченную долину реки. Подразделения 1-й штурмовой инженерной саперной бригады, участвовавшие в штурме опорного пункта противника, были выведены в резерв. Другие ее подразделения обеспечивали действия наступающих частей.

Две роты 4-го штурмового батальона капитана Ульяна Марковича Чернышева восстанавливали три моста через реку Демина у населенных пунктов Гнездилово, Слепцы и Павлиново, приводили в порядок дорогу, засыпали большие воронки от бомб. Как только инженерная разведка батальона обнаружила разрушенные мосты, к ним были тотчас же поданы на автомашинах готовые конструкции, и работа [146] закипела. Противник пытался помешать саперам выполнить боевую задачу. Он открыл по местам строительства сильный минометно-артиллерийский огонъ, не раз налетала вражеская авиация. Но ничто не могло сломить мужество воинов. В предельно короткий срок они навели мосты, и по ним пошли в бой наши войска.

За 14 дней наступления войска Западного фронта прорвали тактическую зону обороны противника на глубину 35–40 км, овладели Спас-Деменском, пересекли железную дорогу Смоленск — Козельск и Рославльское шоссе.

С разрешения Ставки командование фронта перенесло направление главного удара с рославльского, где фашисты оказывали сильное сопротивление, на ельнинско-смолен-ское. В период с 20 по 27 августа была произведена скрытая перегруппировка войск на новое направление. На этот раз 1-я комсомольская штурмовая инженерно-саперная бригада была

придана 21-й армии, а 10-й армии придавалась 3-я штурмовая инженерно-саперная бригада под командованием полковника Б. С. Немировского.

За несколько дней до начала нового наступления я докладывал командующему фронтом план распределения инженерных частей на Ельнинско-Дорогобужскую операцию. Выслушав меня, В. Д. Соколовский сказал, что его очень беспокоит в полосе наступления 21-й армии опорный пункт противника на высоте 244, 3, восточнее Матвеевщины. Он выступает несколько вперед и держит под фланкирующим огнем пулеметов примыкающие участки обороны. Во время атаки с этой высоты фашисты могут ударить по флангам наших наступающих подразделений и нанести тяжелые потери.

— Поручите вашей 1-й комсомольской штурмовой бригаде овладеть высотой. Этим и ограничим ее боевую задачу, — сказал командующий.

Получив приказ на штурм высоты, командир бригады полковник Петров назначил для выполнения этой задачи 3-й штурмовой батальон под командованием майора Максима Ивановича Бахарева, 25 августа Бахарев совместно с замполитом старшим лейтенантом Снегурой, адъютантом батальона старшим лейтенантом А. Н. Шуклиным и командирами рот провел командирскую разведку высоты 244,3. В ходе разведки они уточнили начертание переднего края обороны противника, его огневые точки, минные поля, продумали, какие задачи будет решать каждое подразделение.

В батальоне была проведена большая подготовительная работа к наступлению. Состоялось совещание офицеров и [147] сержантов, в ротах провели партийные и комсомольские собрания, на которых присутствовали и выступили командир бригады полковник Петров и замполит подполковник Соловьев. На собраниях обсудили вопросы, как лучше выполнить боевую задачу. Участники штурма высоты 23, 3, 3 поделились своим опытом, дали ценные советы. Многие гвардейцы захотели идти в бой коммунистами. Более 30 саперов подали заявления с просьбой принять их в партию. В ночь на 28 августа батальон занял исходное положение для наступления. Командир батальона построил боевой порядок следующим образом: 1-я рота наступала на левом фланге, 2-я рота — на правом, а 3-я — в центре, уступом назад. Она атаковала с фронта в тот момент, когда 1-я и 2-я роты овладеют скатами высоты на флангах. Замысел майора Бахарева удался полностью. Смелыми, дружными, согласованными действиями саперы-штурмовики сломили сопротивление противника и обратили его в бегство. В 9 часов 25 минут после

артиллерийской подготовки начался штурм опорного пункта на высоте 244, 3, а в 9 часов 35 минут она была уже в наших руках. Преследуя гитлеровцев, подразделения батальона с ходу заняли населенный пункт Матвеевщина, затем Борок, Сычево и Колодезь, На этом рубеже саперы остановились. Как было условлено, их сменили подразделения 21-й и 10-й гвардейской армий, которые стремительно двинулись вперед.

В 15 часов 15 минут по приказанию командира бригады батальон майора Бахарева был выведен в резерв. Он полностью выполнил свою задачу и добился больших успехов. Саперы уничтожили свыше 400 гитлеровцев и взяли в плен 52 солдата и офицера, захватили 14 шестиствольных минометов, 6 противотанковых орудий, 5 станковых и 11 крупнокалиберных пулеметов, 1 рацию, штабные документы разгромленной части 262-й немецкой пехотной дивизии, 4 штабных и 8 грузовых автомашин, 1 вездеход и склад боеприпасов{14}.

Многие гвардейцы за этот бой получили высокие правительственные награды.

Во время штурма командующий войсками Западного фронта генерал армии В. Д. Соколовский, представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал-полковник Н. Н. Воронов находились на ВПУ фронта, оборудованном в небольшом лесу. Здесь был и я. Шум боя отчетливо доносился, [148] сюда. Несмолкаемый гул артиллерийской канонады свидетельствовал о том, что на передовой время горячее.

На ВПУ по радио непрерывно поступали донесения о ходе наступления. Оно началось и развивалось удачно. И вот сообщили, что взята высота 244,3. Соколовский повернулся ко мне и сказал:

— Молодцы твои гвардейцы! Настоящие орлы!

Я только хотел сказать несколько теплых слов в адрес саперов, как в это время в палатку, где мы находились, вошел полковник из группы офицеров, сопровождавших представителя Ставки (фамилию его, к сожалению, не помню), и начал докладывать Н. Н. Воронову:

— Товарищ генерал, я сейчас был свидетелем одной блестящей атаки.

— Где? — спросил Воронов.

— Саперы штурмовали высоту 244,3. По команде «В атаку, вперед!» все подразделения, как один человек, мгновенно выскочили из траншей и во весь рост, соблюдая равнение, с криком «ура» ринулись на врага. Саперы шли в атаку, как настоящая гвардия. Картина потрясающая! Я буквально не успел глазом моргнуть, как высота была уже занята и они скрылись за

обратным скатом вершины. Откровенно говоря, такой атаки я нигде не наблюдал. Это подлинные герои!

Соколовский и Воронов заулыбались. Они были очень довольны делами гвардейцев-саперов. Еще бы! Взять в столь короткий срок мощный опорный пункт могут только люди смелые, сильные, отважные.

В тот же день я встретился с командующим 21-й армией генералом Н. И. Крыловым. Соединения его успешно наступали. Делясь со мной своими впечатлениями, он прежде всего поблагодарил саперов:

— Здорово выручили нас. Спасибо им. Какие же молодцы! Взять такую высоту за несколько минут! Если бы не видел своими глазами, не поверил бы.

— Это уже не первый случай, Николай Иванович. Как видите, саперы умеют не только мины ставить и мосты восстанавливать. Умеют они и в атаку ходить!

— Еще как умеют! Все бы так.

Мы вспомнили трудные дни обороны Севастополя. Тяжелое это было время. С тех пор минул год с небольшим, а как все переменилось в ходе войны. Теперь уже не мы, а фашисты обороняются и отступают. Инициатива полностью перешла в наши руки. [149]

30 августа командующий фронтом ввел в прорыв 2-й гвардейский танковый корпус. За один день он продвинулся на 20 км и во взаимодействии с войсками 10-й гвардейской, 21-й и 33-й армий овладел городом Ельня.

Не выдержав натиска советских войск, противник в ночь на 31 августа начал отход на дорогобужском направлении. Войска 5-й армии неотступно преследовали его и 1 сентября овладели Дорогобужем.

Проезжая через Ельню после ее освобождения, я увидел на западной окраине огромное немецкое кладбище. В середине его стоял высокий пятиметровый березовый крест, а от него во все стороны расходились ряды сотен меньших крестов, которые с немецкой педантичностью были выровнены, как шеренги солдат. Каждый крест венчался стальной каской, имеющей пулевые или осколочные пробоины. Под каждым крестом в могиле лежало по 8–10 вражеских солдат. Тысячи оккупантов нашли свой конец на русской земле. Они очень хотели овладеть ею. И вот получили.

Ельня была сожжена дотла. То, что чудом уцелело после боев 1941 года, уничтожено огнем теперь. Тут и там догорали костры, огромные облака дыма плотно окутали руины города. Гитлеровские войска, отступая, усиленно применяли минновзрывные заграждения, минировали дороги, мосты, здания

в населенных пунктах, в большинстве случаев ставя мины замедленного действия. Работы нашим саперам было невпроворот. Отряды минеров самоотверженно трудились по разведке и снятию мин и фугасов. У отдельных домов, на дорогах уже стояли предупредительные знаки: «Мины», «Заминировано». А кое-где высились груды снятых мин, еще не уничтоженных или не отправленных на склады для дальнейшего повторного использования. Работой по разминированию были заняты тысячи саперов. И чем дальше развивались события, тем больше инженерных частей отвлекалось на это дело. Большую помощь в работе оказывали нам саперные бригады, оставшиеся после расформирования 1-й саперной армии.

7 сентября начался третий этап Смоленской наступательной операции. Войска 31-й армии 16 сентября освободили город Ярцево. 19 сентября соединения 39-й армии овладели важным узлом обороны на путях к Смоленску — городом Духовщина. 23 сентября войска нашего фронта перерезали железную дорогу Козельск — Смоленск. Через два дня, то есть 25 сентября, соединения 31-й и 5-й армий ночной атакой освободили Смоленск, а войска 10-й и 49-й армий — Рославль. 2 октября войска Западного фронта вышли на [150] рубеж Усвяты, Рудня, Ленино, Дрибцы, Пропойск и перешли к оборбне. На этом Смоленская наступательная операция закончилась. Цели были достигнуты, и главная из них — освобожден Смоленск, город в междуречье Днепра и Западной Двины. Он является своеобразными воротами, открывающими путь ни запад. И в самом деле, отсюда начинались кратчайшие дороги для нашего наступления на Минск и далее на Варшаву и Берлин.

Как только Смоленск был освобожден, мы направили туда заранее подготовленный отряд разминирования под командой подполковника Е. А. Бондарева. Фашисты заминировали в городе все, что только могли. Я не помню, чтобы где-то еще было подобное.

27 сентября мы вместе с командиром 11-й инженерно-саперной бригады полковником Г. Т. Соколовым отправились в Смоленск. Он — в целях разведки района для строительства нового КП фронта, а я решил ознакомиться с организацией разминирования.

— Скоро будем на Днепре у Соловьевской переправы, — сказал Соколов.

— Ты что, знаешь эти места?

— Еще как!

В 1941 году Соколов был командиром 42-го инженерно-саперного батальона. От Смоленска в направлении Ельни

батальон двигался по шоссе в голове колонны 7-го механизированного корпуса, которым командовал генерал В. И. Виноградов, бывший начальник Рязанского пехотного училища. На перекрестке дорог в нескольких километрах от Днепра стоял статный высокий регулировщик с ремнями через плечо, с повязкой на левой руке. Он флажком показал поворот направо, то есть направлял на плохую грунтовую дорогу, которая вела к Соловьевской переправе. До нее оставалось еще километров 15–20. Соколов спросил регулировщика, почему надо сворачивать с шоссе.

— Мост через Днепр взорван, — коротко и сухо ответил тот.

Соколов не послушался регулировщика и поехал дальше по шоссе, помня афоризм Наполеона: «Кратчайшие дороги — шоссе». Невдалеке от моста батальон обстреляли из миномета. Пришлось остановиться. Стреляли из леса. Комбат вызвал к себе лейтенанта Е. И. Смирнова и приказал ему взять взвод бойцов и уничтожить батарею. Одновременно он послал сержанта с двумя красноармейцами разведать мост через Днепр. [151]

Лейтенант Смирнов по вспышкам выстрелов определил местонахождение батареи. Приблизившись к лесу метров на 300, он развернул взвод в цепь и повел его в атаку. Минометная батарея стояла на опушке. Огнем из автоматов советские воины уничтожили минометчиков. Каково было их удивление, когда на позиции они увидели трупы в красноармейской форме. Неужели убили своих? Даже жутко стало. Но вскоре разобрались. Это были переодетые фашистские диверсанты. Взвод возвратился в батальон, К этому времени вернулась и разведка с Днепра. Она доложила, что мост невредим. Стало ясно, что регулировщик — тоже диверсант. Его схватили и обезвредили. Батальон благополучно прибыл в назначенный пункт.

— А вот и Соловьевская переправа, — произнес Соколов.

Мы остановились и вышли из автомашины. Здесь сейчас действовали два хороших моста, недавно построенных саперами. Четко работали комендантская служба и служба регулирования.

Я прошелся вдоль берега и увидел на небольшой глубине затонувший понтонный мост. Сомнений не было: это был тот, что потопил враг осенью 1941 года. Впоследствии по моему указанию понтонеры вытащили его. Несмотря на то что мост пролежал под водой около двух лет, большая часть понтонов, прогонов и настила оказалась пригодной для дальнейшего использования. Они нуждались лишь в очистке от ила и ржавчины, в мелком ремонте и покраске. Мост, потопленный в 1941 году врагом, вновь вошел в строй и стал надежно служить нашим наступающим войскам.

Во второй половине дня мы были в Смоленске. Через коменданта отыскали подполковника Е. А. Бондарева, который организовывал разминирование улиц, зданий. Вместе с ним я решил осмотреть центр и основные магистрали. Ехали тихо, то и дело останавливались, выходили из машины. С грустью глядели на старинный русский город, в котором мне много раз приходилось бывать до войны, на его красивые крепостные зубчатые стены, украшенные башнями. С давних времен Смоленск являлся форпостом Москвы, гордостью России. Он восхищал всех своей красотой, теперь же Смоленск представлял собой огромное пепелище. Гитлеровцы с присущей им жестокостью сожгли и подорвали все, что только могли и успели. На Большой Советской, Ленинской, Красногвардейской и других улицах стояли, вытянувшись в линию, сожженные многоэтажные дома. Их корпуса зияли страшными черными глазницами оконных и [152] дверных проемов. Дотла были сожжены кварталы Чернышевской улицы и района бывших Нарвских казарм.

Таким же разрушениям подверглись и другие части города. Оккупанты вывели из строя водопровод, банно-прачечный комбинат, взорвали вокзал и все станционные пути. Уничтожили мост через Днепр, почти полностью вырубили деревья в городском парке культуры и отдыха. Все это представляло жуткое зрелище.

Театр, гостиница, Дом партактива, ряд домов по улице К. Маркса, 7-я школа, горсовет и другие чудом уцелевшие здания были заминированы наспех, перед самым бегством. Подвалы этих зданий гитлеровцы, как пирог, начинили множеством авиабомб разного калибра весом от 500 до 1000 кг. В головки некоторых авиабомб были ввинчены взрыватели замедленного действия. Остальные должны были сработать от детонации.

В центре мы задержались надолго. Здесь в городском театре и гостинице уже полным ходом шло разминирование. Около зданий лежали штабелями извлеченные авиабомбы, четыре из них весили по 1000 кг. Не обезвредь их вовремя, от театра и гостиницы осталась бы огромная груда развалин.

Для руководства работами по разминированию Смоленска был создан штаб, возглавил который председатель-горисполкома А. В. Казаков. Заместителем его назначили начальника отряда разминирования подполковника Е. А. Бондарева, командира 11-го гвардейского инженерного батальона минеров. В состав отряда входили 229, И, 537 и 296-й инженерно-саперные батальоны и 11-й гвардейский инженерный батальон минеров{15}. Город был разбит на пять секторов, по числу инженерных батальонов, составляющих отряд разминирования. Каждый сектор имел свой

штаб для более оперативного руководства. В городе был установлен минный карантин на 21 день, то есть на предельное время замедления немецкой мины МЗД. Городской штаб разминирования опубликовал обращение к населению с просьбой оказывать ему содействие, немедленно сообщать о заминированных зданиях, площадях, о найденных складах боеприпасов противника. На улицах были расклеены плакаты со сведениями о взрывоопасных предметах, давались советы, как поступать с ними при обнаружении.

Побывали мы во всех секторах, ознакомились с планами разминирования, с системой организации. Как говорится, [153] придраться было не к чему, все было хорошо продумано. Оставалось главное — выполнить намеченное.

Ко мне явился находившийся в Смоленске командир понтонного батальона майор А. Н. Чиж. Я приказал ему навести понтонный мост грузоподъемностью 16 т через Днепр, в районе Нарвских казарм, а на второй день с утра приступить к строительству низководного 60-тонного моста на свайных опорах. Срок три дня.

— Справимся, — заверил Чиж.

Мне надо было обязательно встретиться с секретарем обкома партии Д. М. Поповым, согласовать некоторые вопросы. Поехали к нему вместе с Бондаревым. Обком помещался в одном из уцелевших зданий, уже очищенных от мин. Обстановка здесь была прямо-таки фронтовая. Кабинет секретаря освещался маленькой лампочкой от аккумулятора, а в приемной горели две керосиновые лампы. С Поповым мы встретились как старые фронтовые товарищи. Он неоднократно вместе с председателем облисполкома Р. Я. Мельниковым бывал в штабе фронта, где мы и познакомились. Не теряя времени, Бондарев развернул на столе план Смоленска в крупном масштабе и подробно доложил, что и где делается. Попов поинтересовался, когда будут разминированы гостиница и городской театр.

— К пятому октября, — ответил Бондарев.

— Это уже хорошо. Теперь к вам просьба, Иван Павлович. Мы совершенно отрезаны от Заречья, что, сами понимаете, очень затрудняет городское движение и связь. Нужны мосты.

Я заверил, что мосты будут: один понтонный мост в районе Нарвских казарм сегодня же начнет действовать, а через три дня рядом будет построен деревянный низководный мост.

— А видите, какое у нас положение со светом? Мы-то потерпим пока, а вот больницы и некоторые другие учреждения и организации без электричества не обойдутся. Не могли бы вы нам чем-нибудь помочь?

— Помочь-то можно, но без Военного совета я этот вопрос решить не могу. Вашу просьбу сегодня же доложу командующему. Думаю, что три-четыре электростанции дадим.

— И на том спасибо.

Работа по разминированию Смоленска шла успешно. Проверялись и разминировались не только здания и улицы, но и вся городская территория: сады, парки, стадионы. В течение нескольких дней было проверено по одному разу [154] 414 зданий и повторно 230, обнаружена и обезврежена 251 авиабомба общим весом 92 т. Отдельные бомбы, как я уже рассказывал, были весом от 50 до 1000 кг. Обнаружено около 28 т взрывоопасных веществ и 180 противотанковых мин.

До окончания минного карантина разминированные здания занимать запрещалось. Они ограждались знаками с надписью «Мины». Дом областного управления НКВД разминировался собственной командой, присланной из Москвы. Управление уже готовилось в него переехать, как вдруг накануне ночью произошел взрыв мины замедленного действия и наружная стена по всей высоте дома обрушилась. Стоявший во дворе часовой не пострадал по чистой случайности. Как выяснилось, гитлеровцы очень хитро заминировали это здание. Оторвав плинтус, они проделали в кирпичной стене глубокие штрабы и по периметру стен заложили удлиненные заряды из толовых шашек по всей длине стен. Мину замедленного действия поставили где-то в стороне, плинтусы аккуратно прибили на место, полы и стены окрасили. Таким образом, никаких внешних подозрительных признаков не осталось. Команда разминирования не смогла обнаружить заряды. Вот и произошел взрыв. Такого сюрприза никто не ожидал. Правда, других неприятных случаев не было. Саперы полностью, с высоким качеством разминировали Смоленск.

Тем временем войска нашего фронта совершенствовали свою оборону. Офицеры штаба инженерных войск Ястребов и Рябченко регулярно информировали меня о ходе оборонительных работ. Повсюду отрывались траншеи, ходы сообщения, оборудовались землянки. Все стремились закончить оборонительные работы до наступления морозов.

Что касается заграждений, то в первую очередь они устраивались на танкоопасных направлениях. Для минирования повторно использовали мины, снятые с прежних наших рубежей, в том числе и с немецких.

Готовя донесение в штаб инженерных войск Красной Армии, мы подсчитали, какая проделана работа по инженерному оборудованию и минированию оборонительных рубежей до

начала Смоленской наступательной операций и после нее. Цифры оказались внушительными: отрыто траншей — 3679 км; сооружено дзотов — 4357; дзотов артиллерийских — 304; полукапониров — 711; артиллерийский окопов — 4580; минометных окопов — 7310; окопов ПТР — 7209; блиндажей и землянок — 133, 10. Кроме того, отрыто и оборудовано 718 км деревоземляных противотанковых [155] препятствий, поставлено 490, км проволочных заграждений, 85, 7 км электризуемых препятствий{16}.

Огромная работа была проведена и по снятию мин. С весны 1942 года инженерные войска фронта установили на своих оборонительных рубежах: противотанковых мин — 1004 тыс., противопехотных — 892 тыс. На территории, которую мы освободили от фашистов, противником было установлено тех и других мин около 1 млн. Значит, около 3 млн. своих и немецких мин, и все поштучно, требовалось снять. А если еще к этому добавить оставшиеся от боекомплектов на складах и огневых позициях снаряды, авиабомбы, которые надо обезвредить, то объем работы поистине огромен.

В штаб инженерных войск обратились товарищи из смоленского областного Осоавиахима с просьбой оказать помощь в подготовке инструкторов-минеров из местного населения. Мы пошли навстречу, организовали такие курсы, которые окончили многие граждане. Начальник инженерных войск Красной Армии генерал М. П. Воробьев одобрил нашу инициативу и рекомендовал начинжам всех фронтов поддержать ее. Одобрил он и инструкцию по разминированию городов и крупных населенных пунктов, которую мы подготовили и отпечатали типографским способом перед Смоленской наступательной операцией. Инструкцию разослали в войска для руководства. Она хорошо помогла саперам в их работе. Генерал Воробьев рекомендовал начинжам всех фронтов использовать ее в своей практике.

Что касается штаба инженерных войск Западного фронта, то мы постоянно уточняли и улучшали эту инструкцию на основе полученного боевого опыта. Мы знали, что Ставка Верховного Главнокомандования придает большое значение не только применению в бою противотанковых и противопехотных мин, но и разминированию освобожденной от врага местности и населенных пунктов. 2 июля 1943 года был издан приказ за подписью Сталина и Василевского. В нем говорилось, что опыт войны с немецкими фашистами свидетельствует об огромном значении, которое имеет умелое использование общевойсковыми командирами противотанковых и противопехотных мин как в обороне, так и в наступлении.

Правильно использованные и искусно поставленные противотанковые и противопехотные мины в умелом сочетании [156] с системой огня артиллерии, минометов и тяжелого оружия пехоты способны в обороне превратить доступные для танков и пехоты противника участки местности в труднопреодолимые, а иногда и в совершенно недоступные для них, в наступлении — помочь нашим частям быстро закрепить за собой захваченные у противника рубежи и обеспечить от контратак противника фланги продвинувшимся вперед нашим пехоте и танкам. Правильно организованная, своевременно выполненная инженерными войсками работа по очистке от мин противника местности, и особенно грунтовых и железных дорог, обеспечивает успех наших войск в наступлении и способствует их маневру.

Обращая внимание на некоторые имеющиеся недостатки в применении противотанковых и противопехотных мин, Ставка давала подробные и конкретные указания по их устранению и порядку минирования.

В 1943 году, когда наши войска начали стремительно продвигаться вперед, во весь рост встал вопрос о сплошном разминировании, об очистке от мин противника и наших местностей, лугов, полей, лесов в интересах народного хозяйства. Это уже была проблема государственного значения, и ее надо было решать незамедлительно. По существу, начиналась настоящая «саперная война», борьба с невиданным коварным врагом. Здесь закон один: кто кого перехитрит — противник ли, который поставил мину, или наш сапер, который снимет ее. И в самом деле, каждая мина, фугас, «сюрприз» устанавливается скрытно и тщательно маскируется. Каждую мину и фугас надо найти да умело снять, ведь она может быть с элементом неизвлекаемости.

Наиболее коварными являются самые разнообразные «сюрпризы». Они рассчитаны на человеческие слабости, на машинальные действия и эмоции. Представьте себе, вы входите в землянку или помещение и видите на стенке «случайно» оставленный портрет Гитлера. Конечно, с гневом сорвете его. И тут же последует взрыв фугаса, заложенного под полом. Или, идя по дорожке, наткнулись на брошенный противником хороший велосипед. Находка. Подняли его — опять взрыв. Зашли в дом — привычно наступили на ступень лестницы, открыли дверь, отодвинули кресло, придвинули к себе настольную лампу, включили свет. За каждым таким движением или действием может следовать взрыв. Фашисты применяли и более гнусные приемы — минировали трупы и своих, и наших солдат. Из гуманных побуждений человек хочет захоронить труп, но стоит

стронуть его с места, как гремит взрыв. [157]

Большое значение в этих условиях — в борьбе с «сюрпризами» — приобретало мастерство минера-разведчика. По нашему мнению, минер-разведчик должен быть не только отличным специалистом, но и физически развитым бойцом, обладать хорошим зрением и тонким слухом. Ему должны быть присущи острый ум, сильная воля, хладнокровие, мужество, молниеносная реакция на внезапно меняющуюся обстановку. Смелость в нем должна сочетаться с осторожностью, но не трусостью, быстрота с неторопливостью, расчет с наблюдательностью и внимательностью, изобретательность и смекалка с бдительностью и высокой личной дисциплиной — вот качества минера-разведчика. Он обязан отлично знать минновзрывное дело, в совершенстве владеть искусством тактического применения минновзрывных средств, а также разминирования, быть минным следопытом.

Однако и рядовые минеры должны быть хорошо подготовлены к борьбе с минами-сюрпризами.

Словом, мы понимали цену мины и учили ценить ее саперов, учили их искусству ставить и снимать мины. Как уже упоминалось выше, нам предстояло снять около 3 млн. мин. С этой задачей инженерные части справились успешно. И что особенно отрадно, выполнили ее почти без потерь.

За многочисленными делами не заметили, как подкралась зима 1943/44 года. Оперативная пауза продолжалась. Однако личный состав войск фронта не сидел сложа руки. Войска продолжали совершенствовать оборону, укреплять занимаемые рубежи. Они доделывали в первую очередь то, что было остро необходимо: НП, пулеметные гнезда, землянки и укрытия. Инженерные войска, так же как и другие, занимались боевой подготовкой, готовясь к инженерному обеспечению наступления в летнюю кампанию 1944 года.

В один из октябрьских дней ко мне зашел полковник Г. Т. Соколов с докладом о строительстве саперных деревянных лодок для будущего форсирования Днепра войсками фронта. Штаб его бригады и производственная база размещались непосредственно у реки, что позволяло испытать лодки на практике. Соколов сказал, что саперы пробовали составлять из лодок паромы и мосты. Это меня очень заинтересовало, и я поехал с ним в бригаду. На месте он пояснил, что заготовлено 800 деревянных саперных лодок для десантирования пехоты. Из них они составили паромы для переправы легкой артиллерии и автотранспорта и тут же практически опробовали. Получилось неплохо.

— Хотите посмотреть? — спросил он меня.

— Да, конечно, хочу. [158]

Саперы продемонстрировали свою новинку. Действительно, дело стоящее.

— Мы из этих лодок можем наводить и трехтонные паромы, и мосты, — сказал Соколов.

Штаб инженерных войск фронта одобрил инициативу саперов Соколова.

Производство саперных лодок в бригаде было организовано уже поточным методом. Еще в 1942 году ее личный состав принимал участие в изготовлении 11 деревянных понтонно-мостовых парков под шифром ДМП-41. Это было очень крупным и важным заданием фронта. Ведь штатных понтонно-мостовых парков не хватало, промышленность не могла тогда полностью обеспечить потребность понтонных частей Красной Армии. С переходом наших войск в наступление эта потребность резко возросла: потому самодельные деревянные понтонные парки были большим подспорьем для нас. Саперные лодки заготавливались заблаговременно, на месте, также для пополнения десантно-переправочных средств.

Вернувшись из штаба фронта, я неожиданно встретился с генералом Ю. В. Бордзиловским, который только что прибыл на Западный фронт на должность начальника инженерных войск 33-й армии. Юрия Владиславовича я знал давно. В 1925–1928 годах он служил в 16-м саперном батальоне 16-го корпуса. Я тогда командовал этим батальоном, а он был начальником школы младшего командного состава. В 1926 году школа впервые в Красной Армии была укомплектована одногодичниками — юношами, которые закончили институты. По окончании школы им присваивалось звание командира взвода — по-современному лейтенант, — и они уходили в запас.

Юрий Владиславович Бордзиловский был хорошим командиром, умелым воспитателем, глубоко знающим инженерное дело. Он пользовался большим авторитетом у. подчиненных. Не случайно его подразделение было на хорошем счету. На строевом смотре в бобруйском лагере командующий округом комкор Д. И. Егоров дал отличную оценку школе нашего батальона, а всему батальону — хорошую.

В 1928 году мы расстались с Бордзиловским, но я частенько вспоминал его. Встреча наша была очень теплой. Я ввел Юрия Владиславовича в курс дела и направил его в 33-ю армию. В последующем мы с ним виделись, регулярно — и по делам службы, и просто так. К нашему общему удовлетворению, инженерное дело в 33-й армии пошло в гору. Забегая вперед, скажу, что позже Юрий Владиславович [159] был начальником

инженерных войск 1-й армии Войска Польского, которая освобождала Варшаву и принимала активное участие в штурме Берлина.

После войны он продолжал службу в Войске Польском в качестве начальника инженерных войск, а затем — начальника Генерального штаба Войска Польского и заместителя Министра обороны Польской Народной Республики, Уйдя в отставку, Бордзиловский возвратился в Москву, где и приживает в настоящее время, ведет большую военно-патриотическую работу.

Шла зима 1943/44 года, на фронте не проводилось крупных операций. Были осуществлены лишь частные операции под поселком Ленино, да и то не совсем удачно. Полностью поставленных целей не добились.

Я внимательно следил за наступательными операциями 1-го Украинского фронта, отличавшимися размахом, темпами и глубиной продвижения. Как известно, в период с 24 декабря 1943 года по 14 января 1944 года войска 1-го Украинского фронта осуществили Житомирско-Бердичевскую операцию. Они почти полностью освободили Киевскую и Житомирскую области и многие районы Винницкой и Ровненской областей.

«Вот бы попасть туда», — думал я. Спустя некоторое время моя мечта неожиданно сбылась. Из Москвы позвонил генерал М. П. Воробьев.

— Как ты смотришь, если тебе предложат перейти на 1-й Украинский фронт начальником инженерных войск фронта. Это просьба Георгия Константиновича Жукова, он вступил в командование фронтом. Ватутин тяжело ранен бандеровцами.

— С большой охотой поеду, — ответил я.

— Будем считать, что вопрос решен.

Вскоре Верховным Главнокомандующим был подписан приказ о переводе меня на 1-й Украинский фронт. На Западный прибыл на должность начинжа генерал-лейтенант инженерных войск Николай Парфенович Баранов. Я его хорошо знал еще с 1923 года. Это исключительно аккуратный человек, прекрасно знавший инженерное дело и имевший большой практический опыт. В начале Великой Отечественной войны Баранов был начинжем одной из армий Западного фронта, потом командовал 1-й саперной армией.

Передача дел заняла немного времени. В середине февраля 1944 года я собирался в дорогу. Буквально за день [160] до отъезда пришло письмо от отца. Он сообщал, что перед отступлением гитлеровцы расстреляли мою престарелую мать, Александру Петровну, и старшую сестру Марию Павловну. Их расстреляли за связь с партизанами и за принадлежность к семье

генерала.

Это известие потрясло. Весь день я не находил себе места. Боль утраты, гнев на гитлеровцев — все смешалось в моем сознании. Не мог примириться с мыслью, что не увижу больше никогда своего самого дорогого человека на земле — мать, величайшую труженицу, вырастившую десять детей: шестерых сыновей и четырех дочерей. Перед глазами прошло далекое теперь детство. Жили мы бедно, в маленькой хате. Отец работал на Бытошевском чугунолитейном заводе. Все неприхотливое домашнее хозяйство вела мать. Мы, кто как мог, помогали ей, но все равно ей было очень трудно. Попробуй прокорми и обслужи такую большую семью! Сколько для этого требовалось сил, здоровья! Сколько легло на ее плечи забот! Но мать никогда ни на что не жаловалась. И вот такая трагическая смерть...

В таком горестном состоянии собрался в путь. Проводить меня пришли все сотрудники штаба. Вместе дружно проработали мы без малого два года, делили пополам и горести и радости. Крепко, по-фронтовому, сдружились, а фронтовых друзей забыть нельзя. Вот и теперь нередко вспоминаю Арона Шевелевича Шифрина, начальника штаба, добросовестного, трудолюбивого и прекрасно знающего дело офицера. На него всегда можно было положиться. Вспоминаю Василия Николаевича Ястребова, начальника технического отдела. Хороший специалист в области фортификации мостового дела и инженерного обеспечения. Большой души человек, сразу располагающий к себе людей. Навсегда в памяти остался Иван Васильевич Журавлев. Это был настоящий комиссар, верный помощник в делах не только политических, но и инженерных, которые он успешно освоил.

Вспоминаю и других товарищей из штаба. Встречи на дорогах войны незабываемы.

Напутствуемый словами друзей: «Встретимся в Берлине», отправился к новому месту службы, на 1-й Украинский фронт. [161]

В междуречье Днестра и Прута

По пути на 1-й Украинский фронт я заехал в Москву к генералу М. П. Воробьеву, чтобы представиться по случаю нового назначения. Михаил Петрович встретил меня радушно. Я рассказал о делах на Западном фронте, а Воробьев ориентировал меня в обстановке на 1-м Украинском, который проводил в то время Проскуровско-Черновицкую наступательную операцию. Боевые действия проходили в тяжелейших условиях весенней распутицы. Транспорт и боевая техника могли двигаться только по шоссе. В грязи вязли все, даже тракторы. Поэтому дороги стали острейшим вопросом инженерного обеспечения операции.

— Не ладится также дело с переправами войск через Днестр, — добавил Михаил Петрович. — Так что понимаете, какая работа вас ожидает.

— Нелегкая работа.

— Верно, нелегкая...

На этом наш разговор закончился, и мы тепло распрощались. Пользуясь случаем, я решил заглянуть к начальнику штаба инженерных войск генералу К. С. Назарову. С ним мы давнишние знакомые по службе в Белорусском военном округе. Константин Степанович принадлежал к старой когорте инженерных командиров, перешедших на сторону Советской власти. Он честно и добросовестно работал на всех постах, которые ему поручали, отдавая делу становления и укрепления инженерных войск Красной Армии весь свой богатый опыт и знания. В войсках уважали его и ценили. Всегда выдержанный, тактичный, он располагал к себе людей.

Встретились мы с ним по-дружески, тепло. Хотя я давно не видел Константина Степановича, мне показалось, что он совсем не изменился. Все такой же стройный, высокий, все то же худощавое лицо и мягкие светлые волосы.

Мы присели, разговорились, вспомнили дела минувших дней, но времени у обоих было в обрез, надо было расставаться. По моей просьбе Константин Степанович уточнил пункт дислокации штаба 1-го Украинского фронта. Это была Славута, западнее Житомира. Туда мне и следовало отправиться. [162]

Наш маршрут пролегал через Рославль, Довск, Гомель, Чернигов, Киев, Житомир и, наконец, Славуту. Общая его протяженность свыше 1000 км. Это примерно двое суток езды. За рулем сидел уже испытанный во фронтовой обстановке шофер старшина Иоч. Он уверенно вел машину.

Вдоль дороги открывалась все та же картина — разрушенные города и поселки. Редко-редко где отдельные деревушки остались целыми и невредимыми. Куда ни глянь — всюду пепелища. Гомель невозможно было узнать. Какие-то беспорядочно разбросанные отдельные уцелевшие дома. Ново-Белицу, пригород Гомеля, фашисты буквально стерли с лица земли. В Гомеле я бывал много раз, еще в 1920 году во время войны с белополяками; отсюда наша 57-я стрелковая дивизия 16-й армии начала наступление на Мозырь, Лунинец, Кобрин, Брест. Тогда линия фронта проходила по Днепру и восточнее Речицы. Я был в то время командиром саперной роты 170-й бригады. Мы обеспечивали форсирование Днепра южнее Речицы. Так что места памятные.

Мы остановились недалеко от Гомеля в одной из деревушек и

заночевали в школе. В ней тогда размещалось несколько семей с малолетними ребятами. Это было единственное уцелевшее здание. Всю деревню враг сжег дотла. Чего мы только не наслышались в ту ночь в школе! Колхозники порассказали нам о страшных зверствах гитлеровцев, о массовых расстрелах, виселицах. Во время разговора около нас, робко озираясь, вертелся белокурый мальчик лет пяти. Мой адъютант капитан Воробьев предложил ему несколько, кусочков пиленого сахара. Ребенок с ужасом отстранил его руку и, зарыдав, прижался к матери.

— Почему он боится сахара? — спросил я женщину.

— Да эти фрицы, будь они прокляты, вместо сахара однажды дали ему кусочек сухого спирта. Он по цвету и форме точь-в-точь похож на эти кусочки.

— Вот гады! — вырвалось у Воробьева. Он даже встал со стула.

Да, другого названия фашисты не заслуживали. В своей звериной ненависти к советским людям они не останавливались ни перед чем, глумились даже над малолетними детьми. Разве могут забыть эти люди их зверства? Никогда.

На рассвете мы продолжили наш путь. Проехали разрушенный Чернигов, Позже показался Киев — столица Украины. Пересекаем центр. Красавец Крещатик лежит в руинах. Разрушены и другие районы, мосты через Днепр взорваны. Однако дорожники уже соорудили деревянные высоководные [163] мосты. По ним и осуществлялось интенсивное движение.

12 апреля мы были в Славуте — штабе инженерных войск фронта. Меня встретил его начальник полковник Н. Ф. Слюнин. Он доложил, что начинж генерал Б. В. Благославов находится на реке Днестр, там идет переправа наших войск, направляемых в междуречье, где развернулись ожесточенные бои. Возвратится он не ранее чем через 3–4 дня. Решил, не теряя времени, поехать к командующему фронтом. Через 15 минут был уже в кабинете Маршала Советского Союза Г. К. Жукова и представился ему по случаю назначения на должность начальника инженерных войск фронта.

— Наконец-то вы прибыли, — произнес Георгий Константинович, протягивая руку. — Принимайтесь за работу. Дело с инженерным обеспечением наступательной операции у нас не клеится. В междуречье Днестра и Прута идут ожесточенные, бои. Подбрасываем туда войска, а переправы через Днестр не справляются, не успевают переправлять. Мостов нет.

Я внимательно слушал Жукова, чтобы уловить главное в создавшейся ситуации.

— С обстановкой на фронте подробнее ознакомитесь в штабе у генерала Боголюбова. Вопросы есть?

— Все ясно.

От Жукова я отправился к генералу А. Н. Боголюбову. С ним мы встретились впервые. Начальник штаба ввел меня в курс фронтовых дел. В настоящий момент линия фронта пролегала западнее Дубно, восточнее Броды, западнее Териополя (Тарнополя) и далее по Днестру западнее Городенки. Здесь действовали 3-я гвардейская, 13-я, 60-я и часть сил 1-й гвардейской армий. Боголюбова, так же как и Жукова, беспокоили переправы через Днестр. Мала их пропускная способность. Требовалось принять срочные меры по устройству переправ. Это уже прямо касалось меня. Но в чем загвоздка, генерал Боголюбов подробно сказать не мог. Детали надо было выяснять в штабе инженерных войск фронта у полковника Слюнина. С этой мыслью я и вышел от Боголюбова.

В тот же день представился членам Военного совета фронта генералам К. В. Крайнюкову и Н. Т. Кальченко, а несколько позже познакомился с начальниками родов войск.

В штабе инженерных войск фронта меня ожидали полковник Н. Ф. Слюнин и заместитель по политчасти полковник В. И. Журавлев. Кстати, на Западном фронте у меня [164] замполитом был тоже Журавлев, только И. В. Во время знакомства я в душе пожелал, чтобы и этот Журавлев был бы таким же хорошим и принципиальным помощником. Забегая вперед, скажу, что мое желание сбылось. Слюнин представил руководящий состав штаба: начальников оперативного отдела подполковника Ф. К. Челомбитько, отдела заграждений подполковника Н. В. Петрова, технического отдела подполковника Р. Г. Уманского. Из всех этих товарищей я знал лишь Николая Васильевича Петрова — по службе в Научно-исследовательском инженерно-техническом полигоне Красной Армии в 1933–1935 годах. Петров тогда командовал ротой 2-го учебного механизированного инженерного батальона. Рота его всегда была лучшей по специальной и тактической подготовке. Он активно участвовал в опытном поточно-скоростном строительстве низководного моста. За отличную работу был награжден часами. Петров был хорошим специалистом. И это меня радовало. Хотелось надеяться, что и другие начальники отделов знают свое дело и что мы будем работать дружно. Об этом последнем, я и сказал им в конце беседы.

Затем Слюнин ознакомил меня с составом войск фронта и инженерных частей. 1-й Украинский располагал тогда шестью общевойсковыми и тремя танковыми армиями. Сила огромная!

Инженерных частей фронтового подчинения тоже насчитывалось немало: две штурмовые инженерно-саперные бригады, три инженерно-саперные и одна специального назначения, две понтонные бригады и один отдельный понтонный батальон. Имелось также два управления оборонительного строительства РГК и одно управление оборонительного строительства фронта. В каждой армии было по одной штатной инженерно-саперной бригаде, а в корпусах и дивизиях — саперные батальоны.

Слушая Слюнина, я невольно подумал о том, как далеко вперед шагнули инженерные войска за два года войны. Очень далеко! Начинали мы войну с отдельными инженерно-саперными батальонами, а сегодня фронт имеет в своем составе до 15 инженерно-саперных бригад. Да, Коммунистическая партия, Советское правительство, весь наш народ проделали огромную работу, чтобы насытить общевойсковые и танковые армии инженерными частями. В современном бою и операции участие инженерных войск стало столь же необходимым, как и других родов войск. Помимо всего прочего, они имеют весьма эффективные средства борьбы с танками и пехотой противника — это минновзрывные, огнеметные, электротехнические и другие средства. [165]

Слюнин коротко рассказал о Проскуровско-Черновицкой наступательной операции войск 1-го Украинского фронта, проводимой во взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта. Она велась все время в условиях весенней распутицы. И вряд ли бы пехота, танки, артиллерия смогли продвигаться без помощи инженерных войск.

Из информации Слюнина следовало, что наступление войск в данных условиях ставило перед инженерными войсками исключительно трудные задачи по восстановлению разрушенных дорог и мостов, прокладыванию колонных путей и, что особенно важно, поддержанию их в проезжем состоянии. Саперы сопровождали артиллерию, автотранспорт, танки. Местами делали выстилку из хвороста, жердей, камня и всего того, что попадалось под руку. Большинство работ выполнялось вручную. А время не ждало, торопило. И частенько саперы брались за лямки и вместе с пехотинцами и артиллеристами тащили по грязи все то, что потеряло способность двигаться.

Естественно, войска стремились как можно больше использовать шоссейные дороги. Они были артерией, по которой шла боевая техника, подвозились оружие, боеприпасы. Но не всегда шоссейные дороги шли в нужном направлении, да и сеть их была не так уж густа. К тому же кое-где шоссе просто не выдерживало огромного грузового напряжения. Нередко на

отдельных участках разрушалось твердое покрытие. Вот тут уже саперам приходилось жарко. Надо было как можно быстрее восстановить дороги. И они восстанавливали, трудились, не зная передышки.

За последние дни наступления войска 1-го Украинского фронта добились заметных успехов. Особенно быстро продвигалась вперед 1-я танковая армия — 24 марта она вышла на Днестр в районе Залещиков и, с ходу форсировав реку, уже через пять дней освободила Черновцы. 4-я танковая армия 26 марта овладела Каменец-Подольским. С выходом войск 1-го Украинского фронта (1-я гвардейская, 38-я армия, 1-я и 4-я танковые армии) на рубеж Бучач, Коломыя, Черновцы пути отступления 1-й танковой армии гитлеровцев на запад были отрезаны. Жаркие бои разгорелись в междуречье Днестра и Прута. Слюнин на карте показал этот район. Он отметил, что войска переправляются главным образом на паромах. В районе Залещиков обеспечивает переправу 3-я понтонно-мостовая бригада под командованием полковника Н. В. Соколова, а в районе Усьце-Бискупе — 6-я понтонно-мостовая бригада полковника Я. А. Берзина, только что вступившего в должность. [166]

— Почему же бригады не наводят понтонные мосты? — спросил я.

— Навели два моста, но оба разбиты самолетами противника. Уж очень слабое прикрытие переправ зенитной артиллерией и авиацией.

— Командующему фронтом об этом докладывали?

— Нет.

— Очень плохо. А низководные мосты пытались строить?

— Пока нет. Сейчас на Днестре генерал Благославов. Может быть, он что-нибудь уже предпринял.

Слюнин сообщил далее, что войска центра и правого крыла фронта, разбив 4-ю танковую армию противника, закрепляются восточнее Ковеля и Брод, к западу от Тернополя и Коломыи. Город Тернополь Гитлер объявил городом-крепостью. Гарнизон его с фанатичной яростью дерется в окружении. Но дни Тернополя уже сочтены.

Из всего сказанного начальником штаба напрашивался вывод, что в данный момент самое напряженное положение создалось в междуречье рек Днестра и Прута. У меня созрело твердое решение немедленно выехать туда вместе с генералом Благославовым и решить все вопросы по организации и обеспечению надежной переправы войск через Днестр. Было ясно: там позарез нужны мосты.

Оценивая по карте полосу местности в междуречье, мы пришли к заключению, что низковрдные мосты надо строить в районе Городенки, Залещиков, Усъце-Бискупе и Жванца. Я попросил Слюнина подготовить мне карту мостов через Днестр. Он сделал это быстро. Через час мы уже согласовали наше решение с генералом Боголюбовым, который полностью поддержал нас.

Времени ждать возвращения генерала Благославова для приема у него дел не было, и я в тот же день доложил маршалу Г. К. Жукову о вступлении в должность, рассказал о нашем плане строительства пяти низководных мостов на Днестре. Внимательно рассмотрев карту, командующий одобрил наши предложения.

— Как скоро будут построены мосты? — спросил Жуков.

— Через пять — семь дней, — ответил я и добавил: — При создавшейся ситуации мне необходимо немедленно выехать на Днестр для организации переправ и личного руководства строительством низководных мостов.

— Не возражаю, поезжайте, только учтите: дней через пять в междуречье направляется танковый корпус генерала Полубоярова. Надо подготовить ему переправы в Залещиках. [167]

Я поставил в известность командующего, что на Днестре переправы очень слабо прикрыты зенитной артиллерией и авиацией. Понтонеры дважды наводили понтонные мосты, и оба раза они были потоплены авиацией противника.

— Это дело мы поправим. Я прикажу прикрыть переправы.

Выйдя из кабинета Жукова, я встретил в его приемной генерала А. Я. Калягина, начальника ГВИУ Красной Армии.

— Какими судьбами?

— В командировку, — ответил он.

Узнав о том, что я еду на Днестр, Калягин решил тоже поехать туда посмотреть, что там делается. Договорились отправиться утром 16 апреля. В назначенный час тронулись в путь. Нас сопровождала группа автоматчиков. По решению Военного совета фронта выезд руководящего состава на фронт без вооруженной охраны воспрещался. Это вызывалось тем, что активизировали свои действия бандеровские банды. Уже было несколько случаев нападений. Жертвой бандеровцев стал командующий 1-м Украинским фронтом генерал Н. Ф. Ватутин. Пади от их пуль и другие товарищи. С нами в машине ехал начальник технического отдела штаба инженерных войск фронта подполковник Р. Г. Уманский. Ему поручалось помочь понтонным бригадам в строительстве мостов.

Первым из днестровских городов на пути оказался Каменец-

Подольский. Подъезжая к нему, мы еще издали увидели на окраине города огромное кладбище всевозможной немецкой техники: тут и там стояли танки, пушки, самоходки, бронетранспортеры и автомашины, начиная от мощных грузовиков и до легковых классных автомобилей. Такое количество брошенной гитлеровцами техники я встретил впервые за всю войну. Значит, так крепко прижали их здесь, что они не успели даже бегством спастись. Отступая в распутицу под напором наших войск, они для облегчения бросали все подряд. Под Москвой гитлеровцы свои неудачи свалили на «деда мороза». Интересно, чем они объясняют свое поражение здесь? Наверно, распутицей. Но ведь распутица и для них и для нас одинакова. Напрашивался один вывод: били мы фашистов в мороз, нещадно бьем в распутицу и еще пуще будем бить, когда станет совсем сухо.

Посмотрев несколько минут на брошенную технику, мы продолжали путь в Усьце-Бискупе.

Через час были в штабе 6-й понтонной бригады у полковника Я. А. Берзина. Это была моя первая с ним встреча. [168]

Берзин произвел хорошее впечатление своей подтянутостью, выдержкой.

Я попросил комбрига кратко доложить об обстановке на Днестре. Он говорил неторопливо, четко, рассказал, что в районе Усьце-Бискупе действует паромная переправа из двух тяжелых 60-тонных и семи 16-тонных паромов. Войска подходят к ним очень неравномерно: то сразу колонна, то редкие одиночные машины. Поэтому часто образуется скопление у самого берега реки танков, автомобилей и конного транспорта. Это сильно затрудняет переправу и привлекает внимание авиации противника.

Понтонные мосты бригада наводила неоднократно, но не проходило и нескольких часов, как налетала фашистская авиация и разрушала их. Только вчера был наведен мост, и сразу же его потопили самолеты врага. Поэтому бригада перешла на паромные переправы, как менее уязвимые.

— Понтонные мосты нужно наводить с наступлением сумерек, — сказал я, — и переправлять по ним транспорт и боевую технику в течение ночи. К утру мосты разводить. Необходимо без промедлений приступить к строительству низководных мостов на жестких опорах. На вашем участке построить два. Срок — семь дней.

— С низководными мостами не получится, товарищ генерал. Дно реки здесь скалистое, сваи бить нельзя.

— Проведите разведку в других местах, уверен — найдете впадину и там грунтовой участок дна. Сделайте это сегодня же. А

теперь ознакомьте нас с вашими переправами на реке.

К Днестру мы отправились пешком. Эта река характерна тем, что ее левый берег очень крутой и высокий, а правый — пологий. Ширина Днестра достигает 150 м, глубина 4–5 м, скорость течения до 2 м в секунду. Словом, это очень серьезная водная преграда, к тому же находящаяся в паводковом состоянии. К реке мы спускались по грунтовой дороге. Примерно в 600 м от нас на берегу увидели скопление автомашин, танков, конных повозок. Такая же картина наблюдалась и на противоположном берегу. В Усьце-Бискупе также было много транспорта и боевой техники.

— Ян Андреевич, ведь это же прекрасная цель для авиации противника. Ее ничего не стоит обнаружить и разбомбить.

— А что мы можем сделать? — ответил Берзин.

— Комендантская служба у вас организована? — спросил Калягин.

— Организована, но она не справляется с потоком войск, [169] идущих на переправы. Удержу нет, лезут пеший и конный, танк и подвода, каждый стремится переправиться первым, никто не хочет ждать.

— Усильте комендантскую службу и поставьте комендантами требовательных офицеров, наведите жесткий порядок, добейтесь такого положения, чтобы на реке, у самой переправы, находилось столько танков, машин и конного транспорта, сколько может переправиться за один рейс. Остальные пусть ждут своей очереди в исходном районе, в полутора километрах от переправ, — приказал я. — Строительство низководного 60-тонного моста начнете завтра утром.

Мы вплотную подошли к Днестру. Он бурно нес мутные потоки желтоватой воды. Да, нелегко преодолеть эту полугорную реку. Однако обуздать все же можно. И это задача понтонеров и саперов.

— Сейчас мы поедем в Залещики, посмотрим, как идут дела у вашего соседа, а послезавтра возвратимся к вам, — сказал я Берзину, — проверим, что вы сделали.

Уманскому приказал остаться здесь и помочь Берзину в составлении проекта моста и организации строительства, а к исходу завтрашнего дня быть в 3-й понтонной бригаде.

Уже вечерело, когда мы достигли Залещиков. Нашему взору предстал красивый курортный городок. Здесь Днестр делает крутую петлю. На его южном крутом и очень высоком берегу раскинулись хутора, утопающие в зелени больших садов. На северном пологом берегу расположились кварталы Залещиков. Город обращен лицом к Днестру. Как сказали нам местные жители, здесь находилась вилла бывшего главы польского

буржуазно-помещичьего правительства Пилсудского, ярого врага Советской Республики.

Командира 3-й понтонной бригады полковника Н. В. Соколова в штабе мы не застали. Он находился на техническом совещании у начальника управления военно-полевого строительства 23 УОСа РГК. Мы направились туда. В помещении одного из домов шло совещание, на котором рассматривался технический проект деревянного низководного моста через Днестр. Здесь присутствовали начальник рекогносцировочной группы УОСа майор Н. В. Лукин, полковник Соколов (фамилии других товарищей, к сожалению, не запомнил). Когда мы вошли в прокуренную комнату, там оживленно обсуждался вопрос о конструкции мостовых опор.

— Грунт в реке скалистый, — говорил Соколов, — сваи бить нельзя. Но делать что-то надо.

Мы приняли участие в обсуждении. Пришли к единственному правильному в этих условиях решению: мост строить [170] на сдвоенных рамных опорах. Для погашения плавучести при установке загружать рамы камнем. Но как ставить их, когда они достигают 5–6-метровой высоты? Может, для этого использовать паромы понтонного парка? Полковник Соколов возразил, что наши паромы для установки рам при такой большой скорости течения не приспособлены. Их надо ставить на якоря, но дно реки скалистое — якоря не сдержат рамы.

Вопрос осложнился. Каким же все-таки способом строить такой мост? После обмена мнениями пришли к выводу — собирать мост одновременно с обоих берегов. А рамы, загруженные камнем на суше, спускать с мостовых опор по наклонным слегам-стапелям. Таким образом, 60-тонный мост решено было сооружать поточно-скоростным методом из готовых мостовых конструкций. Я приказал к строительству приступить с утра следующего дня. Срок готовности 30 апреля. Первым по этому мосту пройдет танковый корпус генерала Полубоярова. Таков приказ командующего фронтом.

Возвратились в штаб понтонной бригады. Здесь полковник Соколов проинформировал нас об обстановке на переправах в Залещиках. Вначале бригада получила приказание от генерала Благославова навести понтонный мост грузоподъемностью 16 т. Он был сооружен рядом с разрушенным противником постоянным шоссейным мостом. Через него за один день переправилось много автомобильного и гужевого «транспорта, но вечером налетела авиация врага и потопила его. Батальон, содержавший этот мост, понес ощутимые потери. Детали моста сильным течением понесло вниз по реке. Понтоны, ударяясь о скалистое дно и

берега, закручивались восьмеркой, а прогоны изогнулись дугой. Все деформировалось так, что о восстановлении понтонного имущества и думать не приходилось.

Сутки назад подобное случилось в Устечко, что в 10 км западнее Залещиков, где был наведен 30-тонный понтонный мост. Снова налетели фашистские самолеты и потопили его.

— А где, кстати, сейчас находится генерал Благославов? Мы его нигде не встретили, — поинтересовался Калягин.

— Вчера рано утром уехал в штаб фронта, — ответил Соколов.

— Значит, мы разминулись, — сказал я.

— И сколько же у вас в бригаде осталось понтонных парков? — спросил Калягин.

— Всего половина.

— Неважное дело, — тяжело вздохнул Калягин. — Новые парки вы получите не скоро. Так что берегите эти. [171]

— Именно берегите, — поддержал я и напомнил Соколову, что понтонные мосты надо наводить только с вечера, ночью организовывать самую интенсивную переправу по ним, а на рассвете разводить их. — Днем разрешаю переправлять войска только на паромах. Завтра приступайте к строительству моста в Устечко. Срок готовности — первое мая, — закончил я.

Переночевав в Залещиках, рано утром мы поехали на Днестр, чтобы посмотреть, как идет строительство низководного моста. Работа уже кипела вовсю на обоих берегах. Береговые опоры были готовы. Саперы вязали рамные опоры, делали подгонку прогонов и мостового настила. Трудились они споро, организованно, без сутолоки.

Вот первую раму поднесли вплотную к опоре и уложили на жердевые слеги, опирающиеся одним концом на берег, вторым — на дно реки. За дощатую обшивку рамной опоры бойцы быстро закладывали камень. Затем рама по слегам была спущена в воду и поставлена в вертикальном положении. Так же ловко укладывались прогоны и настил. Каждая такая операция выполнялась специальной командой. Словом, все делалось так, как надо. И в успехе строительства можно было уже не сомневаться.

Наше внимание привлекла группа понтонеров, что-то делающая на берегу реки неподалеку от места строительства. Мы с Калягиным пошли к ним. Навстречу вышел командир 14-го понтонного батальона майор Ю. С. Вележов и представился.

— Чем вы тут занимаетесь? — поинтересовался я.

— Хотим использовать силу течения Днестра для движения наших паромов, — ответил он. — Бензина маловато, экономить

надо. А то уж больно много его расходуют катера.

Мы полюбопытствовали, что же они такое мастерят. Вележов показал нам специально оборудованный паром, который блоками соединен с тросом, перетянутым через реку. Продемонстрировали его действие. Паром ставится под некоторым углом к течению и под его напором перемещается по тросу к противоположному берегу.

— Да это же давно забытый способ передвижения паромов по канату, — заметил Калягин.

— Согласен, способ-то старый, да содержание новое — полезное. Спасибо вам, товарищ майор, за инициативу и рационализацию, — поблагодарил я комбата.

Убедившись, что дело здесь двинулось вперед, мы отправились к Берзину. Дорогой я спросил Александра Яковлевича [172] Калягина, что нового из средств инженерного вооружения мы можем ожидать в ближайшее время. Он не сразу ответил на этот вопрос. Подумав, сказал, что кое-что уже сделано и принято на вооружение, но многое еще в заделе. Инженерная техника развивается не слишком быстрыми темпами. Лучше всего обстоит дело с минновзрывными средствами. Противотанковая мина в деревянном корпусе, вес взрывчатого вещества которой составлял 5 кг, заменена более мощной и надежной новой миной. Она тоже в деревянном корпусе, но вес взрывчатого вещества ее уже 7, 5 кг. Принят на вооружение новый взрыватель для мин, который надежно обеспечивает безопасность при ее установке. Сконструировали его наши известные изобретатели П. Т. Радевич и Н. П. Иванов. Я хорошо знал этих товарищей. Это старейшие наши специалисты, которые еще совсем молодыми техниками начинали свою научную работу в бытность мою начальником Научно-исследовательского инженерно-технического полигона РККА в 1933–1935 годах. Один из них, Радевич, очень помог мне в проведении экспериментов с летающей противобортовой танковой миной. Услышать об этих товарищах было приятно.

Рассказал Калягин и о том, что созданы новые электрохимические замыкатели с замедлением от 1 до 120 суток, часовые замыкатели 10–60-суточного замедления, улучшена конструкция миноискателя и увеличена длительность его работы с одной зарядкой. Тульские предприятия выпускают танковый трал под шифром ПТ-3 для проделывания проходов в минных полях. Он используется как навесное оборудование к боевым танкам.

— Над этим работает известный вам конструктор подполковник Мугалев, — сказал Александр Яковлевич.

Адъюнкта Военно-инженерной академии имени В. В.

Куйбышева П. М. Мугалева я хорошо помнил. Еще в 1933–1935 годах он начал работать в области траления минных полей. Это настоящий энтузиаст своего дела, страстный изобретатель. Уже в дни советско-финской войны он сконструировал трал, который отличался от известных. В 1940 году Павел Михайлович испытал первый образец, но при подрыве мины его контузило, и он надолго выбыл из строя. Однако, человек большой воли, Мугалев через год продолжил работу над тралом и успешно испытал его на фронте. К середине 1943 года по предложению Мугалева была сформирована опытная часть наземных противоминных тральщиков, заместителем командира которой стал он сам. Подразделения минных тральщиков вместе с другими частями армии в [173] середине сентября форсировали Днепр, участвовали в расширении букринского плацдарма, прокладывали нашим танкам путь на Киев. За отвагу и героизм, высокое воинское мастерство в боях за Днепр, за овладение букринским плацдармом, за освобождение Киева части было присвоено почетное наименование Киевской. Многих бойцов и командиров наградили орденами и медалями, а командир взвода старший лейтенант А. З. Петушков и подполковник П. М. Мугалев были удостоены звания Героя Советского Союза. Изобретение Мугалева нашло широкое применение. Вскоре было сформировано несколько специальных частей наземных противоминных тральщиков.

Важной новинкой было принятие на вооружение нового понтонно-мостового парка ПМП, имевшего понтоны с закрытой палубой. Это резко повышало незатопляемость и живучесть понтонных мостов, грузоподъемность которых возросла до 100 т, что в полтора раза превышало грузоподъемность существующих.

— Сейчас ведется разработка опытного образца траншейного экскаватора, — продолжал Калягин. — Но, по всей видимости, до конца войны мы не успеем его запустить в производство.

Разговор наш прервался: машина уже въезжала в Усьце-Бискупе. В штабе Берзина не оказалось. Он находился на переправе. Туда же направились и мы. Проезжая по поселку, я обратил внимание на то, что на его улицах теперь уже почти никого не было. Ожидающие переправы автомобили, конный транспорт и танки укрылись в садах, во дворах, прижались к заборам. Повсюду были расставлены указатели, посты регулирования. Тут уж не заблудишься.

Мы спустились вниз к реке. И здесь ничего лишнего. На берегу шла погрузка автомобилей на паромы для переправы в междуречье. Обратно эти же паромы принимали машины, идущие с фронта в тыл. Везде — полный порядок. Комендантская служба

работала четко.

Отыскали Берзина. Он коротко доложил о ходе переправы, об организации комендантской службы. Она заслуживала высокой оценки.

— Фашистская авиация не беспокоит вас? — спросил я.

— Не без этого. Сегодня утром прорвались три самолета и на бреющем полете сбросили десять бомб. Паромы остались целы. Семь бомб упало в долине и на берегу, три в реку. Отделались удачно. Сейчас ведем подготовку к наводке понтонного моста. Вон там, где копошатся понтонеры, — [174] показал рукой Берзин, — уже начали составлять мостовые паромы. С наступлением сумерек будем наводить.

— Хорошо, посмотрим на вашу работу.

Вдали, вверх по течению, раздавались звуки работающих копров, забивавших сваи. Все же нашли понтонеры грунтовой участок на дне реки. Мы подъехали к месту строительства. Более половины низководного моста было уже готово. Но сделать еще предстояло много. И саперы спешили. Работы шли в высоком темпе. По мере забивки свай быстро обстраивались свайные опоры. Тем временем к голове моста на особой тележке, загруженной до отказа, подвозились прогоны и укладывались на пролет. Вслед за этим подавался настил. Несколько человек отбойными молотками звучно забивали штыри, крепя насадку к сваям. Рядом мотопилой отрезались лишние куски бревен и досок. Все делалось без суеты, крика, по четко разработанному графику.

Начало вечереть. Берзин напомнил, что сейчас начнется наводка моста. Мы без промедления отправились туда. Расположились на берегу, несколько в стороне от места работы, чтобы не мешать понтонерам, стали наблюдать за ходом наводки. Берзин четко отдавал команды, саперы проворно выполняли их. Все операции по вводу паромов в линию моста, их смыканию велись по сигналам флажком, точно на учениях. Еще не совсем стемнело, когда наводка моста была закончена. На нем в определенном порядке разместилась дежурная команда. Остальные отошли подальше. И вовремя. Откуда ни возьмись над переправой вдруг появились три вражеских самолета. С диким ревом на бреющем полете они пронеслись над ней и сбросили несколько бомб. К счастью, ни одна из них в мост не попала. Но осколками разорвавшейся на берегу авиабомбы было ранено пять понтонеров из дежурной команды. Основная же масса людей не пострадала. Вот что такое организованность, точное выполнение установленного порядка на переправах.

Берзин доложил о готовности моста. Я разрешил начать

переправу, и по нему пошли автомашины, орудия, конный транспорт.

К концу апреля все намеченные мосты в Устечко, Усьце-Бискупе, Жванце и Залещиках были построены, о чем я доложил по телеграфу командующему фронтом маршалу Г. К. Жукову.

Забегая вперед, скажу, что 1 мая танковый корпус генерала П. П. Полубоярова переправился в междуречье по низководному мосту в Залещиках. Задание командования было выполнено в срок. Саперы совершили настоящий подвиг, [175] обеспечив войска мостовыми переправами через Днестр. Теперь фронт имел пять 60-тонных низководных мостов. В районе Залещиков и Усьце-Бискупе мосты дублировали мощные паромные переправы, они имели хорошее зенитное прикрытие, что гарантировало бесперебойную переброску войск через Днестр в любых условиях.

После окончания строительства мостов 3-я и 6-я понтонные бригады получили задачу обеспечить в районе Устечко, Залещики, Усьце-Бискупе, Жванец надежную работу переправ. В случае разрушения они должны были быстро восстановить их..

Отдав необходимые указания командирам 3-й и 6-й понтонных бригад, мы с Калягиным поехали в Славуту, куда прибыли рано утром 1 мая. Полковник Слюнин доложил мне, что через два дня после нашего отъезда на Днестр генерал Благославов возвратился в штаб инженерных войск, На следующий день с разрешения маршала Жукова он уехал в Москву.

В тот же день я доложил командующему фронтом о результатах поездки на Днестр. В целом он одобрил проделанную работу, похвалил понтонеров за успешное выполнение задания. Потом Георгий Константинович проинформировал меня о том, что войска фронта перешли к жесткой обороне. Поэтому следует обратить внимание на тщательность инженерного оборудования занимаемых рубежей, особенно на прикрытие танкоопасных направлений минными полями.

— Надо создать крепкую, неприступную оборону, — подчеркнул Жуков. Он прошелся по кабинету, остановился около меня и вдруг недовольным голосом проговорил: — Вчера я возвращался с передовых позиций и встретил колонну ваших строителей. Неприятное впечатление производят они: одеты плохо, обмундирование и обувь рваные, многие небриты.

— К сожалению, это так, товарищ маршал. Жуков, казалось, не слышал моих слов, он продолжал свою мысль:

— Я внимательно приглядывался к ним и ни у кого из них на груди не заметил ни одного ордена или медали. А ведь они же делают большие дела. Вот я вас и спрашиваю: почему к ним такое

отношение?

— Объясняется это просто, товарищ командующий. УОСы отнесены к тыловым частям. Обеспечиваются они обмундированием и всем другим в последнюю очередь, что останется. [176]

Вот и достается им старье. И с наградами такое же положение.

— Такого положения не должно быть! — резко произнес Жуков. — Срочно представьте мне заявку на обмундирование и обувь для строителей. Я прикажу начальнику тыла генералу Анисимову удовлетворить ее полностью. Укажите, сколько нужно комплектов. Заодно подготовьте наградные материалы на солдат и офицеров УОСов, отличившихся в боях, а также за строительство мостов через Днестр.

Конечно, упрек командующего был справедлив, но я уходил от него с радостным чувством. И верил, уж коль Г. К. Жуков проявил беспокойство о строителях УОСов, он доведет дело до конца, поможет решить очень важный вопрос с обеспечением их обмундированием и обувью. Уж такой у маршала характер. Давно пора было обратить внимание на строителей: они заслуживали этого. В самом деле, бойцы УОСов — это подлинные труженики войны, золотые люди, в основном старшего возраста. Они, как правило, имели строительные специальности: плотника, столяра, штукатура, каменщика, бетонщика, маляра, кузнеца и т. д. Причем специалисты высокой квалификации. Основное предназначение УОСов — оборонительное строительство. Но с переходом наших войск в наступление диапазон их использования расширился. Из УОСов создавались отряды по сплошному разминированию, восстановлению маршрутов, строительству высоководных и средневодных мостов. Они оказывали огромную помощь инженерным войскам армий и фронта в обеспечении боевых действий. И, несмотря на все это, никто по-настоящему не замечал их дел. А Жуков заметил.

О разговоре с командующим фронтом я рассказал своему замполиту полковнику Журавлеву и начальнику штаба полковнику Слюнину. Они тоже были рады за строителей. На следующий день утром мы вызвали к себе начальников 23-го УОСа полковника А. И. Загороднего и 32-го УОСа полковника С. В. Чекалина с докладами о техническом и материальном обеспечении и наличии автотранспорта. Они представили подробные данные о состоянии частей.

В то время УОСы вели оборонительные работы на тыловом оперативном рубеже «Скала». От каждого УОСа было выделено по одному отряду сплошного разминирования, а также созданы отряды по ликвидации бывших вражеских оборонительных

позиций. Личным составом укомплектованы почти полностью, не хватало немного офицеров. Машин немного, но есть. УОСы сильно поправили свои дела с автотранспортом за счет трофеев, пополнились строительной техникой. [177] Начальники в один голос жаловались на очень большую нужду в одежде и обуви. В УОСах было трофейное обмундирование, однако носить его нельзя.

Я рассказал полковникам Загороднему и Чекалину о полученном мною указании от маршала Г. К. Жукова и попросил их в трехдневный срок представить мне заявки на обмундирование, одновременно подготовить наградные листы на лучших бойцов и офицеров, отличившихся в зимнее и весеннее наступления. Надо ли говорить, как были довольны этим сообщением начальники УОСов. Они просто сияли от радости.

... 5 мая утром группа офицеров и генералов во главе с командующим совершала объезд армий правого крыла фронта — 3-ю гвардейскую, 13-ю и 60-ю, обороняющихся на направлениях рава-русском и львовском. Я эту поездку использовал для того, чтобы уточнить с начальниками инженерных войск армий вопросы инженерного оборудования позиций (траншей, заграждений), посмотреть, как используются естественные противотанковые препятствия, как прикрыты основные танкоопасные направления минными полями, как они увязаны с противотанковой обороной.

Осмотр некоторых участков обороны в 3-й гвардейской, 13-й и 60-й армиях показал, что войска еще недостаточно оборудовали занимаемые позиции в инженерном отношении. Слабо замаскированы траншеи, дзоты и артиллерийские позиции, кое-где не учтены особенности местности. Выясняю причины. Начинж 13-й армии полковник Н. В. Володин объяснил это тем, что прибывшее в ходе наступления пополнение недостаточно подготовлено в инженерном отношении. Отсюда и недостатки. Я порекомендовал сделать то, что мы делали в таких случаях на Западном фронте: в каждом полку в ближайшем от переднего края тылу построить участки обороны, хотя бы на взвод, с полным инженерным оборудованием и на них провести показные занятия командиров взводов, рот и батальонов. А если позволит время, то надо провести такие занятия и с сержантским составом. Такие рекомендации были даны и другим начинжам армий.

Возвратясь из поездки, пошел с докладом к начальнику штаба фронта. Здесь меня ждала новость: эту должность уже занимал генерал армии В. Д. Соколовский. Коротко доложил ему о состоянии инженерных дел и последней поездке в армии совместно с маршалом Жуковым.

— Ну что ж, мне все ясно, — сказал Соколовский. — Что требуется от меня, заходите, решим. А теперь вплотную займитесь инженерным оборудованием позиций. [178]

Да, действительно, подумать было над чем. Поездка в армии показала, что войска неправильно используют местность. Она здесь холмистая, затрудняет маскировку огневых позиций противотанковой и другой артиллерии. На передних скатах холмов пушки видны как на ладони. Особенности здешней местности требуют других приемов маскировки и расположения на ней артиллерийских позиций. Поля на этих холмах веками перепахивались по горизонтали, и на межах образовались террасы с вертикальной стенкой высотой до 2 м. Получалась своеобразная естественная вертикальная маска, за которой можно отрыть орудийные окопы и укрыть полностью орудие от наблюдения противника. Можно отрывать также траншеи с бруствером до 70 см и амбразурами для стволов пушек. Маскировать амбразуры орудийных окопов и наблюдательных пунктов можно с успехом подвижными маскшторами.

Нужно только показать и разъяснить все это личному составу. А для этого следует оборудовать опытный участок и пригласить на него командиров взводов, рот, батарей, батальонов, дивизионов.

Мне было известно, что командующий артиллерией фронта генерал С. С. Баренцев в ближайшее время проводит сборы командиров частей истребительной противотанковой артиллерии. Я решил ознакомить его со своим планом — создать опытный участок по оборудованию и маскировке артиллерийских позиций. Как и ожидал, Варенцов заинтересовался моим предложением. Он спросил, когда будет готов этот участок. Я ответил, что недели через полторы.

— Хорошо, на это время я и назначу сборы, чтобы дважды не вызывать командиров.

Вместе с Баренцевым мы выехали на следующий день на участок, намеченный штабом инженерных войск для оборудования и маскировки артиллерийских позиций. Обойдя его вдоль и поперек, прикинули, где и что оборудовать. Находившийся с нами подполковник Уманский сделал соответствующие наброски.

Уже в штабе Уманский начал составлять проект оборудования артиллерийских позиций. Помогали ему командир 22-й отдельной маскировочной роты фронта майор А. П. Слободяник и командир технического взвода роты старший лейтенант А. Н. Афанасов. Последних двух лично проинструктировал, что надо сделать. Оборонительные работы

поручалось сделать полковнику Загороднему, а маскировочные — майору Слободяпику. [179]

К оборудованию опытного участка приступили 10 мая. Я ежедневно выезжал на это строительство и уточнял на месте отдельные детали. Кое-что изменяли, кое-что отбрасывали совсем. Надо сказать, Слободяник и Афанасов быстро поняли идею маскировки и толково, искусно проводили ее в жизнь.

Через 10 дней работы были закончены. Варенцов захотел посмотреть участок перед началом сборов. Поехали вместе. Он обошел участок со всех сторон. Потом еще раз зашел с фронта и стал пристально разглядывать артиллерийские позиции, но ни одной пушки не обнаружил: искусная маскировка скрыла их.

— Сергей Сергеевич, подойдите сюда поближе, — пригласил я его. — А теперь смотрите. Вот рядом стоит пушка!

— Это здорово, даже очень здорово! — воскликнул Варенцов. — Такую позицию танкам врага не обнаружить! Значит, огонь будет внезапный, и первый меткий выстрел будет принадлежать нам, а не фашистам. А в бою кто упредил — тот и победил.

— В этом весь смысл маскировки — скрыть пушку не только до боя, но и в процессе боя, — сказал я.

— Хороший смысл. Но вот эти высокие вертикальные маски не будут ли мешать артиллерийскому наблюдению? — поинтересовался Варенцов.

— Нет, маски имеют просветы, или назовите их окнами, как хотите. Они позволяют свободно наблюдать за противником. Кроме того, наблюдатели могут выдвигаться вплотную к маскам, а это также даст возможность хорошо видеть, что происходит впереди.

На следующий день на участок прибыли участники сборов — командиры артиллерийских частей. Они ознакомились с оборудованием огневых позиций и их маскировкой. Пояснения давали подполковник Уманский и майор Слободяник. Показ произвел на командиров частей сильное впечатление, особенно их поразила маскировка. Для них в ней было немало нового. Но некоторых офицеров смущали объемы работ по оборудованию и маскировке артиллерийских позиций. Пришлось терпеливо разъяснять товарищам, что все это делается ради сохранения жизни людей и системы артиллерийского огня.

Генерал Варенцов дал указание командирам частей использовать приемы и методы инженерного оборудования и маскировки артиллерийских позиций, с которыми их ознакомили на этом опытном участке. [180]

— В ближайшее время вы получите указания с альбомом

чертежей для практического пользования, — добавил я.

В начале мая Маршал Советского Союза Г. К. Жуков уехал в Москву. Вместо него командовать нашим фронтом со 2-го Украинского фронта прибыл Маршал Советского Союза И. С. Конев. Вновь судьба сводила меня с Иваном Степановичем, и теперь уже не разлучала до конца войны.

Дня через два я доложил новому командующему фронтом о состоянии инженерного обеспечения и пригласил его посмотреть опытный участок. Он сразу согласился. Маршалу понравились инженерное оборудование и маскировка артиллерийских позиций и наблюдательных пунктов. В конце осмотра мы остановились с ним на перекрестке двух дорог у каменного креста, которые часто встречаются на дорогах Западной Украины.

— Иван Степанович, — обратился я к командующему, — не хотите ли взглянуть на наблюдательный пункт?

— А где он, далеко? — Конев поглядел по сторонам и ничего не заметил. — Что-то я не вижу поблизости никакого наблюдательного пункта.

— Да вы стоите рядом. Этот крест и есть НП.

— Изволите шутить, Иван Павлович?

— Ни в коем случае. Прошу вас посмотреть получше. Крест сделан из фанеры и выкрашен в светлый тон. Поставлен он над окопом. Вход на НП перекрыт маской.

— Как же ведется наблюдение?

— Видите на кресте черной краской сделана надпись. Так вот, в одной строке прорезана щель для обзора.

— Хитро сработали, молодцы!

Мы зашли в помещение наблюдательного пункта. Конев подошел к щели и взглянул в нее.

— Видимость хорошая! — констатировал он. Повернувшись ко мне, спросил: — Кто строил эту оборону?

Я представил маршалу находящихся здесь же офицеров Загороднего, Слободяника, Афанасова и Уманского. Маршал поблагодарил их за отлично выполненную работу.

— Это дело надо срочно довести до войск! — приказал командующий.

Маршал Конев, а вместе с ним и мы вернулись в штаб фронта. Через неделю я доложил командующему «Указание по маскировке и инженерному оборудованию артиллерийских позиций» и «Альбом чертежей» к ним. Он внимательно просмотрел их и поставил свою подпись. Подписал документы и член Военного совета генерал-лейтенант К. В. Крайнюков. Указание и альбом пошли в войска. [181]

Впереди Висла

Проведя весной 1944 года Проскуровско-Черновицкую операцию, войска 1-го Украинского фронта вышли к Карпатам и, взаимодействуя с войсками 2-го Украинского фронта, рассекли стратегический фронт немецко-фашистских войск на две части. Не скрою, я испытывал чувство гордости, что нахожусь в составе этого фронта. Всего два с половиной месяца прошло с тех пор, как я прибыл сюда, но за это время успел войти в курс событий, установить тесный контакт с начальниками инженерных войск армий генералами А. А. Гусевым, А. Н. Варваркиным, полковниками З. А. Концевым, Н. В. Володиным, Е. М. Журиным, М. П. Каменчуком и М. А. Полуэктовым. Нашел общий язык и с командующими общевойсковыми армиями генералами А. А. Гречко, В. Н. Гордовым, К. С. Москаленко, П. А. Курочкиным, Н. П. Пуховым, И. П. Журавлевым; командующими танковыми армиями М. Е. Катуковым, Д. Д. Лелюшенко, П. С. Рыбалко и командующим воздушной армией С. А. Красовским. Побывал в инженерно-саперных бригадах фронта, в некоторых армейских бригадах, посмотрел на месте их состояние и подготовку.

Радовало меня то, что все начальники и командиры инженерно-саперных частей и соединений — участники крупных наступательных операций. Они приобрели огромный опыт и мастерство по инженерному обеспечению боевых действий войск под Сталинградом, на Курской дуге, на Днепре. Значит, с ними можно решать самые сложные задачи, на них можно положиться. И, как показал дальнейший ход событий, я не ошибся в своих надеждах.

Хорошие деловые взаимоотношения установились у меня начальниками родов войск фронта. Это было очень необходимо. Ведь во время проведения операций нам предстояло вместе согласовывать вопросы взаимодействия и координировать действия войск. Рода войск фронта возглавляли опытные генералы, прошедшие суровую школу войны. Командующим артиллерией был генерал С. С. Варенцов, командующим бронетанковыми и механизированными войсками — генерал Н. А. Новиков, начальником связи — генерал И. Т. Булычев и начальником тыла — генерал Н. П. Анисимов. [182] По службе мы часто встречались друг с другом, согласовывали комплексные вопросы обеспечения операции. Затем докладывали свои соображения начальнику штаба фронта генералу армии В. Д. Соколовскому, после чего наши планы утверждали командующий фронтом маршал И. С. Конев и члены Военного совета генерал-лейтенанты К. В. Крайнюков и Н. Т. Кальченко.

Чаще всего начальникам родов войск, в том числе и мне, приходилось иметь дело с начальником тыла генералом

Анисимовым. И неудивительно. Под его началом находились железнодорожные и автомобильные перевозки, он ведал обеспечением войск боеприпасами, горючим, продовольствием, обмундированием, занимался вопросами медицинского обслуживания. Николай Петрович необыкновенно отзывчивый и сердечный человек, с ним было легко работать. Если уж он что пообещал, то обязательно сдержит слово. Генерал Анисимов очень много помогал инженерным частям в срочной перевозке противотанковых и противопехотных мин и понтонных парков, оказывал содействие в восстановлении и строительстве мостов, дорог. Да всего и не перечесть.

В начале лета 1944 года 1-й Украинский фронт начал готовиться к Львовско-Сандомирской наступательной операции. Цель ее заключалась в том, чтобы разгромить группу армий «Северная Украина», завершить освобождение Украины и начать изгнание врага с территории союзной Польши. Надо сказать, что это был единственный случай за время войны, когда одному фронту ставилась задача разгромить группу армий противника.

Для осуществления намеченной цели командующий фронтом маршал И. С. Конев решил нанести два мощных удара: первый — из района западнее Луцка в общем направлении на Сокаль, Рава-Русскую и второй — из района Тернополя на Львов.

Для прорыва обороны противника создавались две ударные группировки. На Луцком направлении — в составе 3-й гвардейской и 13-й общевойсковой, 1-й гвардейской танковой армий и конно-механизированной группы (25-танковый, 1-й гвардейский кавалерийский корпуса). На львовском направлении — ударная группировка, включавшая 60-ю, 38-ю общевойсковые и 3-ю, 4-ю танковые армии.

Для обеспечения наступления южной ударной группировки на Львов на Станиславском направлении развертывались 1-я гвардейская и 18-я армии. Резерв фронта составляли 5-я гвардейская армия, стрелковый и танковый корпуса. [183]

В дни, предшествующие наступлению, в штабах и войсках проводилась огромная подготовительная работа. Много было дела и у нас, инженеров. Предстоящая операция с точки зрения инженерного обеспечения имела ряд особенностей. На пути наступления предстояло форсировать реки Западный Буг, Сан, Днестр и другие, а на завершающем этапе — крупную реку Висла. Ширина последней около 350–400 м. Это очень серьезная водная преграда. Да и те реки просто так не перемахнешь. Придется саперам и понтонерам основательно потрудиться, а главное — подготовиться к форсированию. Много усилий потребуется приложить им во время ввода в прорыв двух танковых армий на

львовском направлении. Нужно будет прикрыть минновзрывными заграждениями фланги танкистов на случай активизации бродской группировки противника. Для этого предстояло выдвинуть сильные ПОЗы.

Местность в полосе наступления войск фронта была своеобразной: на рава-русском направлении в основном равнинная, покрытая лесами и множеством мелких болот. Правда, здесь имелось немало хороших дорог, позволяющих свободно маневрировать всем родам войск, особенно бронетанковым и механизированным. На львовском направлении преобладала холмистая местность, с крутобережными и глубокими оврагами, которые являлись серьезным противотанковым препятствием. Левое крыло фронта примыкало к предгорьям Карпат, где местами и человеку-то нелегко пройти, не говоря уже о боевой технике.

Общая глубина обороны противника достигала 240 км. Гитлеровцы создали три оборонительных рубежа: первый — по рекам Западный Буг и Гнилая Липа; второй — по западному берегу реки Сан и третий — по западному берегу реки Висла. Имелся также ряд промежуточных рубежей. Все они были оборудованы траншеями и ходами сообщения, пулеметными гнездами, убежищами, землянками. Кроме того, были построены деревоземляные огневые точки, располагавшиеся на высотах, перекрестках дорог и в каменных строениях. На ряде участков первого оборонительного рубежа противник имел зарытые в землю танки, которые в первый период операции могли быть использованы как неподвижные огневые точки.

Передний край главной полосы на основных танкоопасных направлениях был прикрыт минными полями и сплошными проволочными заграждениями. В тылу главной полосы были отрыты противотанковые рвы, установлены фугасы, шоссе и мосты подготовлены к разрушению. Враг сильно [184] укрепил города Броды и Львов, создал круговую оборону. Он превратил многие каменные здания в опорные пункты, все основные дороги, идущие в город, прикрыл минновзрывными заграждениями.

Исходя из замысла операции, штаб инженерных войск составил план инженерного обеспечения операции. Мы решили усилить рава-русскую ударную группировку 16-й штурмовой инженерно-саперной бригадой, 6-й понтонно-мостовой бригадой и 20-м отдельным понтонно-мостовым батальоном. В составе 1-й гвардейской танковой армии имелся свой штатный понтонный батальон. Так что понтонных средств в группе было достаточно. Кроме того, там имелось 800 десантных лодок, 24 легких парома, 7 легких парков, 16 катеров.

Львовской ударной группировке на усиление придавались 15-я штурмовая инженерно-саперная бригада и один понтонно-мостовой батальон. 1-я гвардейская армия усиливалась двумя понтонно-мостовыми батальонами 3-й бригады. 42-я отдельная моторизованная инженерная бригада придавалась 60-й армии для прикрытия ее фланга от ударов бродской группировки с севера минновзрывными заграждениями при вводе в сражение 3-й гвардейской и 4-й танковых армий. В последующем ей ставилась задача разминировать маршруты и город Львов.

Каждая ударная группировка усиливалась одним отдельным отрядом разграждения УОСов для сплошного разминирования рубежей и местности.

3-я понтонно-мостовая бригада после взятия Львова и Бродов выводилась во фронтовой резерв. В зависимости от обстановки ее намечалось ввести в дело при форсировании Вислы.

В целом фронт хорошо был обеспечен понтонно-переправочными средствами. Но меня беспокоил вопрос выдвижения понтонных парков к рекам Западный Буг, Сан и Висла, особенно в условиях перегруппировки и маневра танковых армий. Я поручил полковнику Слюнину подготовить проект директивы Военного совета фронта, обязывающий военные советы армий обеспечить своевременное выдвижение понтонно-переправочных средств к этим водным преградам. Они должны выдвигаться одновременно с передовыми частями армий, следуя за ними.

Кроме того, штаб подготовил для меня справку о распределении инженерных частей по армиям.

Рано утром следующего дня полковник Слюнин принес оба документа. Просмотрев их, я пошел к начальнику штаба фронта. Он очень внимательно прочитал нашу инженерную [185] часть плана и засомневался, не мало ли мы даем понтонных батальонов 1-й гвардейской армии. Я доложил свои соображения и убедил его, что вполне хватит.

— А для форсирования Вислы тоже, по-вашему, достаточно средств? — спросил генерал армии Соколовский.

— Достаточно, — ответил я. — К моменту выхода всей главной группировки на Вислу туда полностью будет переброшена 3-я понтонно-мостовая бригада. И там же действуют два понтонных батальона 6-й бригады да штатные понтонные батальоны трех танковых армий. Это все наши одиннадцать понтонных батальонов. К тому же у нас в резерве находятся пять деревянных понтонных парков.

— Ну если так, то согласен.

В. Д. Соколовский быстро прочитал директиву и подписал ее.

Затем я доложил справку и директиву маршалу Коневу и члену Военного совета генералу Крайнюкову. Без особых замечаний они подписали оба документа. Конев приказал поторопиться с подготовкой плана оперативной маскировки. По замыслу командующего, целью оперативной маскировки являлось обеспечение скрытности подготовки операции, а также дезориентация противника относительно истинных главных группировок войск нашего фронта. Предстояло убедить врага, что главный удар наносится нами на левом крыле, на галичском направлении.

Вернувшись в штаб, я передал полковнику Слюнину подписанные документы и приказал немедленно разослать их по назначению. Затем я проинформировал начальника штаба о необходимости за три дня подготовить план оперативной маскировки. Посоветовавшись, мы решили привлечь к этой работе майора Слободяника и командира маскировочной роты капитана Афанасова. Они хорошие специалисты-маскировщики. Нужно было как можно быстрее начать изготовление макетов танков, пушек, автомобилей. Вызвали в штаб Уманского и Слободяника, поручили им подготовить чертежи макетов, а изготовление их возложили на Завгородыего. У него была хорошая производственная база.

В предстоящей операции перед инженерными войсками стояли большие задачи по прорыву обороны врага, форсированию рек в оперативной глубине, прокладыванию маршрутов и восстановлению дорог и мостов. Нужно было заготовить необходимые материалы для дорожно-мостовых работ, элементы сборных низководных мостов, десантные саперные деревянные лодки, множество указателей и знаков, щупов [186] для отыскивания мин, мостовых скоб, штырей, болтов и многое другое. Причем все это в большом количестве.

Изготовление шло централизованно на строительных базах УОСов и инженерных бригад. Работы выполнялись по графику, в строго установленные сроки. Одновременно пополнялись и приводились в порядок понтонно-мостовые парки и легкопереправочные средства.

Готовясь к наступлению, мы уделяли большое внимание политико-воспитательной работе. В ее основе лежала директива Военного совета фронта о задачах партполитработы в планируемой операции. В ней говорилось об особенностях военно-политической обстановки в данный момент. Особенно подчеркивалось, что наступление войск будет проходить на территории западных областей Украины, а также в Польше, в районах, где часть населения воспитана в духе национализма и

ненависти к Советскому Союзу. Поэтому необходимо соблюдать исключительную бдительность. Мы вместе с Журавлевым и Слюниным внимательно изучили директиву и наметили план мероприятий по усилению партийно-политической работы среди личного состава инженерных войск фронта. Провели совещание офицерского состава нашего штаба, на котором обсудили задачи по вопросам воспитательной работы во время выезда в соединения и части.

Из штаба инженерных войск фронта в инженерные части вскоре были направлены опытные офицеры: подполковники Челомбитько, Панков, Чишейко, Островский и другие, которые на местах не только осуществляли контроль, но и помогали организовать боевую подготовку и воспитательную работу среди личного состава.

Сам я в ходе подготовки операции побывал почти во всех армиях, встречался с начальниками инженерных войск, увязывал с ними наиболее сложные вопросы, касающиеся форсирования рек и ввода в сражение танковых армий, обеспеченности их инженерными средствами, на месте знакомился с ходом боевой подготовки инженерных частей, интересовался степенью их укомплектованности.

Разговаривая с командующими армиями и командирами соединений, частей и подразделений, беседуя с сержантами и красноармейцами, с радостью замечал их бодрое, приподнятое настроение. Все они, как один, стремились скорее пойти в бой, чтобы выбросить за пределы Родины фашистских захватчиков.

Незадолго до наступления, с 5 по 10 июля, в войсках начали проводить оперативную маскировку. Из тыла к переднему краю перебрасывали ложные танки, автомашины, пушки, [187] кухни. Макеты оружия и боевой техники были разборно-сборные. Это облегчало их перевозку, позволяло сравнительно легко ими маневрировать, а впоследствии и неоднократно применять в ходе операции. Для перевозки по железной дороге макетов танков были выделены два постоянно действующих эшелона («вертушки») в составе 14 платформ и 2 крытых вагонов. Их обслуживали постоянные бригады. На станции обычно находилось несколько тракторов и 3–4 боевых танка, для того чтобы создать более правдивую картину разгрузки и погрузки. «Вертушки» имели определенный номер и включались в график железнодорожного движения. Перемещение войск в исходные районы совершалось ночью, в обход населенных пунктов, с подобающим шумом и лязгом танковых гусениц.

В села и деревни были направлены квартирьеры для размещения частей и штабов, организовывалась комендантская

служба, прокладывались вновь и ремонтировались дороги, ставились указатели. К этим работам привлекалось местное население. Одним словом, делали все, чтобы создать не только у противника, но и у населения впечатление действительного сосредоточения войск в данном районе.

И в самом деле, фашистскую разведку заинтересовали наши мероприятия. Над районом «сосредоточения», железной дорогой, по которой подвозились «танки», появлялись вражеские самолеты. Сюда засылались лазутчики. 12 июля около населенных пунктов Варвулинд и Скородницы были задержаны немецкие разведчики. Оба они показали, что имели задачу установить, где и сколько сосредоточено боевой техники. Таким образом, враг клюнул на нашу приманку. Для проведения оперативной маскировки были выделены три стрелковых и четыре инженерно-саперных батальона, маскировочная рота, зенитная артиллерия, несколько звеньев истребителей, радиосредства, танки, автомашины. За пять дней было установлено макетов: танков — 700, автомашин — 300, орудий — 850, походных кухонь — 150. Все это помогало ввести в заблуждение противника, создать у него ложное представление о действительном направлении главного удара.

Наступление началось 13 июля. Накануне, в ночное время 11 и 12 июля, инженерные части армий сняли свои минные поля и проделали проходы в минных полях противника. Однако основная масса этих вражеских мин была снята во время артиллерийской подготовки.

В полосе четырех армий первого эшелона саперы проделали 585 проходов. Они сняли своих противотанковых мин 22 204, противопехотных — 14 763, соответственно мин противника [188] — 12 350 и 11 233. А всего — 60 550 мин{17}. Причем вся эта колоссальная работа была проделана в сжатые сроки и под огнем врага. Нет нужды говорить, сколько усилий, мужества, воли потребовалось от саперов.

Наступление началось действием передовых батальонов. Проводя разведку боем, они обнаружили, что противник отводит свои войска с переднего края обороны с целью вывести их из-под удара нашей артиллерии. Этим немедленно воспользовалось командование 3-й гвардейской и 13-й армий.

Они двинули свои войска вперед. Вместе с частями первого эшелона в наступление пошли группы разграждения саперов. Под сильным вражеским огнем они быстро проделали проходы в минных полях, через которые ринулись вперед пехота и танки.

Гитлеровцы всячески пытались задержать продвижение наших войск. Они предпринимали одну контратаку за другой. Но

тщетно. Ничто уже не могло остановить советских воинов. В отражении контратак вместе с пехотинцами и танкистами активно участвовали саперы. Вот некоторые факты.

Подразделения 107-го стрелкового полка неожиданно были контратакованы большими силами врага при поддержке трех «тигров». Гитлеровцы немного потеснили наши войска. Особо нахально вперед лезли фашистские танки. В резерве полковых саперов был взвод собак — истребителей танков лейтенанта И. Н. Жукова. Командир части полковник Покровский приказал лейтенанту уничтожить «тигры». Жуков выдвинул вперед отделение младшего сержанта Бочарова в составе четырех проводников с собаками. Подпустив танки на дистанцию 100 м, воины пустили собак. Два «тигра» были подорваны, третий повернул обратно. Полк отбил контратаку фашистов и снова устремился вперед.

К исходу 15 июля после ожесточенных боев на рава-русском направлении войска фронта продвинулись до 20 км, завершив прорыв тактической зоны обороны. Для действий в глубине и повышения темпов наступления в прорыв были введены конно-механизированная группа генерала В. К. Баранова, а с утра 17 июля 1-я гвардейская танковая армия генерала М. Е. Катукова.

Развивая наступление, ударная группировка вышла на Западный Буг. Сюда немедленно были выдвинуты 6-я понтонно-мостовая и 16-я штурмовая инженерно-саперная бригады, а также армейские инженерно-саперные бригады. В рекордный срок они навели 8 наплавных и соорудили 17 низководных [189] мостов на свайных опорах. Стрелковые войска, танки и артиллерия без задержки переправились на противоположный берег и, не снижая высокого темпа наступления, двинулись к реке Сан, с ходу начав форсировать ее. Инженерные части и подразделения неотступно следовали за ними и быстро навели на Сане 5 наплавных и собрали 16 низководных мостов.

Войска 3-й гвардейской и 13-й армий, используя успех 1-й гвардейской танковой армии и конно-механизированной группы, 18 июля продвинулись на 20–30 км, что позволило охватить бродскую группировку врага с севера.

Прорыв обороны противника на львовском направлении начался 14 июля. Противник оказал здесь ожесточенное сопротивление. 60-я армия генерала П. А. Курочкина в первый день сумела вклиниться в оборону гитлеровцев лишь одним 15-м стрелковым корпусом. Инженерное обеспечение боевых действий осуществляли свыше 200 групп разграждения. Они проделали проходы в минных полях врага, открыв путь пехоте и танкам. Однако наши войска продвигались с трудом.

Утром 15 июля крупная группировка врага нанесла сильный контрудар из района южнее Золочева и потеснила части 38-й армии на 2–4 км. Однако 60-й армии к этому времени удалось прорвать оборону противника на глубину до 18 км и шириной 4–6 км. Образовался узкий коридор, названный тогда колтовским коридором. Вводить в сражение танковые армии на этом направлении было сложно. По замыслу командующего фронтом, в полосе 60-й армии намечался ввод в прорыв 3-й гвардейской и 4-й танковых армий по четырем маршрутам, но в данный момент в колтовском коридоре оказался всего лишь один. И то он пролегал по грунтовой дороге в лесисто-болотистой и пересеченной местности. И все же командующий 3-й гвардейской танковой армией генерал П. С. Рыбалко принял очень смелое решение — с утра 16 июля ввести свои танки в прорыв через этот коридор между населенными пунктами Колтов и Тросьцяпец-Малы. Маршал Конев утвердил это решение. Армия двинулась вперед, и к вечеру один ее корпус вышел северо-восточнее Золочева. Вскоре войска 60-й армии овладели этим городом. Маршал Конев тут же по колтовскому коридору двинул 4-ю танковую армию генерала Д. Д. Лелюшенко и нацелил ее на Львов. Фашисты оказывали отчаянное сопротивление.

Надо признать, что ввод двух танковых армий одной колонной по длинному и узкому коридору 4–6-километровой ширины, который насквозь простреливался артиллерийско-шшометным огнем противника, производился впервые. Решение [190] это было рискованным. На такой шаг мог пойти полководец, обладавший тонким оперативным расчетом, железной волей и мастерством. Ведь коридор со стороны бродской группировки врага мог быть в любое время перехвачен. Чтобы этого не случилось, ввод в прорыв танковых армий надежно обеспечивали соединения 60-й армии, а затем были дополнительно выдвинуты два танковых корпуса, крупные силы артиллерии. С воздуха танкистов надежно прикрывала наша авиация.

Риск командующего был вознагражден крупнейшим оперативным успехом.

События развивались своим чередом. Лили дожди. После прохождения двух танковых армий с их тылами грунтовые дороги превратились в сплошное непролазное месиво. Даже пехоте было тяжело продвигаться.

17 июля совместно с начальником инженерных войск 38-й армии генералом Варваркиным я выехал в район Тросьцянец, на стык 38-й и 60-й армий, чтобы на месте разобраться в обстановке. Туда же прибыли начальник инженерных войск 60-й армии

полковник З. А. Концевой и командир 42-й отдельной моторизованной инженерной бригады полковник Е. А. Бондарев.

Концевой проинформировал меня о том, что на маршруте движения двух танковых армий работают три батальона 19-й армейской инженерно-саперной бригады, три батальона 53-й инженерно-саперной и два батальона 15-й штурмовой инженерно-саперной бригад, четыре дорожных батальона и 14-й понтонный батальон майора Ю. С. Вележова, приданный 4-й танковой армии. Всего 13 батальонов. В среднем на 2 км дороги приходился один батальон. К прокладке путей привлекалось и местное население. Инженерные батальоны усилены тракторами для вытаскивания автомобилей, увязших в грязи, и транспортировки их на проезжие, участки дороги.

— Сил у нас предостаточно, — сказал я, — главное — умело распорядиться ими. Основная задача — протолкнуть вперед транспорт, и в первую очередь с боеприпасами и горючим. Побольше устраивайте объездов гиблых мест и побыстрее восстановите дороги.

— Мы так и делаем, — ответил Концевой.

Полковник Бондарев доложил о действиях своей бригады. Трудно приходилось ее личному составу. Бродская группировка врага все время пыталась выйти из окружения через колтовский коридор. Саперы помогали пехотинцам и танкистам отразить ее натиск. Только на участке Луковец и [191] Кругу в в ночь на 17 июля они установили 9 км электризуемых препятствий и 117 управляемых электрофугасов. Наткнувшись на них, гитлеровцы понесли потери и быстро отошли в исходное положение.

Подробности того, что происходило в колтовском коридоре, нам в штабе стали известны позже из донесений командиров инженерных батальонов и личных бесед с офицерами, побывавшими в этом грязевом котле. 19 июля прошел ливневый дождь, который еще больше усложнил дорожную обстановку. Как говорится, не проехать и не пройти. Противник понимал это. Он усилил артиллерийский обстрел, то и дело налетала его авиация.

Наши войска несли потери. Дорога сплошь была забита автотранспортом с горючим, боеприпасами, продовольствием, машины застревали в грязи. Выручали их тракторы и саперы, которым помогали проходившие по коридору танкисты и стрелковые подразделения. Облепив со всех сторон автомашину, проталкивали ее вперед. И так от участка к участку передавали машину из рук в руки, как боевую эстафету. Хотя и медленно, но транспорт упорно продвигался, чтобы подвезти все необходимое наступающим войскам. Что только не делалось саперами для того, чтобы быстрее продвинуть автомашины. Колеи заполнялись

хворостом, соломой, бревнами от разобранных деревянных сараев, заборов, свежесрубленными жердями, ветками, камнем. Использовали все, что было под руками. Саперы очищали особо трудные участки от грязи, отбрасывая ее в сторону от дороги, отрывали канавы для отвода дождевой воды, строили колонные пути. Здесь проявлялся максимум саперной изобретательности и смекалки.

Вся дорога была разбита на батальонные участки. В наиболее трудных местах устанавливались комендантские посты численностью от отделения до взвода саперов с одним-двумя тракторами. Была также организована служба регулирования движения, которая устанавливала очередность пропуска машин. Дело усложнялось тем, что все или большинство дорожных работ выполнялось вручную. Саперы трудились самоотверженно, с полным напряжением физических и моральных сил. О сне и отдыхе не думали. Нормы, как правило, перевыполнялись на 200–300 процентов. Поистине это был массовый подвиг.

Нередко саперам приходилось браться за оружие, чтобы отразить атаки прорывавшихся из окружения групп противника. 17 июля враг силою до батальона при поддержке двух танков внезапно появился у села Кругув-Сыль, в котором [192] располагались 207-й отдельный моторизованный инженерный батальон 42-й отдельной моторизованной инженерной бригады (омибр) майора Ф. В. Мысякова и 34-й батальон электрозаграждения. Саперы вступили в бой с гитлеровцами и несколько часов сдерживали их натиск, пока не подоспели стрелковые подразделения. Фашисты были отброшены в лес. На поле боя остались 75 убитых и раненых солдат противника{18}.

22 июля 207-й батальон и 211-я отдельная рота специального минирования устанавливали в районе Золочева минновзрывные заграждения. Здесь ожидался прорыв групп противника. Так и случилось. Гитлеровцы предприняли дерзкую атаку и в одном месте просочились в Золочев.

Саперы быстро привели в боевое положение минновзрывные и электризуемые заграждения, а затем вступили в бой с прорвавшимся врагом. За несколько часов личный состав 207-го моторизованного инженерного батальона и отдельной роты под командованием отважного майора Федора Васильевича Мысякова уничтожил 235 фашистских солдат и офицеров. Саперы захватили 28 автомобилей, 2 радиостанции, 16 лошадей, 4 повозки, несколько катушек телефонного кабеля{19}.

После прохода 4-й танковой армии через коридор противник нанес удар с севера на юг, занял деревню Подъяркув и перерезал шоссейную дорогу на участке Куровце — Коцурув. Создалась

сложная обстановка. По полевой дороге проехать было невозможно. В результате на шоссе скопилось большое количество автотранспорта с боеприпасами и горючим. Вот-вот налетит авиация и все разобьет. Надо было во что бы то ни стало выбить противника из Подъяркува и открыть движение по шоссе. Но как и чем? Недалеко от деревни работал на дороге 131-й гвардейский саперный батальон 60-й армии. Не дожидаясь указания, командование батальона по собственной инициативе решило атаковать гитлеровцев и выбить их из населенного пункта. Атака удалась. Движение транспорта по шоссе возобновилось.

В течение двух дней батальон крепко держал здесь оборону, отразив все наскоки противника, стремившегося перерезать дорогу. Смелые и решительные действия саперов обеспечили непрерывное боевое питание 4-й танковой армии.

Наступление войск в глубине обороны врага продолжалось. К исходу 22 июля бродская группировка фашистов [193] была полностью разгромлена. Прекратилась тяжелая пятидневная дорожная эпопея в колтовском коридоре.

27 июля войска фронта освободили Львов и на следующий день штурмом овладели Перемышлем. В центре враг откатывался к Карпатам.

С разгромом бродской группировки врага и освобождена ем Львова завершился первый этап крупнейшей стратегической операции. Начался второй. Теперь центр тяжести переместился на сандомирское направление. Перед войсками правого крыла фронта ставилась задача во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом развить стремительное наступление на запад, с ходу форсировать Вислу, захватить плацдарм в районе Сандомира.

Армии левого крыла фронта должны были овладеть районом Дрогобыча и одновремено захватить перевалы через Карпаты.

По приказу маршала И. С. Конева 3-я гвардейская армия выходила к Висле, в ночь на 29 июля форсировала ее и, овладев городом Сандомир, расширяла плацдарм на правом берегу.

В полосе 3-й гвардейской армии, в районе Аннополя, форсировала Вислу конно-механизированная группа генерала С. В. Соколова.

13-й армии предписывалось к утру 29 июля правым флангом выйти к Висле в полосе от Сандомира до устья реки Вислока и на следующий день захватить плацдарм, а войскам левого фланга — овладеть городом Жешув.

1-й гвардейской танковой армии ставилась задача с утра 29 июля нанести удар в направлений Майдан-Баранув, с ходу форсировать Вислу и к утру 1 августа захватить плацдарм.

С утра 30 июля 3-я гвардейская танковая армия главными силами во взаимодействии с 13-й армией и 1-й гвардейской танковой армией должны были форсировать Вислу на участке Баранув, устье Вислоки и к исходу 2 августа овладеть плацдармом в районе Сташув, Быдлова, Будзыска, Плисковоля. Сюда же подтягивался резерв фронта — 5-я гвардейская армия генерала А. С. Жадова.

Таким образом, согласно приказу командующего войсками фронта 13-я армия начинала форсирование Вислы на сутки позже 3-й гвардейской армии. 1-я гвардейская танковая в той же полосе начинала форсирование на двое суток позже 13-й армии, а 3-я гвардейская танковая — через сутки после. 1-й гвардейской танковой армии. Такой интервал во времени позволял армиям форсировать Вислу, не мешая [194] друг другу, и эффективно наращивать силы на плацдарме.

По мере выхода к реке танковые объединения использовали уже имеющиеся фронтовые переправы и свои средства. Так, к моменту переправы 1-й гвардейской танковой армии уже вступал в действие резерв фронта — 3-я понтонно-мостовая бригада. Это давало возможность танковым армиям очень быстро переправиться. Кроме того; такое положение обеспечивало на широком фронте надежное и непрерывное сообщение с тылами войск, действующих на плацдармах. Это имело большое значение, в том числе и психологическое.

Решая вопросы инженерного обеспечения, я пришел к твердому убеждению, что переправлять танковые армии, за исключением их тылов, следует на тяжелых паромах. Наплавных мостов иметь не более двух, но широко развернуть строительство низководных мостов на свайных опорах, начиная буквально с первых дней форсирования Вислы. Конечно, там, где явно обозначится тактический успех и будут хотя бы минимальные условия для строительства.

В связи с перегруппировкой войск мы пересмотрели распределение понтонных и инженерных частей и соединений фронта, а также понтонно-переправочных средств. На сандомирском направлении количество понтонных частей и парков увеличивалось вдвое — с 5 до 10. Сюда выделялось еще 7 легких понтонных парков и 700 десантных лодок. В резерве фронта оставалось 5 деревянных понтонных парков.

Подготовленная нами таблица распределения инженерных средств была доложена генералу Соколовскому и утверждена маршалом Коневым.

Выполняя приказ фронта, армии главной группировки развернули наступление на сандомирском направлении.

Передовые части 3-й гвардейской армии совместно с конно-механизированной группой генерала С. В. Соколова с ходу переправились через Вислу и захватили три небольших плацдарма севернее и южнее Аннополя, в районах Доротка и Виняры, но развить успех не успели. В первый же день форсирования армия потеряла около двух понтонных парков и почти 30 процентов понтонеров. Ее 76-й стрелковый полк был сброшен с плацдарма на восточный берег Вислы. Главная причина неудачи — потеря тактической внезапности, распыление сил и средств, медлительность и несогласованность действий частей и соединений, отсутствие должной организованности при переправе войск и техники, большие потери понтонеров и понтонно-переправочных средств.

30 июля в штаб фронта из 13-й армии поступило донесение, [195] что в ночь на 30 июля 350-я стрелковая дивизия генерала Вехина с помощью приданных ей переправочных средств с ходу форсировала Вислу севернее Баранува, совместно с передовым отрядом 1-й гвардейской танковой армии захватила плацдарм и ведет бои по его расширению. С утра 30 июля начала переправу 162-я стрелковая дивизия ход же армии.

Это был огромный успех. Создавались реальные возможности для форсирования Вислы более крупными силами. Калхдая армия в полосе своего наступления уже имела действующие переправы. Требовалось только усилить их своими переправочными средствами. Я располагал резервом — 3-й понтонной бригадой. Надо было срочно решить, кому придать ее. Вставали и другие вопросы. Кто будет координировать работу двух понтонных бригад по вводу в действие новых переправ, кого по ним переправлять и когда? Наконец, кто должен быть хозяином этих переправ, кто будет отвечать за их наращивание и дальнейшее развитие? Посоветовавшись в штабе, мы решили: переправа должна быть фронтовой, с централизованным руководством. И место начинят сейчас там, на Висле. (Это, между прочим, предусматривалось в плане фронта.) Без всяких промедлений я отправился к маршалу Коневу, доложил ему свои соображения.

Подумав, он сказал:

— Вы правы. Организация переправы такой мощной группировки фронта, особенно танковых армий, через столь крупную реку, как Висла, должна быть под единым руководством. Вам, как моему заместителю и начальнику инженерных войск фронта, надо и возглавить эту переправу. Приедете на место, проследите за тем, чтобы танковые армии переправлялись без всякой задержки.

Взяв с собой начальника технического отдела подполковника

Уманского и офицера оперативного отделения подполковника Панкова, мы без промедлений отправились на Вислу. Через два часа приехали в Немиров, где находилась 3-я понтонная бригада. Ее командир полковник Н. В. Соколов доложил, что бригада в полном составе сосредоточена в городе, боеспособна и готова к выполнению боевой задачи. Я распорядился подготовиться к выдвижению на Вислу, в район Баранува, и выделить мне офицера связи, через которого Соколов и получит указание, куда выдвинуться бригаде.

Не задерживаясь, проехали в Майдан, в штаб 6-й понтонно-мостовой бригады. Ее командир полковник Я. А. Берзин [196] доложил, что два батальона бригады выдвинуты на Вислу, ведут разведку пунктов переправы и готовятся к составлению тяжелых паромов для переброски танков 1-й гвардейской танковой армии. От остальных двух понтонных батальонов, приданных 3-й гвардейской армии, он к тому времени донесений не имел.

Вместе с полковником Берзиным мы направились в штаб 1-й гвардейской танковой армии, где застали командующего генерала М. Е. Катукова, начальника штаба генерала М. А. Шалина, члена Военного совета генерала Н. К. Попеля. Они рассказали, что утром армией была предпринята попытка подать на Вислу 16 полупонтонов для составления тяжелых паромов, но колонна автомобилей в пути подверглась нападению «мессеров», которые своим огнем сильно повредили 10 полупонтонов. Надо сказать, что в те дни немецкая авиация атаковала все, что двигалось по дорогам к Висле. Особенно охотилась за легковыми автомобилями. Генерал Катуков просил помочь переправиться через Вислу.

Мы поспешили к реке. Остановились в 4 км восточнее Баранува, в Дембице. Полковник Берзин тотчас подтянул туда свою оперативную группу.

С плацдарма доносились звуки артиллерийской канонады. Там шли, не ослабевая, бои. Наши части с трудом прогрызали оборону врага. Им требовалась помощь. Инженерные части делали все, чтобы оказать помощь ее сражающимся на плацдарме войскам. Хотя переправа на левый берег реки и шла полным ходом, но ощущался острый недостаток тяжелых паромов для переброски танков. К вечеру батальонам Берзина все же удалось составить два тяжелых парома. Но этого было мало.

Мы стали искать дополнительные средства. Выяснилось, что у полковника Берзина есть в резерве 16 полупонтонов. Я приказал срочно подать их на Вислу и там составить еще два тяжелых парома.

Наибольший успех наши войска имели в районе Баранува.

Там и было решено расширить фронт форсирования реки до 15–20 км. Командиры бригад и батальонов получили задачу произвести разведку наиболее удобных запасных пунктов переправы (в каждом районе не менее десяти) для ввода новых паромов, которые будут составляться по мере прибытия понтонных средств из тыла. Им было также приказано выставить у каждого введенного в действие парома посты для наблюдения за колебанием уровня воды в реке и возможным появлением речных плавающих мин, организовать [197] на участках четкую комендантскую службу. Исходные районы назначались у шоссе, идущего по обе стороны Вислы. Вопрос для меня теперь был ясен: надо резко увеличить количество тяжелых переправ. Я тут же направил офицера связи в Немиров с приказанием полковнику Соколову о немедленном выдвижении 3-й понтонно-мостовой бригады в район Баранува.

Утром 31 июля к нам в Дембицу прибыл начальник инженерных войск 13-й армии полковник Н. В. Володин. Мы познакомились с ним еще в 1925 году, когда он преподавал сопротивление материалов в Ленинградском военно-инженерном училище. Этот подтянутый и дисциплинированный офицер, хорошо подготовленный в инженерном отношении, отличался недюжинными организаторскими способностями, которые в полной мере проявил при обеспечении форсирования Вислы 13-й армией.

Полковник Володин доложил, что на Висле действуют до 150 десантных лодок, шестнадцать 6–10-тонных и три тяжелых парома. По плану армии с 31 июля у Седлешан три батальона 19-й инженерно-саперной бригады и один дорожный батальон приступили к строительству 60-тонного низководного моста на свайных опорах. Готов он будет 2 августа.

В районе Махува два инженерных батальона 16-й штурмовой инженерно-саперной бригады начали строительство 16-тонного моста на свайных опорах.

Только уехал Володин, как поступил доклад от полковника Берзина, который подтянул к Висле из резерва 16 полупонтонов и уже составил два тяжелых парома: один — в районе Махува, второй — у Баранува.

В 13 часов 31 июля в район Баранува прибыл командир 3-й понтонно-мостовой бригады полковник Соколов вместе с 18-м понтонным батальоном. Получив задачу, он немедленно приступил к составлению других тяжелых паромов у Махува.

Работать саперам приходилось в труднейших условиях. Отходивший к Висле противник стремился любой ценой помешать наведению переправ через реку, сдержать темпы

переправы и сорвать ее. Но понтонеры и саперы самоотверженно выполняли свой воинский долг, стремились как можно быстрее перебросить войска на западный берег. Мужество и отвагу проявляли буквально все. Вот некоторые примеры.

Боевой расчет парома лейтенанта Евсеева из 77-го отдельного штурмового инженерно-саперного батальона получил задачу переправить два орудия с боеприпасами. На середине Вислы расчет попал под сильный минометно-пулеметный [198] огонь противника. Половина воинов была выведена из строя. Лейтенант Евсеев пал смертью храбрых. Командование взял на себя красноармеец Шевонин. Искусно маневрируя среди разрывов, он довел паром до берега. Разгрузив орудия и боеприпасы, расчет пошел в обратный рейс. И снова попал под интенсивный обстрел врага. На обратном пути фашистам удалось потопить паром. Оставшиеся в живых Шевонин и Корхунов вплавь добрались до своего берега и, доложив о случившемся, отправились в рейс на другом пароме.

Расчет сержанта А. Т. Сергеева переправлял танки. В очередном рейсе паром атаковала авиация противника, сбросив на него несколько бомб. Осколками понтоны были пробиты. Хлынула вода. Однако Сергеев не растерялся. Подав команду «Откачивай воду!», он с одним из понтонеров начал заделывать пробоины пробками. Но они пропускали воду. Тогда Сергеев быстро снял с себя гимнастерку, разорвал ее на куски и, обертывая ими каждую пробку, плотно заделал пробоины. Паром с танком достиг левого берега. Двое суток без сна и отдыха работал расчет сержанта Сергеева. За это время он переправил через Вислу до 100 танков, совершив настоящий подвиг.

Особенно тяжелые условия для форсирования сложились в полосе 3-й гвардейской армии. 30 июля 49-я стрелковая дивизия преодолевала реку в районе Аннополя. Переправу обеспечивал 77-й штурмовой инженерно-саперный батальон капитана И. Е. Качалко из 16-й штурмовой инженерно-саперной бригады. Занимая господствующие высоты на западном берегу Вислы, противник хорошо просматривал местность и саму реку, вел прицельный минометно-артиллерийский и пулеметный огонь по подступам к реке и переправам. Чтобы снизить эффективность его огня, капитан Качалко поставил дымовую завесу. Под ее прикрытием ему удалось без потерь осуществить посадку на лодки и понтоны НЛП личного состава 1-го батальона 744-го стрелкового полка и за два рейса полностью переправить его на противоположный берег. Подразделение захватило небольшой плацдарм и крепко закрепилось на нем. В помощь стрелкам Качалко перебросил вскоре на двух составленных легких паромах

полковую артиллерию, минометы и боеприпасы, и положение на плацдарме упрочилось.

Подобных примеров при форсировании было множество. Во второй половине дня 31 июля гитлеровцы атаковали наши подразделения южнее Тарнобжега с целью уничтожить [199] действовавшие на Висле паромы. Находившийся там полковник Берзин принял срочные меры к отражению нападения. Две понтонные роты быстро заняли оборону на северной окраине местечка Мехоцина и сильным огнем из автоматов и пулеметов остановили наступление врага. Вскоре на помощь понтонерам пришли подразделения 47-го стрелкового корпуса. Противник был отброшен.

Вечером 31 июля командующий фронтом приказал мне передать все действующие на Висле тяжелые и 16-тонные паромы для переправы 3-й гвардейской танковой армии, два корпуса которой уже были на подходе к реке.

Опередив их, ко мне в район Баранува прибыл начальник инженерных войск 3-й гвардейской танковой армии полковник М. П. Каменчук. Сюда выдвинулся армейский 182-й инженерный батальон с половиной тяжелого понтонного парка. Я тотчас приказал составить два тяжелых парома. Личный состав подразделения успешно выполнил задачу.

К исходу 31 июля на 12–15-километровом участке Вислы действовало уже 24 фронтовых парома (9 тяжелых и 15 девяти-шестнадцатитонных). Используя их, главные силы 1-й гвардейской танковой армии быстро переправились на западный берег.

1 августа вместе с полковником М. П. Каменчуком мы отправились в Седлещаны, чтобы ознакомиться с ходом строительства моста, надобность в котором была исключительно велика. С первого же дня строительства мост неоднократно подвергался налетам немецкой авиации. Бомбардировки причиняли серьезные повреждения и выводили из строя саперов. Это сильно сдерживало темпы строительства моста и отодвигало срок его готовности.

Под гул канонады мы подъехали к Висле. Нашему взору открылись длинная лента строящегося моста, перекрывавшая половину реки, и частокол свай, забитых с восточного берега. Как жирафы, на паромах возвышались копры. Гулко раздавались удары молотов, забивавших сваи. Справа и слева от моста на реке на тяжелых и легких паромах шла оживленная переправа танков и артиллерии, на десантных лодках и легких паромах преодолевала водную преграду пехота.

Подойдя к мосту, мы почти на каждой свае увидели следы

повреждения осколками разорвавшихся авиабомб. Что и говорить, тяжеленько приходилось здесь саперам и понтонерам. На воде не ляжешь и не укроешься. Весь как на ладони. [200] Огромным мужеством надо обладать, чтобы строить мост под огнем врага. И бойцы строили.

— Давно ли был последний налет авиации? — спросил я полковника М. Д. Бараша.

— Часа два назад, — ответил он. — Этой бомбежкой разрушено двенадцать пролетов моста, есть убитые и раненые.

Бараш продолжал рассказ. Во время бомбежки многие бойцы были сброшены взрывной волной в Вислу. Сильное течение быстро относило их в сторону, однако саперы не оставляли товарищей в беде. Отличные пловцы старший сержант С. П. Горбунов, младший сержант А. М. Чупин и другие бросались в воду и вытаскивали товарищей на берег. Более 20 человек спасли эти бесстрашные воины. За самоотверженную работу по строительству моста через Вислу и за спасение личного состава старшему сержанту Степану Петровичу Горбунову и младшему сержанту Алексею Михайловичу Чупину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Не успел Бараш закончить свой рассказ, как раздался вой сирены, возвещавший о воздушной тревоге. В небе появились фашистские бомбардировщики. Не обращая внимания на зенитный огонь, они с ревом пикировали на переправу. Мы укрылись в щели. Кругом оглушительно рвались бомбы, вздымая высокие фонтаны воды, а на берегу поднимались огромные султаны земли и дыма. Через несколько минут самолеты удалились. Наступила тишина, которая вскоре была нарушена звуками гулких ударов молотов, работающих копров, визгом мотопил и стуком топоров. Строительство моста продолжалось. И на этот раз опять были раненые и убитые.

Вскоре в небе появились наши истребители. Но было уже поздно. Вывод следовал один: прикрытие строительства моста с воздуха организовано слабо. Отсюда разрушения, жертвы и большое замедление строительства. А мост был нужен как воздух.

Под впечатлением виденного я отправился на ближайший узел связи и доложил командующему фронтом об обстановке на реке и больших трудностях со строительством моста, просил его усилить прикрытие переправ зенитной артиллерией и истребительной авиацией. Маршал Конев обещал помочь. И слово свое сдержал. Уже утром 2 августа на Вислу прибыло несколько дивизионов зенитной артиллерии. В воздухе начали беспрерывно барражировать наши истребители. [201]

Паромная переправа танков и артиллерии пошла успешнее. В

первую очередь на западный берег переправлялись танковые и стрелковые подразделения, которые с ходу вступали в бой. Тылы же и часть артиллерии постепенно оседали и накапливались на восточном берегу в ожидании окончания строительства моста. Правда, некоторые из них переправлялись на легких паромах. Но этого было недостаточно.

Чтобы ускорить переброску войск, требовался понтонный мост. Навести его можно было только средствами 3-й понтонно-мостовой бригады, которая начала сосредоточение в районе Баранува. Учитывая большую активность немецкой авиации, мы решили наводить мост с вечера, переправлять войска ночью, а к рассвету мост разводить. Хотя при этом длительность его эксплуатации значительно сокращалась, зато он меньше был подвержен огневому воздействию противника, да и интенсивность движения по мосту была значительно выше.

Наводку моста возложили на полковника Соколова. По его расчетам, из имеющегося в резерве понтонного имущества можно было навести 250 м моста. Ширина же реки достигала 300 м. Как быть? Посоветовались и пришли к выводу: недостающую длину нарастить эстакадой на свайных опорах. Строительство ее поручили командиру 53-й инженерно-саперной бригады фронта полковнику Ревякину. Он блестяще справился с заданием. К концу дня эстакада была готова.

Около 20 часов 2 августа полковник Соколов приступил к наводке понтонного моста. Вскоре к нам приехал из 3-й танковой армии взволнованный полковник Каменчук и сообщил, что, по данным командующего генерала Рыбалко, гитлеровцы силами до двух пехотных полков и 20 танков продвигаются по нашим тылам от Мельца на Баранув и находятся сейчас в 15–20 км от переправы.

Сообщение Каменчука нас ошеломило. Создавалась исключительно сложная ситуация. Ведь здесь действовало до 50 процентов паромов и в стадии наводки находился понтонный мост. Захват гитлеровцами наших переправ обернется для наших войск на плацдарме тяжелыми последствиями. Допустить подобное, естественно, никак было нельзя. Требовалось любой ценой удержать и сохранить переправы до подхода наших войск. Как это сделать? Ведь в этом районе, кроме автомашин и повозок, переправляющихся на плацдарм с различным имуществом и боеприпасами, никого не было. Я решил организовать оборону силами понтонных и инженерных частей, оставив минимальные расчеты для [202] обслуживания действующих на реке паромов. Строительство моста у Седлещан временно прекратилось.

— А как поступим с наводкой моста, будем продолжать или

нет? — прервал мои мысли полковник Соколов.

— Продолжать, — твердо решил я. — Все, что здесь скопилось, за ночь переправить на плацдарм. С рассветом мост развести и паромы причалить к западному берегу Вислы, тщательно замаскировать их. Переходы через дамбы подготовить к минированию.

Не теряя ни минуты, мы приступили к организации обороны. На участке дамбы Коло — Бабулювка заняли оборону 12-й и 18-й понтонные батальоны 3-й отдельной понтонно-мостовой бригады (опмбр) и 20-й отдельный понтонно-мостовой батальон (опмб) майора А. П. Петухова. Полковник Бараш, сняв свои батальоны со строительства моста у Седлещан, поставил в оборону вдоль речки Бабулювка от дамбы и далее на восток 281, 282 и 283-й инженерно-саперные батальоны 19-й инженерно-саперной бригады (исбр) и 79-й штурмовой инженерно-саперный батальон (шисб) 16-й штурмовой инженерно-саперной бригады (шисбр).

Оборона дамбы возлагалась на полковника Соколова, а речки Бабулювка — на полковника Бараша. В целом руководство обороной осуществлял полковник Каменчук, как начальник переправы 3-й гвардейской танковой армии.

Полковнику Берзину было дано указание создать группу из понтонных частей в районе Нагнаюва и подготовиться к отражению удара врага с юга.

В резерв был выделен 15-й понтонный батальон 6-й понтонно-мостовой бригады под командованием подполковника Кравцова. Его усилили тремя танками, задержанными нами на переправе.

Вскоре нам стало известно, что в лесу неподалеку от Баранува расположилась 1-я гвардейская артиллерийская дивизия прорыва под командованием полковника В. Б. Хусида. Мы тотчас же информировали его о создавшейся обстановке и принятых мерах по защите переправ, попросили прикрыть артиллерийским огнем нашу оборону. Артиллеристы пришли на помощь.

Закончив дела с организацией обороны, я уже поздней ночью вместе с подполковником Уманским поехал в Хмелюв к генералу П. С. Рыбалко, чтобы уточнить ряд вопросов, связанных с предстоящим боем. Прежде всего нас интересовало, сможет ли он срочно выдвинуть к Висле танковые подразделения для разгрома немецкой группировки. Ведь у саперов, кроме автоматов и двух-трех пулеметов, ничего [203] нет. Если в бой втянутся все инженерные части, переправы будут полностью дезорганизованы, а многие потоплены.

— Видите ли, какое дело, я тут сам оказался в положении

командующего без войск, — сказал генерал Рыбалко. — Два моих корпуса уже переправились на плацдарм и дерутся с фашистами. Взять оттуда ничего нельзя, а 9-й механизированный корпус также ведет бой в тылу, в районе Жешува и Кольбушева, потому и опаздывает с подходом на переправы. Но скоро будет. А завтра к исходу дня сюда прибывают наша 69-я танковая бригада и 95-я стрелковая дивизия 5-й гвардейской армии. Вот этими силами и ударим по немцам.

В момент нашей беседы зазуммерил полевой телефон. Генерал Рыбалко поднял трубку и после небольшой паузы начал докладывать об обстановке на плацдарме. Я понял: он говорил с маршалом И. С. Коневым. Потом он передал телефонную трубку мне. Я обо всем подробно доложил командующему фронтом.

— Примите все меры, чтобы не вышла из строя ни одна переправа, — сказал маршал. — Крепко держите их в своих руках. Помощь к вам на подходе — двинут 33-й стрелковый корпус 5-й гвардейской армии, подойдут и танки Рыбалко. Ему даны указания по обороне переправы и разгрому немецкой группировки, наступающей на Баранув.

На этом закончился наш телефонный разговор. Согласовав еще кое-какие вопросы, мы расстались с генералом Рыбалко.

С утра 3 августа на паромах шла активная переправа. Занимавшие оборону понтонеры и саперы усиленно окапывались, вели ближнюю разведку.

Фашисты медленно продвигались к Барануву. Около 18 часов они подошли к дамбе. Попытка овладеть ею с ходу была отражена автоматным огнем понтонеров и саперов и мощным ударом артиллерии. Понеся большие потери, противник отступил в исходное положение. Но бой не прекратился: то усиливался, то затихал в течение многих часов.

Глубокой ночью около 300 немецких автоматчиков атаковали нас между дамбой и Вислой в общем направлении на Баранув. Ведя сильный огонь, они зашли в тыл 18-му понтонно-мостовому батальону подполковника И. Ф. Чабунина. Саперы не дрогнули, в упор расстреливали гитлеровцев, сдерживая их продвижение. В этот момент полковник Каменчук бросил в контратаку 15-й понтонно-мостовой батальон во главе с подполковником Кравцовым. Понтонеров поддерживали [204] три танка. Батальон дружно и решительно контратаковал противника и отбросил его на исходные позиции.

В этой ночной схватке большую выдержку, стойкость и храбрость проявил подполковник Чабунин. Когда гитлеровцы зашли в тыл его батальона и начали продвигаться вдоль Вислы, он развернул половину подразделения фронтом к реке и сам

возглавил отражение атаки. Несмотря на ранение, Чабунин продолжал руководить боем. За этот подвиг мужественный офицер был удостоен звания Героя Советского Союза.

За беспримерную отвагу в этом бою звание Героя Советского Союза присвоили также ефрейтору И. П. Борисову.

На рассвете в район Баранува прибыли 69-я танковая бригада и 95-я стрелковая дивизия. Заняв исходное положение, они вскоре перешли в наступление и, отбросив врага за Вислоку, овладели местечком Мелец. Понтонеры и саперы смогли приступить к выполнению своих инженерных задач.

К исходу 4 августа на плацдарм были переправлены четыре стрелковые дивизии 13-й армии, два корпуса 3-й гвардейской танковой армии и все части 1-й гвардейской танковой армии.

5 августа 3-я понтонно-мостовая бригада начала строительство 60-тонного низководного моста у Коло. В районе Махува полковник Берзин навел понтонный мост из деревянного модернизированного парка (ДМП). Постепенно наращивая эстакаду, к 12 августа он перекрыл Вислу мостом на жестких опорах.

Однако наведенные понтонные мосты и действующие паромы с большим напряжением обеспечивали переправу войск. Обстановка властно требовала вместо понтонных мостов построить несколько низководных на жестких опорах. Только они могли обеспечить устойчивое сообщение войск, действующих на плацдарме, с тылом. Ведь там уже были одна общевойсковая и две танковые армии. Начала переправу 5-я гвардейская армия, а вслед за ней подходила 4-я гвардейская танковая армия. Пять армий. По скромным подсчетам, на каждую из них надо иметь до двух мостов. Всего же требовалось десять низководных мостов на свайных опорах. Сверх этого необходимо было построить множество ложных мостов, чтобы отвлечь внимание немецкой авиации от основных.

Задача была сложной. Утром 5 августа мы провели совещание по вопросу строительства низководных мостов через Вислу. На нем присутствовали полковники Н. В. Володин, [205] Я. В. Соколов, Я. А. Берзин, М. Д. Бараш и Б. К, Кордюков — командир 16-й штурмовой инженерно-саперной бригады. Было решено до 20 августа соорудить не менее десяти низководных мостов на свайных опорах.

Ответственность за выполнение работ в установленные сроки возлагалась на командиров понтонных бригад полковников Берзина и Соколова, на 20-й понтонный батальон, 16 шисбр, 19 исбр и четыре дорожных батальона. Всего около 15 батальонов. Сила, как видим, внушительная. Им же было поручено

организовать инженерную разведку тех пунктов, где намечено строить мосты. В разведке участвовали офицеры нашей оперативной группы подполковники Уманский и Панков.

7 августа в 11 часов было закончено строительство седлещанского моста и открыто движение войск по нему. Но в 21 час того же дня немецкая авиация прорвалась к этой переправе и, сбросив бомбы, разрушила 10 пролетов. В течение ночи саперы восстановили повреждение. Однако около семи утра мост снова подвергся удару фашистских самолетов. Было разрушено 12 пролетов. Четыре раза выводилась из строя переправа, и каждый раз саперы восстанавливали ее. Регулярное движение по мосту началось только 9 августа{20}.

К этому времени у Коло личный состав 12-го и 18-го понтонных батальонов закончил строительство еще одного 60-тонного низководного моста.

Тем не менее немецкое командование не отказалось от мысли уничтожить наши переправы. Фашистская авиация совершала массированные налеты в ночное время. Наибольшую активность она проявила 9–12 августа. Сбрасывая осветительные ракеты, самолеты бомбили переправы, обстреливали прибрежную полосу. Но ночные удары были не точны. Наша зенитная артиллерия вынуждала авиацию противника держаться на большой высоте. И все же нападение воздушных пиратов тормозило ход переправы.

Самый крупный налет был 20 августа около 20 часов. До сотни самолетов на высоте 4000 м появились над рекой, беспорядочно сбросили бомбы и быстро удалились в тыл. В этом бою наши зенитчики и истребители сбили семь вражеских машин.

Чтобы ослабить удар врага по мостам, нужно было отвлечь его внимание от них. Как? Строить ложные мосты. Но их легко отличить от настоящих, по ним не движется [206] транспорт. Поэтому я решил строить легкие мосты для автомобильного и гужевого транспорта. Они и будут одновременно выполнять функции ложных, отвлекая противника от тяжелых мостов. Различить их сверху трудно.

День ото дня мостовая обстановка на Висле улучшалась. К 20 августа было сооружено 10 мостов, а к концу сентября их имелось 18. В ноябре закончилось строительство двух высоководных мостов: один — в районе Баранува, длиной 817 м; второй — в районе Сандомира, длиной 734 м, Его строили УОС-23 и дорожные части фронта. Железнодорожные войска восстановили железнодорожный мост.

По первому высоководному мосту было открыто двустороннее движение. Река перекрывалась двумя 50-метровыми металлическими фермами. Этот мост был гордостью инженерных

войск фронта, визитной карточкой их инженерно-технической зрелости. Маршал Конев любил проезжать через этот мост, нередко останавливался на нем, выходил из машины и восхищался нашей работой. С моста открывалась живописная панорама окрестных мест.

Возводился этот мост под руководством талантливого инженера подполковника Г. М. Шубникова. Забегая вперед, скажу, что это он после окончания войны восстанавливал в Братиславе металлический мост через Дунай длиной 400 м, взорванный гитлеровцами, отступающими под ударами наших войск. Впоследствии Шубников стал генералом.

Для решения сложных теоретических вопросов, связанных с расчетом мостовых ферм, массивных башенных опор, по нашей просьбе к нам на фронт приезжали из Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева крупнейший специалист мостовых металлических конструкций доктор технических наук, профессор С. А. Ильясевич и специалист по военным мостам инженер-полковник В. А. Ключарев. Они оказали нам большую помощь.

Работу железнодорожного моста через Вислу обеспечивали железнодорожные части под командованием начальника железнодорожных войск фронта генерала П. А. Кабанова, с которым у меня были хорошие деловые отношения. Мы, инженеры, всегда держались в тесном контакте с железнодорожниками, как с родственными специальными войсками, выручали друг друга.

Вот и в те дни Павел Алексеевич обратился ко мне с просьбой помочь в строительстве железнодорожного моста через Вислу. У него не хватало сил. Мы без промедлений передали в его распоряжение два инженерно-саперных батальона. Были случаи, когда и мы нуждались в их помощи. [207]

И они тут же оказывали ее. Боевое товарищество и взаимодействие войск на войне имело огромное значение.

В ноябре на Висле действовало уже 20 свайных мостов общим протяжением 6528 м, в том числе: 60-тонных — 6, 30-тонных — 4; 10– и 16-тонных — 10. Последние выполняли роль ложных мостов, маскировали тяжелые мостовые переправы, что было важно для нас. Из шести 60-тонных мостов три были средневодные.

Таким образом, в борьбе за сандомирский плацдарм, происходившей в очень сложной боевой обстановке, инженерные войска армий и фронта проделали огромную работу по обеспечению форсирования Вислы. Здесь все саперы и понтонеры продемонстрировали высокую выучку, мастерство и

организованность, отвагу и смелость, четкое взаимодействие с пехотой, танками и артиллерией.

Мужество, отвагу, мастерство воинов-саперов высоко оценило Советское правительство. За умелую организацию и проведение переправы войск через Вислу звание Героя Советского Союза было присвоено полковникам Н. В. Соколову, Я. А. Берзину, капитану И. Е. Качалко, старшему лейтенанту И. А. Кулину, сержанту Д. М. Степанову и другим товарищам.

В своей книге «Воспоминания и размышления» маршал Г. К. Жуков пишет: «Нельзя не отметить исключительную смелость, инициативность и хорошую слаженность взаимодействия всех родов войск 1-го Украинского фронта при форсировании такой сложной и многоводной реки, как Висла. Самому мне, к сожалению, не довелось наблюдать эту операцию, но то, что рассказывали офицеры и генералы, произвело на меня сильное впечатление. Особенно отличились своей организованностью и мужеством инженерные части армий и фронта»{21}.

Высокую оценку действиям саперов дал в книге «Записки командующего фронтом 1943–1945» маршал И. С. Конев. «На инженерные войска во всех операциях возлагались ответственные задачи... — пишет он. — Работа наших саперов, особенно по организации обеспечения переправ, была самоотверженной. Следует сказать, что при устройстве переправ инженерные войска несли немалые потери. Особенно велики они были во время боев на сандомирском плацдарме в 3-й гвардейской армии»{22}. [208]

Бои на сандомирском плацдарме шли жестокие. Противник вводил в бой все новые оперативные резервы и предпринимал мощные контратаки с целью разгромить и сбросить наши войска в Вислу. 11 августа силами 3-й и 16-й танковой дивизий он нанес удар в полосе 13-й армии на Шидлув, Ракув. На следующий день он предпринял новую попытку рассечь плацдарм в полосе 5-й гвардейской армии в районе Стопницы. На узком фронте враг сосредоточил пять танковых и одну моторизованную дивизии. Однако фашисты не достигли цели. В жарких боях советские воины стойко выдержали натиск фашистов, обескровили их дивизии и отбросили на запад.

В период с 11 по 15 августа на плацдарм была переброшена 4-я танковая армия Д. Д. Лелюшенко, которая с ходу вступила в бой.

В отражении контратак гитлеровцев активное участие принимали инженерно-саперные части. Были созданы сильные подвижные отряды заграждения, которые выделялись на самые ответственные участки. В полосе 5-й гвардейской армии, например, отважно действовали два батальона 53-й инженерно-

саперной бригады и один батальон 16-й штурмовой инженерно-саперной бригады. Непосредственное руководство ими осуществлял начальник инженерных войск армии полковник Ф. Г. Подолынный. Батальоны установили в короткий срок 7116 противотанковых мин, на которых подорвались 6 танков, 2 бронетранспортера и 2 автомашины врага{23}. Много танков было уничтожено на минных полях противотанковой истребительной артиллерией.

Особенно сильные и кровопролитные бои шли на опатувском направлении, или, как тогда называли, опатувской дуге. Фашисты бросили против советских войск большое количество танков. На помощь пехотинцам поспешили ПОЗы в составе девяти инженерно-саперных батальонов: двух армейских, четырех фронтовых и трех дивизионных. Под огнем противника они ставили на пути движения атакующих танков минные поля, резко замедляя продвижение врага.

За действиями саперов мы наблюдали с начинжем Володиным с НП командарма генерала Н. П. Пухова. Перед нами лежала ровная местность, плавно возвышавшаяся к Опатуву, поэтому мы хорошо видели все поле боя. Мощные залпы артиллерийских орудий и прославленных «катюш» плотно накрывали боевые порядки и сметали наступающего врага, его танки и пехоту. Ряды гитлеровцев быстро редели. [209]

Падали убитые и раненые, горели машины. Нам было отчетливо видно, как вспыхивают и окутываются густыми клубами черного дыма подбитые танки врага. А вот закружилась на месте подорвавшаяся на наших минах машина, потом другая, третья... Противник явно выдыхался. Вскоре он прекратил атаки.

В ходе боя инженерно-саперные части 13-й армии установили на плацдарме 36 154 противотанковые мины, на которых подорвалось 12 танков, 8 бронетранспортеров и 7 автомашин врага.

Всего на сандомирском плацдарме было установлено ПОЗами 103 тыс. противотанковых и 62 тыс. противопехотных мин. На них нашли свой конец 65 танков и самоходных орудий, 18 бронетранспортеров и 27 автомобилей.

За период боев с 14 июля по 31 августа 1944 года инженерно-саперные части построили и восстановили 452 моста общей длиной 13 531 м, проложили 36 км и отремонтировали 1783 км дорог, проложили 2491 км колонных путей{24}. [210]

Сандомирский плацдарм

Итак, Львовско-Сандомирская операция закончилась. 29 августа 1944 года войска 1-го Украинского фронта перешли к обороне. В ходе проведенной операции Красная Армия добилась

важных стратегических результатов: она нанесла тяжелое поражение группе армий «Северная Украина», очистила от немецко-фашистских захватчиков западные области Украины и юго-восточные районы Польши, форсировала Вислу и образовала мощный сандомирский плацдарм, создав тем самым благоприятные условия для проведения будущих наступательных операций.

Наряду с другими войсками в Львовско-Сандомирской операции успешно действовали и воины инженерных частей. Они надежно обеспечивали высокие темпы наступления пехоте, танкам, артиллерии, проявляя при этом мастерство и отвагу. Я уже приводил примеры их героического труда, массового героизма.

Теперь мне хочется рассказать читателю о работе штаба инженерных войск фронта. В период операции штаб показал себя хорошо сколоченным боевым органом управления. Он внимательно следил за ходом боевых действий, за всеми изменениями обстановки, умело руководил инженерными частями и подразделениями. Возглавлял штаб опытный и инициативный офицер полковник Николай Федорович Слюнин — штабной работник крупного масштаба, обладавший хорошим оперативно-тактическим кругозором и знанием инженерного дела. Он четко организовал работу штаба.

Солидный боевой опыт имели и начальники отделов штаба: оперативного — подполковник Ф. К. Челомбитько, технического — подполковник г. Г. Уманский, заграждений — подполковник З. Л. Островский и инженерного снабжения — подполковник И. В. Терехов. Каждый из них был хорошим специалистом, что и обеспечило эффективность работы штаба в целом. А надо сказать, что организация и управление инженерными войсками фронта в период крупных наступательных операций — дело нелегкое. Мы обычно поступали так. Я с небольшой оперативной группой офицеров штаба находился в составе главной ударной группировки войск фронта. Это позволяло быть ближе к войскам и инженерным [211] частям, которые их обеспечивали. Мы устанавливали контакт с командующими армиями, начальниками инженерных войск армий, командирами инженерных частей и соединений, лично наблюдали за боевыми действиями. Поэтому наша группа постоянно имела самые свежие данные оперативной обстановки и в случае необходимости без промедлений реагировала на все изменения, проводила перегруппировку и ввод в действие инженерных войск из резерва там, где этого требовала обстановка.

Полковник Слюнин, мой заместитель, за редким исключением, всегда находился в штабе. Он имел непрерывную самую тесную связь с оперативным управлением и начальником штаба фронта, а также с армиями, поэтому был в курсе всех боевых дел. Слюнин систематически питал меня сведениями об обстановке на других участках фронта, делал это через оперативную группу. В свою очередь Николай Федорович получал от нас необходимые данные и указания. По этой же линии нередко передавались распоряжения лично маршала Конева.

Этот метод руководства инженерными войсками полностью оправдал себя, и мы пользовались им до конца войны. Примерно так же обстояло дело в штабах инженерных войск армий.

Необходимо заметить, что накануне Великой Отечественной войны, да и в начале ее, мы не имели инженерных штабов, так как не представляли истинных масштабов боевых действий, количества участвующих в них войск, степени, характера и объемов инженерного обеспечения. Война с первых же дней внесла существенные коррективы и выдвинула много новых вопросов. Стало ясно, что без хорошо спланированного инженерного обеспечения проводимых операций, без подготовки войск и средств, умелого и непрерывного управления инженерными войсками нельзя добиться желаемых результатов.

На штабы инженерных войск возлагались ответственные задачи. В их функции входило: управление инженерными войсками, организация боевой подготовки инженерных частей, подразделений и их материально-техническое обеспечение, ведение инженерной разведки, разработка указаний, инструкций по всем разделам инженерного обеспечения наступательных и оборонительных действий, планирование инженерного обеспечения операции.

После перехода войск фронта к обороне наш инженерный штаб развернул большую работу по возведению оборонительных рубежей, глубоко эшелонированных в глубину. [212]

Главная задача состояла в том, чтобы надежно укрепить сандомирский плацдарм, оборудовать его как исходный район для нового наступления войск. Мы пока не знали даты этого наступления, но твердо верили, что оно будет, и в скором времени. Противник также не терял времени и лихорадочно создавал оборонительные рубежи по обводу плацдарма и на всю оперативную глубину с целью не допустить прорыва советских войск в Польшу и дальнейшего продвижения в глубь Германии. Не отказался он и от мысли в подходящий момент сбросить наши войска с плацдарма в Вислу. Потому-то и нужно было надежно укрепиться.

Прежде чем приступить к работе, мы с полковником Слюниным уточнили у начальника оперативного управления фронта генерала В. И. Костылева все вопросы по общей организации системы рубежей армий и фронта, их положения на местности, эшелонирования в глубину и их возведения на наиболее вероятных направлениях ударов противника. Особое внимание, естественно, уделяли сандомирскому плацдарму, который по своим размерам (протяженность 75 км по фронту и до 50 км в глубину) был самым крупным на Висле. Он занимал центральное положение в полосе обороны войск 1-го Украинского фронта и находился на важнейшем стратегическом направлении.

На правом крыле от плацдарма оборона проходила по восточному берегу Вислы, а на левом — вдоль Вислоки, которая протекала параллельно фронту и впадала в Вислу. Оборона на сандомирском плацдарме на правом фланге шла от Вислы строго на запад на протяжении 58 км. Это создавало благоприятные условия для нанесения удара с севера на юг, под самое основание плацдарма. В плане работ мы учитывали подобный вариант. На плацдарме оборудовалось несколько рубежей: войсковой, корпусной и предмостный, прикрывающий большую часть основных мостов на Висле между Тарнобжегом и Баранувом.

Армейский тыловой оборонительный рубеж проходил по левому берегу Вислы. В оперативной глубине два управления оборонительного строительства резерва Главнокомандования (23-е — полковника А. И. Завгороднего и 32-е — полковника С. В. Чекалина) сооружали два фронтовых рубежа под шифром «Сан» и «Жешув». Каждый основной мост через Вислу прикрывался опорным пунктом — головным предмостным укреплением, опоясанным минным полем. Опорные пункты занимали небольшие гарнизоны пехоты с противотанковыми пушками и команды саперов со взрывчатыми веществами [213] и минами. Такой мост захватить с ходу было невозможно.

Оборонительные работы велись одновременно на всю оперативную глубину в высоких темпах, что давало возможность в короткий срок укрепиться на занятых рубежах.

Сандомирский плацдарм обороняли: 13-я армия генерала Н. П. Пухова (начальник инженерных войск генерал А. Н. Варваркин), 5-я гвардейская армия генерала А. С. Жадова (начальник инженерных войск полковник Ф. Г. Подолынный) и один стрелковый корпус 3-й гвардейской армии. Несколько позже на плацдарм прибыла 6-я армия генерала В. А. Глуздовского (начальник инженерных войск генерал-майор М. Н. Тимофеев). Она заняла северный фас плацдарма, и за счет этого значительно уплотнилась оборона 13-й и 5-й гвардейской армий. Естественно,

устойчивость обороны возросла. 4-я танковая армия генерала Д. Д. Лелюшенко была выведена в тыл, на правый берег Вислы, для пополнения техникой, личным составом и проведения курса боевой подготовки.

Чтобы судить о размахе оборонительных работ на плацдарме, достаточно привести данные только по главной полосе обороны. Было отрыто: траншей и ходов сообщения — 1475 км; окопов пулеметных и пулеметных гнезд — 12 046; окопов артиллерийских и минометных — 20 805; окопов для противотанковых ружей — 2723; КНП — 2011; землянок — 12 815; установлено проволочных заграждений — 150 км; противотанковых мин — 458 000 и противопехотных мин — 690 464{25}.

Выше уже говорилось, что на Висле было построено 20 мостов, которые полностью обеспечивали широкий фронт переправы через эту мощную водную преграду. Но мы прекрасно понимали, что хорошим мостам нужны хорошие дороги. Находятся ли войска в наступлении или в обороне, дороги нужны им, как снаряд пушке.

С первых дней перехода к обороне мы приступили к дорожным работам, и в первую очередь на сандомирском плацдарме. Ими занимались части дорожного отдела фронта и инженерные войска армий и фронта. Офицеры нашего штаба Слюнин и Уманекий совместно с офицерами оперативного управления фронта подготовили карту сети дорог для передачи штабам армий и соединений. На плацдарме имелось две дороги, которые шли параллельно фронту обороны: одна — на удалении 10–15 км от переднего края, вторая — [214] в 5 км от Вислы. От Вислы к переднему краю прокладывалось пять дорог. Существующие были большей частью грунтовые, а шоссейные имели недостаточную ширину и слабое твердое покрытие. Требовалось провести большие ремонтные работы, а местами, на трудных участках, строить дороги заново.

От правого берега Вислы в тыл, до станций разгрузки, прокладывалось четыре маршрута для движения автомашин и столько же для пропуска танков и гужевого транспорта. Строительство намеченных дорог и маршрутов на широком фронте обеспечивало маневр войск в пределах плацдарма и выдвижение их из глубины.

Специальным указанием штаба фронта пропуск танков и гусеничного транспорта по шоссе категорически запрещался. Это предохраняло шоссе от разрушения.

В один из моих приездов в 13-ю армию начинж генерал Варваркин доложил о подготовке маршрутов в их полосе. К

началу наступления из районов сосредоточения к переднему краю здесь прокладывалось 17 радиальных маршрутов, из них 5 автомобильных и 6 танковых, для гусеничного и гужевого транспорта общим протяжением до 200 км. В среднем на полосу стрелкового корпуса первого эшелона приходилось 8–9 маршрутов, что вполне обеспечивало его. Подобное положение было и в других армиях.

За весь период обороны и подготовки к наступлению инженерные войска выполнили большой объем дорожных работ. Было достроено 224 км новых дорог, капитально отремонтировано 167 км, проведен текущий ремонт 630 км, проложено колонных путей для танков и гужевого транспорта 430 км{26}. Основная часть этих работ выполнена на сандомирском плацдарме.

Когда оборонительные работы были уже почти закончены, мы обратили внимание на то, что наши ходы сообщения нормального профиля явно тесноваты. Смогут ли подразделения быстро выйти по ним на передний край для занятия исходного положения? Ведь когда бойцы пойдут по ним даже в колонне по одному, то будут задевать вещмешками за стенки, а в вещмешках котелки, фляги. Неизбежен шум, лязг. Противника это насторожит, и он может раскрыть нашу подготовку к наступлению. Значит, надо отрывать более широкие и глубокие ходы сообщения для свободного движения пехоты в колонне по два, да еще со станковыми пулеметами на катках. Только при этом условии [215] можно резко повысить интенсивность, плотность и скрытность выдвижения войск.

Докладывая маршалу Коневу об окончании оборонительных работ, я внес предложение отрыть более широкие магистральные ходы сообщения. В боевой практике войск фронта это делалось впервые, но трудности здесь особой не было. Просто требовалось расширить существующие ходы сообщения. Командующий фронтом согласился с моим предложением, и я дал указание без промедления приступить к его реализации. Выполняя указания маршала Конева, войска отрыли на плацдарме 121 км, а на правом берегу Вислы — 19 км магистральных ходов сообщения.

Особой нашей заботой было ведение инженерной разведки противника. Ее мы вели непрерывно с первого дня перехода войск к обороне, причем в тесном взаимодействии с общевойсковой, артиллерийской и авиационной разведкой. Мы стремились установить систему огня и обороны врага, наличие дзотов, пулеметных гнезд, НП, изучить характер местности в тылу гитлеровцев, ее проходимость для танков и автомашин, состояние дорог. На активных, участках производились глубинные съемки

переднего края врага с помощью длиннофокусных фотоаппаратов.

В тылу врага действовало 118 групп саперов-разведчиков, которые изучали глубину его обороны. Частенько нашим разведчикам приходилось вступать в жестокие схватки с врагом. Смело и решительно действовали, например, саперы 478-го саперного батальона 336-й стрелковой дивизии старшина Шемеч, старший сержант Мельников, рядовой Петрович. Они входили в состав общевойсковой разведки, имевшей, задачу захватить «языка». Советские воины под покровом темноты подползли к проволочному заграждению фашистов. Саперы выдвинулись вперед и быстро проделали в нем проход. Группа устремилась к траншее врага. Мельников первым спрыгнул туда. На него сразу же бросился здоровенный гитлеровец. Завязалась короткая схватка. На помощь Мельникову поспешил Петрович. Вдвоем они быстро скрутили вражеского солдата. «Язык» был доставлен в штаб дивизии.

И подобных примеров было немало. Особенно активизировалась разведка всех видов в канун операции. Ею занимались командиры всех степеней, вплоть до командующего фронтом.

И маршал стремился увидеть по возможности все своими глазами, чтобы задуманное и решенное вверху было бы [216] без всяких искажений доведено до части, подразделения, красноармейца, а главное — правильно понято ими.

В связи с этим мне хотелось бы сказать несколько слов об Иване Степановиче Коневе как полководце и человеке. Имя его широко известно и у нас в стране, и за рубежом. Под его командованием мне довелось воевать на Западном и 1-м Украинском фронтах в общей сложности около полутора лет. Маршал Конев обладал сильным характером, большими организаторскими способностями, всесторонними знаниями и опытом долгой службы в войсках. Он всегда поддерживал тесную связь с подчиненными, часто выезжал на места, где глубоко вникал во все детали жизни и деятельности частей и подразделений, интересовался, как красноармейцы и офицеры понимали задачи, стоящие перед ними. Выражаясь языком Суворова, Конев добивался, чтобы каждый из них «знал свой маневр». Маршал не только щедро передавал подчиненным свои знания и опыт, но и, общаясь с войсками, набирался знаний, опыта сам, короче говоря, учился у войск.

Соединяя в себе замечательные качества командира и комиссара, он умел найти подход к сердцу рядового бойца, офицера и генерала. Решая стратегические и оперативные задачи, нанося на карту стрелы намечаемых ударов, Конев постоянно видел и чувствовал за этими графическими начертаниями людей, которые будут выполнять эти задачи. Он всегда напоминал, что в бою многое решает огонь, что прежде всего вперед надо продвигать огонь, а уже за ним танки и пехоту. Маршал всегда стремился добиться победы малой кровью...

Но вернемся к разведке. Штаб инженерных войск фронта стремился выяснить, что же представляла собой оборона противника в целом, на всю оперативную глубину. Этим мы занимались вместе с полковником Слюниным. Разложив на столе карту с обстановкой, внимательно изучали ее, по ходу высказывая свои соображения. По данным разведки, противник имел семь оборонительных рубежей, эшелонированных на глубину 300–500 км. Расстояние между ними 50–70 км. Причем четыре оборонительных рубежа проходили вдоль рек Чарна, Нида, Пилица, Варта и Одер. Последний являлся особенно серьезной преградой. На его левом берегу был построен долговременный оборонительный рубеж.

Главная полоса обороны противника имела полное инженерное оборудование: траншеи, ходы сообщения, пулеметные [217] гнезда, минометные и артиллерийские окопы, наблюдательные пункты. Она прикрывалась проволочными заграждениями, минными полями, а в глубине перед основной массой артиллерийских позиций были отрыты противотанковые рвы.

Таким образом, противник рассчитывал на то, что если наши танки прорвутся через минные поля, то они сразу же наткнутся на противотанковые рвы и остановятся. А это значит, что на них обрушится огонь вражеских орудий. Такая задержка может дорого обойтись нам. Обычно на проделывание перехода через ров требовалось 15–20 минут. Делалось это взрывом спусков и подъемов. За такое время наши танки, находясь открыто под огнем врага, понесут большие потери. Однако выход из положения был найден. Необходимо сделать из прочных досок два барабана диаметром до 2, 5 м каждый, а затем соединить их толстым трехметровым бревном. Получится приспособление, соответствующее ширине колеи танка. К концам бревна крепится металлический тяж, с помощью которого танк транспортирует этот колейный барабан перед собой. Подойдя ко рву, танк разворачивается и с ходу закатывает барабан на его дно. Тут же по барабану он сам преодолевает ров, а за ним устремляются

остальные машины. Это мое предложение поддержал полковник Слюнин. Мы срочно дали задание полковнику А. И. Загороднему в двухдневный срок изготовить такой колейный барабан.

Через три дня мы барабан испытали и убедились в его надежности. Танк с барабаном преодолевал ров за 1–1, 5 минуты, и остальные машины проскакивали почти без задержки. Это было большим успехом!

Александр Ильич Загородний заметил, что после перехода танков через ров барабан можно использовать как мостовую опору, уложив на него мостовые колеи. По ним пойдет колесный транспорт. Предложение было очень разумным. Штаб поручил Загороднему изготовить 50 комплектов барабанов, чтобы снабдить ими танки непосредственной поддержки пехоты, а потом танковые корпуса и армии.

На следующий день начальник инженерных войск 4-й танковой армии полковник Михаил Андреевич Полуэктов прицепил каток к грузовой автомашине и сделал пробный 50-километровый пробег по шоссе. Докладывая мне о проведенном эксперименте, он с восхищением говорил, что каток выдержал испытания, что это очень хорошее средство для преодоления противотанковых рвов врага. [218]

При изучении обороны противника наше внимание особенно приковывал долговременный рубеж на реке Одер. Мы уже знали, что этот рубеж сооружался с 1929 по 1938 год. Полевое усиление его производилось начиная с 1935 года, наиболее интенсивно велись работы в последние месяцы.

Долговременные огневые сооружения располагались неподалеку от уреза воды на расстоянии 300–1000 м друг от друга. Словом, этот оборонительный рубеж был крепким орешком. Запросто его не разгрызешь. Требовались хорошая подготовка всех родов войск, их согласованные действия, сила и внезапность первого удара. Однако, чтобы добиться внезапности удара, противник не должен был знать ни места, ни времени его нанесения. Думается, вряд ли он сомневался, что удар последует с сандомирского плацдарма. Мы должны были скрыть другое: когда, на каком участке, какими силами будет нанесен удар. А это задача оперативной маскировки, проведение которой ложилось в основном на плечи инженерных войск.

Конечно, войска нашего фронта могли нанести удар и вдоль правого берега Вислы на Тарнув, Краков. Поэтому, скрытно готовя главный удар с плацдарма, следовало убедить противника в том, что наступать мы будем на краковском направлении. Подобное сделать было нелегко. Попробуй-ка скрытно выдвинуть войска главной группировки на плацдарм и незаметно расположить их

там! Задача исключительно трудная. Нужна строжайшая маскировка. Тем более что на переднем крае противника имелся ряд возвышенностей, которые позволяли ему просматривать нашу оборону на глубину 5–8 км, включая основные артиллерийские позиции. Эти участки требовалось прикрыть вертикальными масками высотой до 2 м на протяжении 73 км. Инженерные части и войска, расположившиеся на плацдарме, делали эту работу. Кроме того, прикрывали траншеи брустверными масками, заблаговременно отрывали ложные траншеи, артиллерийские окопы, которые затем доуглубляли и занимали вновь прибывающими для наступления войсками, не изменяя общего рисунка обороны.

Штаб инженерных войск имел четкий план того, что предстоит ему сделать по обеспечению прорыва обороны врага и по оперативной маскировке нашего наступления.

В первой половине ноября 1944 года генерал армии Соколовский ознакомил меня с указанием Ставки Верховного Главнокомандования о подготовке Висло-Одерской наступательной операции, которая должна начаться 20 января 1945 года. Он сказал, что в состав фронта прибывают 21, 52, 59-я [219] общевойсковые и ранее входившие в него две танковые армии (3-я и 4-я), артиллерийский корпус и два танковых корпуса. И вот всю эту громаду требовалось организованно и скрытно выдвинуть на плацдарм и незаметно для врага расположить в районах сосредоточения. Генерал армии Соколовский попросил подготовить соображения по инженерному обеспечению наступления и в первую очередь позаботиться о скрытном размещении на плацдарме вновь прибывающих войск.

На следующий день с двумя офицерами своего штаба я решил совершить объезд лесов, находящихся на плацдарме, посмотреть, можно ли их использовать для размещения прибывающих частей и соединений. Всего на плацдарме оказалось 10 отдельных рощ разной величины общей площадью 216 кв. км. Рощи в основном сосновые, разбиты просеками на кварталы. По большинству просек можно свободно ездить на машинах. Нам бросилось в глаза, что многие рощи уже заняты войсками, но они располагались только по опушкам, в глубине никого не было. Я поинтересовался у командиров, чем объяснить такое явление. Они ответили, что так удобнее — все на виду и под рукой. Такой ответ меня не удовлетворил. В следующей роще с таким же вопросом я обратился к пожилому бойцу, по всем признакам бывалому воину. Он представился:

— Рядовой Ерофеев, полковой сапер. Видите ли, товарищ генерал, почему в глубь леса не заходят, — сказал он, —

заблудиться боятся. Не дай бог тревога, да еще ночью, отсюда и не выберешься. Шишек на лбу о деревья набьешь и машины поломаешь.

— А ведь он прав, — обратился я к своим офицерам. — В темноте тут действительно о деревья расшибешься, да и с пути собьешься. Надо подумать над тем, как помочь войскам ориентироваться ночью в лесу.

Мысль об оборудовании леса для расположения в нем войск меня не оставляла всю дорогу, пока ехали в штаб. Во всех рощах есть просеки, кварталы и дороги, пересекающие их. А что, если превратить просеки в улицы, дать им наименования, как в городе, а кварталы пронумеровать, рощам найти названия? И все это обозначить соответствующими указателями и табло. По опушкам и вдоль дорог, пересекающих лес, установить вертикальные маски. Организовать службу регулирования, и блуждать тут никто уж не будет. Тогда уверенно можно занимать лес по всей глубине и значительно увеличить маскемкость, что очень важно. В штабе мое решение поддержали. Но прежде надо было составить [220] карту и план лесов, размножить и разослать в заинтересованные штабы соединений для руководства. Решили, не откладывая дела в долгий ящик, тут же подготовить карту маскемкостей и план оборудования рощ, в который включили самое необходимое: шалаши, землянки, укрытия для машин, лошадей, штабные помещения, колодцы. Не забыли и про бани. Это очень важно. «Для солдата помыться — все равно что вновь народиться» — гласит старая русская пословица. На фронте в какой только грязи не приходится бывать! Какое блаженство испытывает человек, когда он смывает с себя эту грязь! Ни с чем не сравнимое. Недаром Твардовский так красочно и образно воспел фронтовую баню.

На следующий день с картой и планом оборудования рощи я был у командующего фронтом. Иван Степанович, как всегда внимательно, просмотрел эти документы и сказал, что задумано неплохо.

— А кто будет делать шалаши, землянки и все другое? — поинтересовался он.

— Личный состав войск, — ответил я. — В каждой роще мы подготовим весь набор этих построек в натуре, как образец. А там — дело командиров.

— Правильно, — согласился командующий. — Надо без промедления приступить к оборудованию лесных рощ так, чтобы к пятнадцатому декабря было все готово.

Я просил прикрыть леса к моменту сосредоточения войск средствами ПВО. Маршал пообещал сделать это и добавил, что

скоро начнется выдвижение на плацдарм войск главной группировки, поэтому дорожное обеспечение и организацию выдвижения соединений и объединений он хочет возложить на меня.

Я намного смутился.

— Удобно ли будет, товарищ командующий, обойти начальника тыла генерала Анисимова? Он может обидеться.

— Я не хочу тыловым частям открывать свои секреты по сосредоточению войск и размещению их на плацдарме, — ответил Конев.

— Раз так, то я просил бы в приказе все дорожные части, действующие на маршрутах, ведущих к плацдарму и на плацдарме, подчинить мне до полного завершения сосредоточения войск.

— Готовьте такой приказ и через два дня доложите мне.

Вернувшись в штаб, я пригласил к себе полковника Слюнина, передал ему утвержденные маршалом Коневым документы и попросил срочно подготовить проект приказа войскам [221] фронта об организации выдвижения войск на сандомирский плацдарм, согласовал его с оперативным управлением. Мы договорились о подготовке указания по обеспечению движения войсковых соединений на маршрутах и переходах через Вислу, плана маршрутного обеспечения и ряда других документов, связанных с осуществлением этого крупного мероприятия, решили, какие вопросы нужно в них отразить. Подготовку маскемкостей на плацдарме возложили на полковника Загороднего. Утром следующего дня он был в штабе.

Я очень уважал этого офицера за его высокие деловые качества инженера. И сейчас хорошо помню его: среднего роста, коренастый, монгольский разрез глаз, черные как смоль, густые волосы. Прапорщик старой армии, он перешел в Красную Армию в первые дни ее создания и служил ей, как говорят, верой и правдой. В работе был аккуратен, инициативен. Все задания выполнял точно в срок и добротно. В 23-м УОСе Алексей Ильич создал хорошую базу механизации, придумал различные приспособления, что облегчало производство различных трудоемких работ.

Я разъяснил Загороднему важность и срочность поручаемой ему задачи. Технический отдел вручил ему необходимую документацию.

В короткий срок работы были развернуты широким фронтом. И я, и офицеры штаба часто бывали на строительстве, вместе с Загородним оперативно решали возникающие вопросы, и дело быстро продвигалось вперед, 14 декабря 1944 года работы по

оборудованию рощ были закончены. К этому времени было сделано: шалашей на 20 человек — 100; землянок на взвод — 100; бань с пропускной способностью 50 человек в час — 20; навесов для лошадей — 40. Установлено: вертикальных масок — 240 км; колонных путей — 180 км; шахтных колодцев — 120; указателей различных — 600{27}.

21 ноября командующий фронтом подписал приказ о выдвижении на плацдарм войск главной группировки и план маршрутного обеспечения. В то же время мною были подписаны указания по организации и обеспечению выдвижения войск по маршрутам и переходам через Вислу. Планом предусматривалось от станции выгрузки на восточном берегу реки и до плацдарма включительно подготовить восемь маршрутов. Вся местность в этом районе разделялась на две полосы движения — А и В. В каждую из них входило два [222] автомобильных и два танковых маршрута. Начальниками этих полос движения назначили полковника Я. А. Берзина и генерал-майора Н. В. Соколова. Здесь организовывались комендантская служба и служба регулирования. Каждый маршрут разбивался на комендантские участки во главе с комендантом. Обычно им назначался командир понтонной роты. За маршрут отвечал командир батальона. Специально выделялись комендантские подразделения на Вислу для содержания мостов в порядке.

Маршруты очень тщательно оборудовались знаками а указателями. Один 36-километровый маршрут, идущий через Тарнобжег, был оборудован светящимися ориентирными знаками и обслуживался пятью электростанциями АЭС-3. На этом маршруте движение осуществлялось с полностью выключенными фарами. Движение войск на плацдарм проходило только ночью, причем одностороннее, к фронту. Этим исключались возможные и весьма опасные столкновения и заторы. Конечно, повсюду строжайше соблюдалась светомаскировка.

Во время ознакомления с ходом подготовки маршрутов ко мне за советом обратился полковник Берзин. У него два маршрута — танковый и автомобильный — в Тарнобжеге пересекались. Это исключало одновременное движение двух потоков, чего никак нельзя было допустить. Как быть? Я порекомендовал построить виадук — сухопутный мост в месте пересечения. Другого выхода не было. Берзин согласился со мной, вопрос был решен. В трехдневный срок в Тарнобжеге был сделан виадук на рамных опорах общей длиной 112 м. Позже подобные виадуки были построены в Ланюве длиной 42 м и в Сьвинярах — длиной 85 м. Чего только не доводилось делать саперам на войне! Но у нас на фронте виадуки применялись впервые.

К 1 декабря 1944 года маршруты были полностью оборудованы. Каждый из них обозначался своим отличительным знаком. Всего на маршрутах было установлено 6445 дорожных знаков, на поворотах — 320 световых указателей, 70 шлагбаумов{28}. Движение четко регулировала комендантская служба инженерных войск.

3 декабря генерал Соколовский вручил мне график сосредоточения группировки фронта на плацдарме с точным указанием для каждого соединения маршрута движения, начала и завершения выхода к месту назначения (роще). И вот началось выдвижение войск. Офицеры оперативного [223] управления нашего штаба каждую ночь летали на У-2 и наблюдали за порядком. Обо всех нарушениях, особенно светомаскировки, немедленно докладывали соответствующему начальнику. Тут же принимались необходимые, иногда очень жесткие меры.

С 15 по 20 декабря на плацдарм выдвигалась 3-я гвардейская танковая армия генерала П. С. Рыбалко, которая сосредоточивалась в трех рощах с условным наименованием «Камбала», «Скат» и «Тигр». Маршал Конев решил лично посмотреть, как идут дела, и пригласил меня с собой. Пунктом наблюдения избрали высоководный мост через Вислу у Баранува, по которому двигались танковые колонны. Лязг гусениц, мощный рокот работающих моторов в темноте производили сильное впечатление.

Побывали в Тарнобжеге — там танковые колонны шли с потушенными фарами по оборудованному светознаками маршруту. Здесь встретили генерала Рыбалко.

— Вот хорошо бы все маршруты так оборудовать, — высказал он пожелание.

— Павел Семенович, сил и средств пока не хватает. И этот маршрут мы по собственной инициативе так оборудовали впервые. Опыт, так сказать, проводим, — ответил я.

— Хороший опыт, выдвижение прошло без единой аварии! Спасибо, Иван Павлович, вам и всем саперам! Молодцы! — сказал командарм.

К 1 января 1945 года сосредоточение войск на плацдарме было полностью завершено.

Одновременно с выдвижением войск на плацдарм мы начали демонстрацию сосредоточения ложной группировки на левом фланге 60-й армии на тарнувско-краковском направлении. Для этой цели был выделен 4-й танковый корпус генерала П. П. Полубоярова. Проведение операции возлагалось на командарма 60-й армии Курочкина. С разрешения маршала Конева я отправился в 60-ю армию. У начинжа генерала З. А. Концевого

ознакомился с деталями плана оперативной маскировки. Район сосредоточения 4-го гвардейского танкового корпуса был избран в полном соответствии с действительной обстановкой. Намечены места дневок частей. Саперы скрытно доставили туда разборные макеты: танков, пушек, автомобилей.

27 декабря днем из Жешува в Ропчицу двинулся 4-й гвардейский танковый корпус генерала П. П. Полубоярова и к исходу дня прибыл в район дневки. В течение ночи и следующего дня саперы поставили часть макетов возле действительных танков. В последующие дни наращивали количество [224] макетов, словом, делали так, как должно быть в действительности. Следующей ночью, 28 декабря, корпус скрытно ушел по тыловому маршруту на плацдарм. Как после мне докладывал генерал Концевой, дневной переход 4-го гвардейского танкового корпуса из Жешува в Ропчицу был засечен двумя «мессершмиттами», которые сопровождали его вплоть до района сосредоточения. На этом направлении противник активизировал свои действия. Несмотря на плохие метеорологические условия, он регулярно вел авиаразведку. Враг перебросил в район Тарнува 344-й артполк, прибывший с западного фронта. Из Тарнува к линии фронта гитлеровцами была выдвинута 359-я пехотная дивизия.

Наша разведка обнаружила также выдвижение из района Кракова к Тарнуву крупного танкового соединения. Короче говоря, фашисты клюнули на приманку. Об этом свидетельствует и тот факт, что за два дня до нашего наступления они совершили более 220 артиллерийских налетов по районам, где были установлены макеты.

В ходе Львовско-Сандомирской наступательной операции инженерные войска понесли немалые потери. Теперь они пополнились личным составом. Нечего греха таить, прибывающее пополнение было слабо подготовлено, поэтому требовалось доучивание и сколачивание подразделений и частей. В короткий срок воинам необходимо было освоить новые методы и средства преодоления минновзрывных заграждений с применением впервые выдвижных удлиненных зарядов, преодоление противотанковых рвов с помощью колейных барабанов. В войсках появились тросометы для траления мин и растаскивания проволочных препятствий, светильники для подсвечивания маршрутов в ночное время и множество других приспособлений и оборудования. И все это было сделано руками умельцев и рационализаторов инженерных войск фронта.

Для внедрения этих средств и новых методов инженерного обеспечения в начале декабря был проведен двухдневный сбор

начальников инженерных войск армий, командиров инженерных бригад фронта и армий. На нем присутствовали начинжи армий, командующий 4-й танковой армией генерал-полковник Д. Д. Лелюшенко, начальник штаба 3-й гвардейской танковой армии генерал-майор Д. Д. Бахметьев и начальник оперативного управления фронта генерал-майор В. И. Костылев.

Вначале участников ознакомили с инженерными средствами. Сильное впечатление произвел на них показ тросомета. Это выхолощенная мина 120-мм миномета. К ее головке [225] прикреплены якорные лапы, а к днищу — трос, специально уложенный в бухту. Офицеры и генералы с интересом наблюдали, как оснащенный снаряд был выброшен пороховым зарядом высоко вверх. Разматывая трос, он полетел по крутой траектории вперед. В 500 м от нас снаряд упал на землю. Сразу же второй конец троса, прикрепленный к лебедке, стали наматывать на барабан. Лапы снаряда, цепляясь за проволочные препятствия, начисто сносили их.

Потом начался показ проделывания проходов удлиненным выдвижным зарядом в боевом минном поле. Подготовил его командир 77-го штурмового батальона 16-й штурмовой инженерно-саперной бригады Герой Советского Союза майор Л. Е. Качалко.

Все готово к взрыву. Участники сбора укрылись в траншее. По сигналу «Попади» последовал мощный взрыв 100-килограммового, 40-метровой длины выдвижного удлиненного заряда. Нас изрядно тряхнуло, будто под бомбежку попали. Не успело еще осесть облако пыли и дыма, а мы уже вышли из траншеи и увидели такую картину: через все минное поле шла широкая, покрытая гарью полоса с неглубокой канавкой посередине и отдельными небольшими воронками от взорвавшихся противотанковых мин. Заряд проделал проход шириной свыше 10 м. Тут же через него был пропущен боевой танк.

Осмотрев проход, мы направились к противотанковому рву. Вдали показался второй танк с колейным барабаном. Он с ходу развернулся и лихо сбросил в ров барабан, а затем проскочил по нему на противоположную сторону.

Вслед за ним двинулся взвод саперов на трофейных бронетранспортерах. На их прицепах находились бревенчатые колеи. Используя барабан как мостовую опору, саперы быстро уложили и укрепили деревянные колеи, и по этому мосту прошли колесные машины и артиллерия.

После сборов полковнику Загороднему было дано задание изготовить 2210 тележек-звеньев для выдвижения удлиненных

зарядов и еще 50 комплектов колейных барабанов. Большие работы проводились и в инженерных войсках армий.

Помимо фронтового сбора такие же сборы были проведены в армиях. Они оживили боевую подготовку всех инженерных частей.

Зная, что наступление назначено на 20 января 1945 года, мы, командиры и начальники, увязывали все наши мероприятия по масштабам и объемам со сроком готовности к предстоящей операции. [226]

От Вислы до Одера

Наступил новый, 1945 год, четвертый год тяжелой кровопролитной войны. Но теперь уже все мы понимали, что победа близка, что гитлеровская Германия в скором времени будет разбита окончательно.

Войска 1-го Украинского фронта заканчивали подготовку к операции. Все основные мероприятия были завершены. Однако дел еще оставалось немало.

3 января маршал И. С. Конев провел совещание с командующими армиями и начальниками родов войск фронта, ознакомил их с решением на наступление, которое намечалось на 20 января. Командующий подчеркнул особенности предстоящей операции. Они состояли в следующем. Если раньше передовые батальоны проводили разведку боем за сутки до наступления, то на этот раз они проводили ее в день наступления, что в большей степени обеспечивало внезапность, давало возможность уточнить расположение основных опорных пунктов и артиллерийских позиций противника. Это отступление от ранее существовавшей практики в действиях передовых батальонов должно спутать карты гитлеровцам.

Маршал отметил, что новым также явится ввод в сражение танковых армий. Он планируется на первый день наступления, а не на второй, как было прежде. Танковые армии мощью своего огня и брони помогут частям первого эшелона быстрее завершить прорыв главной полосы обороны врага и быстрее развить наступление в глубину.

Командующий фронтом поставил конкретные задачи перед участниками совещания. Вернувшись к себе в штаб, я ознакомил полковника Слюнина с указаниями маршала Конева. Теперь наступила и наша очередь составить план инженерного обеспечения операции, распределить инженерные части среди армий ударной группировки фронта. Набросок у нас уже имелся, но требовалось детально увязать его с задачами войск. Вместе с полковником Слюниным мы отправились в оперативное управление фронта к генералу В. И. Костылеву. Без лишних слов

он разложил на столе карту и проинформировал нас о плане операции. [227]

Главный удар наносился с сандомирского плацдарма в направлении Хмельник, Радомско, а в дальнейшем на Бреслау. Вражескую оборону предполагалось прорвать на одном участке шириной 39 км войсками 13, 52, 5-й гвардейских армий, а также частью сил 3-й гвардейской и 60-й армий, 3-я гвардейская армия усиливалась 25-м, а 5-я гвардейская армия — 4-м гвардейским и 31-м танковыми корпусами. В первый же день операции для развития наступления ударной группировки в сражение вводились 4-я и 3-я гвардейские танковые армии. Танкистам была поставлена задача к исходу третьего дня операции выйти на реку Пилица.

Правый фланг ударной группировки обеспечивали 3-я гвардейская и 6-я армии. 3-я гвардейская армия прорывала оборону на участке 2 км и наступала в направлении Щидловец, обтекая с запада островецко-опатувскую группировку врага. 6-я армия на первом этапе оборонялась на правом крыле фронта в полосе шириной 94 км, а затем совместно с 3-й гвардейской армией должна была участвовать в уничтожении островецко-опатувской группировки.

Левый фланг ударной группировки обеспечивала 60-я армия, которая большей частью сил прорывала оборону на участке шириной 3 км и наступала на Краков вдоль левого берега Вислы, а остальными силами обороняла полосу шириной 80 км южнее Вислы. 59-ю армию намечалось ввести в сражение на второй день операции. Во втором эшелоне находилась и 21-я армия. В резерве оставались 1-й гвардейский кавалерийский и 7-й гвардейский механизированный корпуса.

Фронтовых маршрутов прокладывалось четыре: два — силами инженерных войск фронта, два — дорожными частями армий.

Теперь мы четко представляли, что нам надо делать. Придя в свой штаб, тут же взялись за составление плана. Я напомнил офицерам штаба, как будем решать основные инженерные задачи: проделывание проходов удлиненными зарядами ВВ; преодоление противотанковых рвов танками с помощью колейных барабанов; подготовка четырех маршрутов для ввода в сражение танковых армий; форсирование каскада рек в глубине с ходу по льду, вброд и мостам; понтонные мосты наводить, если нет разводья, на поверхности льда, паромы — на разводье. Форсирование водных преград осуществлять перекатом. Одна группа инженерных частей и понтонеров обеспечивает переправу на первой реке, а другая вместе с передовыми отрядами устремляется ко второй

[228] и устраивает там переправы для наступающих главных сил. И так на всю глубину операции. Каждая армия должна иметь группы саперов для захвата мостов противника.

Чтобы прикрыть фланги ударной группировки фронта на плацдарме и левый фланг 60-й армии, предстоит выделить 42-ю механизированную инженерную бригаду полковника Е. А. Бондарева и 16-ю штурмовую инженерно-саперную бригаду полковника Б. К. Кордюкова. 3-ю и 6-ю понтонные бригады будем держать в резерве фронта и введем в центре ударной группировки, после преодоления реки Просна. Отсюда легче будет маневрировать и выдвигать их в нужном направлении исходя из обстановки{29}.

Полковник Слюнин и офицеры штаба отправились выполнять задание. Через несколько минут ко мне пришел представиться командир 23-й моторизованной штурмовой инженерно-саперной бригады полковник И. П. Корявко. Эта бригада прибыла к нам на фронт для усиления. Ранее она называлась 43-й отдельной инженерной бригадой специального назначения. Соединение участвовало в битве под Сталинградом, в прорыве обороны врага на Перекопе и штурме Севастополя. После освобождения Крыма в мае 1944 года 43-я Краснознаменная Перекопская ордена Суворова II степени бригада была выведена в тыл на переформирование и переименована в 23-ю отдельную моторизованную штурмовую Краснознаменную Перекопскую ордена Суворова II степени инженерно-саперную бригаду. Соединение было полностью укомплектовано и обеспечено всем необходимым, что очень важно перед наступлением.

Корявко был мне уже знаком по первым месяцам войны. Это неутомимый, энергичный офицер, хорошо знающий инженерное дело, опытный, инициативный командир, обладающий большими организаторскими способностями. Он отличался храбростью, всегда был там, где складывалась наиболее трудная обстановка. Корявко умело руководил инженерным обеспечением войск. В обращении с подчиненными Иван Порфирьевич был строг, но очень справедлив, проявлял о них постоянную заботу. В последних наступательных операциях его бригада показала себя с самой лучшей стороны.

Я ввел полковника Корявко в обстановку, рассказал, какую задачу будет выполнять бригада в предстоящей операции.

Через несколько дней план инженерного обеспечения наступления [229] и распределения инженерных частей фронта между армиями был готов, согласован с генералом армии Соколовским и доложен маршалу Коневу. Он поинтересовался, как будут проделываться проходы в минных полях противника

для танков непосредственной поддержки пехоты, танковых корпусов и армий. Я коротко рассказал и обратился с просьбой к командующему выделить для каждой группы саперов, проделывающей проход для танков в период артподготовки, пушки для стрельбы прямой наводкой. Они и будут прикрывать работу саперов, подавляя ожившие огневые точки противника.

— Хорошо, — согласился маршал. — В армии будут даны такие указания.

Командующий распорядился усилить танковые армии генералов Рыбалко и Лелюшенко понтонными и инженерными батальонами.

— Да, чуть не забыл спросить, — сказал маршал. — К нам прибыл 90-й полк танков-тральщиков. Что мы будем с ними делать?

— По-моему, их следует поровну разделить между танковыми армиями Рыбалко и Лелюшенко, там они очень пригодятся, особенно при прокладке маршрутов, — ответил я.

Командующий выразил беспокойство по поводу форсирования Одера с его долговременными оборонительными сооружениями. Я доложил ему свои соображения. Одер надо форсировать с ходу. Вряд ли противник успеет в короткий срок занять по всей линии реки оборону отходящими потрепанными частями и соединениями. А дырявая оборона не преграда для наших наступающих войск. Важно где-либо захватить плацдарм и с него быстро развить успех. Переправочных средств и понтонеров у нас достаточно, и они всегда под рукой.

— Опыт форсирования крупных рек у нас немалый, — согласился маршал Конев и подписал план распределения инженерных частей фронта.

После утверждения командующим плана инженерного обеспечения и распределения инженерных частей фронта я ознакомил с ним начальников отделов своего штаба, и они сразу включились в работу по его реализации. Затем на короткое совещание собрал начальников инженерных войск армий ударной группировки фронта. Их также ознакомил с планом инженерного обеспечения и указаниями маршала Конева, сообщил, как усиливаются армии инженерными частями фронта, переправочными средствами и понтонными парками. [230]

У полковников Каменчука и Полуэктова я спросил, прибыли ли к ним танки — минные тральщики из 90-го полка. Они ответили утвердительно. Однако их немного волновало то, что тралы смонтированы на старых танках Т-26, которые и по скорости, и по броне значительно уступают Т-34.

— И все же это лучше, чем сапер с миноискателем или

щупом, идущий впереди наступающих пехоты и танков, — заметил я.

— Несомненно лучше, товарищ генерал, — сказал Полуэктов. — В оперативной глубине танк-тральщик поможет нам быстрее провести и разведку, и разминирование маршрутов и подступов к опорным пунктам противника.

Я посоветовал обоим начинжам наряду с танками-тральщиками шире использовать для разведки дорог собак-миноискателей, по взводу которых они уже получили, и до. наступления обязательно произвести обкатку танков-тральщиков, а также колейных барабанов.

Опытом подготовки к наступлению коротко поделились все начинжи. Из их выступлений следовало, что повсюду были проведены показные совместные занятия саперов с танкистами по преодолению минных полей и противотанковых рвов. Результаты хорошие. Танкисты довольны. Генерал Варваркин доложил, что его командующий генерал Пухов предложил через час после начала действий передовых батальонов в промежутки между ними пустить штурмовые инженерно-саперные роты, усиленные пулеметными взводами, для проделывания проходов в минных полях противника, по одному на каждую роту. Позже я доложил об этом маршалу Коневу. Он поддержал это предложение.

На следующий день после совещания с начинжами я выехал в 6-ю армию, которой командовал генерал В. А. Глуздовский. Мы с ним старые знакомые, вместе воевали на Западном фронте в 1942–1943 годах. Тогда он был начальником штаба, а затем командующим 31-й армией. Я проинформировал его об усилении армии 42-й моторизованной инженерной бригадой, которая одновременно будет выполнять задачи подвижного отряда заграждения фронта. Зная, что из 6-й армии в 13-ю передавались артиллерийская дивизия и две истребительно-противотанковые бригады, поинтересовался, как осуществляется скрытность переброски этих войск. Ведь противник не должен знать, что соединения передислоцируются. Его надо было убедить, что все войска остаются на месте.

Во время нашей беседы к командующему зашел генерал Тимофеев. [231]

— Вот он и расскажет вам обо всем, да и покажет, что они сделали, — сказал Глуздовский, указывая на начинжа.

Не теряя времени, мы с начальником инженерных войск генералом Тимофеевым отправились в район огневых позиций артиллерийской дивизии посмотреть, как идет имитация стрельбы якобы оставшихся на месте батарей.

К стрельбе все было готово. По сигналу Тимофеева начался

артиллерийский налет. Дружно в разных местах стали взрываться заряды. В это же время раздавались более редкие выстрелы кочующих батарей. В обороне врага появились облачка взрывов наших снарядов. Внешне полная картина артиллерийского налета. И это здорово встревожило противника. Он обрушил на наши позиции сильный ответный огонь. Пришлось всем спешно укрыться в траншеях.

Разрывы наших зарядов постепенно прекратились. Фашисты тоже замолчали.

— Вот видите, Иван Павлович, ушедшая от нас артиллерия продолжает жить и действовать на старом месте, и враг верит в это, — сказал Тимофеев.

— Видимо, верит.

Из 6-й армии я проехал в 13-ю, которая была по соседству. Погода стояла пасмурная. Выпал снег. Слегка морозило. В небе ни одного самолета — ни нашего, ни вражеского. На земле тоже почти никакого движения, хотя в рощах и деревеньках войск было набито предостаточно. Но все строго соблюдали маскировку, а мы это очень тщательно контролировали.

Через некоторое время я приехал к генералу Н. П. Пухову. У него в это время находился с докладом начальник штаба генерал Г. К. Маландин, с которым мы на 1-м Украинском фронте проводили уже вторую крупную наступательную операцию. Да и раньше, в 1941 году, я встречался с ним в Генеральном штабе. А вот с генералом Пуховым познакомился во время Львовско-Сандомирской операции. Я проинформировал Николая Павловича об усилении 13-й армии тремя батальонами 23-й моторизованной штурмовой инженерно-саперной бригады, рассказал о том, как мы намерены организовать форсирование рек. Главное — своевременно обеспечить перевозку на машинах переправочных средств и поближе держать их к передовым частям, на главном направлении иметь резерв.

Я сообщил, что в полосе наступления 13-й армии будет двигаться 6-я понтонно-мостовая бригада Героя Советского Союза полковника Я. А. Берзина, опытного боевого командира. Он всегда окажет нужную помощь. Обратил внимание [232] командарма на необходимость усиления групп разграждения пушками для стрельбы прямой наводкой. Тогда наверняка успех будет обеспечен.

— Это мы сделам, это в наших же интересах, — сказал Пухов.

В штабе инженерных войск армии с генералом Варваркиным мы еще раз обсудили вопрос форсирования рек сходу. Наш штаб инженерных войск фронта предусматривал переправу танков вброд или по мостам. Варваркин возражал против этого.

Низководных мостов, по его мнению, долго ждать, а для наводки понтонных мостов надо делать полынью.

— Будем наводить понтонные мосты по льду, — сказал я.

— Как по льду? — удивился Варваркин. — Такого в моей практике не было!

— Не было, так будет. Всегда что-то делается впервые. Рискнем, мосты будем наводить из деревянных понтонных парков, у них площадь днища очень большая, а значит, удельное давление на лед будет незначительным, а если я проломится лед — не беда! Одновременно будем строить низководные деревянные мосты, с поверхности льда их легче и быстрее собирать.

Варваркин согласился с моими доводами. Он пригласил меня на совместное учение саперов с пехотинцами. На нем отрабатывались проделывание проходов и пропуск по ним стрелковых подразделений, танков и артиллерии. Занятиями руководил начальник штаба инженерных войск армии полковник Челомбитько, который недавно с повышением был назначен на эту должность. Учение прошло неплохо, но выявились и недостатки: слабо были оборудованы знаками а указателями колонные пути, идущие к проходам; командиры головных танковых подразделений не были предварительно ознакомлены с подходами и проходами, пунктами регулирования. Словом, взаимодействие саперных подразделений со стрелковыми и особенно танковыми частями было недостаточно организовано. Редко, но были случаи в прошлом, когда из-за отсутствия четкого взаимодействия танки попадали не на проход, а на минное поле и подрывались. Об этом я и напомнил Варваркину.

— Мы учтем это и занятие повторим, — заверил он.

Я знал, что так и будет. Александр Николаевич Варваркин — сапер старшего поколения, специалист высокого класса. На фронте показал себя храбрым и смелым человеком, отличным организатором. Это генерал с творческой жилкой, твердым характером. [233]

Побывал я и в 52-й армии генерала К. А. Коротеева. Начинжем здесь был полковник А. А. Глезер. Он ознакомил меня с подготовкой инженерных частей армии к прорыву и инженерному обеспечению наступления. В частности, им был полностью оборудован участок имитации ложной атаки. Туда мы и отправились. Нас встретил начальник штаба 23-й штурмовой инженерно-саперной бригады полковник В. Ф. Овчаренко. Он возглавлял оперативную группу бригады в составе трех штурмовых батальонов, которые придавались 52-й армии. Овчаренко показал нам расположение имитационных групп

пехоты, танков, артиллерии, рассказал, как осуществляется управление ими, каков порядок движения макетов в наступлении. Потом началась демонстрация атаки. В это время приехал полковник Корявко. Вместе с нами он наблюдал с НП, как поднимаются макеты стрелковых цепей, как движутся танки поддержки пехоты. Видели мы даже дымки стреляющих пушек, слышали звуки выстрелов. Это взрывались толовые шашки. Картина настоящей атаки.

Прошло две-три минуты. Внезапно противник открыл сильный артиллерийско-минометный огонь и накрыл атакующую ложную группу пехоты. Затем застрочили пулеметы и автоматы врага. Овчаренко дал отбой. Цель достигнута: фашисты приняли ложную атаку за настоящую. Я похвалил ее организаторов и посоветовал более четко согласовать ложную атаку по времени с наступающими частями пехоты, танков и артиллерии.

Поздно вечером возвратился к себе в штаб, там меня ожидал уже полковник Слюнин, приехавший из 60-й армии. Он рассказал один интересный эпизод, происшедший с саперами 16-й штурмовой инженерно-саперной бригады полковника Мордюкова. Тот оборудовал в тактической глубине обороны вторую полосу заграждений для прикрытия левого крыла ударной группировки фронта. Командующий 60-й армией генерал Курочкин с правого берега Вислы на левый перебрасывал часть артиллерии для усиления двух своих корпусов, наступающих на Краков. Кордюкову было поручено организовать маскировку перегруппировки войск. Работа шла к концу. Артиллерия подивизионно начала перебазироваться на западный берег Вислы. В освободившиеся орудийные окопы тут же были поставлены макеты пушек и номеров расчетов. Уже стало смеркаться. Вдруг к одной из батарей подъехала автомашина с боеприпасами и около орудийных окопов спешно начала разгрузку. Когда почти все ящики были выгружены на землю, один из бойцов тут только [234] обнаружил, что батареи-то здесь нет, остались только ложные пушки и несколько чучел номеров расчетов. Ругаясь, артиллеристы снова загрузили автомашину. Поблизости раздался дружный смех. Смеялись саперы, наблюдавшие эту картину. Хотя и забавный случай, но он красноречиво говорил, что мы уже научились качественно проводить маскировку, выдавать ложное за истинное.

Вечером 11 января 1945 года я докладывал маршалу Коневу о ходе подготовки инженерных войск к наступлению, рассказал попутно о тех учениях, которые мне довелось увидеть лично. Это очень заинтересовало командующего. Он задал несколько вопросов, выясняя подробности. Когда я попросил разрешения

идти, маршал задержал меня.

— Мне только что звонил товарищ Сталин, — сказал Иван Степанович. — Он обеспокоен вводом в прорыв третьей и четвертой танковых армий, волнуется, как бы они не подорвались на вражеских минных долях. Это может ослабить силу нашего танкового удара. Как вы думаете, не произойдет подобного?

— Товарищ командующий, нами все предусмотрено, чтобы не случилось этого. Не сомневайтесь, все будет в порядке.

— Все-таки вы проследите лично за вводом танковых армий в прорыв, сделайте все, чтобы ни один танк на минах не подорвался.

— Обязательно прослежу, товарищ маршал.

О разговоре с Коневым я проинформировал полковника Слюнина. Мы решили, что в день наступления я поеду в танковую армию Рыбалко, а Слюнин — в танковую армию Лелюшенко.

Для контроля за ходом инженерного обеспечения наступления армий ударной группировки мы направили туда офицеров штаба. Ежедневно они должны были доносить в штаб инженерных войск фронта о положении дел на местах.

Выше я говорил, что операция нашего фронта намечалась на 20 января 1945 года. Но в связи с тем что немцы нанесли в Арденнах мощный удар по союзным войскам, Черчилль обратился к Сталину с просьбой ускорить операцию, Советский Союз пошел навстречу союзникам. Начало Висло-Одерской операции было перенесено. Наш 1-й Украинский фронт начинал наступление 12 января. Погода была тогда на редкость плохая: пасмурно, видимость ограничена до предела. С неба хлопьями валил густой снег. [235]

И вот утро 12 января наступило. Вместе с другими генералами и офицерами я находился на командном пункте. Стрелка часов приближалась к цифре «5». И вдруг кругом заухало, загрохотало. После короткого 15-минутного огневого налета вперед ринулись передовые батальоны. Спустя некоторое время за ними двинулись главные силы. Вскоре поступили первые донесения: проходы в минных полях проделаны своевременно и качественно. Хорошо действовали штурмовые инженерно-саперные роты, которые шли впереди стрелковых батальонов и поддерживающих их танков, прокладывая им путь. Инженерно-саперные батальоны, прижимаясь вплотную к передовым частям, быстро прокладывали маршруты для ввода танковых армий. Они снимали мины и расширяли проходы, строили переходы через препятствия, траншеи, канавы, объезды около разрушенных мостов, ставили знаки и указатели, особенно в зонах минных полей. А вот от переднего края двинулась группа танков-

тральщиков.

Работы по прокладыванию маршрутов велись под сильным артиллерийско-минометным огнем, а местами и пулеметным. Несмотря на это, саперы мужественно и умело выполняли боевую задачу. Они старались ни на минуту не задерживать пропуск войск и особенно танковых армий, да и вообще танков, вперед. Выигрыш времени достигался максимальным выдвижением саперных подразделений к передовым наступающим частям. Опыт у саперов был в этом отношении большой.

В 12 часов я прибыл в полосу наступления 52-й армии, а точнее, в зону, где прокладывались маршруты для ввода в прорыв 3-й гвардейской танковой армии. Там уже были начинжи 52-й и 3-й гвардейской танковой армий полковники Глезер и Камеычук. Они доложили о полной готовности маршрутов до нашего переднего края обороны. Саперные батальоны прокладывают их дальше, действуя вплотную за наступающими частями. Насколько это можно было сделать по глубине, мы объехали ближайших два маршрута. А офицеры моей группы проехали по двум другим. Действительно, они были готовы к пропуску танковой армии.

С ближайшего узла связи я связался с полковником Слюниным. Он доложил, что для 4-й танковой армии маршруты также подготовлены и проверены. Таким образом, все шло по плану.

В 14 часов колонны 3-й и 4-й танковых армий двинулись в прорыв. Движение шло без задержек, непрерывным потоком. Передовые части вышли на рубеж ввода в сражение о начали развертывание боевых порядков. Я с нетерпением [236] ждал донесений от комендантов маршрутов. Хоть и был уверен, что все идет хорошо, но какой-то червь сомнения точил душу. Наконец последовали одно за другим донесения: подрывов танков нет. Это подтвердили и штабы 3-й и 4-й танковых армий. От сердца сразу отлегло. Значит, хорошо сработали саперы.

С командного пункта 52-й армии по ВЧ я доложил об этом маршалу Коневу. Он, естественно, остался доволен.

Войска фронта наступали в высоком темпе. Забегая вперед, скажу, они быстро преодолели промежуточную полосу обороны противника на реке Нида, в последующем с ходу форсировали реки Пилица и Варта. Наши части выходили на реки, промежуточные и тыловые оборонительные рубежи противника раньше, чем отступающие части гитлеровцев могли занять на них оборону. Этому успеху способствовало и то, что, как писал позже И. С. Конев, «все первые эшелоны наших войск, в особенности танковых и механизированных, шли в прорыв с комплектом, даже сверхкомплектом переправочных средств. Это позволяло им с

предельной быстротой самим наводить переправы через реки в глубине обороны противника»{30}.

К сказанному следует добавить, что нам помогли лед, броды, а также быстрое, сверхскоростное строительство низководных мостов на жестких опорах, которые собирались в предельно короткие сроки.

В ходе прорыва обороны противника, наступая вместе с пехотой, танками и артиллерией, саперы, имевшие богатый боевой опыт, действовали смело, решительно и умело. Штурмовые инженерно-саперные роты 23-й бригады двигались вместе с передовыми отрядами, имея самостоятельные полосы наступления. Они проделывали проходы для танков и пехоты.

Вслед за этими ротами шли танки НПП и своим огнем поддерживали действующих впереди саперов. За ними наступали штурмовые батальоны стрелковых дивизий, усиленные саперами-штурмовиками и огнеметчиками. Весь этот мощный первый эшелон, тесно взаимодействуя по фронту и в глубине, действовал как единый, хорошо сколоченный боевой коллектив.

Тут все были героями, но особенно отличились командиры рот капитаны С. И. Гунченко, Н. И. Сафронов, А. Г. Вередников. Находясь в боевых порядках своих подразделений, [237] эти офицеры личным примером воодушевляли саперов на выполнение сложной инженерной боевой задачи и обеспечили без потерь на минах продвижение вперед танков и штурмовых батальонов дивизий до полного прорыва главной полосы обороны. За мужество, отвагу, умелое руководство подразделениями офицеры были награждены орденами. Получили награды и их подчиненные.

Характерен и такой эпизод. Командир саперного отделения штурмовой роты был тяжело ранен и эвакуирован в тыл. Его немедленно заменил рядовой П. М. Сыкало. Он принял на себя командование и повел отделение вперед. При проделывании прохода Сыкало лично снял 33 мины. Воин первым ворвался в траншею противника. Его отделение уничтожило 24 солдата врага, а сам он — 8 гитлеровцев. Действуя автоматами и ножами, отважные саперы выбили фашистов из траншей. За этот подвиг Сыкало был удостоен звания Героя Советского Союза.

Тогда же при прорыве главной полосы обороны один из штурмовых батальонов 52-й армии встретил сильное сопротивление. Сапер-огнеметчик 47-го батальона ранцевых огнеметов 23-й штурмовой инженерно-саперной бригады С. М. Рубсин поспешил на помощь стрелкам. Внимательно наблюдая за ходом боя, он обнаружил замаскированный дзот противника, который вел губительный фланкирующий огонь по наступающей

пехоте. Рубсин незаметно, ползком подобрался к огневой точке на близкое расстояние, дал струю горящей смеси в амбразуру и сжег дзот вместе с находящимися в нем офицером и четырьмя солдатами. Путь пехоте был открыт.

Оказывая упорное сопротивление, противник остановил наступающие части 13-й армии около населенного пункта Шидлув, в центре которого находился старинный монастырь с толстыми и прочными гранитными стенами. Этот монастырь фашисты превратили в опорный пункт. Его можно было бы обойти, но он прикрывал важное шоссе и мешал движению нашего транспорта и войск. Попытка пехоты при поддержке артиллерии взять монастырь успеха не имела.

На уничтожение вражеского гарнизона, засевшего в монастыре, был брошен 47-й отдельный батальон ранцевых огнеметов майора А. Г. Кучеренко. Саперы-огнеметчики под прикрытием ружейно-пулеметного и минометного огня вплотную подползли к каменному забору, ограждавшему монастырь, и дали одновременно залп из огнеметов по амбразурам и поверх стен. Внутри зданий и за крепостной стеной вспыхнул пожар. В монастыре началась паника. Воспользовавшись [238] этим, саперы с помощью крупных зарядов тола взорвали стену и сделали несколько проходов в ограде. Это дало возможность нашим подразделениям ворваться в монастырь и принудить противника к капитуляции.

На правом фланге группировки части 13-й армии наступали на Кельце. Дорогу им преградил бронепоезд. Он появился со стороны города и вел сильный огонь. Тогда группа саперов 131-го гвардейского инженерно-саперного батальона под командованием гвардии младшего лейтенанта Воронцова проникла в тыл противника и на перегоне Рыкошин — Пенушув взорвала железнодорожный мост. После этого группа перебила охрану блокпоста и уничтожила всю аппаратуру. Бронепоезд больше не появлялся.

Наступление войск 13-й армии продолжалось. На одном из участков в глубине обороны противника был подбит фашистский танк, но экипаж не покинул его, продолжал вести огонь по наступающей пехоте. Группа истребителей танков 20-го гвардейского саперного батальона в составе шести человек под командой младшего сержанта Алимова получила задачу уничтожить вражескую машину. Четыре сапера-истребителя заняли позицию и открыли стрельбу по танку, отвлекая его огонь на себя. В это время другие два сапера с противотанковыми гранатами скрытно подползли сзади и взорвали танк...

В первый день наступления войска главной группировки

прорвали оборону врага на 35-километровом участке и к исходу дня продвинулись на глубину 15–20 км. 13 января армии главной группировки фронта вышли на реку Нида и форсировали ее. Это была первая река из шести, которые предстояло преодолеть.

В связи с этим мне хотелось бы остановиться на особенностях форсирования этих рек. Пять из них — Чарня Нида, Бобжа, Пилица, Варта и Просна — имели много общего. Они были почти одинаковы по ширине, глубине, наличию бродов. Толщина льда составляла 15–25 см, и поэтому приемы их преодоления были одинаковы. Пехота, артиллерия, транспорт переправлялись по усиленным ледовым переправам, танки — вброд. Для массового движения транспорта строились низководные мосты из готовых элементов. Наводка понтонных мостов, а также составление паромов было делом трудным. Требовалось вскрывать лед, делать взрывами полыньи, очищать их ото льда и уж потом наводить мосты [239] и составлять паромы. Работа трудоемкая и требующая много времени. А где его взять? Ведь так стремительно шло наступление. И все же мы понемногу, но наводили понтонные мосты не только на воде, но и на поверхности льда, хотя этот вариант ни в одном из наших наставлений не предусматривался. Мосты успешно выдержали нагрузки. Война есть война. Там действуют свои законы и свои внутренние пружины. Конечно, во всем должен был быть здравый смысл. Важно, что эти мосты сослужили свою службу.

Итак, 13 января наши войска на широком фронте форсировали реку Нида и, не задерживаясь, продолжали развивать успех в западном направлении. Толщина льда на реке достигала 15–30 см. Как я уже говорил, стрелковые части, легкая артиллерия, конный транспорт переправились по льду, танки — вброд. К нашему счастью, бродов оказалось много. 5-я гвардейская армия переправилась, например, по шести ледовым переправам, по четырем бродам и одному мосту, захваченному у противника. Инженерные части армии на реке Нида соорудили один 30-тонный и два 60-тонных моста и пять мостов восстановили. Так что войска не задерживались на реке, безостановочно двигались вперед.

Передовые отряды 3-й гвардейской танковой армии, вошедшей в прорыв, устремились вперед и быстро достигли Ниды, форсировали ее с ходу по оборудованным саперами бродам. Армейские инженерные батальоны, которые действовали с передовыми отрядами, без промедления приступили к строительству мостов из готовых элементов под прикрытием танковых подразделений, захвативших плацдарм.

До подхода главных сил 3-й гвардейской танковой армии на

Ниде уже были сооружены три 60-тонных моста и один мост восстановлен у Мостковице.

Подводя итоги, скажу, что всего на Ниде инженерные войска фронта оборудовали 37 переправ, в том числе 12 мостов на жестких опорах, восстановили 8 мостов, оборудовали 10 бродов для пропуска танков и 7 ледовых переправ{31}.

Через двое суток передовые отряды 5-й гвардейской, 52-й и 3-й гвардейской танковых армий вышли к реке Пилица и также с ходу форсировали ее. Форсирование осуществлялось по льду и уцелевшим мостам, захваченным у противника. Саперы передовых отрядов и армейские саперные батальоны тут же приступали к строительству и восстановлению мостов. К моменту подхода главных сил было построено пять мостов, а в трех пунктах усилен лед. Для пропуска танков было оборудовано [240] два брода. За 16 и 17 января по мостам прошли 7-й танковый и 9-й механизированный корпуса 3-й гвардейской танковой армии, основные силы 52-й армии и часть сил 5-й гвардейской армии.

В это время офицер нашего штаба подполковник Чишейко, находившийся в 13-й армии, стал свидетелем такого эпизода на реке Пилица. Разведгруппа из 22-го гвардейского саперного батальона под командованием лейтенанта П. И. Павлова действовала в составе передового отряда 4-й танковой армии. Она получила задачу разведать реку. В деревне Вуйцынт наши разведчики встретились с группой гитлеровцев. Павлов решил атаковать ее. Советские воины внезапно напали на фашистов, дружно открыли огонь из автоматов и уничтожили их. При этом они захватили 8 грузовых автомобилей. Выйдя к Пилице, разведчики увидели, что мост через нее взорван. Тогда они начали искать неподалеку от моста брод, нашли его и обозначили вехами. Павлов донес об этом через посыльного командиру 16-й танковой бригады и поставил регулировщика. Танкисты без задержки форсировали реку.

Всего на Пилице инженерные войска оборудовали 49 переправ, соорудили 17 низководных мостов на жестких опорах, восстановили и усилили 9 мостов, захваченных у противника, навели 3 наплавных моста, оборудовали 8 бродов и 10 ледовых переправ с усилением льда{32}. На реку Варта армии главной группировки фронта своими передовыми отрядами вышли 21 января и в течение двух дней форсировали ее. Противник не успел занять заранее подготовленный здесь оборонительный рубеж. На Варте также основательно поработали саперы.

Боевые действия передовых отрядов 13-й, 3-й гвардейской и 4-й танковой армий при форсировании реки обеспечивали разведроты 23-й штурмовой инженерно-саперной бригады

полковника И. П. Корявко и 19-й инженерно-саперной бригады полковника И. М. Куницына. Они вышли к Варте раньше передовых отрядов и к моменту их подхода произвели разведку реки, установили выгодные места переправ по льду, обозначили их вехами, способствовав быстрому ориентированию и преодолению водной преграды.

За восемь дней операции войска фронта совершили прыжок через пять рек, продвинулись на глубину свыше 250 км. Наступление было настолько стремительным, что гитлеровцы не могли занять тыловые рубежи и организовать отпор, [241] хотя на каждой реке имели заблаговременно оборудованные в инженерном отношении оборонительные рубежи. Правда, на отдельных участках противнику удавалось закрепиться, но, обходя с флангов, наши части быстро сбивали его.

Теперь впереди был Одер. К этому времени на левом крыле войска 1-го Украинского фронта уже подходили к Кракову — старой столице Польши, имевшей много исторических памятников. И все мы были очень заинтересованы в том, чтобы уберечь эти памятники от разрушений. Судьба города была предрешена. Наши части и соединения вот-вот вступят в него. Нам было известно, что фашисты сильно заминировали Краков. Они решили превратить его в руины. Перед нами стояла задача — не допустить этого. И мы предприняли все необходимые меры. Я доложил маршалу Коневу план перераспределения инженерных частей фронта, в котором предусматривалось 42-ю моторизованную инженерную бригаду полковника Е. А. Бондарева перебросить на левое крыло, в полосу наступления 60-й армии. В ее задачу входило после овладения нашими войсками Краковом немедленно приступить к его разминированию. Одновременно она должна была прикрыть минновзрывными заграждениями левый фланг 60-й армии, начавшей отставать в отрогах Бескидских гор. 16-я штурмовая инженерно-саперная бригада полковника Кордюкова усиливала тремя батальонами 5-ю гвардейскую армию, а двумя батальонами — 21-ю армию. 23-я штурмовая бригада полковника Корявко по-прежнему тремя батальонами усиливала 13-ю армию и двумя батальонами и легким понтонным парком — 52-ю армию.

4-й танковой армии придавался 78-й штурмовой инженерно-саперный батальон майора И. П. Калинюка из 16-й штурмовой инженерно-саперной бригады. 3-я гвардейская танковая армия усиливалась 207-м мотоинженерным батальоном майора Мысякова из 42-й отдельной моторизованной бригады и 79-м штурмовым инженерно-саперным батальоном майора В. Е. Упорова из 16-й штурмовой инженерно-саперной бригады.

3-я понтонно-мостовая бригада Героя Советского Союза генерала Н. В. Соколова придавалась 5-й гвардейской армии, так как она ранее других должна была выйти на реку Одер.

6-я понтонно-мостовая бригада Героя Советского Союза полковника Я. А. Берзина, 25-й понтонный батальон Героя Советского Союза подполковника И. П. Соболева и 159-й понтонный батальон подполковника П. В. Скорохода выводились в резерв фронта для обеспечения развития оперативного [242] успеха при форсировании Одера. Они выдвигались на стыке 13-й и 52-й армий.

Эта перегруппировка инженерных, войск была утверждена Военным советом фронта.

18 января 59-я армия генерала Коровникова и 60-я армия генерала Курочкина вплотную подошли к Кракову. Первая наступала с севера и северо-запада, вторая — с юга и юго-востока. 4-й гвардейский танковый корпус генерала Полубоярова двигался в обход Кракова с запада, создавая угрозу полного окружения. Маршал Конев, стремясь сохранить город от разрушений, приказал не наносить по нему ударов артиллерией и авиацией. Эти средства применялись только в боях на внешнем поясе обороны Кракова.

Утром 19 января наши войска начали атаку Кракова и к исходу дня овладели им. Разбитые части противника отошли на юг, в горные районы. Вместе с передовыми частями в город вошли саперы и тут же приступили к его разминированию. Для руководства работой, по опыту прошлых операций, был организован штаб во главе с полковником Бондаревым. В него вошли также представители городских властей. В Кракове объявили 21-суточный минный карантин. В газете, выходящей на польском языке, было напечатано обращение к местному населению, в котором излагались правила поведения и просьба помочь штабу в его работе.

Перед началом разминирования саперы провели тщательную разведку общественных и культурных зданий, промышленных предприятий, жилых и нежилых домов. Словом, поступили согласно золотому правилу: «Сперва проверь, потом поверь, а затем еще раз проверь».

В первую очередь разминировались основные улицы, чтобы можно было передвигаться по городу. «Первые сутки саперы, и армейские и фронтовые, трудились буквально не покладая рук... — пишет маршал Конев. — Ровно через сутки я уже видел расчищенные маршруты с визитными карточками саперов: «Очищено от мин», «Мин нет», «Разминировано»{33}.

Поляки от души благодарили советских саперов за их подвиг.

А это был именно подвиг, иначе и не назовешь. В то время я до предела был занят предстоящим форсированием Одера, до начала которого оставались считанные дни. Поэтому не имел возможности побывать в Кракове. В город был командирован начальник отдела заграждений штаба инженерных [243] войск подполковник З. Л. Островский. Он информировал меня о работах по разминированию Кракова и вообще обо всем, что видел там. Фашисты основательно подготовили город к обороне: соорудили железобетонные баррикады на улицах, городские кварталы и особо прочные и большие отдельные здания превратили в опорные пункты, балконы усилили кирпичной кладкой или бетоном и приспособили для стрельбы из пулеметов и пушек. К стенам жилых и служебных зданий пристраивались из камня и бетона доты. В домах на первом и втором этажах оконные и дверные проемы закладывались кирпичом и делалось множество амбразур. Каждая улица, каждый переулок простреливались многослойным автоматным, пулеметным и минометным огнем, а также огнем противотанковых пушек. Все мосты через Вислу были взорваны. В целом город был превращен в крепость.

И если бы наши наступающие части завязали уличные бои за город, чего маршал Конев очень опасался, они бы там надолго завязли. А Краков наверняка был бы разрушен. Но этого не произошло. Под мощным ударом войск 59-й армии, охватывавшей Краков с запада, и 60-й армии, наступающей с юго-востока и юга, создалась угроза полного окружения Краковского гарнизона. Это вынудило противника поспешно оставить город.

Что же было сделано по разминированию города?

Саперы проверили шоссе и улиц 235 км, городских мостов — 5, железнодорожных станций — 2, административных зданий — 185, промышленных — 70, жилых — 386. Обнаружили подготовленных зарядов для взрыва объектов — 166, авиабомб — 8. Все мины и заряды были обезврежены в предельно короткий срок{34}. И не случайно население города так горячо благодарило советских саперов.

Тем временем, форсировав реку Варта, войска фронта продолжали стремительно наступать к Одеру. До него оставалось 120 км. Инженерные части, не задерживаясь на Варте, продвигались вместе с передовыми частями, имея с собой переправочные средства. Главная группировка фронта была в прежнем составе и наступала на прежних направлениях.

22 января маршал Конев внес изменение в план распределения инженерных и понтонных частей фронта. Он решил 5-ю гвардейскую армию, действующую в центре,

дополнительно усилить 6-й понтонной бригадой, оставив в резерве лишь 25-й и 159-й понтонные батальоны. Я высказал сомнение, [244] не ущемляем ли мы интересов правофланговой группировки армий генералов Пухова, Лелюшенко и Гордова. Ведь им тоже потребуется усиление. Однако командующий ответил, что так нужно, ибо 5-я гвардейская и 52-я армии ближе всех находятся к Одеру, а правофланговой группировке наступать до него еще по меньшей мере трое-четверо суток.

Видимо, командующий руководствовался такими соображениями: в случае успеха форсирования Одера войсками 5-й гвардейской армии немедля развить его в успех фронта и двинуть основные силы в этом направлении. Подобным образом он поступил при форсировании Вислы, когда был захвачен сандомирский плацдарм. И теперь при необходимости правую группировку можно будет усилить за счет резервных двух понтонных батальонов подполковников Скорохода и Соболева. А дальше обстановка подскажет, как надо действовать.

На следующий день маршал Конев проинформировал меня, что передовые части армии Жадова вышли на Одер и начали его форсировать. Я решил выехать туда для координации действий понтонных бригад по обеспечению переправами наступающих войск. Перед отъездом член Военного совета генерал Крайнюков сообщил мне, что имеется личное указание И. В. Сталина особо отличившихся при форсировании Одера представлять к присвоению звания Героя Советского Союза. Он просил довести это до сведения командиров и политработников инженерных частей и всего личного состава.

Сообщение члена Военного совета фронта я немедленно передал заместителю по политчасти полковнику Журавлеву и начштаба полковнику Слюнину, попросил довести его до личного состава инженерных войск фронта.

Днем 23 января я приехал в штаб 5-й гвардейской армии генерала Жадова. Со времени форсирования Вислы у нас с командармом установились хорошие, деловые служебные взаимоотношения. Вот и сейчас надо было помочь Алексею Семеновичу инженерными средствами в форсировании Одера. Жадов рассказал мне, что 33-й стрелковый корпус овладел двумя небольшими плацдармами на западном берегу в районах населенных пунктов Эйхендрит и Деберен. Переправа передовых частей осуществлялась по льду, усиленному настилом, и нескольким паромным переправам. Там находился начинж полковник Подолынный. Командарм уже вызвал его в штаб. [245]

— Иван Павлович, мне нужны мосты для переправы танков, — закончил свой рассказ Алексей Семенович.

— Мосты будут. Давайте наметим, где и какие построить, — предложил я...

В 10 часов утра 25 января саперы закончили строительство 60-тонного низководного моста на рамных опорах и 12-тонного понтонного моста у Деберена. В этот же день был построен 60-тонный мост у Эйхендрита. Дело шло споро. Но враг обнаружил наши переправы и бросил на них свою авиацию. При первом же налете самолеты противника повредили мост у Эйхендрита. Зенитное прикрытие здесь было слабым. Я попросил у генерала Жадова надежнее прикрыть переправы средствами ПВО. Он выполнил мою просьбу. Со своей стороны мы договорились с Подолынным организовать у основных переправ дымопуск в случае налета авиаций врага, а также удвоить количество 60-тонных мостов, как только объединятся два небольших плацдарма.

Когда выдалась свободная минута, я поинтересовался у Алексея Семеновича, как это его соединениям удалось так быстро достичь Одера и форсировать его.

— Противник, видимо, испугался танковых корпусов армии Рыбалко, которые начали глубоко обходить Силезский промышленный район, — сказал Жадов. — Вы знаете, что командующий приказал Рыбалко резко повернуть его армию с севера на юг вдоль Одера. Опасаясь окружения, гитлеровцы с величайшей поспешностью отошли за Одер. Этим-то мы и воспользовались. Мои гвардейцы сделали стремительный рывок и очутились у реки, а потом без промедления форсировали ее.

В нашу опергруппу тем временем поступили последние данные о боевых действиях. 23 января передовые отряды двух дивизий 52-й армии вышли на Одер в районе Раттвица и севернее него. Два штурмовых инженерно-саперных батальона (105-й капитана Воробьева и 106-й майора Зайцева) ночью оборудовали ледяные переправы с усилением льда. По ним тут же переправились пехота и артиллерия двух дивизий. Переправой мастерски руководил начинж армии полковник А. А. Глезер. С виду Александр Александрович тихий и скромный человек, а сколько в нем скрыто энергии, воли, храбрости и мужества! Делал он все, казалось, неторопливо, но получалось быстро, добротно. Да и немудрено — за его плечами был богатый боевой опыт, и Глезер умело применял его на практике.

24-й армейский инженерный батальон в районе Штейне навел ледяную переправу, по которой переправилась 31-я [246] стрелковая дивизия, корпусные грузы и средства усилений, В этом же пункте два армейских инженерных батальона приступили к строительству 30-тонного моста на жестких опорах, которое

было закончено 27 января.

В течение 24 января два других армейских батальона и три батальона 23-й штурмовой инженерно-саперной бригады вели заготовку элементов низководных мостов с одновременным строительством двух мостов: 16-тонного силами армейских батальонов и 30-тонного тремя батальонами 23-й штурмовой инженерно-саперной бригады. Словом, инженерные части действовали с полной отдачей сил.

Утром 25 января мне было передано телеграфное указание маршала Конева как можно скорее направить один понтонный батальон генералу Лелюшенко, а 6-ю понтонную бригаду подчинить 52-й армии генерала Коротеева. 3-я понтонная бригада генерала Соколова оставалась в армии Жадова. Раздумывая над этими указаниями, я пришел к выводу, что передовые отряды 4-й гвардейской танковой армии вышли на Одер. Только этим объясняется такая поспешность переброски понтонного батальона в район Мальча. Значит, к реке скоро подойдут и главные силы 13-й и 3-й гвардейской армий. Помощь им потребуется большая. Сложившаяся обстановка способствовала нам — 6-я понтонная бригада находилась в распоряжении генерала Коротеева, то есть совершала маневр вдоль фронта. А от него до 13-й армии генерала Пухова было рукой подать. В случае необходимости можно быстро перебросить 6-ю понтонную бригаду туда. Об этих возможных изменениях я поставил в известность генерала Жадова и полковника Подолынного.

Вскоре к нам приехал Берзин. Я решил отправиться вместе с ним в 52-ю армию для уточнения боевых задач на ближайшие два-три дня. И вот мы уже на месте. Начальник инженерных войск полковник Глезер проинформировал нас, что войска левого фланга армии вышли на Одер юго-восточнее Бреслау. Передовые батальоны двух дивизий 73-го корпуса уже форсировали реку. Несколько позже подошли главные силы этих соединений и вместе с артиллерией переправились по трем усиленным ледовым переправам на западный берег. Переходы по льду подготовили саперы 58-й армейской инженерно-саперной бригады полковника П. И. Пензина и три батальона 23-й штурмовой инженерно-саперной бригады полковника Корявко. Теперь эти бригады производили заготовку лесоматериалов для строительства двух низководных мостов: армейские саперы — 16-тонного, [247] 23-я штурмовая бригада — 30-тонного. Готовность мостов: первого — к 27 января, второго — к 28 января.

Я предложил Глезеру соорудить еще один 60-тонный низководиый мост у южной окраины Раттвица силами 15-го и 135-го понтонных батальонов бригады полковника Берзина,

которые были уже на подходе. Глезер был рад такому предложению. Обрадовался он и тому, что их армия получает на усиление 6-ю понтонную бригаду. Об этом я также сказал и командарму Коротееву, попросил его кратко ознакомить меня с обстановкой, что он охотно сделал. Две дивизии армии заняли плацдарм. Сейчас готовятся к переправе другие соединения для расширения плацдарма по фронту и в глубину.

27 января вечером по ВЧ я докладывал маршалу Коневу о положении дел с форсированием Одера. Доложил, что у Коротеева на плацдарме, занятом 78-м стрелковым корпусом, имеются два 60-тонных и один 16-тонный низководный мост, три усиленных ледовых переправы. Маршал приказал немедля 6-ю понтонную бригаду направить в 13-ю армию для обеспечения действий 4-й танковой армии, ну и, конечно, войск генерала Пухова, наступающих на Штейнау и правее 3-й гвардейской армии. Там создалась благоприятная обстановка для форсирования Одера.

3-я понтонная бригада переподчинялась 52-й армии. Из полученных мною указаний командующего можно было понять, что центр тяжести наступательной операции переносится на правый фланг фронта.

Утром 28 января, отдав все необходимые распоряжения, мы с оперативной группой поехали из штаба 5-й гвардейской армии в 13-ю армию, где в данный момент происходили главные события. Штаб ее располагался в Шпроппене.

Приехав туда, мы сразу направились к начальнику штаба армии генералу Г. К. Маландину. Он информировал нас об обстановке на переправах. В ночь на 28 января снесен мост южнее Штейнау.

— Других тяжелых переправ у нас нет, — с огорчением сказал Герман Капитонович. — Дела наши осложнились.

— Теперь поправятся, — заметил я. — Со мной прибыли два понтонных батальона. У генерала Лелюшенко есть свой штатный батальон. На подходе еще четыре батальона. Семь батальонов на армию. По-моему, хватит.

— О, с этим уже можно воевать! — улыбаясь, произнес Маландин.

В штаб в это время подошел начинж генерал А. Н. Варваркин [248] и доложил, что 25-й понтонный батальон уже прибыл в армию и направился в Тарксдорф.

Таким образом, когда изменилось направление главного удара фронта, командующий сразу же начал перебрасывать туда дополнительные силы, в том числе понтонные средства. Это был редчайший случай крупного оперативного маневра инженерными

войсками. Основную роль в нем играли 6-я и 3-я понтонные бригады Берзина и Соколова.

27 января в 4-ю гвардейскую танковую армию на усиление прибыл 159-й понтонный батальон подполковника П. В. Скорохода. Это позволило начинжу полковнику Варваркину организовать переправу всех танков армии. Генерал Варваркин доложил также о том, что противник сделал сброс воды, и в Тарскдорфе снесло низководный мост. Это тот мост, о котором говорил Маландин.

— Поехали туда следом за 25-м понтонным батальоном, — предложил я А. Н. Варваркину.

Уже стемнело, когда мы нагнали батальон. Наступила ночь, ярко светила луна. Морозило. На Одере шел бой, ухали пушки, слышалась отдаленная автоматная и пулеметная стрельба. Остановив батальон неподалеку от реки, мы с Варваркиным отправились к пункту переправы, откуда доносились удары топоров и дизель-молота. Саперы забивали сваи. Строили новый низководный мост. Уже были готовы два пролета.

К нам подошел полковник Корявко и доложил, при каких обстоятельствах был снесен низководный мост. В результате сброса воды уровень ее поднялся на 1,5 м, лед вздыбился, под его напором начали рушиться опоры. Чтобы спасти мост, саперы по торосам бросились к опорам, но это опасно — люди проваливаются.

— Иван Порфирьевич, а вы, случайно, не провалились? Вы сами весь мокрый.

— Было дело, — признался Корявко. — Хорошо, что поблизости оказались саперы, помогли выбраться, а то бы конец — глубина здесь метров пять.

— Немедленно идите обсушитесь.

Мы вместе с Корявко направились в его «штаб-квартиру» — брошенный хозяевами домик. Иван Порфирьевич быстро переоделся, и мы стали обсуждать создавшееся положение. А оно было нелегким. Саперы работали без отдыха уже вторые сутки, никто еще не спал, ели на ходу. Один мост снесло, они тут же взялись за постройку второго.

— Железные люди, — с гордостью сказал Корявко. Я предложил Варваркину усилить бригаду Корявко двумя [249] инженерно-саперными батальонами из армейской инженерной бригады Куницына. Начинж тут же отдал такое распоряжение.

По данным инженерной разведки, севернее Штейнау Одер был свободен ото льда. Поэтому было решено 25-й понтонный батальон направить в район Хохбаушвица и там составить тяжелые паромы для переправы танков. Здесь же, в Таркскдорфз,

интенсивно продолжать строительство нового низководного моста, чтобы завтра во второй половине открыть по нему движение.

— А теперь давайте обсудим, где и что будем строить в ближайшие дни, — сказал я.

После короткого обмена мнениями решили включить в план строительство низководных мостов: в районе Боршена — 60-тонного, вместо разрушенного паводком, в Тарксдорфе, в Вальдгейме — 16-тонных понтонных мостов и одного 60-тонного парома. Это будет первоочередное строительство.

Для уточнения вопросов дальнейшего развития переправ мы с Варваркиным отправились к командующему 13-й армией генералу Пухову. Варваркин доложил ему о положении дел с обеспечением форсирования Одера переправами, о намеченном строительстве переправ на ближайшие 2–3 дня, начиная с 28 января. Два понтонных батальона уже прибыли в армию и получили боевую задачу. Завтра подоспеют остальные четыре понтонных батальона. Они будут направлены на строительство мостов.

— Хорошо было бы восстановить взорванный немцами железный мост в Штейнау. Через него идет наша главная магистраль подвоза, — высказал свое пожелание Пухов.

— Николай Павлович, надо скорее овладеть Штейнау, — заметил я, — тогда все встанет на свои места. Сейчас мост находится под жесточайшим обстрелом, и восстановить его просто невозможно.

— В ближайшие два дня Штейнау будет взят, — сказал командарм.

— Вот тогда и мы развернемся.

От командарма мы направились в штаб инженерных войск армии, где вновь завели разговор о переправах в 13-й армии.

— Александр Николаевич, — обратился я к Варваркину, — а что у вас сейчас делают дорожные части армии?

— Они готовятся к восстановлению железного моста у Штейнау.

— По-моему, им можно было бы поручить соорудить хотя [250] бы один низководный мост. Договоритесь с начальником дорожного отдела армии полковником Тимофеевым. Он, наверное, согласится.

— Это было бы очень здорово. Сейчас же позвоню, — сказал Варваркин.

Он тут же связался с Тимофеевым. Как я и ожидал, тот без колебаний взялся построить 60-тонный мост у Воршена, севернее Тарксдорфа.

Утром 29 января я вместе с генералом Варваркиным выехал на переправы, чтобы на месте ознакомиться с обстановкой. В районе Воршена строительство 60-тонного низководного моста шло полным ходом. В Таркдорфе батальоны бригады Корявко продолжали строительство такого же моста. Шуга на реке за ночь смерзлась, уже можно было передвигаться по льду. К тому же наши части, действующие на плацдарме, продвинулись вперед, и враг больше не мог обстреливать наши переправы. Однако его авиация все еще наведывалась к мостам. Саперы начали чаще ставить дымовые завесы. Это помогало.

Вот и во время нашего разговора с Корявко на переправе раздался звук сирены — воздушная тревога. Несколько самолетов противника на небольшой высоте со страшным воем и свистом пронеслось над нами, поливая переправы свинцом из крупнокалиберных пулеметов. Но все обошлось благополучно, как говорят, отделались легким испугом. Откровенно говоря, все произошло так быстро, что мы даже не успели испугаться.

Выйдя из укрытия, я обратил внимание на дот, расположенный на левом берегу, неподалеку от реки. Он грозно поглядывал на нас своими черными глазницами-амбразурами. Я обратил внимание генерала Варваркина на этот дот. Он сначала не понял, в чем дело. Пришлось напомнить, что захваченные нами доты могут снова оказаться в руках гитлеровцев, ведь линия ожесточенных боев не так уж далеко. Поэтому надо их привести в негодность.

— Об этом я как-то не подумал, — сказал Варваркин.

Он приказал немедленно разрушить доты, и в первую очередь те, которые стоят в непосредственной близости к реке. Саперы быстро выполнили приказ. Для взрыва дотов они использовали немецкие противотанковые мины, снятые тут же, неподалеку от Одера. О своем решении разрушить доты я доложил маршалу Коневу. Он его одобрил и обещал незамедлительно дать такое распоряжение командующим армиями. В свою очередь наш штаб дал специальные указания начинжам армий по этому вопросу. [251]

Из бригады полковника Корявко часов в пять мы проехали в Кёбен. Там был наведен 159-м понтонным батальоном Скорохода 45-тонный понтонный мост. Генерал Лелюшенко переправлял по нему 10-й танковый корпус. Командарм стоял на понтоне прибрежного парома и размахивал флажком. Переправа шла довольно интенсивно и организованно.

3 февраля меня срочно вызвали в штаб фронта. Командующий проводил совещание по Нижне-Силезской операции. На нем присутствовали командующие армиями

генералы В. Н. Гордов, Н. П. Пухов, Д. Д. Лелюшенко, А. С. Жадов, Д. Н. Гусев, К. А. Коротеев, В. А. Глуздовский и командующий артиллерией фронта генерал Н. Н. Семенов, командующий БТМВ фронта генерал Н. А. Новиков, командующий воздушной армией генерал С. А. Красовский, начальник связи генерал И. Т. Булычев. На совещании заслушивалось решение командующего маршала И. С. Конева по проведению Нижне-Силезской наступательной операции, являющейся продолжением Висло-Одерской операции. Для ее осуществления создавались группировки войск: на плацдарме севернее Бреслау — ударная группировка в составе 3-й гвардейской, 13, 52 и 6-й общевойсковых армий, а также 3-й гвардейской и 4-й танковых амрий; на плацдарме южнее Бреслау сосредоточивались 5-я гвардейская и 21-я армии с двумя приданными им танковыми корпусами; на левом крыле фронта — группировка в составе 59-й, 60-й армий и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса.

Нанесение главного удара планировалось с двух крупных плацдармов на Одере, находившихся севернее и южнее Бреслау, с целью разгромить группировку врага в Силезии и после выхода на рубеж реки Нейсе занять выгодные исходные позиции для ударов на берлинском, дрезденском и пражском направлениях.

Начало наступления — 8 февраля.

Вернувшись к себе в штаб, я проинформировал полковника Слюнина о решении командующего по Нижне-Силезской наступательной операции.

При распределении инженерных и понтонных частей мы учитывали, что в полосе наступления главной группировки на берлинском направлении имелись реки Бобер, Квейс, Нейсе и Шпрее, а в оперативной глубине — Эльба. Однако ее вряд ли придется форсировать. Наиболее серьезной рекой была Нейсе, которая имела весьма ограниченное количество танковых бродов. Зато на Шпрее они имелись в изобилии.

В центре полосы наступления от меридиана Любен — Легница и далее до самой Эльбы простирается огромный [252] лесной массив со множеством озер разной величины и болот. Этот массив пересекают шоссе, идущие на запад. Здесь мы могли встретить мощные инженерные и минновзрывные заграждения противника. Поэтому за передовыми отрядами должны двигаться сильные отряды разграждения, имея впереди инженерную разведку.

Армии левого крыла фронта — 59-я и 60-я, наступающие по северным скатам Судетских гор, было необходимо надежно прикрыть инженерными заграждениями, особенно в направлении на Бреслау, чтобы воспретить возможность деблокировки

крепости. Эту задачу помимо армейских частей должна выполнить 42-я отдельная моторизованная инженерная бригада. Ее требовалось усилить еще двумя инженерно-саперными батальонами 53-й инженерно-саперной бригады.

Все эти меры позволят надежно обеспечить левое крыло фронта.

Наш штаб принялся отрабатывать уточненный план инженерного обеспечения операции. К вечеру он был готов, согласован с начальником штаба фронта, доложен маршалу Коневу. Одновременно я проинформировал командующего о состоянии переправ на Одере на 1 февраля. В полосе главной группировки войск фронта действовало семь 60-тонных низководных мостов и два понтонных.

Командующий был удовлетворен моим докладом, но высказал опасение, что гитлеровцы повторят пуск воды и снова разрушат переправы. Я заверил, что при любых условиях наши понтонеры и саперы, находящиеся на Одере, обеспечат переправу войск. Не далее чем через четыре-пять дней в Штейнау будет силами дорожных частей фронта восстановлен высоководный железный мост. Он значительно улучшит наши возможности.

Маршал Конев утвердил наш план и разрешил выехать 4 февраля на Одер.

Утвержденный план я передал начальнику штаба и приказал без промедления сделать из него выписки и направить начинжам армий.

— Иван Павлович, только что получена телеграмма генерала Воробьева. К нам направляется 22-я гвардейская моторизованная штурмовая инженерно-саперная бригада, — доложил Слюнин.

— Когда она прибудет? — поинтересовался я.

— Двадцатого февраля.

— Поздновато, как говорят, под занавес. Когда прибудет, тогда в зависимости от обстановки и решим, куда ее направить. [253]

Разговаривая со Слюниным, я невольно подумал, как разбогател наш фронт, да и не только наш. Он имел теперь три штурмовые инженерно-саперные бригады, одну моторизованную инженерную и две понтонно-мостовые. Всего шесть бригад, не считая пяти отдельных батальонов фронтового подчинения. Кроме того, в армиях имелось по одной инженерно-саперной бригаде, да в корпусах и дивизиях по саперному батальону. Это огромная инженерная сила. А с чего начинали войну? 201 инженерно-саперный батальон, да и те были на строительстве укреплений западных государственных границ. А сегодня в действующей армии 1129 батальонов. Инженерных бригад до

войны вовсе не было. Теперь же их 109 {35}. И все это результат деятельности Коммунистической партии, Советского правительства, их постоянной заботы о Красной Армии.

Чего я все время опасался, то и произошло. В день наступления паводком были снесены почти все мосты. Фашисты в очередной раз спустили воду в Одер из водохранилища Отмахау. Осталось два моста — высоководный в Штейнау и низководный в Мальче — и несколько паромов. На Одере началось массовое торошение льда. Всех нас это потрясло, хотя мы были готовы ко всему. Строительство и наводка понтонных мостов исключались — они бы не удержались. На наше счастье, к назначенному сроку сосредоточение войск на левом берегу было завершено полностью, все необходимое для наступления переброшено. Уцелевшие два моста и несколько паромов позволяли обеспечить части и соединения боевым питанием и продовольствием. К исходу дня 9 февраля прекратилось торошение льда. Поверхность Одера очистилась. Понтонеры без промедления приступили к устройству переправ. На другой день в Цюхене действовали уже комбинированный мост и два тяжелых парома. В Пройхау по моему приказу был быстро наведен 30-тонный понтонный мост. По нему переправился 9-й мехкорпус 3-й гвардейской танковой армии, возвратившийся из Силезии. Вскоре в Штейнау вступил в строй 16-тонный высоководный металлический мост, а в районе Лейбсдорфа сооружался 60-тонный низководный мост 135-м понтонным батальоном майора Игнатенко и 108-м штурмовым инженерным батальоном майора Шумраха. В Мальче начали действовать два легких низководных моста. [254]

Таким образом, с мостовыми переправами положение восстановилось. Наши войска успешно наступали. Оценив обстановку в целом, мм пришли к выводу, что необходимо строить высоководные мосты на основных магистралях, по которым будет осуществляться боевое питание наступающих армий. Согласовав вопрос с начальником штаба Василием Даниловичем Соколовским и начальником тыла Николаем Петровичем Анисимовым, мы решили построить к 20 февраля четыре высоководных моста силами инженерных войск фронта. В Кёбене поручить строительство моста на металлических баржах мостовому отряду 32-го УОСа полковника С. В. Чекалина; в Кёбене — мостовым отрядам 8-го ФУОСа полковника М. А. Ковина, в Олау — 3-й понтонной бригаде Героя Советского Союза генерала Н. В. Соколова и в Штейнау — дорожным частям 13-й армии полковника Тимофеева.

Военный совет фронта утвердил этот план. Мосты через Одер

были построены в срок.

Рассказывая о форсировании Одера, мне хотелось бы еще раз подчеркнуть, что инженерные войска проявили здесь подлинный героизм. В течение семи дней они самоотверженно боролись с врагом и стихией, обеспечив сосредоточение наших войск на левом берегу. Саперы и понтонеры с гордостью говорили: мы штурмовали Одер, а он упорно оборонялся паводком и ледоходом. И все же мы победили его.

Чтобы представить всю эту титаническую борьбу, достаточно привести такие цифры. Переправу обеспечивали 11 понтонных и 18 инженерно-саперных батальонов фронтового подчинения, да еще 28 армейских батальонов. А всего 57. На Одере было построено 102 низководных моста общим протяжением 16 380 м, наведено 46 наплавных мостов длиной 4860 м, оборудовано 17 ледяных переправ длиной 2540 м. За время спуска воды и ледохода было снесено 48 мостов.

Чтобы соорудить 102 низководных моста, потребовалось 32 760 кубометров леса, который нужно было заготовить и переработать в конструкции в предельно короткий срок, а затем перевезти к реке.

К этому следует добавить, что в Висло-Одерской операции инженерные части и соединения искусно применяли минновзрывные заграждения, прикрывая фланги наступающих войск и закрепляя тактически важные пункты. Ими было установлено 346, 6 тыс. противотанковых и 891 тыс. противопехотных мин. Заминирован 191 мост. [255]

На наших минных полях контратакующие части гитлеровцев понесли немалые потери: подорвалось танков и самоходно-артиллерийских установок — 244, бронетранспортеров — 79, автомашин — 215, солдат и офицеров — 4573.

Эти цифры говорят сами за себя.

Но вернемся к Нижне-Силезской операции. Армии правого крыла фронта после 50-минутной артподготовки 8 февраля прорвали оборону противника, за два дня общевойсковые армии продвинулись в глубину на 10–15 км, а танковые — на 30–60 км. 10 февраля они вышли на реку Бобер и овладели городом Легница. К исходу 12 февраля, форсировав Бобер, войска 52-й армии захватили сильный опорный пункт врага Бунцлау. На шоссе неподалеку от этого города высится памятник фельдмаршалу Кутузову, главнокомандующему русской армией в войне с Наполеоном. Он умер в 1813 году в Бунцлау. Ровно через 132 года мы, советские люди, гнали разбитых гитлеровцев по тем же дорогам. Это символично.

В городе Бунцлау побывал и я. Там еще сохранился дом, где

на втором этаже была комната-музей Кутузова. Некоторое время спустя саперы 4-й гвардейской танковой армии под руководством начинжа полковника М. А. Полуэктова на площади в Бунцлау воздвигли Кутузову красивый железобетонный обелиск высотой до 6 м. На нем сделали надпись: «Кутузову — пращуру от правнуков». Так воины Красной Армии отдали дань выдающемуся русскому полководцу.

14 февраля 6-я армия при поддержке 7-го мехкорпуса во взаимодействии с 5-й гвардейской армией окружили Бреслау и осадили его.

На левом крыле фронта 59-я и 60-я армии 22 февраля в соответствии с директивой Военного совета перешли к жесткой обороне и приступили к инженерному оборудованию этого рубежа: на линии иск. Опельн, далее по восточному берегу Одера, Пулау, Рыбник, Зорау. Армейские саперы тут же приступили к минированию перед передним краем и к 25 февраля установили 42 тыс. противотанковых и 50 тыс. противопехотных мин.

Войска правого крыла фронта, выйдя на реку Нейсе к 24 февраля на участке от ее устья до Пенцига, после кратковременных боев перешли к жесткой обороне. Части и соединения, не теряя времени, интенсивно укрепляли занимаемые рубежи, прикрывали их минновзрывными заграждениями.

В конце февраля на 1-й Украинский фронт прибыла 22-я гвардейская штурмовая инженерно-саперная бригада гвардии [256] полковника Павла Федоровича Новикова. Вместе с ним в 1942 году мы воевали на Западном фронте. Тогда он командовал инженерно-саперной бригадой специального назначения. Я хорошо узнал Павла Федоровича, пока он был в моем подчинении. Это организованный и пунктуальный, весьма дисциплинированный командир. Не помню случая, чтобы он в чем-то подвел штаб. Встретились мы с ним как соратники по войне. Я ознакомил Новикова с обстановкой, задачами бригады и направил его к полковнику Слюнину для более детального решения всех вопросов.

Тем временем на нашем фронте наступила вновь оперативная пауза. Но это, как и раньше, был не отдых, а напряженнейшая и трудоемкая работа по инженерному оборудованию занимаемых рубежей, дорог, мостов. К тому же проводились ежедневные занятия по боевой подготовке с полной нагрузкой, без всяких послаблений и условностей.

За время наступательных операций 1945 года инженерные части и соединения, как и все войска фронта, умело громили фашистов. Саперы, понтонеры, минеры успешно обеспечивали наступление войск, всегда находясь впереди, не допуская никаких задержек в преодолении минновзрывных заграждений и водных преград, которых было предостаточно.

Коммунистическая партия и Советское государство по достоинству оценили мужество, отвагу, боевое мастерство воинов инженерных войск, наградив 11193 красноармейцев, сержантов и офицеров орденами и медалями. Награды получили 105 инженерных частей и соединений, из них 15 бригад и 90 батальонов. Почетное наименование было присвоено 2 бригадам и 26 батальонам{36}.

Высокого звания Героя Советского Союза за форсирование Одера были удостоены: полковник И. П. Корявко, майор С. А. Блинников, младший лейтенант П. Н. Жуковский, старший сержант А. Т. Сергеев, сержанты А. П. Енаков, В. С. Чекмосов, П. И. Борисов, В. П. Доброрез, Н. А. Короткий, ефрейторы М. П. Борисов, В. П. Пудников, В. И. Суворов, рядовые М. М. Имаметдинов, С. М. Рубсин, П. М. Сыкало.

Правительственных наград удостоились все начальники инженерных войск армии. В ходе наступления инженерным частям и соединениям 10 раз объявлялась благодарность в приказах Верховного Главнокомандующего. [257]

Весна Победы

Весна 1945 года в разгаре. Последняя военная весна — весна Победы. Каждый из нас страстно хотел дожить до этого светлого дня, но надо было еще добить врага, такого опасного в своей предсмертной агонии. Наш 1-й Украинский фронт вместе с 1-м Белорусским стоял недалеко от Берлина — логова фашистского зверя. Один мощный удар — и падет гитлеровская столица, а вместе с ней рухнет и третий рейх.

Впервые за годы Великой Отечественной войны нам предстояло осуществить инженерное обеспечение форсирования реки с планомерной подготовкой. Это весьма сложный процесс. Раньше мы преодолевали водные преграды с ходу и накопили в этом большой опыт. Между прочим, каждая наступательная операция обязательно сопровождалась форсированием ряда рек с ходу в глубине обороны врага и на широком фронте, причем форсирование проводилось передовыми отрядами, действовавшими впереди наступающих войск. В те места, где они добивались успеха, направлялись основные усилия, захваченный плацдарм расширялся, на него без промедления выдвигались главные силы, которые энергично развивали успех.

Форсирование реки с планомерной подготовкой проводится по-иному. Перед самой атакой обороны противника на заранее разведанных участках каждая часть и подразделение через проходы в минных полях выходит на переправу, форсирует водную преграду под сильным огнем врага и затем по всему фронту атакует его. Переправы наводятся с таким расчетом и в таком количестве, чтобы они могли обеспечить на своих участках переброску главных сил через реку без задержек и нарушения принятой структуры боевых порядков войск, как это было бы в случае отсутствия реки. Дело это нелегкое, требующее самой тщательной подготовки и высокой организованности. А пока мы энергично укрепляли оборону.

При очередном докладе полковник Слюнин информировал

меня о ходе оборонительных работ, устройстве минновзрывных заграждений, прокладке дорог и т. д. В целом график выдерживался. Я поинтересовался, какие вести поступают [258] из окруженного Бреслау. Слюнин сообщил, что там почти непрерывно идут уличные бои за отдельные дома, кварталы, бои тяжелые и упорные. Но главное не в этом. По данным разведки, в районе Рейхентах, Франкенштейн, что в 70 км южнее Бреслау, противник готовит группировку для деблокирования осажденного гарнизона.

Полученные сведения сильно встревожили меня. Ведь в случае удачи фашисты создадут серьезную угрозу глубоким тылам наших армий и фронта в целом, Надо было действовать. Я решил проверить боевую готовность минновзрывных заграждений всей зоны, прикрывающей Бреслау извне в южном и юго-западном направлениях. И принять, если нужно, необходимые меры.

В боях за Бреслау действия инженерных частей и подразделений приобрели первостепенное значение. Огонь и взрыв здесь решали все. Саперы-подрывники и саперы-огнеметчики не только делали проломы в каменных стенах, зажигали дома с засевшими в них гитлеровцами, но и сами смело атаковали врага. Наши саперы в совершенстве овладели трофейным оружием — фаустпатронами, мастерски применяли их для уничтожения пулеметных гнезд и групп пехоты противника, находящихся внутри зданий.

Начинж 6-й армии, окружившей Бреслау, Тимофеев рассказал несколько эпизодов из боевых действий саперов.

Посмотрели мы и результаты действий подрывников и огнеметчиков. Самой высокой похвалы заслуживали их дела. Такого же мнения был и командарм генерал Глуздовский. Когда я делился с ним своими впечатлениями, он сказал:

— Я не представляю, Иван Павлович, что бы мы делали в Бреслау без саперов. Здесь мы ведем ближний бой в самых стесненных условиях. Невозможно подтянуть и по-настоящему развернуть ни живую силу, ни боевую технику. Саперы оказывают огромную помощь своими мощными взрывными и огнеметными средствами. Они в буквальном смысле слова пробивают дорогу пехоте, артиллерии и танкам.

Я рекомендовал генерал-лейтенанту Глуздовскому несколько усилить свои исходные позиции для боя. По основным улицам, в 200–300 м от переднего края, на перекрестках, оборудовать опорные пункты, прикрыть их противопехотными заграждениями. Позади расчистить одну-две поперечные улицы для сообщения и маневра вдоль фронта между опорными пунктами самоходными пушками и танками. Конечно, и орудия и танки должны иметь

заранее подготовленные и замаскированные позиции, с которых они могли бы [259] вести огонь. Это необходимо на случай внезапного прорыва противника.

Командарм обещал вместе с Тимофеевым подработать это предложение. Позже я узнал, что оно было реализовано и дало хороший эффект.

Пробыв еще день в Бреслау, я вернулся в штаб фронта и доложил командующему о результатах своей поездки. Маршал был удовлетворен делами саперов.

От командующего я зашел к генералу армии И. Е. Петрову. Он только что прибыл к нам на должность начальника штаба фронта вместо В. Д. Соколовского, убывшего на 1-й Белорусский фронт заместителем к Г. К. Жукову. Мы встретились с Петровым тепло и сердечно. Дни, проведенные вместе в Севастополе, остались в памяти на всю жизнь.

4 апреля маршал Конев возвратился из Москвы с утвержденным планом наступательной операции. Генерал Петров пригласил меня для ознакомления с этим планом. Как выяснилось, необходимость ускорить подготовку к предстоящему наступлению вызывалась тем, что наши союзники не отказались от мысли при благоприятной обстановке овладеть Берлином раньше нас.

По плану Берлинской операции, 1-й Украинский фронт наступает 16 апреля. Наша задача — разгромить группировку противника в районе Котбуса и южнее Берлина, не позднее 10–12-го дня операции овладеть рубежом Белиц, Виттенберг и далее на юг по реке Эльба до Дрездена.

Командующий маршал Конев решил: главный удар нанести армиями правого крыла фронта в составе 3-й гвардейской (с 25-м танковым корпусом), 13-й и 5-й гвардейской (с 4-м гвардейским танковым корпусом) армий, 3-й и 4-й гвардейских танковых армий. На направлении главного удара предусматривалось использовать также второй эшелон фронта — 28-ю и 31-ю армии. В центре наносится вспомогательный удар силами двух армий: 2-й армии Войска Польского (совместно с 1-м польским танковым корпусом) и правым флангом 52-й армии (во взаимодействии с 7-м гвардейским механизированным корпусом). Они наносят удар на Дрезден с выходом на реку Эльба. Левое крыло фронта — часть сил 52-й армии, 21-я и 59-я армии — переходит к обороне. Начало наступления 16 апреля в 6 часов 50 минут.

Артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью 1 час 45 минут, в том числе 40 минут перед форсированием Нейсе, 60 минут — обеспечение форсирования, 45 минут — на подготовку атаки пехоты и танков за рекой.

Передовые батальоны форсируют реку в 6 часов 55 минут [260] в процессе артподготовки, под прикрытием дымовой завесы. Штурмовые батальоны переправляются через полчаса после передовых батальонов.

На переправу частей первого эшелона планировался 1 час.

Как только они вступят на левый берег, сразу же под прикрытием артиллерийского огня и дымовой завесы с самолетов переходят в наступление.

Перед инженерными войсками фронта ставилась задача надежно обеспечить в инженерном отношении боевые действия главной группировки, особенно при форсировании Нейсе, и Шпрее, помочь армиям центра в наступлении, а армиям левого крыла фронта — в создании жесткой обороны.

Словом, картина для нашего штаба была ясной. Требовалось еще более тщательно подготовиться к операции, в оставшееся время досконально изучить оборону противника и местность, на которой предстояло действовать.

Местность, лежащая в нашей полосе наступления, была на 50 процентов покрыта лесами. По ней протекало множество речушек, имелись озера, немало заболоченных мест, на что особенно надо было обратить внимание. Лес, конечно, являлся серьезным препятствием. Но он в то же время мог использоваться для маскировки войск и как строительный материал, так необходимый для дорожно-мостовых и фортификационных сооружений и многого другого.

Шоссейных дорог было достаточно. В основном они пересекали все имеющиеся здесь леса. Мы не исключали, что противник устроил на них инженерные заграждения в виде мощных заминированных лесных завалов. В целом впереди лежащая местность мало чем отличалась от той, которую мы преодолели в Висло-Одерской наступательной операции. Войска в полной мере освоились с ней, что было весьма положительным моментом.

Что касается обороны противника, то она состояла из трех полос. Главная полоса обороны была хорошо оборудована в инженерном отношении. Она проходила по западному берегу Нейсе. Река имеет ширину до 40 м и глубину до 4 м. Бродов мало. Для танков непроходима.

Промежуточный рубеж находился на полпути к Шпрее, а тыловой — на Шпрее. В отличие от Нейсе Шпрее имела много бродов, и, естественно, для танков была проходима. Нужно заметить, что обе реки по правому и левому берегам имели земляные насыпные валы, ограждавшие их от весенних разливов паводковых вод. Эти валы усиливали реки как противотанковые

препятствия. Все три рубежа были [261] приведены в единую систему и представляли собой мощную зону глубоко эшелонированной обороны.

Наш фронт располагал в основном теми же, что в Висло-Одерской операции, инженерными частями и соединениями. Он лишь пополнился, как я уже рассказывал, 22-й гвардейской моторизованной штурмовой инженерно-саперной бригадой под командованием гвардии полковника Павла Федоровича Новикова. Все инженерные войска фронта и их командиры накопили солидный опыт по инженерному обеспечению наступательных операций с форсированием водных преград.

Основные силы инженерных войск были нами направлены на усиление главной группировки фронта. Но мы должны были обеспечить и действия 6-й армии, которая вела осаду Бреслау. Ее мы усилили 53-й инженерно-саперной бригадой полковника К. П. Ревякина, а 42-я моторизованная инженерная бригада прикрывала Бреслау заграждениями с внешнего фронта окружения.

Я поручил полковнику Слюниию подготовить обоснованный план распределения инженерных частей и соединений, план инженерных мероприятий, вытекающих из решения командующего, предварительно высказав ему свои соображения. Вопросами форсирования решил заняться сам, тем более что по ним нужно было отдельно доложить маршалу Коневу. Дело в том, что по уставу переправа войск начиналась с «Ч», то есть сразу после окончания артиллерийской подготовки. А по решению командующего переправа передовых батальонов и штурмовых батальонов должна была осуществляться в ходе артиллерийской подготовки. Это уже было новшество. Поэтому подготовка десантных средств, и особенно наводка наплавных мостов и сборка низководных мостов, должна происходить буквально через десять минут после начала артиллерийской подготовки. Иными словами, под огнем противника, еще в достаточной степени не подавленного нашей артиллерией. Значит, потребуется прикрытие действий саперов огнем орудий, поставленных для стрельбы прямой наводкой, особенно при сборке мостовых переправ. Для этого необходима помощь командующего фронтом.

В наступлении без форсирования реки саперы пропускают войска в определенном порядке и последовательности: каждый взвод, роту, батарею, дивизион и танки непосредственной поддержки пехоты по заранее проделанным проходам в наших минных полях и в минных полях противника. При форсировании реки с планомерной подготовкой перед саперами стоит уже иная задача. Они должны сперва под ожесточенным [262] огнем врага

устроить переправы для пехоты, артиллерии и танков, а потом на противоположном берегу проделать проходы в минных полях противника и пропустить через них войска. Причем выполнить эту весьма тяжелую работу необходимо в предельно короткие сроки. Тут требуются исключительно четкая и умелая организация дела, тщательно продуманное взаимодействие саперов с наступающими войсками.

Передовые подразделения пехоты атакуют оборону противника в боевом порядке цепью. Для того чтобы на противоположном берегу они смогли быстро развернуться, требуется переправить их на десантных лодках и по штурмовым мостам по всей ширине атакуемого участка.

Остальные стрелковые подразделения и части, артиллерия и танки следуют к переправам по назначенным маршрутам в строго установленное время небольшими колоннами. Через реку они переправляются на паромах и по мостам, специально наводимым для них. Крупные части и соединения переправляются позже и только по мостам.

Следует заметить, что переправа каждого последующего элемента боевого порядка осуществляется после того, как на противоположном берегу захвачен плацдарм или несколько плацдармов, на которых войска могли бы развернуться для боя, не подвергаясь прицельному артиллерийскому обстрелу противника.

Все это нами, инженерными начальниками, и бралось за основу организации инженерного обеспечения форсирования Нейсе и Шпрее.

Итак, передовые батальоны переправлялись на десантных деревянных лодках, а штурмовые батальоны — по штурмовым мостикам и частично на десантных лодках. К 7 часам утра дивизионные саперы собирали легкие паромы грузоподъемностью 3–5 т по одному-два на штурмовой батальон и по одному легкому наплавному мосту для дивизионных грузов.

Силами армейских и фронтовых инженерных батальонов для каждой армии подготавливалось семь мостов наплавных и на жестких опорах. Время на устройство переправ и ввод их в действие устанавливалось такое: наводка штурмовых мостиков — 35–40 минут, сброка легких паромов — 50 минут, наводка легких мостов, понтонных, грузоподъемностью 30–60 т — 2–4 часа, сборка низководных мостов грузоподъемностью 30–60 т — 4–7 часов.

Переправа танковых армий генералов Рыбалко и Лелюшенко планировалась в первый день форсирования по понтонным [263] мостам: передовые танковые бригады — в 11 часов, главные

силы — в 16 часов. К этому времени должны быть подготовлены понтонные и низководные мосты. Инженерное обеспечение ввода в прорыв танковых армий Рыбалко возлагалось на 16-ю штурмовую инженерно-саперную бригаду, а танковой армии Лелюшенко — на 22-ю штурмовую инженерно-саперную бригаду. Форсирование Шпрее обеспечивалось за счет резервирования части десантных и понтонно-мостовых средств, которые на Нейсе не используются, а будут двигаться за наступающими передовыми частями. Кроме того, к утру 17 апреля планировалось снять 80 процентов действовавших на Нейсе понтонных средств и направить на Шпрее.

В тот же день с полковником Слюниным мы уточнили распределение инженерных частей и понтонно-переправочных средств между армиями главной и центральной группировок войск фронта. Армиям главной группировки выделялось по одному легкому понтонному и по два тяжелых понтонных парка, по 300–600 десантных лодок, по 7 комплектов сборных тяжелых низководных мостов, по 7–10 комплектов штурмовых мостиков. Это обеспечивалось за счет фронтовых ресурсов. По имеющимся у нашего штаба данным, всего во фронте заготовлено 2440 десантных лодок, штурмовых мостиков — 750 м, элементов сборных тяжелых мостов — 960 м. Армии главной группировки войск усиливались также 16-й и 23-й штурмовыми инженерно-саперными бригадами и пятью понтонными батальонами из понтонных бригад генерала Соколова и полковника Берзина. Танковой армии генерала Рыбалко придавался 25-й отдельный понтонно-мостовой батальон, а танковой армии генерала Лелюшенко — 159-й отдельный понтонно-мостовой батальон.

Центральная группировка армий усиливалась 23-м отдельным понтонно-мостовым батальоном и 53-й инженерно-саперной бригадой.

Разминирование, восстановление дорог и мостов основных армейских маршрутов в полосе наступления главной группировки возлагалось на 23-е управление оборонительного строительства полковника А. И. Загороднего, 32-е управление оборонительного строительства полковника С. В. Чекалина, а 8-е фронтовое управление оборонительного строительства полковника М. А. Ковина производило оборонительные работы по усилению инженерного оборудования левого крыла фронта, особенно на направлении осажденного нами Бреслау.

Поскольку дно рек Нейсе и Шпрее песчаное, рыхлое и [264] вязкое, от форсирования их вброд мы решили отказаться, колесные машины наверняка застряли бы. Поэтому весь упор сделали главным образом на мосты.

В окончательном виде план инженерного обеспечения и распределения инженерных частей утром 6 апреля был готов. Я согласовал его основные вопросы с генералом армии И. Е. Петровым, а затем доложил командующему. Маршал Конев очень внимательно, даже скрупулезно, рассматривал наш план, вникал буквально в малейшие детали. Это и понятно. Он прекрасно понимал, что от успеха форсирования зависел успех атаки и дальнейшего наступления. Естественно, у него возник ряд вопросов. Его заинтересовало, например, почему нет тяжелых паромов для переправы танков непосредственной поддержки пехоты. Я пояснил, что река неширокая, поэтому составлять паромы нецелесообразно, времени потребуется столько же, сколько на наводку понтонного 30-тонного моста. А его пропускная способность в 7–10 раз больше, чем на паромах. С моими доводами Конев согласился.

— Хорошо, будем танки переправлять по мостам, а где удастся, и вброд, — сказал он. Потом, немного подумав, добавил: — Пехоту усилим восьмидесятипятимиллиметровыми пушками для борьбы с немецкими танками в первые минуты. А там и другая артиллерия и танки подоспеют.

Помедлив, маршал спросил:

— На чем будете переправлять передовые и штурмовые батальоны?

— Передовые батальоны — на десантных лодках, штурмовые — по штурмовым мостикам, а пушки сопровождения пехоты — на трехтонных паромах, — пояснил я.

Зная, что командующий всегда интересуется, чем усиливаются армии главной группировки, не дожидаясь его вопроса, я доложил ему об этом.

— Сила внушительная, — заметил Конев. — А что вы даете шестой армии генерала Глуздовского и армиям левого крыла фронта? Они у нас сильно отстали от правого крыла и центра, около двухсот километров. За ними надо зорко следить.

Я ответил, что на усиление армии Глуздовского выделяется 53-я инженерно-саперная бригада. Кроме того, в ней остается действовавшая ныне 42-я отдельная моторизованная инженерная бригада. Она уплотняет минновзрывные заграждения на направлении Бреслау. На основных направлениях стоят три инженерных батальона в качестве подвижных отрядов заграждения. [265]

Командующий утвердил наш план.

В период подготовки к форсированию Нейсе и Шпрее исключительно большой размах приобрела партийно-политическая работа. Как и в других войсках, в инженерных

частях она была важнейшей составной частью плана операций. И можно без преувеличения сказать, что благодаря целеустремленной, плодотворной партполитработе в войсках постоянно поддерживались высокое морально-политическое состояние, готовность личного состава к выполнению любой боевой задачи, как бы сложна и тяжела она ни была.

Партийно-политическая работа в инженерных войсках проводилась всеми командирами, политработниками, большим отрядом партийных и комсомольских организаций. Направляли ее политотделы бригад, которые, как правило, все время находились со своими частями и подразделениями. Это позволяло им повседневно общаться с воинами, изучать их настроения, нужды, запросы, своевременно оказывать влияние на все стороны жизни и деятельности личного состава. Пользуясь каждой свободной минутой, коммунисты проводили беседы по текущим вопросам, читали сводки Совинформбюро о положении на фронтах, рассказывали о работе тружеников тыла страны, их героических усилиях на заводах, фабриках, в колхозах. Советские люди делали все, чтобы снабдить действующую армию всем необходимым. Это поднимало боевой дух и настроение воинов.

Особенно интенсивный характер партийно-политическая работа принимала с получением боевой задачи. Все рычаги ее тогда приводились в движение. Политорганы, партийные и комсомольские организации тут же стремились довести эту задачу до каждого бойца, разъяснить ее суть и значение. Для этого они использовали самые разнообразные формы и методы работы. Тут и короткие митинги, собрания, выпуск боевых листков, а главное — индивидуальные беседы. В работу включался весь партийный, комсомольский да и беспартийный актив из числа бывалых воинов. Многие воины на митингах, собраниях заявляли: «Хочу идти в бой коммунистом». Это значило быть первым в бою. Ряды партийных организаций росли изо дня в день. Это множило их силы, повышало влияние на личный состав частей и подразделений.

К началу боевых действий каждый сапер знал, что он должен сделать сам и что должно сделать его отделение, взвод и даже рота. Безусловно, это способствовало успешному выполнению поставленных задач.

В бою коммунисты и комсомольцы были в первых рядах, на самых трудных участках. Страстным словом, личным примером [266] они вели за собой воинов. А что может быть более убедительным, чем личный пример? Сила его неизмерима, воздействие огромно. И когда саперы видели рядом с собой политработников, партийных и комсомольских вожаков, они

дрались с фашистами более уверенно, дерзко, мужественно. Обливаясь потом и кровью, саперы и понтонеры делали проходы в минных полях врага, ставили мины перед атакующими фашистскими танками, строили мосты под ожесточенным обстрелом и ударами авиации противника. Воины инженерных войск несли потери, но, воодушевленные коммунистами, ни на секунду не прекращали боевой работы. Они понимали, что каждая минута задержки и опоздания в снятии мин или строительстве мостов может затормозить или сорвать наступление и будет стоить сотни жизней. Они понимали и помнили об этом, работая топором, ручной «бабой», лопатой, перенося на своих плечах тяжелый, почти 200-килограммовый мостовой прогон для укладки на пролет без грузоподъемных средств. Даже раненный, сапер, если ноги еще держали его, продолжал работать, не оставлял поле боя, пока не будет выполнена боевая задача. Взять, к примеру, старшину Андрея Тимофеевича Орленко из 159-го саперного батальона 112-й Рыльско-Коростельской ордена Суворова стрелковой дивизии 13-й армии. Он комсомолец, полный кавалер ордена Славы. Богат список его боевых дел. 8 февраля 1943 года старшина спас Знамя части, когда фашистские танки прорвались к штабу. За этот подвиг он был награжден орденом Славы III степени.

Ровно через год, 8 февраля 1944 года, Орленко действовал в составе 1-го стрелкового батальона 524-го стрелкового полка. В ходе боя подразделение попало в окружение. Все офицеры погибли. Старшина смело взял на себя командование батальоном и вывел его из окружения. За этот подвиг герой получил орден Славы II степени.

Еще через год, 12 января 1945 года, взвод саперов под командованием Орленко отличился при прорыве обороны противника. Он был придан 2-му батальону 524-го стрелкового полка. Несмотря на сильный огонь пулеметов и минометов врага, саперы, мастерски применяя удлиненные заряды, быстро проделали проходы в минных полях, через которые без задержки прошли стрелковые подразделения. Они стремительно атаковали фашистов и прорвались в глубину их обороны. За мужество и отвагу, проявленные в этом бою, Андрей Тимофеевич Орленко был удостоен ордена Славы I степени.

Беспримерный подвиг совершил командир отделения 4-й [267] отдельной гвардейской инженерно-саперной Могилевской Краснознаменной, ордена Кутузова бригады сержант В. М. Счастнов. В ночь на 10 октября 1944 года его отделению была поставлена задача проделать проходы в минных полях и проволочных заграждениях противника. Выполнить ее было

нелегко. От саперов потребовались большая смелость, решительность и высокое мастерство. Фашисты беспрерывно освещали местность ракетами, держали ее под сильным огнем. Саперы двигались осторожно, соблюдая все меры маскировки. Тем не менее гитлеровцы обнаружили их. Раздались пулеметные и автоматные очереди, потом ударили орудия и минометы. Разрывы накрыли воинов. Но саперы продолжали работу. Появились раненые и убитые. Сержант Счастнов получил восемь ранений, однако не покинул поле боя. Ценой огромных усилий Счастнов продолжал выполнять поставленную задачу и снял лично 18 мин. Даже после того как осколком разорвавшейся мины сержант был в девятый раз ранен, и причем тяжело, он, истекая кровью, не перестал руководить работами по проделыванию проходов. Десятое ранение оказалось смертельным. Так, ценою собственной жизни гвардии сержант Счастнов обеспечил успешное выполнение задачи. Саперы проделали проходы для наступающих войск — пехоты, танков, артиллерии.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года гвардии сержанту Счастнову В. М. было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Приказом Народного комиссара обороны СССР герой зачислен навечно в списки личного состава одного из подразделений гвардейской орденоносной инженерно-саперной части Советской Армии.

А сколько известных и еще неизвестных подвигов совершили воины инженерных войск в последующих боях! И это заслуга прежде всего командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций, сумевших мобилизовать личный состав на героические дела. Боевая и политическая подготовка войск на фронте велась в тесном единстве и взаимодействии. Первая вырабатывала высокое мастерство и технику выполнения боевых инженерных задач; вторая воспитывала высокие морально-политические качества — патриотизм, мужество, волю к победе и ненависть к врагу.

В инженерных войсках нашего 1-го Украинского фронта, как и других фронтов, было множество замечательных политработников, партийных и комсомольских организаторов, искусных воспитателей людей, которые вкладывали в партполитработу все свои знания, умение, мастерство, душу. Всех [268] их не перечислить. Назову лишь некоторых из них. Это замполиты 3-й понтонной бригады подполковник А. В. Бражников, 6-й понтонной бригады подполковник В. Ф. Ульянов, 16-й штурмовой инженерно-саперной бригады подполковник И. И. Соловьев, 23-й штурмовой инженерно-саперной бригады

подполковник П. А. Хилькевич, 22-й гвардейской штурмовой инженерно-саперной бригады майор Н. В. Карнеев, 17-го гвардейского штурмового инженерно-саперного батальона майор Г. С. Тихонов, 5-го гвардейского инженерно-саперного батальона майор П. Л. Киселев и другие. Все они заслуживают самой высокой похвалы...

За два дня до наступления саперы сняли минные поля перед нашим передним краем обороны. Инженерные и понтонные части вышли и расположились в своих пунктах сосредоточения для устройства переправ, десантных, паромных, наплавных мостов и элементов сборных низководных мостов. Установили связь по всем направлениям с подразделениями и частями, которые они обеспечивают переправами.

В ночь на 16 апреля 1945 года группы по проделыванию проходов в минных полях противника сосредоточились и разместились в траншеях со штурмовыми подразделениями пехоты и передовыми батальонами.

С разрешения командующего фронтом я со своей оперативной группой во главе с подполковником Панковым отправился в 3-ю гвардейскую армию генерала Гордова руководить подготовкой мостовых переправ для танковых армий генералов Рыбалко и Лелюшенко и контролировать ход переправы. Это приказ маршала Конева. Уезжая, поручил начальнику штаба непрерывно следить за действиями армий и за обороной левого крыла фронта, информировать меня о всех изменениях. В полночь приехали на место. Остановились в землянке начинжа генерала А. Н. Гусева, где и заночевали.

Перед рассветом вместе с генералом Гусевым отправились на КП армии. Там уже находились командиры 6-й отдельной понтоино-мостовой бригады полковник Я. А. Берзин и 16-й штурмовой инженерно-саперной бригады полковник Б. К. Кордюков. Часть батальонов этих соединений была придана на усиление 3-й гвардейской армии, Берзин обеспечивал наводку 60-тонного понтонного моста для переправы танковой армии Рыбалко, наступающей на этом участке, а Кордюков наводил два 9-тонных моста из легкого парка для 3-й гвардейской армии. [269]

В помещении, освещенном электрическим светом от вижной автомобильной электростанции, стояли два сколоченных саперами стола. На одном из них разместили телефоны и расстелили схему крупного масштаба. На этой схеме были нанесены все переправы через Нейсе, которые наводились в полосе 3-й гвардейской армии. Причем указывались места и грузоподъемность, время начала строительства, готовность

переправы, ответственные исполнители, коменданты переправ.

Близилось время артиллерийской подготовки. То и дело поглядываем на часы. Время тянулось архимедленно. Но вот стрелки показали 6 часов 15 минут, и тут же раздался оглушительный залп тысяч орудий и минометов. Грохот усиливался, нарастал, сотрясая все вокруг. На каждый километр фронта приходилось около 270 орудий и минометов. Огромная, всесокрушающая сила! Мы пытались что-то сказать друг другу, но слова утопали в несмолкающем гуле. Объяснялись, как глухонемые, жестами и мимикой.

40 минут наша славная артиллерия — бог войны — во всю мощь молотила главную полосу обороны врага от переднего края на всю ее глубину. Под удар попали и оперативные резервы противника. В добавление к артиллерии с воздуха нещадно крушила фашистов авиация генерал-полковника С. А. Красовского.

Согласно плану в 6 часов 55 минут под грохот канонады началась переправа передовых батальонов пехоты. В это время наши самолеты поставили плотную дымовую завесу на несколько десятков километров. В пункте переправ химики поставили дополнительно дымовую завесу, которая, сливаясь с воздушной, скрывала работу саперов и понтонеров по устройству переправ от наблюдения врага.

Вскоре поступили первые сообщения о действиях саперов. Спустив десантные лодки на воду, они быстро переправились через реку и вместе с передовыми батальонами высадились на противоположном берегу. Группы разграждения с ходу приступили к проделыванию проходов в минных полях противника, установленных в прибрежной полосе. Решительной атакой советские воины захватили небольшой плацдарм на Нейсе. Через 30 минут по штурмовым мостикам, наведенным саперами, на помощь передовым батальонам поспешили штурмовые батальоны пехоты. Вместе с передовыми батальонами они устремились в проходы в минных полях врага и в короткий срок заняли первую и вторую траншеи. Вслед за пехотой на западный берег двинулись [270] артиллерия и танки. На легких паромах переправлялись 85-мм орудия сопровождения; часть танков, поддерживающих пехоту, преодолела реку вброд. Сила нашего удара нарастала с каждой минутой.

. Не мешкая, саперы приступили к строительству низководных и наводке легких наплавных мостов, понтонеры — к наводке тяжелых понтонных мостов, Враг подвергал ожесточенному обстрелу районы наших переправ, но не мог остановить работу. Как и в предыдущих сражениях, воины-саперы

демонстрировали чудеса героизма. Приведу лишь некоторые примеры.

В первые же минуты боя отличилось отделение младшего сержанта Кухтина из штурмовой инженерно-саперной бригады. Переправившись с передовыми подразделениями пехоты на противоположный берег, саперы с ходу приступили к проделыванию прохода в минном поле противника. Умело маскируясь в складках местности, прикрываясь дымами, передвигаясь где по-пластунски, а где короткими перебежками, воины сняли мины в полосе шириной до 150 м и обозначили границы минного поля белой лентой.

В этот проход незамедлительно ринулись подразделения передового батальона. Однако ворваться в первую траншею им не удалось. Плотным огнем из пулеметов и автоматов гитлеровцы прижали советских воинов к земле. Тогда саперы по приказу младшего сержанта Кухтина поставили дымовую завесу и под ее прикрытием устремились к траншее. За ними бросились стрелки. Не выдержав нашего удара, противник начал отходить.

Взвод саперов младшего лейтенанта Ветрова получил задачу переправить через Нейсе штурмовой батальон пехоты. В его распоряжении были только лодки. На них батальон быстро не переправишь. Нужны еще какие-то плавсредства, Подойдя вплотную к реке, Ветров заметил на берегу противника замаскированный штурмовой мостик. Офицер приказал саперам Обдулову и Хабарову захватить этот мостик и причалить к нашему берегу. Бойцы незаметно перебрались через Нейсе и быстро доставили мостик к нашему берегу. Саперы навели его через реку и переправились на противоположный берег. Захватив там небольшой плацдарм, они удерживали его до тех пор, пока пехота не переправилась на лодках и по штурмовому мостику.

5-му гвардейскому штурмовому инженерно-саперному батальону майора П. Н. Чапана, действовавшему в полосе 5-й гвардейской армии, была поставлена задача построить низководный мост через Нейсе. Командир заранее четко организовал [271] подвоз элементов моста на повозках и автомобилях. Строительство переправы началось в 7 часов 30 минут под интенсивным артиллерийско-минометным и пулеметным огнем противника. Однако поставленная дымовая завеса сильно мешала гитлеровцам вести прицельный огонь и сорвать работу саперов. Ловко орудуя инструментами, проявляя выдержку и дисциплинированность, саперы раньше указанного срока закончили строительство переправы. В 9 часов 50 минут мост был готов, и по нему открылось движение боевой техники.

По всему фронту наступления шла напряженная работа по

наводке наплавных и сборке низководных мостов. Враг стремился во что бы то ни стало уничтожить переправы, остановить продвижение наших войск на левый берег. Он обрушивал на мосты и переправы шквал огня. Река вздымалась от взрывов мин, снарядов и авиабомб. Столбы воды поднимались на большую высоту и с оглушительным шумом опускались на десантные лодки, паромы, управляемые отважными саперами. От ударов воды перевертывались утлые суденышки, опрокидывая в кипящую от разрывов реку десантников. Саперы в ту же минуту шли им на выручку, помогая выбраться на берег. Мужеству саперов не было границ. Всеми ими владела одна мысль — в кратчайшие сроки, без всяких опозданий дать наступающим войскам переправы через Нейсе, ибо от этого во многом зависел успех действий наших войск на левом берегу.

Непрерывно росло количество переправ. Наводка наплавных и строительство низководных мостов шли полным ходом. Начинж 5-й гвардейской армии полковник Подолынный докладывал, что 17-я шисбр майора Н. А. Дмитриева наводит одновременно два 9-тонных моста из парка НЛП. руководит работами сам командир. Еще 15 апреля понтонное имущество саперы сосредоточили в 150 м от Нейсе. Понтоны были зарыты в землю и замаскированы. Личный состав укрылся в отрытых щелях. В начале наступления этот район подвергся сильному артиллерийско-минометному обстрелу врага. Однако батальон не пострадал. В назначенное время он с новой силой и энергией приступил к наводке переправ. Понтонеры быстро вводили в линию мостов понтоны, без промедления подносили и укладывали на них стальные прогоны, затем настил и колесоотбои. Противник вел непрерывный обстрел. Несколько человек получили тяжелые ранения. Появились убитые. Взрывами снарядов были сильно повреждены пять понтонов. Дмитриев решил два ближайших к берегу понтона заменить равными опорами, [272] которые тут же начали изготовлять из имеющихся материалов. Три понтона удалось восстановить. Мост был наведен за 50 минут. Это намного меньше установленного норматива.

Тяжелое испытание, как докладывал мне генерал Варваркин, выпало на долю 23-го понтонного батальона майора А. П. Тихонова, приданного 13-й армии. Он получил задачу навести 30-тонный мост для переправы 4-й гвардейской танковой армии в районе Бараша. При выдвижении к реке понтонный парк подвергся сильному артиллерийскому обстрелу врага. Батальон понес серьезные потери в личном составе и переправочных средствах. Осколками снарядов было повреждено восемь полупонтонов. И тем не менее майор Тихонов, быстро устранив

повреждения, навел мост к установленному сроку.

Ночь вступила в свои права. Темнота окутала землю. Но наступление наших войск продолжалось. Они неудержимо рвались вперед, тесня противника к Шпрее.

К утру от наших офицеров, находящихся в армиях главной группировки, мы получили свежие данные. На Шпрее двинулось 8 понтонных и 25 инженерно-саперных батальонов, завершивших строительство низководных мостов. На Нейсе на каждую армию осталось по четыре 3–5-тонных наплавных моста, по четыре низководных 30–60-тонных моста. Обеспечивали их работу по два инженерно-саперных батальона. Так что наступающие армии имели в своих тылах надежные мостовые переправы.

Теперь можно было подвести некоторые итоги той огромной работы, которую проделали инженерные войска при форсировании Нейсе. За один первый день они навели 133 переправы, в том числе низководных мостов на жестких опорах — 28; наплавных мостов — 17, паромов легких — 10; соорудили десантных пунктов переправы — 42, штурмовых мостиков — 43; оборудовали бродов для танков — 15{37}. Маршал И. С. Конев пишет об этом так: «Успеху форсирования Нейсе мы были обязаны энергичной и самоотверженной работе инженерных войск. Велик был их героический труд... Форсирование... целиком легло на плечи инженерных войск фронта»{38}.

Утром 17 апреля была получена телеграмма от командующего, адресованная мне, начинжам 3-й, 5-й гвардейских и [273] 13-й армий Гусеву, Варваркину и Подолынному, а также командирам понтонных бригад Берзину и Соколову, следующего содержания:

«На путях наших войск к Берлину последняя водная преграда Шпрее. Приказываю:

1. Всем рядовым, сержантам, офицерам инженерных войск фронта обеспечить быстрое и организованное форсирование р. Шпрее нашими войсками. Главное — быстрейшая переправа танков армий Рыбалко и Лелюшенко.

2. Подтянуть ближе к войскам переправочные средства. Направить напор и изобретательность героических саперов нашего фронта на быстрейшее преодоление р. Шпрее. Родина ваших героических дел не забудет.

3. Саперы! Смелее и решительнее штурмуйте последнее водное препятствие на пути к Берлину, открывайте безостановочный путь нашим войскам на Берлин.

4. Приказ довести до всех инженерных войск армий и всего рядового и офицерского состава.

Командующий войсками 1-го Украинского фронта Маршал

Советского Союза Конев.

Член Военного совета фронта генерал-лейтенант Крайнюков»{39}.

Этот приказ инженерные войска восприняли с величайшим энтузиазмом. Он воодушевил их на новые героические дела. Не жалея сил, саперы и понтонеры усиленно выполняли поставленные перед ними задачи.

Тем временем войска фронта продолжали успешно вивать наступление. К концу дня 17 апреля соединения первого эшелона 5-й гвардейской и 13-й армий прорвали вторую полосу обороны противника и устремились к Шпрее. Впереди передовых отрядов на широком фронте действовала армейская инженерная разведка, прокладывая путь войскам. Она вскрывала на маршрутах минновзрывные заграждения, завалы, находила разрушенные мосты. Все эти данные сообщала передовым отрядам и штурмовым батальонам пехоты, помогая быстро преодолевать встречающиеся препятствия.

Выйдя на Шпрее, инженерная разведка в короткий срок отыскала броды, удобные участки для пунктов переправ, встречала и направляла сюда наступающие части и подразделения.

Инженерные части, следующие за передовыми отрядами [274] и перед штурмовыми батальонами, расширяли проходы в минных полях врага, в завалах, устраивали объезды у взорванных мостов и участков дорог, устанавливали знаки, провешивали основные маршруты, чтобы обезопасить двигающиеся колонны наступающих войск от подрыва на минах и фугасах.

К исходу дня 17 апреля передовые части танковых армий генералов Рыбалко и Лелюшенко подошли к Шпрее, а уже ночью их главные силы по наведенным мостам форсировали реку, вырвались на оперативный простор и двинулись в общем направлении южнее Берлина. В последующем события развивались, как в калейдоскопе. 13-я армия вышла на Шпрее в 8 часов 18 апреля. Ее 172-я и 6-я гвардейские стрелковые дивизии начали переправляться на западный берег. К 16 часам в полосе 13-й армии переправились танки непосредственной поддержки пехоты и передовые отряды 3-й гвардейской армии. В ночь на 18 апреля маршал Конев по приказу Верховного Главнокомандования повернул 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии на Берлин для совместных действий с войсками 1-го Белорусского фронта по овладению столицей третьего рейха.

13-я армия генерала Пухова, наступавшая в центре главной группировки фронта, 18 апреля полностью переправилась через Шпрее и продолжала наступление в западном направлении.

Действующие правее нее 3-я гвардейская армия генерала Гордова, левее — 5-я гвардейская армия генерала Жадова вели ожесточенные бои на флангах в районе Котбуса и Шпремберга. Здесь сосредоточились крупные группировки войск противника, которые оказывали упорное сопротивление.

Хотя Шпрее удалось форсировать сравнительно легко, но и здесь пришлось немало поработать саперам. Только на участке 13-й армии было наведено два понтонных моста грузоподъемностью 30 и 60 т и один мост из парка НЛП. Был собран низководный 30-тонный мост на рамных опорах. Пропускная способность этих переправ составляла 1 тыс. танков или около 3 тыс. автомашин в час. Кроме того, саперы оборудовали 20 бродов.

В течение же трех дней переправы на Шпрее было построено 10 низководных мостов, восстановлено 3 моста, наведено 20 штурмовых мостиков и 20 наплавных мостов. Интенсивность переправы войск через Шпрее обеспечивалась с большим запасом.

С форсированием Нейсе и Шпрее завершился прорыв трехполосной сильно укрепленной, хорошо оборудованной [275] в инженерном отношении обороны врага на всю ее тактическую глубину, С первого дня наступление шло непрерывно и в высоких темпах. Этого удалось достигнуть благодаря своевременному и в массовом количестве наведению переправ через водные преграды. Причем при форсировании рек мы стремились не нарушать боевые порядки наступающих войск, организовать и поддерживать четкое взаимодействие инженерных частей с пехотой и артиллерией, танками.

Маршал Советского Союза И. С. Конев в книге «Записки командующего фронтом 1943–1945», характеризуя особенности этой операции, писал: «Мне, во всяком случае, впервые за время Великой Отечественной войны пришлось без всяких пауз форсировать реку и сразу вслед за этим прорывать оборону противника с хорошо развитой системой огня, инженерных сооружений, укреплений и минных полей; затем прорывать вторую полосу обороны и третью — опять-таки с форсированием реки. Думаю, что этот единый сплошной процесс развития операции заслуживает внимания с точки зрения оперативного искусства»{40}.

Сказано очень убедительно. Слова командующего фронтом являются подтверждением правильности осуществленной на нашем фронте практики форсирования рек и ведения боевых действий в высоких темпах. Это было впервые достигнуто в крупной стратегической операции. Мы с честью выдержали строжайший экзамен на зрелость.

Но вернемся к Берлинской операции. События на фронте продолжали развиваться. Танковые армии стремительно наступали: 3-я — на Берлин, 4-я — на Потсдам, охватывая фашистское логово с запада. 20 апреля 6-й танковый корпус 3-й гвардейской танковой армии захватил Барут и вторгся в глубину Цоссенского укрепленного района, где размещался гитлеровский генеральный штаб.

Развивая наступление, танковые соединения 3-й и 4-й гвардейских танковых армий 20 апреля достигли внешнего оборонительного обвода Берлина с юга и юго-запада. В этот день была разгромлена шпрембергская группировка немцев. Но борьба за Котбус, который оставался в тылу наших войск, еще продолжалась. На направлении главного удара, наносимого танковыми армиями, имелось три оборонительных рубежа, прикрывающих подступы к Берлину. Внешний обвод на дальних подступах проходил по реке Нотте, второй — в предместье Берлина по каналу Тельтов, [276] третий прикрывал центральный район по железнодорожному кольцу, опоясывающему центр города. Берлин был приспособлен к длительной круговой обороне. Каждый дом, квартал представлял собой крепость, улицы были забаррикадированы, повсюду поставлены фугасы, мины.

21 апреля в состав фронта вошла и была введена в сражение вновь прибывшая 28-я армия генерал-лейтенанта А. А. Лучинского, начальником инженерных войск в ней был генерал-майор инженерных войск А. И. Жиров. Эта армия выходила в район Шоссен, Барут и заполняла разрыв фронта, образовавшийся между армиями генералов Рыбалко и Гордова. Таким образом, была ликвидирована опасность фашистского удара по флангам наших наступающих войск.

22 апреля по указанию маршала Конева на усиление танковой армии генерала Рыбалко мною была направлена 16-я штурмовая инженерно-саперная бригада полковника Б. К. Кордюкова. В течение одной ночи, совершив 100-километровый марш, бригада утром 23 апреля прибыла в район южнее города Тельтов. Днем позже на усиление армии генерала Лелюшенко мы выдвинули 22-ю гвардейскую штурмовую инженерно-саперную бригаду полковника П. Ф. Новикова в район Штансдорф, южнее Потсдама.

Учитывая создавшуюся ситуацию по инженерному обеспечению взятия Берлина, я с разрешения маршала Конева отправился утром 23 апреля в армию П. С. Рыбалко. Павел Семенович ориентировал меня в обстановке. Попытка его танкистов форсировать Тельтов-канал с ходу не увенчалась

успехом.

Все мосты через него были взорваны. Посоветовавшись с Рыбалко, мы пришли к выводу, что канал без подготовки не преодолеешь. Надо подтянуть отставшую артиллерию, понтонно-переправочные средства, тщательно разведать канал, и в частности взорванные мосты, а также оборону противника. Для этой цели дать войскам армии один день. За это время инженерные части сумеют подготовить наводку двух понтонных мостов для переправы танков.

Армия располагала двумя понтонными батальонами, одним легким парком НЛП и 132 десантными лодками. Средств на первый случай вполне достаточно. Рыбалко провел совещание командиров корпусов и бригад, на котором присутствовал и я. Он изложил принятые им решение на наступление с форсированием Тельтов-канала и план боевых действий. Свое решение он также доложил маршалу Коневу, который утвердил его.

После совещания мы с начинжем армии полковником [277] М. П. Каменчуком собрали командиров инженерных частей и бригады: полковника Б. К. Кордюкова и подполковника Р. М. Солдатенко; командиров понтонных батальонов: 25-го — подполковника И. П. Соболева и 126-го — майора Ф. И. Карпунина. Каменчук кратко обрисовал инженерную и тактическую обстановку, дал характеристику канала — ширина его достигала 40 м, глубина до 3 м. Он доложил план инженерного обеспечения форсирования канала. Как установила разведка, по разрушенным мостам противника может быть переправлена пехота с пулеметами. Как только она захватит плацдарм, саперы приступят к наводке понтонных мостов: 30-тонный наводит 126-й понтонный батальон к 13 часам и 45-тонный — 25-й понтонный батальон к 14 часам. Каменчук сказал и об усилении корпусов: 6-му танковому корпусу придавался 30-й штурмовой инженерно-саперный батальон майора Д. А. Ганеева и одна рота ранцевых огнеметов; 7-му танковому корпусу — 79-й штурмовой инженерно-саперный батальон майора В. Е. Упорова, рота ранцевых огнеметов и 62-й отдельный моторизованный инженерный батальон. В резерве Каменчука оставались 25-й и 126-й отдельные понтонно-мостовые батальоны и 182-й отдельный моторизованный. инженерный батальон. Начало наводки понтонных мостов в 11 часов. Готовность — к 14 часам. Понтонные батальоны после наводки мостов сразу же приступают к строительству по одному 60-тонному низководному мосту. Исходное положение занять с наступлением сумерек — в 22 часа.

24 апреля за несколько минут до артиллерийской подготовки Рыбалко вместе с начальником артиллерии и начинжем армии

находился на своем КП, рядом с Тельтов-каналом, на чердаке многоэтажного дома, откуда хорошо просматривались улицы города. Здесь же был и я. К началу форсирования канала на КП прибыл командующий войсками фронта маршал И. С. Конев.

Мы наблюдали за ходом переправы и наступления войск. Временами над нами со свистом пролетали снаряды врага. То и дело по крыше барабанили осколки. Ощущение не из приятных. Но мы как-то не обращали на это особого внимания. Все были поглощены идущим впереди боем. События развивались так. После мощной артиллерийской подготовки мотострелковые части переправились на северный берег Теяыов-канала и захватили плацдарм. Понтонеры немедля приступили к наводке понтонных мостов, которые закончили один к 13, а другой к 14 часам. По ним тотчас же двинулся 6-й танковый корпус. Одновременно с ним в [278] районе Ланквица начали переправу части 9-го механизированного корпуса. На противоположном берегу они были контратакованы пехотой и танками противника и вынуждены были отойти на исходный рубеж.

Тогда генерал Рыбалко решил использовать успех 6-го танкового корпуса. В его полосе он перебросил через канал 7-й танковый и 9-й механизированный корпуса. В течение дня они полностью переправились на северный берег и начали штурмовать Берлин.

К исходу дня 24 апреля войска 3-й гвардейской танковой и 28-й армий продвинулись на 2–2, 5 км. В ночь на 25 апреля танки генерала Рыбалко прорвали внутренний обвод обороны Берлина и ворвались в город. В это время на потсдамском направлении части 4-й гвардейской танковой армии вели упорную борьбу по ликвидации потсдамской группировки. 24 апреля они вышли к реке Хавель и захватили юго-восточную часть Потсдама, разделенного этой рекой пополам. 25 апреля 6-й механизированный корпус 4-й гвардейской танковой армии, форсировав Хавель, соединился с частями 47-й и 2-й гвардейской танковой армий 1-го Белорусского фронта. Внешнее кольцо окружения сильной берлинской группировки врага прочно сомкнулось.

В составе 4-й гвардейской танковой армии действовала 22-я гвардейская штурмовая инженерно-саперная бригада. Она оказала большую помощь танкистам при овладении Потсдамом и островом Ванзее, решая боевые задачи и задачи инженерного обеспечения корпусов. 5-й гвардейский штурмовой инженерно-саперный батальон майора П. Н. Чапана обеспечивал действия 62-й танковой бригады 10-го танкового корпуса, наступавшей на Моховерштрассе. Двигаясь впереди танков, саперы вели разведку

маршрутов, подрывали баррикады, разминировали дороги. После овладения Целендорфом и вокзалом на перекрестке Кронпринценаллее и Берлинштрассе наши танки были остановлены огнем артиллерии противника. Чапал выслал разведку, которая точно установила позиции батареи. Обойдя ее с тыла, штурмовики-саперы уничтожили расчеты орудий и захватили в плен 67 солдат и офицеров. Путь танкам был открыт.

Танковая бригада возобновила наступление. Вместе с ней вперед двинулся штурмовой инженерно-саперный батальон. Преследуя врага на автостраде Берлин — Франкфурт, он с боем овладел железнодорожным мостом, не дав фашистам взорвать его.

Искусно действовали штурмовики-саперы при захвате [279] двух лагерей военнопленных. Они, словно вихрь, ворвались на их территорию, перебили охрану и освободили свыше 2000 человек.

В боях за Грюневальдский вокзал гвардейцы-саперы захватили 6 крупнокалиберных зенитных установок, уничтожили 150 и взяли в плен 138 солдат и офицеров противника.

Особенно отличился батальон при взятии острова Ванзее. Ночью 25 апреля ему была поставлена задача форсировать пролив Штолхемзее и захватить плацдарм на острове. Под покровом темноты саперы на четырех амфибиях начали переправу. Огнем из минометов и орудий фашисты потопили машины. Однако десять воинов во главе со старшими сержантами Сорокой и Шевченко выбрались из затонувшей амфибии и вплавь добрались до вражеского берега. Дерзкой атакой они захватили находившийся поблизости окоп противника и закрепились.

Через полчаса противник предпринял контратаку, но огнем автоматов и ручными гранатами был отброшен. Не увенчались успехом и последующие атаки гитлеровцев.

Когда на немного затих бой, Сорока послал на свой берег связных — рядового Романенко и старшего сержанта Шевченко. На рассвете храбрецам на амфибии подбросили подкрепление, боеприпасы и продовольствие. Саперы удержали плацдарм.

Отважно дрался с врагом при захвате плацдарма взвод гвардии лейтенанта Абазова из 28-го гвардейского штурмового инженерно-саперного батальона. Воины-саперы вплавь и на лодках форсировали старый канал и смело атаковали огневые точки врага в подвалах ближайших домов. В схватке с врагом лейтенант Абазов лично уничтожил десять фашистских солдат и офицеров. Захватив небольшой плацдарм на канале, взвод обеспечил успешное форсирование всему батальону.

Так сражались воины 22-й гвардейской штурмовой инженерно-саперной бригады, нередко выполняя функции

пехоты. Все саперы-штурмовики дрались отважно, проявляя изумительную храбрость, стойкость, мужество и героизм.

В уличных боях за Берлин основная тяжесть борьбы легла на плечи штурмовых инженерно-саперных батальонов майоров А. Т. Соловьева, В. Е. Упорова, Д. А. Гапеева и И. Д. Скибинского, а также 37-го отдельного батальона ранцевых огнеметов, действовавшего в составе 22-й и 23-й мотострелковых бригад танковой армии. Каждому мотострелковому батальону придавалась штурмовая инженерно-саперная [280] рота и один взвод ранцевых огнеметов. В каждой стрелковой роте создавались штурмовые группы в составе взвода мотострелков, одного отделения саперов и двух огнеметчиков. Эти группы блокировали здания и уничтожали засевших в них пулеметчиков и фаустпатронщиков врага, разрушали баррикады и завалы, подавляли огневые точки. Когда же продвижение пехоты и танков по улицам застопоривалось, штурмовики-саперы взрывами сильных зарядов проделывали проходы в торцах домов смежных улиц, заходили в тыл обороняющимся фашистам и уничтожали их, открывая путь для движения мотострелков и танков.

При подходе к Тельтов-каналу командир 91-го инженерно-саперного батальона майор В. Л. Гоголев получил задачу обеспечить переправу через канал 128-му стрелковому корпусу генерала П. Ф. Батицкого. Гоголев со взводом саперов выдвинулся вперед для разведки канала. Все мосты через него были взорваны. Однако по одному разрушенному мосту они сумели под огнем врага перебраться на противоположный берег и захватить небольшой плацдарм. Создались условия для восстановления моста. Батальон подошел к каналу и приступил к работе. Противник из ближайших зданий открыл сильный огонь, но саперы не прекратили строительства. Пример храбрости, отваги и самообладания показал командир майор Гоголев. Он получил одно за другим четыре ранения, но продолжал руководить работой. Уже после выполнения боевого задания его почти в бессознательном состоянии, истекающего кровью, эвакуировали с поля боя.

По восстановленному батальоном майора Гоголева мосту части 128-го стрелкового корпуса переправились через канал и ворвались в центр Берлина.

За исключительное мужество, отвагу майору Гоголеву было присвоено звание Героя Советского Союза. Он стал десятым Героем в своем батальоне.

В итоге боев за Берлин штурмовыми инженерно-саперными батальонами было наведено понтонных мостов — 2, сооружено низководных мостов — 5, отремонтировано мостов — 3,

подорвано подвалов и дотов — 30, подорвано и разобрано баррикад — 22, проделано проходов в торцах домов — 62, уничтожено пулеметных огневых точек — 27{41}.

Теперь вернемся к форсированию Тельтов-канала. Когда все соединения Рыбалко переправились через него и начали штурм Берлина, мы покинули КП. Маршал Конев отозвал меня в сторону и сказал: [281]

— Вот что, Иван Павлович, с Берлином картина ясна, в ближайшие дни он падет. Все действующие здесь войска и армии центра будем сосредоточивать в районах севернее и восточнее Дрездена для удара на Прагу. Для этого потребуются переправы через Эльбу на участке Торгау, исключительно Мейсен. Надо в срочном порядке навести пять-шесть мостов. Поэтому вам необходимо немедля отправиться в пятую гвардейскую армию к генералу Жадову. Выясните там обстановку и приступайте к строительству мостов.

Я поинтересовался, каким временем можно располагать для выполнения поставленной задачи.

— Пять-шесть дней, не больше, — ответил Конев.

Через час я выехал с оперативной группой в 5-ю гвардейскую армию.

Штаб генерала Жадова находился восточнее Шпремберга. Около 17 часов я был у него и проинформировал о цели приезда. Алексей Семенович ввел меня в оперативную обстановку. К тому времени на Эльбу в район Торгау вышел 34-й гвардейский стрелковый корпус генерала Г. В. Бакланова. По всей линии реки от Торгау до Мейсена исключительно установлено соприкосновение с войсками американской армии генерала Бредли.

От Жадова со своей оперативной группой отправился в Торгау к генералу Бакланову. С ним уточнили некоторые детали обстановки.

— Будем строить и наводить мосты через Эльбу, — сказал я.

— Очень хорошо, сделайте мне, пожалуйста, один в Торгау, — попросил Бакланов.

— Для чего он вам?

— Знаете, товарищ генерал, нет отбоя от американцев. Они страстно желают встречи с нашими солдатами и офицерами. Несколько встреч уже состоялось. Обменялись сувенирами, Я считаю эти встречи полезными.

Вместе со своей оперативной группой заночевал у гостеприимного генерала Бакланова.

Утром 25 апреля через начальника нашего штаба мы вызвали к себе командиров понтонно-мостовых бригад генерала Соколова

и полковника Берзина. Через несколько часов они были в Торгау. Я поставил им задачу — навести понтонные и соорудить низководные мосты через Эльбу. Берзину на участке Торгау, Стрела включительно навести три понтонных моста, два — к 28 апреля и один — к 3 мая, три низководных моста, два — к 3 мая и один — к 7 мая. Соколову на участке Риза, Грёдель навести к 1 мая один [282] понтонный мост и к 3 мая соорудить один низководный.

Командирам бригад было указано также, что по мере готовности низководных мостов понтонные в соответствующем количестве разводятся и переходят в мой резерв.

Организовав строительство и наводку мостов на Эльбе, оставил для контроля подполковника Панкова, а сам отправился в наш штаб, где уже давно не был. Из штаба прошел к маршалу Коневу, доложил о строительстве и наводке понтонных мостов через Эльбу.

От командующего заглянул к генералу И. Е, Петрову, чтобы уточнить ряд вопросов по плану Пражской операции. Начальник штаба подробно меня проинформировал. Мне стало известно, что в состав главной группировки входят 3-я и 5-я гвардейские, 13-я общевойсковые армии, 3-я и 4-я гвардейские танковые армии, два танковых корпуса, пять артиллерийских дивизий, перебрасываемых из района Берлина в район севернее Дрездена.

Перегруппировка и сосредоточение войск осуществляются с 3 по 5 мая включительно. Начало наступления 7 мая. Задача нашего фронта во взаимодействии со 2-м и 4-м Украинскими фронтами разгромить фашистскую группу армий «Центр» генерал-фельдмаршала Шернера, освободить Прагу, отрезать группе армий «Центр» пути отхода на запад и юго-запад. Исходные районы занимают 13-я и 3-я гвардейская армии — западнее и юго-западнее Дрездена, позади них 3-я и 4-я гвардейские танковые армии. 5-я гвардейская армия сосредоточивается севернее и северо-восточнее Дрездена с задачей во взаимодействии со 2-й армией Войска Польского овладеть Дрезденом. В последующем наступать на Прагу.

Главная группировка наносит удар из района Ризы в направлении Теплице, Шанов, Прага. Второй удар из района северо-западнее Гёрлица в общем направлении на Циттау, Болеслав, Прага наносит ударная группировка в составе 28-й, 52-й армий; третий удар — 2-я армия Войска Польского с рубежа Каменец, Нешвиц в общем направлении на Пирна в обход Дрездена с юго-востока.

По приказу командующего фронтом создавались сильные передовые отряды, которые могли бы быстро преодолеть

сопротивление врага и стремительно продвигаться вперед.

Вернувшись к себе в штаб, я проинформировал полковника Слюнина о деталях Пражской операции. В свою очередь он доложил мне о результатах инженерной разведки обороны противника. Она состояла из отдельных участков, [283] перехватывающих шоссе, идущее с севера на юг. Инженерное оборудование слабое. Имеются отдельные очаги минирования небольшой плотности. Очевидно, противник не ожидал удара наших войск на этом направлении.

Оценивая общую оперативную обстановку, мы пришли к выводу, что главные задачи инженерных войск состоят в том, чтобы обеспечить прорыв обороны противника и стремительное наступление главной группировки фронта на Прагу. Мы считали, что прорыв обороны не потребует больших усилий. А вот обеспечение быстрого продвижения наших войск в глубине — задача куда труднее. Местность впереди пересеченная. Предстояло преодолеть Рудные и Судетские горы, форсировать реки Эльбу и Влтаву. К тому же придется проделать большую работу по устранению заграждений на дорогах и шоссе. Это не так-то просто, учитывая ограниченность во времени. Правда, вопрос переправы войск через Эльбу на участке Торгау, Риза нами был уже решен. Понтонные мосты наведены. Полным ходом шло строительство низководных мостов. К тому же форсировать Эльбу будут соединения 5-й гвардейской армии севернее и юго-восточнее Дрездена. Танковым армиям предстоит форсировать Влтаву уже непосредственно у стен самой Праги.

Для восстановления и разграждения маршрутов требовалось усилить каждый передовой отряд моторизованной инженерно-саперной ротой, которая будет производить инженерную разведку, разграждение дорог я захват мостов противника. Нужно было создать отряды обеспечения движения силой до одного моторизованного инженерно-саперного батальона. Продвигаясь вслед за передовыми отрядами, они должны были проделывать проходы через завалы и заминированные участки шоссе и дорог, оборудовать объезды у разрушенных врагом мостов, устанавливать указатели и знаки.

Требовалось дополнительно усилить войска армии. Мы решили придать 13-й и 3-й гвардейской армиям два понтонных батальона и 16-ю штурмовую инженерно-саперную бригаду. 3-й и 4-й гвардейским танковым армиям придать каждой по одному понтонному и моторизованному штурмовому инженерно-саперному батальону 22-й гвардейской штурмовой инженерно-саперной бригады.

Резерв фронта — 3-я отдельная понтонно-мостовая бригада и

53-я инженерно-саперная бригада движутся в полосе наступления 5-й гвардейской армии.

После детального обсуждения всех вопросов я поручил полковнику Слюнину уточнить план инженерного обеспечения [284] операции к вечеру текущего дня. Николай Федорович доложил мне, что позавчера он передал оперативному управлению фронта схему наводимых и сооружаемых мостов на Эльбе для распределения их между армиями и точного установления времени прохождения по ним войск.

— А когда будет готов этот график? — поинтересовался я.

— К исходу дня сегодня, — ответил Слюнин.

— Один экземпляр дадите мне. Я возьму его с собой для руководства, когда поеду в Гроссенхайн и на Эльбу.

Вечером план инженерного обеспечения был готов, согласован с генералом Петровым и доложен маршалу Коневу. Иван Степанович Конев очень внимательно просмотрел план, и особенно распределение инженерных сил и средств.

Он поинтересовался, как намечается обеспечить в инженерном отношении беспрепятственность и стремительность наступления. Я подробно доложил ему, что мы намерены сделать, какими силами и средствами. Он был удовлетворен ответом и подписал план. Маршал разрешил мне выехать в Гроссенхайн и на Эльбу, где я собрался развернуть пункт управления переправой войск главной группировки.

Утром 1 мая я выехал в Гроссенхайн. Там располагался штаб 6-й понтонно-мостовой бригады. Когда я приехал туда, Панков и Берзин доложили о положении дел со строительством мостов. Затем мы вместе отправились на Эльбу для осмотра переправ.

В основном все батальоны Берзина были задействованы на строитеяьстве мостов и обслуживании готовых переправ. Повсюду уже была организована четкая комендантская служба. Понтонеры и саперы трудились с вдохновением, настроение у них было приподнятое. Все понимали: еще одно усилие — и конец войне.

3 мая с утра началась переправа войск 3-й гвардейской и 13-й армий через Эльбу. У места переправ находились офицеры нашей оперативной группы подполковники Чишейко и Уманский. Они информировали меня обо всем, что там делалось.

Переправа войск шла быстро, без задержки. Комендантские службы строго следили за порядком, пресекали малейшие нарушения.

5 мая я получил от полковника Слюнина сообщение о начавшемся восстании в Праге и других крупных городах Чехословакии. Повстанцы обратились по радио с просьбой оказать им как можно скорее помощь, чтобы спасти Прагу [285]

от разрушения. По этой причине наступление переносилось на 6 мая.

Утром 6 мая, воспользовавшись отходом противника на отдельных направлениях, войска правого крыла нашего фронта перешли в преследование. Оборону врага преодолели без потерь танков на минных полях. Саперы успели быстро проделать проходы. Вечером 5-я гвардейская армия генерала Жадова также перешла в наступление на Дрезден и продвигалась в течение всей ночи.

6 мая по радио передали сообщение о капитуляции осажденного Бреслау. 40 тыс. солдат и офицеров сдались в плен. Эта весть вдохновила наступающие войска. Еще одна значительная победа.

7 мая начали наступление войска левого крыла и центра нашего фронта.

В этот день в районе Дрездена саперы 22-й гвардейской штурмовой инженерно-саперной бригады захватили три моста через Эльбу, что ускорило переправу войск на западный берег.

Днем мы с Подолынным были уже в районе Дрездена, где через Эльбу непрерывным потоком по наведенным понтонным и захваченным мостам переправлялись войска.

Небольшая группа фашистских самолетов попыталась бомбить мосты, но противовоздушное прикрытие было настолько сильным, что ей не удалось пробиться к цели. В дальнейшем фашистские самолеты совсем исчезли из нашего поля зрения. Господство советской авиации в воздухе было абсолютным.

За два дня наступления общевойсковые армии продвинулись на 30–45 км, а танковые армии — на 50–60 км. Мы находились на полпути к Праге.

8 мая к 14 часам войска 5-й гвардейской армии овладели Дрезденом — крупнейшим промышленным и административным центром Саксонии.

Во второй половине дня мы с Подолынным отправились по направлению к Праге до города Усти, чтобы ознакомиться с работами инженерных частей по восстановлению шоссе и дорог. В Рудных горах, где шоссе проходило по узким долинам, нам довольно часто встречались небольшие разрушенные мосты. Но около них уже были оборудованы объезды. Участки заминированного шоссе были ограждены жердями, рядом стояли таблички с надписью «Мины». Все это говорило о том, что саперы отрядов обеспечения движения свою задачу выполняли оперативно, быстро прокладывали дороги наступающим войскам. Проезжая вдоль Эльбы, мы [286] увидели на ней множество лодок и самодельных плотиков с установленными на них белыми

флагами. Это капитулировали гитлеровские солдаты. Потом мы встретили на шоссе несколько обезоруженных колонн немецких солдат, шагавших к Дрездену.

Но вот и Усти. Это пункт, где Влтава впадает в Эльбу. На окраине города расположился штаб армейской инженерно-саперной бригады полковника Е. С. Ефременко. Эта бригада навела легкий понтонный мост. Неподалеку 134-й отдельный поятонно-мостовой батальон майора А. В. Савченко навел 60-тонный понтонный мост через Влтаву. Ефременко доложил мне, что через Влтаву наведен и действует уже второй наплавной мост, а на Эльбе сохранился большой мост противника.

— Неужто фашисты не успели взорвать его? — удивился я.

— Они просто не смогли, — ответил полковник. — Им не дали чешские партизаны. В ночь на седьмое они перебили охрану, захватили мост и заняли круговую оборону. Когда подошли наши части, чехи передали его нам. Мост оказался минированным. Саперы быстро обезвредили его, сняли двенадцать зарядов по двести пятьдесят килограммов каждый.

— Молодцы, ничего не скажешь. А где же партизаны?

— Они из окрестных деревень, уже разошлись по домам.

Поздно вечером 8 мая я возвратился в Гроссенхайн к Берзину.

Я прилег на диван и сразу заснул. Но вскоре проснулся от беспорядочной стрельбы. В комнату вбежал возбужденный Берзин со словами: «Товарищ генерал, в городе творится что-то невероятное! Стреляют на улицах, на большой скорости несутся автомашины».

— Усильте на всякий случай караулы и пошлите разведку. Пусть выяснят, что там происходит.

Но все выяснилось само собой. Когда Берзин удалился, я вышел на балкон, огляделся вокруг: все небо было перекрещено сотнями разноцветных трасс. Стреляли трассирующими пулями из пулеметов, ракетниц, зенитных орудий. Теперь понять было нетрудно, в чем дело.

Вбежал Берзин с сияющим лицом.

— Иван Павлович! Немцы капитулировали, подписан акт о капитуляции! — закричал он.

Хотя я уже и был готов к этому известию, но оно сильно обрадовало меня. Бросился к Яну Андреевичу, мы крепко обнялись и расцеловались.

Утром 9 мая мы узнали о новом радостном событии — [287] армии генералов Рыбалко и Лелюшенко с двух сторон ворвались в Прагу. К вечеру город был очищен от фашистов. Группа фельдмаршала Шернера, отказавшаяся капитулировать, ударами войск 1, 2 и 4-го Украинских фронтов была разгромлена. Большая

часть ее солдат, офицеров и генералов попали в плен.

Победа нам далась нелегко. Потребовалось напряжение всех сил и воли.

С душевным волнением я вспоминаю героические дела моих боевых друзей — саперов, понтонеров, минеров и военных строителей. Низкий поклон вам, боевые друзья и товарищи!

Примечания

{1} См.: Инженерные войска в боях за Советскую Родину. М., 1970, с. 358.

{2} Беспримерный подвиг: Материалы научной конференция, посвященной 25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1968, с. 11.

{3} *Воробьев* М. П. Заграждения. Изд. Военно-технической академии имени Дзержинского. Л., 1932.

{4} См.: Беспримерный подвиг: Материалы научной конференции, посвященной 25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, с. 175.

{5} ЦАМО, ф. 208, оп. 7034, д. 3, л. 183.

{6} ЦАМО, ф. 236, оп. 2698, д. 1669, л. 162.

{7} ЦАМО, ф. 208, оп. 2550, д. 300, л. 32–37.

{8} ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 2341, л. 169–176.

{9} ЦАМО, ф. 208, оп. 2550, д. 57, л. 286.

{10} ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 2341, л. 165.

{11} ЦАМО, ф. 208, оп. 2550, д. 330, л. 141.

{12} В. Д. Соколовский сменил на посту командующего Западным фронтом И. С. Конева 28 февраля 1943 года.

{13} Военно-исторический журнал, 1981, № 4, с. 41.

{14} ЦАМО, фонд 1 шисбр, оп. 385290, д. 1, с. 399.

{15} Архив МО Ф, 208, оп. 2550, д. 423, л. 2.

{16} ЦАМО, ф. 208, оп. 02511, д. 2341, л. 258.

{17} ЦАМО, ф. 235, оп. 2698, д. 353, л. 25.

{18} ЦАМО, ф. 235, оп. 2698, д. 263, л. 46.

{19} ЦАМО, ф. 235, оп. 2698, д. 354, л. 152.

{20} 7 августа восточный берег Вислы был полностью очищен от гитлеровцев.

{21} *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1979, т. *2,* с. 236.

{22} *Конев И. С.* Записки командующего фронтом 1943–1945. М., 1981, с. 268.

{23} ЦАМО, ф. 2350, д. 2698, д. 311, л. 89.

{24} ЦАМО, ф. 2350, оп. 2698, д. 354, л. 39, 46.

{25} ЦАМО, ф. 236, оп. 2698, д. 532, л. 9.

{26} ЦАМО, ф. 236, оп. 2698, д. 352, л. 27.

{27} ЦАМО, ф. 236, оп. 2698, д. 354, л. 52.

{28} ЦАМО, ф. 232, оп. 2698, д. 352, л. 41.

{29} ЦАМО, ф. 236, оп. 2698, д. 71, л. 76.

{30} *Конев И. С.* Записки командующего фронтом 1943–1945, с. 349.

{31} ЦАМО, ф. 236, оп. 2698, д. 532, л. 132.

{32} ЦАМО, ф. 236, оп. 2698, д. 512, л. 137.

{33} *Конев И. С.* Записки командующего фронтом 1943–1945, с. 352.

{34} ЦАМО, ф. 236, оп. 2698, д. 532, л. 285.

{35} См.: Инженерные войска в боях за Советскую Родину, с. 372.

{36} ЦАМО, ф. 236, оп, 532, л. 283, 284.

{37} ЦАМО, ф. 236, оп. 2698, д. 609, л. 63.

{38} *Конев И. С.* Записки командующего фронтом 1943–1945. с. 413.

{39} ЦАМО, ф. 236, оп. 2712, д. 359, л. 23.

{40} *Конев И. С.* Записки командующего фронтом 1943–1945, с. 415.

{41} ЦАМО, ф. 236, оп. 2698, д. 653, л. 19.